

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб

«В мечтанья погруженный...»
В мечтанья погруженный,
По улице я шел.
Я был король влюбленный,
Пред мной стоял посол.
От милой королевы
Кольцо принес он в дар.
Привет любимой девы
Зажег во мне пожар.
И вот в мою столицу
Спешит уже она,
В парчу и в багряницу
Светло облечена.
От счастья мои щеки
Пылают горячо,
И вдруг удар жестокий
Я получил в плечо.
И голос грубый, строгий
Над ухом прогремел:
«Мальчишка босоногий!
Толкаться как ты смел!»
Как из лазури ясной
Я на землю упал,
И франт, от злости красный,
Мне уши натрепал.
С поникшей головою
Плетуся я вперед,
Мальчишки надо мною
Смеются из ворот.
30 мая 1879

Гайдамаки
По лугам зеленым
В гору от реки
На конях поспешно
Едут казаки.
К дому подъезжают
И в окно стучат,
Отворить скорее
И впустить велят.
Молодая панна
Вышла дверь открыть
И, коня узнавши,
Стала их корить:
«Воры вы! От пана
Отняли коня
И убили зверски
Мужа у меня».
«Нет, не воры, панна,
Здесь перед тобой, –
Идут гайдамаки
На великий бой.
Мы за хлопов ваших,
Наших братьев, мстим,
Кровью польской Польшу
Всю мы обагрим.
Мы коня купили,
Мужа твоего
Спать мы уложили
За коня его.
Не поет он песен,
Как когда-то пел,
Да и панне долго

Петь он не велел».
И к осине в поле
Панну повели,
Привязали крепко,
Ствол же подожгли.
Мечется Анеля,
Плачет и кричит,
Тлеет ее платье,
Вспыхнуло – горит.
И горит Анеля,
И клубится смрад.
А казаки дальше
К западу спешат.
15 февраля 1880

Рифма
Сладкозвучная богиня,
Рифма золотая,
Слух чарует, стих созвучьем
Звонким замыкая.
И капризна, и лукава,
Вечно убегает.
Гений сам порой не сразу
Резвую поймает.
Чтоб всегда иметь шалунью
Рифму под рукою,
Изучай прилежно слово
Трезвой головою.
Сам трудись ты, но на рифму
Не надень оковы:
Муза любит стих свободный,
И живой, и новый.
29 июня 1880

«Спишь ты, матушка, в могиле...»
Спишь ты, матушка, в могиле,
Из нее не встанешь
И на дочь твою любовно
Никогда не взглянешь.
Без привета жить на свете
Тяжело, моя родная,
Тяжко мыкать злую долю,
Отдыха не зная.
Нет тебя, и друга нету.
Стал мне свет тюрьмою.
Сердце бьется, словно птичка,
Нет ему покою.
У чужих людей батрачку
Кто приветит, приголубит,
И какой же парень добрый
Сироту полюбит?
Научи ж, моя родная,
Дочку-сиротину,
Как избыть мне горе злое,
Лютую кручину.
Иль уж мне с ней до могилы,
До могилы не расстаться,
И с приветливою долей
Никогда не знаясь?
27 июня 1881

Ариадна
Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог.
Светоч мой гаснет, слабея,
Полон тревоги стою,

И призываю на помощь
Мудрость и силу твою.
Много дорог здесь, но света
Нет и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.
Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раны,
Мрачно их очи горят.
Голос чудовища слышен
И заглушает их стон.
Мрака, безумного мрака
Требует радостно он.
Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь лабиринта открыть.
7 ноября 1883

Проселок
Вьется предо мною
Узенький проселок.
Я бреду с клюкою,
Тяжек путь и долог.
Весь в пыли дорожной,
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкий.
Не глушимый далью,
Гул его несется,
Жгучею печалью
В сердце отдается.
Воздух полон гула,
И дрожит дорога, –
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!
9 декабря 1883

«Пошел мне год уже двадцать второй...»
Пошел мне год уже двадцать второй,
И в Крестцах я учителем год третий,
А на уроках я еще босой
Сажу в училище, одет как дети.
Просила мать, директор разрешил,
И каждый год вновь пишет разрешение,
По бедности, и чтобы я служил
Примером скромности и береженья.
Простым я подпоясан ремешком,
В рубашке ситцевой, зимой суконной.
По улицам я в школу босиком
Хожу, храня порядок заведенный.
18 сентября 1884

«Я из училища пришел...»
Я из училища пришел,
И всю домашнюю работу
Я сделал: сам я вымыл пол,
Как делаю всегда в субботу.
Я мыл, раздевшись догола,
А мать внимательно следила,
Чтоб пол был вымыт добела.
Порой ворчала и бранила.
В одной рубашке стол наш я
Накрыл. «Живей! Не будь же копой!
Ну, а салфетка где твоя?
Да ты ногами-то не шлепай!
Варила я, а ты носи!

Неси-ка щи, да осторожно, –
А то ведь, боже упаси!
И обвариться щами можно».
Сходил ко всенощной; потом
Возился в кухне с самоваром.
Весь раскрасневшись, босиком,
я внес его, кипящий паром.
Чай выпит. «Ну, пора и спать».
И все благополучно было:
Сегодня не сердилась мать
И ласково благословила.
Сказала: «Раньше поднимись
Тетрадки править пред обедней,
Теперь же поскорей ложись,
И не читай ты светских бредней».
Между 1882 и 1885

«Пятью восемь сорок...»
Пятью восемь сорок!
Лес пиши чрез ять!
Филин ночью зорек!
Припать, не Припать!
Повторяю это
Вот уж третий год.
Вот уж третье лето
Скоро подойдет.
Хоть и надоело,
Да не спросят нас.
Уж такое дело, –
Живо шлепай в класс!
13 марта 1885

«Что моя судьбина...»
Что моя судьбина,
Счастье иль беда?
Движется машина
Общего труда.
Винтик очень малый –
я в машине той.
К вечеру усталый,
я сижу босой.
Скучные тетрадки
Надо поправлять,
На судьбу оглядки
Надо забывать.
15 октября 1885

«Настала светлая минута...»
Настала светлая минута, –
Совсем не император я.
Вообразил я почему-то,
что вся Америка – моя.
я был встревожен и взволнован,
я Новый Свет завоевал
И, дивной силой очарован,
Мою столицу основал.
Передо мной лежала карта,
я из Аляски шел в Чили.
Воскреснул гений Бонапарта
В походах среди иной земли.
А если б я открыл для света
Мои надменные мечты,
То мне б ответили на это:
Вот дурень! Сумасшедший ты!
Но это поприще поэта.
Не так ли поступал Шекспир,
Когда, сознав в себе Гамлета,
Его пустил в широкий мир?

Он был Ромео и Отелло,
И Лир он был, и был Шейлок.
Все это – творческое дело,
А не в безумие прыжок.
Того безумцем не зовите,
Кто в мир мечтательный влеком,
Его веревкой не вяжите,
Не прячьте в сумасшедший дом.
Но знаю, люди не поверят
В красу мечтательных долин,
И все мечтания измерят
Они на малый свой аршин.
Молчу... Очнулся от мечтаний.
Я за столом сижу босой.
И груз безграмотных писаний
Лежит в тетрадках предо мной.
Уж поздно. Лампа начинает
Коптить. «Ну, прозевал опять, –
Мне мама говорит. – Мечтает.
Уж лучше бы ложился спать».
И высмеян опять мечтатель,
И затаилась мечта,
Но в ней я все ж завоеватель,
Хоть жизнь моя совсем не та.
3 декабря 1885

«Трепещет робкая осина...»
Трепещет робкая осина,
Хотя и легок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?
Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Христопродавец и злодей.
А вот служители науки
Иной подносят нам урок:
Здесь ни при чем Христовы муки,
А просто длинный черешок.
Ученые, конечно, правы,
Я верю умным их словам,
Но и преданья не лукавы,
Напоминанья нужны нам.
15 августа 1886

«Различными стремленьями...»
Различными стремленьями
Растерзана душа,
И жизнь с ее томленьями
Темна и хороша.
Измученный порывами,
Я словно вижу сон,
Надеждами пугливыми
Взволнован и смущен.
Отравленный тревогою,
Я все кого-то жду.
Какую же дорогою,
Куда же я пойду?
19 сентября 1886

«Где ты делась, несказанная...»
Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?
Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,

Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!
5 января 1887

«Больные дни мои унылы...»
Больные дни мои унылы.
Меня смущает вещий сон,
А звуки внешние постылы,
Как чей-то неумолчный стон.
Бегу от тяжких впечатлений,
От неотвязного труда,
Ищу порочных наслаждений,
И упоения стыда,
И низшей степени паденья...
Уже богиня прежних дум
Не пробуждает зовом мщенья
Мой тяжко угнетенный ум.
Простите ж, светлые надежды!
Сомкнитесь, плачущие вежды!
И, смертью страсти заглуша,
Усни, усталая душа!
24 февраля 1887

«Приникни, пыль дорожная...»
Приникни, пыль дорожная,
К моим босым ногам.
Душа моя тревожная,
Послушай птичий гам.
Под лепеты струящейся
В лесном ручье воды
Забудь роптанья злящейся
Томительной Нужды.
Замыканный тетрадками
И тупостью детей
И глупыми загадками
Неумолимых дней,
Хоть на минуты малые
Пойми, что есть цветы,
Просторы, зори алые
И радость красоты.
2 июня 1887

«В весенний день мальчишка злой...»
В весенний день мальчишка злой
Пронзил ножом кору березы, –
И капли сока, точно слезы,
Текли прозрачную струей.
Но созидаящая сила
Еще изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, –
Они, как прежде, колыхались
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.
21 июня 1887

«Верь, – упадет кровожадный кумир...»
Верь, – упадет кровожадный кумир,
Станет свободен и счастлив наш мир.
Крепкие тюрьмы рассыплются в прах,
Скроется в них притаившийся страх,
Кончится долгий и дикий позор,
И племена прекратят свой раздор.
Мы уже будем в могиле давно,
Но не тужи, милый друг, – все равно,
Чем разъедающий стыд нам терпеть,
Лучше за нашу мечту умереть!
25 июля 1887

«Я люблю весной фиалки...»
я люблю весной фиалки
Под смеющейся росой,
в глубине зеленой балки
я люблю идти босой,
забывая пыль дороги
и лукавые слова,
высоко открывши ноги,
чтоб ласкала их трава.
Опустившись по ложбинкам,
через речку вброд брести,
выбираться по тропинкам
на далекие пути,
где негаданны и новы,
как заветная земля,
и безмолвные дубровы
и дремотные поля.
26 мая 1888

«Каждый день люблю подняться...»
Каждый день люблю подняться
я на вал и, стоя там,
городским подивоваться
улицам, церквам, садам.
как за белую вуалью,
очертанья смягчены,
и закутанные далью
шум и крики не слышны.
вольный ветер веет, реет,
как внизу не веет он,
и, кусты качая, деет
легкий хрупкий перезвон.
15 июля 1888

«Что напишу? Что изреку...»
что напишу? что изреку
стихом растрепанным и вялым?
какую правду облеку
его звенящим покрывалом?
писать о том, как серый день
томительно и скучно длился,
как наконец в ночную тень
он незаметно провалился?
писать о том, что у меня
в душе нет прежнего огня,
а преждевременная вялость
и равнодушная усталость?
о том, что свой мундирный фрак
я наконец возненавидел
или о том, что злой дурак
меня сегодня вновь обидел?
– но нет, мой друг, не городи
о пустяках таких ни строчки:
ведь это только все цветочки,
дождешься ягод впереди.
так говорит мне знанье света.
увы! его я приобрел
еще в молодые очень лета,
вот оттого-то я и зол.
8 ноября 1888

«Тогда насмешливый мой гений...»
Тогда насмешливый мой гений
подсказывал немало мне
непоэтических сравнений.
я в поле вышел при луне, –
на мякоть зрелого арбуза

Похожа красная луна,
А иногда и жабы пузо
Напоминала мне она.
26 марта 1889

«Под черемухой цветущей...»
Под черемухой цветущей
Я лежал в июньский зной
И вероники ползущей
Цвет увидел голубой.
Стало весело. На небе ль,
На земле ли я, не знал.
Я сорвал ползучий стебель
И листки поцеловал,
И, покрыты волосками,
Были нежны те листки,
Словно я прильнул губами
К локтю девичьей руки.
6 апреля 1889

«Я рано вышел на дорогу...»
Я рано вышел на дорогу,
И уж к полудню утомлен,
Разочарован понемногу
И чадом жизни опьянен.
В душе мечта – свернуть с дороги,
Где камни острые лежат,
Так утомившие мне ноги, –
Но я и отдыху не рад.
Короткий отдых к лени манит
И утомленный ум туманит,
А неотвязная нужда
Идет со мной везде, всегда.
Нужда – наставник слишком строгий,
И страшен взор ее, как плеть,
И я тащусь своей дорогой,
Чтобы на камнях умереть.
Когда богач самолюбивый
Промчится на коне верхом,
Я молча, в зависти стыдливой
Посторонюсь перед конем.
И сзади в рубище смиренном
Ташусь я, бледный и босой,
И на лице его надменном
Насмешку вижу над собой.
12 мая 1889

«Порос травой мой узкий двор...»
Порос травой мой узкий двор.
В траве лежат камни, бревна.
Зияет щелями забор,
Из досок слаженный неровно.
Из растворенного окна,
Когда сажу один, лениво,
Под тем забором мне видна
Полынь да жгучая крапива.
И ветер набежав порой,
Крапиву треплет и качает,
Играет ею, вот как мной
Судьба капризная играет.
И я, как та крапива, жгусь,
Когда меня случайно тронут.
И я, как та крапива, гнусь,
Когда порывы ветра стонут.
9-13 мая 1889

«С врагом сойдясь для боя злого...»
С врагом сойдясь для боя злого,

Свой меч я тяжко опустил.
Казалось мне, врага ночного
Я пополам перерубил.
Но вдоль согнувшегося тела
Безвредно сталь моя прошла
И, раздробившись, зазвенела,
Как отлитая из стекла.
Тогда последнего удара
Я равнодушно ожидал,
Но мой противник, злая мара,
Вдруг побледнел и задрожал.
Холодным тягостным туманом
Обоих нас он окружил,
И, трепеща скольльзящим станом,
Он, как змея, меня обвил.
Глаза туманит, грудь мне давит,
По капле кровь мою сосет.
Мне душно! Кто меня избавит?
Кто этот призрак рассечет?
10 июня 1889

«Словно лепится сурепица...»
Словно лепится сурепица
На обрушенный забор, –
Жизни сонная безлепица
Отуманила мой взор.
Словно мальчик, быстро пчелами
Весь облепленный, кричит, –
Стонет сердце под уколами
Злых и мелочных обид.
8–9 августа 1889

«Что в жизни мне всего милей...»
Что в жизни мне всего милей?
Не это ль светлое мечтанье
Под тихозвучное журчанье
Твое, пленительный ручей?
И как мне радостны пески,
Кусты, и мирная равнина,
И нежная от влаги глина,
И разноцветные жучки.
18 августа 1869

«Влачу бесцветное житье...»
Влачу бесцветное житье
Так равнодушно, так лениво.
Мировоззрение мое
Зато упростилось на диво:
Пока живется, надо жить,
Как надо спать, доколе спится,
А надоест тоску сносить –
Так можно удавиться.
7 сентября 1889

«Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...»
Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.
Уж демон вихрей реет грозно,
Свинцовой тучей облачен,
И облака, что плыли розно,
К себе зовет зарницей он.
Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесет,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжет.
28 июня 1885, 25 сентября 1889

«После жизни недужной и тщетной...»

После жизни недужной и тщетной,
После странных и лживых томлений,
Мы забудемся сном без видений,
Мы потонем во тьме безответной.
И пускай на земле, на печальном просторе
Льются слезы людские, бушует ненастье:
Не найдет нас ни бледное, цепкое горе,
Ни шумливо-несносное счастье.
9 декабря 1889

«Что жалеть о разбитом бокале...»

Что жалеть о разбитом бокале!
Пролитое вино пожалей.
Не об юности пылкой твоей,
О забытом тоскуй идеале.
Пусть трудами измучена грудь
И неправдами сердце разбито, –
Лишь была бы любовь не забыта,
В дикой мгле указавшая путь.
Та любовь, что предстала так рано
Пред тобой, оробелым от зла,
И завесу немного тумана
Над твоею душой подняла,
И, как солнечный луч, озарила
Бездну зла и неправды людской,
И не раз на решительный бой
За собою тебя выводила.
Но любовь позабыта; разлит
Драгоценный нектар идеала;
Если сердце порой и горит,
Так душа отзываться устала.
18 декабря 1889

«Родился сын у бедняка...»

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.
За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.
Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, –
Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.
15 декабря 1889

Счастье

Счастье, словно тучка в небе голубом.
Пролилась на землю радостным дождем
Над страной далекой, пышной и красивой,
Не над нашей бедной, выжженной нивой.
Счастье, словно зрелый, сочный виноград.
Вкус его приятен, сладок аромат.
Ягоды ногами дружно мы топтали,
Вин же ароматных мы и в рот не брали.
Счастье, словно поле вешнею порой,
С пестрыми цветами, с сочною травой,
Где смеются дети, где щебечут птицы...
Мы на них дивимся из окна темницы.
18 декабря 1889

«Как много снегу намело...»
Как много снегу намело!
Домов не видно за буграми.
Зато от снега здесь светло,
А осенью темно, как в яме.
Тоска и слякоть, хоть завывать, –
Недаром Вытегрой зовется, –
Иль в карты дуться, водку пить,
Коль грош в кармане заведется.
На набережной от всего
Треской несвежей душно пахнет.
Весной и летом – ничего,
Хоть вся природа словно чахнет.
Но все ж земля, трава, река...
Я – питерец, люблю мой Север.
Дорога всякая легка,
Милы мне василек и клевер.
12 декабря 1889

«По жестоким путям бытия...»
По жестоким путям бытия
я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа – моя,
Для меня наряжается мир.
Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.
И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.
17 мая 1890

«Странный сон мне снился: я кремнистой кручей...»
Странный сон мне снился: я кремнистой кручей
Медленно влачился. Длился яркий зной.
Мне привет веселый тихий цвет пахучий
Кинул из пещеры темной и сырой.
И цветочный стебель начал колыхаться,
Тихо наливаясь в жилки стала кровь, –
Из цветочной чаши стала подыматься
С грустными очами девушка – любовь.
На губах прекрасной стали ясны речи, –
Я услышал звуки, легкие, как сон,
Тихие, как шепот потаенной встречи,
Как далекой тройки серебристый звон.
«На плечах усталых вечное страданье, –
Говорила дева, – тяжело носить.
Зреет в темном сердце горькое желанье
Сбросить бремя жизни, душу погасить.
Страстною мечтою рвешься в жизнь иную,
Хочешь ты проникнуть в даль иных времен.
Я твои мечтанья сладко зачарую,
Ты уснешь, и долог будет чудный сон.
И, когда в народах правда воцарится
И с бессильным звоном рухнет злой кумир,
В этот миг прекрасный сон твой прекратится,
Ты увидишь ясный, обновленный мир».
Девушка замолкла, легкой тенью скрылась,
И внезапно тихо стало все вокруг.
Голова безвольно на землю склонилась,
И не мог я двинуть онемелых рук.
Омрачался ль дух мой сладостным забвеньем
И слетали грезы лишь по временам,
Неустанно ль сердце трепетным биеньем
Жизнь мою будило – я не знаю сам.

Бурно закипали прежние страданья,
Вновь меня томила жадная тоска.
Но, пока пылал я муками желанья,
Над землей промчались многие века.
«Донеси от жизни только звук случайный,
Ветер перелетный, гость везде родной!
Только раз весной, с радостью и тайной,
Донеси случайно запах луговой!»
Так молило сердце и в тревоге жадной
В грудь мою стучало, но холодных губ
Разомкнуть не мог я для мольбы отрадной
И лежал в пещере, как тяжелый труп.
Снилось мне: столетья мчатся над землей,
Правда все страдает, Зло еще царит,
Я один во мраке, мертвой тишиною
Скован, тишиною мертвою обвит.
28 мая–28 июня 1890

Утро

Мутное утро грозит мне в окно,
В сердце – тревога и лень.
Знаю, – мне грустно проведать суждено
Этот неласковый день.
Знаю, – с груди захирелой моей
Коршун тоски не слетит.
Что ж от его беспощадных когтей
Сердце мое защитит?
Сердце, сberi свои силы, борись!
Сердце мне шепчет в ответ:
«Силы на мелочь давно разошлись,
Сил во мне больше и нет!»
10 сентября 1890

«Навек налажен в рамках тесных...»

Навек налажен в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звезд небесных
Свободной жизни блеск и зной.
Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни наслаждений бодрых нет.
Томясь в завистливой печали,
Слежу задумчиво тогда,
Как вытекают из-за дали
Деревни, степи, города,
Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжет,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встает...
Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шепот
В базарных криках потонул,
25 сентября 1890

Негодование

Душою чистой и незлобной
Тебя Создатель наделил,
Душой, мерцанью звезд подобной
Иль дыму жертвенных кадил,
Хотя дыханьем чуждой злобы
Не раз мрачился твой удел, –
Нет человека, на кого бы
Ты темной злобою кипел,
Но каждый день огнем страданья
Тебя венчали ложь и зло, –
В твоей душе негодование,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Как семя в почве, проросло.
4 апреля 1891

«Тепло мне потому, что мой уютный дом...»
Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпеньем и трудом.
Дрожа от стужи, вез ты мне из леса хворост,
Ты зерна для меня бросал вдоль тощих борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.
25 мая 1891

«Безочарованность и скуку...»
Безочарованность и скуку
Давно возрадив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.
7 июня 1891

«Уйдешь порой из солнечной истомы...»
Уйдешь порой из солнечной истомы
В лесной приют,
Но налетают жалящие гномы
И крови ждут.
Лесной тиран, несносная доука,
Комар-палач!
Твой тонкий писк томителен, как скука,
Как детский плач.
3 июля 1891

«Стоит пора голодная...»
Стоит пора голодная,
Край в лапах нищеты.
Отчизна несвободная,
Бездомная, безродная,
Когда ж проснешься ты?
Когда своих мучителей
Ты далеко сметишь,
И с ними злых учителей,
Тебе твердящих ложь?
18 ноября 1891

«Небо желто-красное зимнего заката...»
Небо желто-красное зимнего заката,
Колокола гулко-заунывный звон...
Мысли, проходящие смутно, без возврата,
Сердца наболевшего неумолчный стон...
Снегом занесенные улицы пусты,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Из окошка вижу я кудри дымовые,
Вереницы тесные деревянных крыш.
Воздух жгучим холодом чародейно скован.
Что-то есть зловещее в этой тишине.
Грустью ожидания разум очарован.
Образы минувшего снова снятся мне.
20 марта 1892

Восьмидесятники
Среди шатания в умах и общей смуты,
Чтобы внимание подростков поотвлечь
И наложить на пагубные мысли путы,
Понадобилась нам классическая речь.
Граматики народов мертвых изучая,
Недаром тратили вечерние часы
И детство резвое, и юность удалая
В прилежном изученьи стройной их красоты.
Хирели груди их, согнутые над книгой,
Слабели зоркие, пытливые глаза,

Слабели мускулы, как будто под веригой,
И гнулся хрупкий стан, как тонкая лоза.
И вышли скромные, смиренные людишки.
Конечно, уж они не будут бунтовать:
Им только бы читать печатные коврижки
Да вкусный пирожок казенный смаковать.
8 августа 1892

«Стоит он, жаждой истомленный...»
Стоит он, жаждой истомленный,
Изголодавшийся, больной,
Под виноградную лозой,
В ручей по пояс погруженный,
И простирает руки он
К созревшим гроздьям виноградным, –
Но богом мстящим, беспощадным
Навек начертан их закон:
Бегут они от рук Тантала,
И выпрямляется лоза,
И свет небес, как блеск металла,
Томит молящие глаза.
И вот Тантал нагнуться хочет
К холодной, радостной струе, –
Она поет, звенит, хохочет
В недостигаемом ручье.
И чем он ниже к ней нагнется,
Тем глубже падает она,
И пред устами остается
Песок обсохнувшего дна.
В песок сыпучий и хрустящий
Лицом горячим он поник,
И, безответный и хрипящий,
Потряс пустыню дикий крик.
12 августа 1892

«Вот у витрины показной...»
Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.
Какой он худенький и бледный,
И некрасивый, и больной!
Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.
Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет,
2 октября 1892

«Я также сын больного века...»
Я также сын больного века,
Душою слаб и телом хил,
Но странно – веру в человека
Я простодушно сохранил.
В борьбе упорно-беспощадной
Сгорели юные мечты,
Потоптаны толпой злорадной
Надежд весенние цветы,
И длится ночь, черна, как прежде,
Всю землю мглою полоня, –
А все же радостной надежде
Есть место в сердце у меня!
6 октября 1892

«Я ждал, что вспыхнет впереди...»
Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря и жизнь свой лик покажет

И нежно скажет:

«Иди!»

Без жизни отжил я, и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
И грозно скажет:

«Иду!»

12 октября 1892

Ирина

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.
Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,
И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду,
Щеки рдели горячо...
Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла
Вял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!
Хоть бы раз в слезах обильных
Излила неволью ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!
Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,
Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.
Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, –
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!

Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.

Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1 – 22 октября 1892

«Ах, раздвиньтесь, стены душные...»

Ах, раздвиньтесь, стены душные.

Степь нарядная, прихлынь
И мечты свои воздушные
На меня, как рати, двинь.

22 октября 1892

«Туман не редет...»

Туман не редет,

Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.
С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.
Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.
Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.
6 ноября 1892

«Какая тишина! Какою ленью дышит...»
Какая тишина! Какою ленью дышит
Дремотный сад!
Какою радостью беспечной пышет
Его закат!
Мой старый клен, ты прожил много,
Но что ты рассказать бы мог?
Спокойна и убога,
Перед тобою сеть дорог.
Поник ты старыми ветвями
Над одинокою скамьей.
Весенними ночами
Ты слушал речи страсти молодой?
Видал ты здесь потайные свиданья?
Хранил ты на коре своей
Следы ножа – немые начертанья,
Понятные лишь ей?
Скучающий старик, едва ли
В твоей тени
Слова любви звучали,
Едва ли пролетали
Ликующие дни.
Вот сыплет ночь движением нескорым
Рой звезд на небе бледно-голубом,
И бледная луна над косогором
Взошла серпом.
Заснувшая беззвучно деревушка
Так ярко вся луной озарена,
Что каждая лачужка,
Как на столе красивая игрушка,
Мне в ней отчетливо видна.
Загадочные силы!
Когда взойдет над ними день?
Темнее сумрака могилы
Их обнимающая тень.
20 октября – 24 декабря 1892

Творчество
Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.
Когда ж, на землю возвращаясь,
Недостижимое тая,
Она проснется, погружаясь
В туманный воздух бытия, –
Небесный луч воспоминаний

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Внезапно вспыхивает в ней
И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.
3 февраля 1893

«Сердцем овладевая злоба застарелая...»
Сердцем овладевая злоба застарелая
Шепчет речи знойные, горько-справедливые,
И скликает в бешенстве воля моя смелая
Замыслы безумные, грезы горделивые.
А над вьюгой замыслов, над огнем восстания
Реет тень зловещая, облачко летучее.
Что-то непонятное за дверьми сознания
Чутко притаилось – лихо неминуемое.
Знаю: гость непрошенный с холодом презрения
Глянет неожиданно в душу многодумную,
И погасит хохотом веру неразумную,
И погубит замыслы сладостного мщения.
30 января – 21 февраля 1893

«Холодный ветерок осеннего рассвета...»
Холодный ветерок осеннего рассвета
Повеял на меня щемящею тоской.
Я в ранний час один на улице пустой.
В уме смятение, вопросы без ответа.
О, если бы душа была во мне согрета
Надеждой на ответ, могучей жадой света!
Нет и желанья знать загадки роковой
Угрюмый смысл, почти разгаданный судьбой.
Текут события без цели и без смысла, –
Давно я так решил в озлобленном уме, –
Разъединенья ночь над весями повисла,
Бредем невесть куда, в немой и злобной тьме,
И тьмы не озарят науки строгой числа,
Ни звучные хвалы в торжественном псалме.
21 февраля 1893

«Устав брести житейскою пустыней...»
Устав брести житейскою пустыней,
Но жизнь любя,
Смотри на мир, как на непрочный иней,
Не верь в себя.
Разлей отраву дерзких отрицаний
На ткань души,
И чувство тождества своих сознаний
Разбить спешу.
Не верь, что тот же самый был ты прежде,
Что и теперь,
Не доверяйся радостной надежде,
Не верь, не верь.
Живи и знай, что ты живешь мгновеньем,
Всегда иной,
Грядущим тайнам, прежним откровеньям
Равно чужой.
И думы знойные о тайной цели
Всебытия
Умрут, как звон расколотой свирели
На дне ручья.
28 марта 1898

Лихо
Кто это возле меня засмеялся так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,
Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идет неотступною тенью,
Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви и забвенью,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
кто тебе дал эту силу?

Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо:
«Я – бесталанное, всеми гонимое Лихо!
В чьем бы дому для себя уголок ни нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты покоя.
Только тебе побороться со мной недосужно, –
Странно мечтая, стремишься ты к мукам.
Вот почему я с твоею душою так дружно,
Как отголосок со звуком».
30 декабря 1891, 26 января 1892, 2 апреля 1898

В мае
Майские песни!
Нежные звуки!
Страсть их слагала, поет их весна.
Радость, воскресни!
Злоба и муки –
Призраки страшные зимнего сна.
Злые виденья
Раненой жизни,
Спите до срока в мятежной груди!
Ключ вдохновенья,
На душу брызги,
Чувства заснувшие вновь разбуди!
13 апреля 1893

«Я слагал эти мерные звуки...»
Я слагал эти мерные звуки,
Чтобы голод души заглушить,
Чтоб сердечные вечные муки
В серебристых струях утопить,
Чтоб звучал, как напев соловьиный,
Твой чарующий голос, мечта,
Чтоб, спаленные долгой кручиной,
Улыбнулись хоть песней уста.
2 июля 1893

«Как высокая тонкая арка...»
Как высокая тонкая арка,
Семицветная радуга ярко
Над омытой землею висит.
Многодумное сердце трепещет,
И тревожными песнями плещет,
И неведомой грустью горит.
Обещанье старинное снова
С умилением встретить готова
Изнуренная жизнью душа.
Побледнеют небесные краски,
И она обманувшие сказки
Позабудет, к печали спеша.
Растворяется радуга, – снова
Бесконечная даль голубого,
Бесконечной тоски пустота.
Снова злобою сердце трепещет,
Снова темными песнями плещет,
Снова ужасом жизнь повита.
19 июля 1893

«Тень решетки прочной...»
Тень решетки прочной
Резким переплетом
На моем полу.
Свет луны полночной
Беспокойным летом
Падает во мглу.
Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.

Резок холод мглистый.
Страшно заточенье.
Неподвижны сны.
В голове склоненной
Созданы мечтою
Вольные пути,
Труд освобожденный,
Жизнь не за стеною...
Как же мне уйти?
Долетают звуки,
Льется воздух влажный,
Мысли, как и там, –
Я тюремной муки
Плач и вопль протяжный
Ветру передам.
22 июля 1893

«Прильнул он к решетке железной...»
Прильнул он к решетке железной
Лицом исхудалым и злым.
Блистающей, грозною бездной
Раскинулось небо над ним.
Струилась сырость ночная,
О берег плескалась река.
Решетку тоскливо сжимая,
Горела, дрожала рука.
Рвануться вперед – невозможно,
В темнице – и ужас, и мгла...
Мечта трепетала тревожно,
Но злобы зажечь не могла.
26 июля 1898

«Наш кот сегодня видел...»
Наш кот сегодня видел
Ужасно скверный сон,
И с болью головою
Проснулся рано он.
Ему сегодня снился
Амбар такой большой, –
Там прежде были мыши,
Но он стоял пустой.
Голодные крестьяне
Муки не привезли,
И мыши с голодухи
Куда-то все ушли, –
И нет коту поживы.
Какой противный сон!
Расстроил чрезвычайно
Кота сегодня он.
7 сентября 1893

«Люди такие презренные...»
Люди такие презренные,
Дело такое ничтожное,
Мысли – всегда переменные,
Счастье – всегда невозможное...
Сердце тревожное
Робко болит, –
Чуждое, ложное
В жизни томит.
18 сентября 1893

«Вновь неудачи...»
Вновь неудачи,
Снова ошибки.
Жить ли иначе,
Ждать ли улыбки
Нравной кручины,

Стоя на месте?
Злые картины,
Злобные вести, –
Трудны дороги,
Ветер навстречу.
Голые ль ноги
я изувечу,
Или приникну
К злomu кумиру,
К лжи попривыкну,
Буду льстить миру
Песней наемной,
Песней лукавой?
Нет, хоть и темный,
Путь мой – будь правым.
1 декабря 1898

«Мне была понятна жизнь природы дивной...»
Мне была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны.
Охраняла вера, рдел восторг наивный,
Ясны были сны,
И в сияньи веры был чудес чудесней
Блеск живого дня.
Мне певала мама и будила песней
Сонного меня:
«Если мы не встанем, так заря не вспыхнет,
Солнце не взойдет,
Петушок крикливый загрустит, затихнет,
Сивка не заржет,
Птичка не проснется, не прольются песни,
Дней убавит лень.
Встань же, позови же: «Солнышко, воскресни!
Подари нам день!»
Так мне пела мама и будила песней
Сонного меня, –
И в сияньи веры был чудес чудесней
Блеск живого дня!
Верил я, что жизни не напрасна сила
У меня в груди.
Что-то дорогое, светлое сулила
Жизнь мне впереди.
Так была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны!
О, святая вера! о, восторг наивный!
О, былые сны!
5 декабря 1893

«В пути безрадостном, среди немой пустыни...»
В пути безрадостном, среди немой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши вид богини
Прекрасной и нагой.
Рукою нежной разливала
Из тонкого фиала
Куренья дымные она,
И серебристо обвивала
Ее туманная волна.
И где она ногою голой
Касалась сухой земли,
Там грешные цветы толпой веселой
Бесстыдные, пахучие цвели.
И предо мной склонившись, как рабыня,
Она меня к греху таинственно звала, –
И скучной стала мне житейская пустыня,
И жажда дел великих умерла.
5 декабря 1893

«Нет, не любовь меня влекла...»

Нет, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила, –
Мне запрещенный рай сулила
Царица радостного зла.
Окружена зловещей дымкой
Порочных снов и злых страстей,
Она сошла к душе моей
Ожесточенной нелюдимкой.
И научила презирать
Людские скучные забавы,
И чары тайные вкушать,
Благоуханные отравы.
Восторгов тщетных, грез ночных
Струи кипучие так сладки, –
Но в сердце копятся от них
Противно-горькие осадки.
22 декабря 1898

«Грустная светит луна...»

Грустная светит луна,
Плещется тихо волна,
И над рекою туман.
Тяжко задумался лес.
Хочется сердцу чудес,
Грезится милый обман.
Чутко иду над рекой, –
Шатки мостки подо мной,
Вижу я мелкое дно,
Тень утонула в реке,
Город за мной вдалеке,
Возле – молчанье одно.
23 декабря 1898

«Иду я влажным лугом...»

Иду я влажным лугом,
Томят меня печали.
Широким полукругом
Развернутые дали,
Безмолвие ночное
С пленительными снами
И небо голубое
С зелеными краями, –
Во всем покой и нега,
Лишь на сердце тревога.
Далеко до ночлега.
Жестокая дорога!
27 января 1894

«Что вчера пробежало во мне...»

Что вчера пробежало во мне,
Что вчера называл я собою,
Вот оно в голубой вышине
Забелелось тучкой сквозною.
Тот порыв, что призывной тоской
В этом сердце вчера отозвался,
Это он перед близкой грозой
Над шумящею нивой промчался.
Та мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне забвенья,
На иной и далекой земле
Снова ищет себе воплощенья.
24 апреля 1894

«О смерть! я твой. Повсюду вижу...»

О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, – и ненавижу
Очарования земли.

Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.
Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красоты необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.
Не мне идти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.
12 июня 1894

«Истомный зной, но мне отрадна...»
Истомный зной, но мне отрадна
Лесная глушь и тишина.
Дыханье хвой впиваю жадно,
Как ток багряного вина.
Лесная тишь поет со мною
И краски жизни огневой
Смягчает лиловой тьмою,
Как тучею перед грозой.
Но не люблю я возвращенья
В простор полей и в гомон сел,
Где волны тщетного волненья
Жизнь рассекает, тучный вол.
О, тишина, о, мир без звука!
Парю высоко над землей, –
А там, в полях, земная скука
Влачится хитрою змеей.
Зарница на небе проблещет,
Не расцветая пыльный путь,
Где травка хилая трепещет
И где в канавках дремлет жуть.
Хоть час еще идти тропами
Твоими, лес, где сладок вздох,
Где мягко гнется под ногами
Такой пахучий, нежный мох!
Никто не встретится, не спросит,
Куда иду, зачем босой,
И цвет мечты моей не скосит
Никто стремительной косой.
14 июня 1894

Костер
Забыт костер в лесной поляне:
Трещат иссохшие сучки,
По ним в сереющем тумане
Перебегают огоньки.
Скользят, дрожат, траву лобзают,
В нее ползут и здесь, и там
И скоро пламя сообщают
Еще могучим деревьям...
И я, томясь в немой кручине,
Изнемогая в тишине,
В моей безвыходной пустыне
Горю на медленном огне.
О, если б яростным желаньям
Была действительность дана,
Каким бы тягостным страданьям
Земля была обречена!
8 июля 1894

Качели

В истоме тихого заката
Грустило жаркое светило.
Под кровлей ветхой гнулась хата
И тенью сад приосенила.
Березы в нем угомонились
И неподвижно пламенели.
То в тень, то в свет переносились
Со скрипом зыбкие качели.
Печали ветхой злою тенью
Моя душа полуодета,
И то стремится жадно к тлению,
То ищет радостей и света.
И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньям,
Переношусь попеременно
От безнадежности к желаньям.
9 июля 1894

«Терцинами писать как будто очень трудно...»
Терцинами писать как будто очень трудно?
Какие пустяки! Не думаю, что так, –
Мне кажется притом, что очень безрассудно
Такой размер избрать: звучит как лай собак
Его тягучий звон, и скучный, и неровный, –
А справиться-то с ним, конечно, может всяк, –
Тройных ли рифм не даст язык наш многословны
То ль дело ритмы те, к которым он привык,
Четырехстопный ямб, то строгий, то альковный, –
Как хочешь поверни, все стерпит наш язык.
А наш хорей, а те трехсложные размеры,
В которых так легко вложить и страстный крик,
И вопли горести, и строгий символ веры?
А стансы легкие, а музыка октав,
А белого стиха глубокие пещеры?
Сравненье смелое, а все-таки я прав:
Стих с рифмами звучит, блестит, благоухает
И пышной розою, и скромной влагой трав,
Но темен стих без рифм и скуку навеивает.
10 июля 1894

«Блажен, кто пьет напиток трезвый...»
Блажен, кто пьет напиток трезвый,
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечет к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.
Блаженно всё, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, –
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознанья,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.
13 июля 1894

«О, если б сил бездушных злоба...»
О, если б сил бездушных злоба
Смягчиться хоть на миг могла,
И ты, о мать, ко мне из гроба
Хотя б на миг один пришла!
Чтоб мог сказать тебе я слово,
Одно лишь слово, – в нем бы слил
Я всё, что сердце жжет сурово,
Всё, что таить нет больше сил,

Всё, чем я пред тобой виновен,
Чем я б тебя утешить мог, –
Нетороплив, немногословен,
Я б у твоих склонился ног.
Приди, – я в слово то волюю
Мою тоску, мои страданья,
И стон горячий раскаянья,
И грусть всегдашнюю мою,
16 июля 1894

«Мечтатель, странный миру...»
Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.
Кому-то дымный ладан
Он жжет, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.
Он тайною завесил
Страстей своих игру, –
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.
Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд
В прославленной долине
Его не веселят.
Поляну он находит,
Лишенную красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.
19 июля 1894

«Дождь неугомонный...»
Дождь неугомонный
Шумно в стекла бьет,
Точно враг бессонный,
Воя, слезы льет.
Ветер, как бродяга,
Стонет под окном,
И шуршит бумага
Под моим пером.
Как всегда случаен
Вот и этот день,
Кое-как промаен
И отброшен в тень.
Но не надо злости
Вкладывать в игру,
Как ложатся кости,
Так их и беру.
19 июля 1894

Звездная даль
Очи темные подъемлет
Дева к небу голубому
И, на звезды глядя, внемлет
Чутко голосу ночному.
Под мерцаньем звезд далеких,
Под блистающей их тайной
Вся равнина в снах глубоких
И в печали не случайной.
Тихо, робко над рекою
Поднимаются туманы
И ползучею толпою
Пробираются в поляны.
У опушки тени гуще,
Лес и влажный и дремотный.
Смотрит страх из темной кущи,

Нелюдимый, безотчетный.
К старику отцу подходит
Дева с грустною мечтою
И про небо речь заводит:
«Беспредельность предо мною.
Где-нибудь в раздольях света,
За безмерным отдаленьем,
Есть такая же планета,
И с таким же населеньем.
Есть там зори и зарницы,
Реки, горы и долины,
Счастье, чары, чаровницы,
Грозы, слезы и кручины.
Не оттуда ль в сердце плещет
Греза сладостным приветом?
Вот звезда над нами блещет
Переливным дивным светом:
Это – солнце, и с землею,
И на той земле мечтает
Кто-то близкий мне душою.
К нам он взоры подымает,
Нескончаемые дали
Мерит черными очами.
И томления печали
Отвеваются мечтами.
Он иную землю видит,
Где так ярко счастье блещет,
Где могучий не обидит,
Где бессильный не трепещет,
Где завистливой решеткой
Пир богатых не охвачен,
Где клеймом недоли кроткий
Навсегда не обозначен».
Скоро звезды гаснуть станут,
Расточатся чары ночи,
И с тоской пугливой глянут
Размечтавшиеся очи.
26 июня – 22 июля 1894

«Невольный труд...»
Невольный труд,
Зачем тобой я долго занят?
Мечты цветут, –
Но скоро сад их яркий вянет.
И прежде чем успел
Вдохнуть я теплое дыханье,
Их цвет багряный облетел
В печальной муке увяданья.
23 июля 1894

«Каждый день, в час урочный...»
Каждый день, в час урочный,
Я сюда прихожу,
Молчаливый и точный,
И угрюмо гляжу,
Не видны ли в потоке
Ненавистных теней
Эти бледные щеки,
Это пламя очей,
Эти губы сухие,
Эта строгость чела,
Где проносятся злые
Наваждения зла.
И сегодня я встретил
Ту, кого я так ждал,
Ту же гордость заметил,
Ту же томность узнал.
Но за нею стремиться

Я в толпе не посмел –
Мне скорей удалиться
Тайный голос велел.
31 июля 1894

Кремлев
Рассказ в стихах

1

Унылой бедности невольник терпеливый,
Сидел он у окна, склонясь в немой тоске.
Пред ним раскинулся пустынный и ленивый
Уездный городок. На дремлющей реке
Повисли с берега картиной прихотливой,
Вниз крышами, дома. Яснили вдалеке,
В просветы крыш седых, за крайней бедной хатой,
Зеленые поля и лес голубоватый.

2

Когда бы посмотрел он влево из окна,
Упал бы взор его на домик деревянный,
Где школа ютилась, Увы! теперь она
Всегда будила в нем порывы злости странной,
Хотя была ему по-прежнему нужна,
Как поприще его работы неустанной.
Короче говоря, учителем он был.
Сначала он любил свой труд, потом остыл.

3

Первоначальный пыл наивных увлечений,
Увяли юные горячие мечты –
Цветы в чужой земле тоскующих растений.
Увидел он себя в объятьях нищеты,
В цепях ненужных мук, печалей и лишений.
Без яркой грезы дни томительно-пусты.
Желаньем умереть он тайно зачарован,
Но цепью прочною к земле пока прикован –

4

Любовью... У него племянница жила,
Девица в тех летах, когда давно другие
Нашли себе мужей. Что ж! Настенька мила,
Но не красавица, хоть волосы густые,
И глазки темные, как яркая смола,
И губы алые, как розы полевые,
Могли понравиться, – да главная вина,
Непоправимая, – совсем она бедна...

5

А он... В его груди тоска воспоминаний.
Один и на людях, он грустен, одинок.
Из детства в жизнь вошли невзгоды испытаний
И преждевременный, сжигающий порок.
Когда же с юностью зардел огонь желаний,
Ему не вспыхивал ответный огонек:
Застенчивый чудак несчастливо влюблялся –
Семейственный удел ему не доставался.

6

Бывало, влюбится, томится долго, ждет
От милой девушки ласкающего взгляда,
Но, полная своих мечтаний и забот,
Она с ним холодна, она ему не рада.
Набравшись храбрости, всю страсть он изошьет
Пред нею наконец. Какая же награда?
Красавица бежит, словечка одного,
Ни даже да иль нет, не бросив для него.

7

Вновь за тетради он присаживался рьяно,
На школьные дела переносил он пыл,
Но здесь – увы! – еще одна для сердца рана –
Его служебный путь угрюм и труден был.
И горе и тоску топить на дне стакана
И пить угар хмельной он скоро полюбил,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
И тратил дни свои в бессмысленном разврате,
В угарных кутежах, не плача об утрате.

8

И так бы Прожил он... Но, к счастью или нет,
Поток унылых дней, отравленных и смрадных,
Струю резвою внезапно был согрет...
Кремлев имел сестру. Подруга дней отрадных,
Когда и в бедности являлся милым свет,
Теперь она была рабою бед злорадных.
В далеком и чужом краю она жила
И с мужем-пьяницей терпела много зла.

9

Прибрал детей господь, – их мать жалеть не стал;
Что жить им в нищете! они счастливей «там».
Осталась только дочь, – не чахла, не хворала,
А трудно было жить. В работе мать, а «сам»
Что ни достанет, все пропьет. Не раз искала
Его в глухую ночь жена по кабакам.
Он часто бил жену. Порою доставалось
И бедной девочке, как мять ни заступалась.

10

В лачуге нищенской, в предместьи городском
Куда как тяжело суровую зиму!
Завоет вьюга вокруг – и зыблется весь дом,
И горница полна вся стужею сырою.
Вот летний вечерок, – Настасья босиком
Бежит, согнувшись, на речку за водою,
И глазки детские на дорогой наряд
Прохожих барышень завистливо глядят.

11

Так детство Настино печально проходило.
А в восемнадцать лет осталась вдруг она
Одна: перед отцом открылась могила,
За ним и мать ушла, как верная жена.
Взял Настеньку Кремлев. Она сперва грустила,
Была застенчива, пуглива и смирна.
С ресниц ее порой потоки слез катились, –
А щеки девичьи румянцем золотились.

12

Целило время скорбь, – и Настя обжилась,
Почуяла себя довольной и свободной,
Хозяйством дядиным прилежно занялась,
Не чувствуя тоски, ни зависти бесплодной,
И сытой бедности, конечно, не боясь.
Ей, выросшей в избе понурой и холодной,
Привыкшей голодать, и скромный дядин дом
Казался, может быть, чуть-чуть что не дворцом.

13

И вот они живут несходною четюю,
Но одинаково наивные; с тех пор
Немало лет прошло докучной чередюю,
И жизни будничной томительный узор
Ни разу не разбит ни счастьем, ни бедюю,
Как будто бы судьба поставила забор,
Ревниво их от всех напастей охраняя,
Но вольные пути пред ними закрывал.

14

Как эту изгородь досадную сломать?
Как выйти на простор, исполненный движенья,
И воздухом живым стремительно дышать,
Дышать не так, как те ленивые растенья,
Которых злой удел – в ограде прозябать,
Где света нет и где не слышно птичья пенья?
Где прочный тот рычаг, то крепкое бревно,
Которым раздробить ограду суждено?

15

Он сам ли разгадал, узнал ли он из книжек,
Прочел ли он в ее застенчивых глазах,

Что взрослой девушке не медовых коврижек,
А жизни хочется, – но только смутный страх
В тоскующей душе неизгладимо выжег
Сознание горькое, что в сереньких годах,
Которые чредой над ними пролетали,
Отрады не было, хоть не было печали.

16

И жизни не было: крикливою семьей
Являлись темные, ничтожные заботы,
Тревоги бедности и доли трудовой,
Приливы быстрые томительной работы
И сплетни зависти да пошлости пустой, –
То им, а то о них слагались анекдоты...
Не жизнь, а скучный бред, больной и дикий сон,
Где тени мрачные плывут со всех сторон.

17

Года бегут, бегут, – бледнеет Настя, вянет,
Как сломанный цветок полуденной порой, –
И скоро, думал он, так жить она устанет,
В душе почувствует прилив кручины злой,
Оглянется вокруг – и больше не обманет
Ее больная жизнь своею тишиной.
Постылым станет все, и будет ей в отраду
Срывать на ком-нибудь, тяжелую досаду.

18

И жалость в нем росла. Отсюда далека,
Казалось бы, любовь. Но мы народ особый,
И русская любовь, как наша степь, дика:
У нас любовь смешать нетрудно и со злобой.
Века минувшие, безумные века
Все чувства русского особенною пробой
Отметили... И вот заметил раз Кремлев,
Что грешная любовь вошла под мирный кров.

19

Томился долго он, смиренно отвергая
Безумную любовь. Но как ее разбить?
Улыбку ясную приветливого мая
От взора жаркого кто б мог загородить?
И каждый день словам возлюбленной внимая,
Как можно запретить душе ее любить?
Пожар любви растет, в огне сомненья топит
И волю робкую пугает и торопит.

20

Мечты горят, зовут. Бежать бы в чуждый край,
В далекий чуждый край, где их никто не знает,
Где будет им открыт незапрещенный рай,
Где ясная весна любовь их увенчает,
Где жизнь подарит им цветущий, долгий май...
Мечты кипят, а жизнь их злобно отвергает.
Какими жертвами любовь завоевать?
Как счастье новое бестрепетно создать?

21

Судьба дает ответ и горестный и странный:
Тот обеспечил жизнь и лучше и верней
И тот придет скорей к обители желанной,
Кто смог достать себе поболее рублей –
Бумаг ли биржевых, монеты ли чеканной,
Земель, полей, лесов иль всяческих вещей –
Всего, что может быть оценено рублями,
Хотя досталось и темными путями.

22

Посмотришь ли вокруг на гордых богачей –
Богатство им далось постыдною ценою:
Иной обманывал доверчивых людей,
Другой умел вести хитро дела с казною,
Тот опекаемых обкрадывал детей,
Тот был ростовщиком, людей пускал с сумою,
Пускает и теперь, коль случай подойдет, –

Зато от всякого им ласка и почет.

23

Иной живет себе отцовским капиталом,
И горд он тем, что даст порой бедняге грош;
Отец иль дед его, конечно, начал малым,
На счастье, к плутовству отменно был пригож,
И вот разбогател, – бегут, как вал за валом,
К наследнику рубли, считай, так не сочтешь.
О том, кто в городе богаче всех, твердили,
Что двадцать лет назад с отцом они ходили

24

В леса разбойничать. Близ города стоит
«Поклонная» гора с крутым обрывом в реку;
Через ее хребет проезжий путь лежит,
Как будто проведен лихому человеку
Нарочно в помощь он. Суровый, дикий вид.
Сосновый лес кругом. Широкою просеку
Дорога заняла; свирепо ропщет бор,
Угрюмый великан, и гневно хмурит взор.

25

На темени горы – площадка над обрывом;
Там сосен вековых разорвана стена.
Глубокая река, в движении ленивом
Обрыв омывая, внизу едва видна.
Немного впереди, на страх коням пугливым,
Глубокий спуск идет – такая крутизна,
Что надо тормозить проворные колеса,
Чтоб шею не сломать посереде откоса,

26

В былые времена случалось там не раз,
Что путешественник, полуночью глухою, –
А то средь бела дня в иной недобрый час, –
С обрыва вниз летел с разбитой головою;
Звенел, гремел за ним тяжелый тарантас, –
Все пожиралось вмиг безмолвною рекою.
Разбойники меж тем, добычу разделя,
Спокойно шли домой чрез бор и чрез поля.

27

Хор одиноких дум и толки городские,
Угла медвежьего постыдная мораль,
Кому ни доведись, советчики плохие.
Спокойно рассудя, конечно, очень жаль,
Что честной бедности мозоли трудовые
Не всякому милы. А иначе едва ль
Нашелся бы приют и в прозе и в поэме
О деньгах и нужде давно, постылой теме,

28

Мечты лазурные иному принесут
Утеху мирную; бедняк трудолюбивый,
С мечтой переплетя свой неприветный труд,
Идет своим путем, и грустный и счастливый.
Иные люди есть: в них грезы не умрут,
Но каждая из них попутчицей ревнивой
Идет, родит в душе желаний гордых зной
И, жизни требуя, не хочет быть мечтой.

29

И много-много дней, отдавшись тайным думам,
Глядит в окно свое Кремлев по вечерам,
Не развлекаемый ни тем нестройным шумом,
Когда ведут коров ребята по домам,
Ни дракой мужиков, ни спором их угрюмым,
Ни тихим веяньем, бегущим по кустам,
Что берега реки бульваром окаймили
И ветки гибкие над нею наклонили.

30

Улыбка горькая порою пробежит,
Как тонкая змея в траве скользнет проворно;
Порой невольный вздох тихонько прозвучит

Стыдливым отзвуком печали тайной, черной, –
И вновь на стиснутых губах его лежит
Печать угрюмых дум, печать тоски упорной.
Но резкий блеск очей всё чаще выдает,
Что на душе созрел решенья сочный плод...

31

Закат сиял пред ним прощальными лучами,
Края пурпурных туч зачем-то золотя;
Гляделся в реку он, как бойкими глазами
Глядится в зеркало веселое дитя;
Оттенки нежные владели небесами,
И тихо ветер полз, травую шелестя.
Кремлев закрыл окно, и, к Насте обратившись,
Он ей сказал, в лице слегка переменявшись:

32

«Мне надо уезжать, и очень далеко...
Поеду в Петербург и с месяц там пробуду;
Есть дело важное: с ним сладить не легко,
Но если сладится, тогда тебе я груду
Обновок навезу; ей-ей, на молоко
Ребятам будущим деньжонок я добуду...
Ну, нечего краснеть и нечего ворчать, –
Изволь-ка в путь меня скорее собирать».

33

Уехал утром он... А через две недели
Глухою полночью ударили в набат.
В испуге жители покинули постели,
Оделись наскоро, на улицы спешат...
Недолог был пожар, а все-таки сгорели
Хоромы пышные да хижин бедных ряд.
Хозяин тех хором, купец весьма богатый,
Спознался в эту ночь с неожиданною утратой.

34

Сгорели у него – вот горе, вот удар!
Судьба злодейская, разящая так тяжко!
Сгорели в эту ночь – о, гибельный пожар!
Рыдает наш купец, и стонет он, бедняжка!
Сгорели денежки, и вытерпела жар
Случайно лишь одна кредитная бумажка:
Каким-то волшебством во двор ее снесло
И ветром сунуло в углу под помело.

35

А были тысячи, десятки тысяч даже.
Недавно продал он хорошенький лесок
На сруб и нажился изрядно на продаже,
Но в дело денег тех пока пустить не мог, –
И вдруг добычею пожара или кражи
Исчез весь капитал. Твердили: здесь поджог,
Найти преступника полиция старалась,
Но и следов его нигде не отыскалось.

36

Еще недели две чредою протекли.
Я не могу сказать, чтоб Настенька скучала.
Пускай Кремлев блуждал бог весть в какой дали,
Она себя кой-чем порою развлекала, –
Кого-то в гости к ней глаза ее влекли,
И в чьем-то сердце к ней страстишка запылала.
То был телеграфист, – он мало получал
И тщетно пятый год все повышенья ждал.

37

Настасья стала звать его Володей скоро,
И быстро перешли потом они на ты;
Случалось иногда, в разгаре разговора,
Когда он поверял ей тайные мечты,
От страстного его и пламенного взора
На щечках Настиных бывали разлиты
Такие зореньки, что жарким поцелуем
Спешил он их венчать, восторгами волнуем.

38

Вернулся и Кремлев. Рассеян и угрюм,
А то порой шумлив и весел чрезвычайно,
Порой ответит он и вовсе наобум,
На что-то намекнет порою неслучайно,
Порой молчит, – молчит под гнетом темных дум,
Как будто у него на сердце злая тайна,
Как будто что-нибудь случилось на пути, –
И Настя не могла того перенести.

39

«Что с вами, дяденька, скажите, друг мой милый?»
– «Узнаешь, Настенька, немного погоди».
– «Уж не случилось ли, ах, господи помилуй,
Беды какой-нибудь?» – «Иди себе, иди».
– «А, стала, значит, я племянницей постылой,
Чего и ждать от вас теперь мне впереди!
Напрасно Настенька хорошенькие губки.
Надула Настенька хорошенькие губки.

40

Смеется дядя ей: «Голубка, не ворчи.
Ну что бы подождать еще тебе хоть ночку!
Сюрпризом я хотел... А впрочем, вот ключи
От тайны, коли нет терпения... Как дочку,
Люблю тебя...» – «Ну да!» – «Ах, Настя, помолчи...
У Блокка я купил тебе билет в рассрочку...»
– «Что тратились!..» – «Купил, а завтра и тираж,
И что б ты думала! Ведь выигрыш-то наш».

41

«Ах, милый дядюшка! Неужели? Быть не может!»
– «Да, Настенька, теперь мы славно заживем.
Грошовая нужда нас больше не встревожит.
Мы выстроим себе отличный, прочный дом,
Товарищей сзовем, – пускай их зависть гложет.
По свету странствовать отправимся потом...»
– «Да, дядюшка, с собой Володю мы захватим,
Иль нет, сперва к венцу, а после и покатим».

42

И побледнел Кремлев. «А что-то я устал!» –
Промолвил он с едва скрываемой досадой,
Простился и пошел к себе, – бедняк! Упал
Он на свою постель и с горестной отрадой,
Зажав подушкой рот, до полночи рыдал.
А Настенька меж тем пред ясною лампадой
Молилась, может быть, иль яркою мечтой
Забавила себя, одна в тиши ночной.

43

Мне кажется, пора покончить эту сказку,
Тем более, что в ней трагического нет.
В крови топить ее мещанскую развязку,
Конечно, незачем. К тому же пистолет
Хоть у Кремлева был, да праздно перержавел.
Боюсь, что никого я песней не забавил,
Прерву ж ее строфой, написанной без правил.
21 июня 1890; 24 июля – 26 августа 1894

«Каждый день, в час урочный...»
Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы, –
Мы созрели
Для могилы.
Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели, –
Мы истлеем в ней скоро
И без цели.
28 сентября 1894

«Скользко-холодное...»
Скользко-холодное

Правой рукою трепетно сжато.
Злоба стихает, меркнет забота,
Грезы умчались вдаль без возврата.
Твердое, скользкое.
Только нажать бы мне,
Только на то достало бы силы!
Что это, скорбь, тревога?
Мрак желанной могилы,
Только нажать бы мне!
3 октября 1894

«Лампа моя равнодушно мне светит...»
Лампа моя равнодушно мне светит,
Брошено скучное дело,
Песня еще не созрела, –
Что же тревоге сердечной ответит?
Белая штора висит без движенья.
Чьи-то шаги за стеною.
Эти больные томленья –
Перед бедою!
3 октября 1894

«Сквозь кисейный занавес окна...»
Сквозь кисейный занавес окна
Мне видна
Улицы дремотной тишь –
Снег на скатах крыш,
Ворота, забор...
Изредка прохожие мелькнут...
Шумный спор
Иногда бабенки заведут.
11 октября 1894

Неурожай
Над полями ходит и сердито ропщет
Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, –
Стрибог, помогай!
Ходит дикий, злобный, хлеб и мнет и душит,
Обошел весь край
И повсюду землю гневным взором сушит, –
Стрибог, помогай!
Губит наших деток неподвижным взором
Злой Неурожай.
Голодом томимы, молим хриплым хором:
Стрибог, помогай!
11 октября 1894

«О царица моя! Кто же ты? Где же ты...»
О царица моя! Кто же ты? Где же ты?
По каким заповедным иль торным путям
Пробираться к тебе? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не поверю я сам.
Молодая вдова о почившем не может, не хочет
скорбеть.
Преждевременно дева все знает, – и счастье ее
не манит.
Содрогаясь от холода, клянчит старуха и прячет
истертую медь.
Замирающий город туманом и мглою повит.
Умирая, томятся в гирляндах живые цветы.
Побледневший колодник сбежавший прилег, отдыхая,
в лесу у ручья.
Кто же ты,
Чаровница моя?
О любви вдохновенно поет на подмостках поблекший
певец.
Величаво идет в равнодушной толпе молодая жена.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Что-то в воду упало, – бегут роковые обломки
колец.

Одинокая, спешная ночь и трудна, и больна.
Сколько странных видений и странных,
недужных тревог!
Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
Недоступен ли твой светозарный чертог?
Или встречу тебя, о царица моя?
20 октября 1894

Морозная даль
Морозная светлая даль,
И низкое солнце, и звезды в снегу...
Несут меня сани. Забыта печаль.
Морозные грезы звенят надо мной на бегу.
Открытое поле все бело и чисто кругом.
Раскинулось небо широким и синим шатром.
Я вспомнить чего-то никак не могу,
Но что позабылось, того и не жаль.
Пуста и безлюдна морозная даль,
Бегут мои кони. Ямщик мой поет.
Деревни дымятся вдали...
Надо мною несется мечта и зовет...
Плещут волны, летят корабли...
Рассыпается девичий смех перекаточной волной...
Ароматная ночь обаяла своей тишиной...
Мы крылаты, – плывем далеко от земли...
Ты, невеста моя, не оставишь меня...
Нет, опять предо мною зима предстает,
Быстро сани бегут, и ямщик мой поет,
И навстречу мне снежная пыль мимолетного дня.
20 октября 1894

«Не быть никем, не быть ничем...»
Не быть никем, не быть ничем,
Идти в толпе, глядеть, мечтать,
Мечты не разделять ни с кем
И ни на что не притязать.
24 ноября 1894

«Светлой предутренней грезой...»
Светлой предутренней грезой,
Очерком тонким и нежным,
Девственно-белую розой
Светится в сердце мятежном, –
Нет, не земною женою,
Нет, не из дольных селений!
Это – туманной порою
Небом потерянный гений.
2 декабря 1894

«Оболью горячей кровью...»
Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
Лилию мою.
В злом краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
Бледную мою.
Ты моя, и, отнимая
У ручья, любимца мая,
Лилия моя,
Я пою в ночах зимовья
Соловьем у изголовья,
Бледная мол.
15 ноября – 13 декабря 1894

«Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать...»
Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать,

Как не нужен мне мир и постыл,
Как мне трудно идти, как мне больно дышать,
Как мне страшно крестов и могил.
И напрасно мечта в опечаленной мгле
Мне твои озаряет черты, –
Далека ты, невеста! На грешной земле
И тоска, и беда разлиты.
21 декабря 1894

«Живи и верь обманам...»

Живи и верь обманам,
И сказкам, и мечтам.
Твоим душевным ранам
Отрадный в них бальзам.
И жизни переменной
Нектар кипучий ней,
Напиток сладкопенный
Желаний и страстей.
За грани жизни дольной
Очей не устремляй,
И мыслью своевольной
Природы не пытай.
Вещают тайну тени.
Для смелого ума
В них смертные ступени,
Предсказанная тьма.
О смертный, верь обманам,
И сказкам, и мечте.
Дивись мирским туманам,
Как вечной красоте.
28 марта 1889, 30 декабря 1894

«Где грустят леса дремливые...»

З.Н. Гиппиус

Где грустят леса дремливые,
Изнуренные морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.
Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извилистой.
Вот березки захирелые
Над болотную равнину.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.
Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
5 января 1895

«Вокруг меня зыбкая мгла...»

Вокруг меня зыбкая мгла...
Мне страшно морозной поры...
Невеста в тоске умерла...
Багровы и дымны костры.
Морозная ночь мне страшна...
Как тесно в пустыне небес!
Луна холодна и бледна,
И край горизонта исчез.
По воздуху искры и дым.
Как скупы и чадны огни!

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Туманом и мраком седым
Одеты и смяты они.
30 января 1895

«Я устал, – я едва только смею дышать...»
Я устал, – я едва только смею дышать, –
И недужны, и трудны людские пути.
Невозможно понять, невозможно сказать,
И куда же, и как же идти?
В этих жилах струится растленная кровь,
В этом сердце немая трепещет тоска.
И порочны мечты, и бесстыдна любовь,
И безумная радость дика.
28 февраля 1895

«Думы черные лелею...»
Думы черные лелею,
Грустно грежу наяву,
Темной жизни не жалею,
Ткани призрачные рву,
Ткани юных упований
И туманных детских снов;
Чуждый суетных желаний,
Умереть давно готов.
Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.
21 марта 1895

«Есть тайна несказанная...»
Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я?
Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Дорогой незнакомою,
Среди немых болот,
С медлительной истомою
Она меня ведет.
Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.
Коса ее запутана,
В ней жесткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.
Дорогой потаенною,
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сонною
Напоенный, цветет,
Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Ее найду ли я?
21 марта 1895

«Слова твои строптивые...»
Слова твои строптивые,
Цветы твои поблекшие,
Глаза твои недужные
И руки изнемогшие.
Словами тайна сказана,
Слезами тайна выдана,
Былое тайной связано,
Иное не увидано.
21 – 22 марта 1895

«Я душой умирающей...»
я душой умирающей
Жизни рад и не рад,
и от бури взывающей
Не ищу я оград.
я беспечной улыбкою
Отвечаю грозе,
и покорностью зыбкою
я подобен лозе.
Верю сказке божественной,
Вижу дивные сны.
Что мне радость торжественной
Нерастленной весны!
Что мне звезды небесные,
Их торжественный строй!
Что мне торжища тесные
и телец золотой!
Горько пахнет известкою
в переулке моем.
Я дорогою жесткою
Пробираюсь в мой дом.
Там дыхание ладана
Все мерещится мне,
Там святыня угадана
в неземной тишине.
Бесконечность страдания
в тех стенах вмещена,
и тоска умирания,
как блаженство, ясна.
14 сентября 1893, 29 марта 1895

«Многоцветная ложь бытия...»
Многоцветная ложь бытия,
я бороться с тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
как больная и злая змея,
и молчу, сиротливо молчу.
У подножья нахмуренных скал,
по расселинам мгристо-сырым
мой отверженный путь пролегал.
Там когда-то я с верой внимал
голосам и громам роковым.
А теперь, как больная змея,
по расселинам мгристо-сырым
пробираюсь медлительно я.
Многоцветная ложь бытия,
я отравлен дыханьем твоим.
5-6 апреля 1895

«Я любил в тебе слиянье...»
я любил в тебе слиянье
качеств противоположных:
глаз правдивых обаянье
и обман улыбок ложных;
кротость девочки-подростка,
целомудренные грезы –
и бичующие жестко
обличенья и угрозы;
сострадательную нежность
над поруганной рабыней –
и внезапную мятежность
перед признанной святыней.
7 апреля 1895

«Я люблю всегда далекое...»
я люблю всегда далекое,
мне желанно невозможное,
призываю я жестокое,

Отвергаю непреложное.
Там я счастлив, где туманные
Раскрываются видения,
Где скользят непостоянные
И обманные мгновения,
Где сверкают неожиданно
Взоры молний потухающих...
Мне желанно, что невиданно, –
Не хочу я расцветающих.
7 апреля 1895

«Толпы домов тускнули...»
Толпы домов тускнули
В тумане млечном,
Томясь в бессильи хмуром
И бесконечном,
И дождь все падал, плача,
И под ногами
Стекал он по граниту
В канал струями,
И сырость пронизала
Больное тело.
Измученная жизнью,
Ты вниз глядела,
Где отраженья млели
В воде канала,
И дрожью отвращенья
Ты вся дрожала.
Зачем же ты стояла
Перед сквозною
Чугунною решеткой
Над злой водою,
И мутными глазами
Чего искала
В зеленовато-желтой
Воде канала?
10 апреля 1895

«Я приготовился принять гостей...»
Я приготовился принять гостей,
Украшил я свою келейку,
И вышел к воротам, и сел там на скамейку,
С дороги не свожу внимательных очей
И жду, – а путь лежит печальный и пустынный,
Бубенчик не гудет, колеса не гремят,
Лишь вихри пыльные порою закружат, –
И снова путь лежит докучливый и длинный.
14 апреля 1895

«Этот зыбкий туман над рекой...»
Этот зыбкий туман над рекой
В одинокую ночь, при луне, –
Ненавистен он мне, и желанен он мне
Тишиною своей и тоской.
Я забыл про дневную красу,
И во мглу я тихонько вхожу,
Еле видимый след напряженно слежу
И печали мои одиноко несусь.
14 мая 1895

«На серой куче сора...»
На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.
В скитаниях ненужных,

В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.
26 мая 1895

«В тени аллея прохлада...»
В тени аллея прохлада,
Нарядны господа,
А за оградой сада
Голодная нужда.
Глядит на бойких деток
Мальчишка-водонос,
В одну из узких клеток
Решетки всунув нос.
На жесткие камененья
Потом ему идти,
Томления терпения
В груди своей нести.
Мучительно мне видеть
Неравенство людей
И горько ненавидеть
И взрослых и детей.
8 июня 1895

«Покрыла зелень ряски...»
Покрыла зелень ряски
Пустынный старый пруд, –
Я жду, что оживут
Осмеянные сказки:
Русалка приплывет,
Подымет, нагая,
Из сонной глади вод
И запоет, играя
Зеленою косою,
А в омуте глубоком
Сверкнет огромным оком
Ревнивый водяной...
Но тихо дремлет ряска,
Вода не шелохнет, –
Прадедовская сказка
Вовек не оживет...
6 апреля 1889, 11 июля 1895

«Как бессвязный рассказ идиота...»
Как бессвязный рассказ идиота,
Надоедлива жизнь и темна.
Ожидая напрасно чего-то, –
Безответна ее глубина.
Перепутаны странно дороги.
А зачем-то куда-то бреду.
Предо мною в багряном бреду
Терема золотые, чертоги.
31 июля 1895

«В амфоре, ярко расцвеченной...»
В амфоре, ярко расцвеченной,
Угрюмый раб несет вино.
Неровен путь неосвещенный,
А в небесах уже темно, –
И напряженными глазами
Он зорко смотрит в полутьму,
Чтоб через край вино струями
Не пролилось на грудь ему.
Так я несу моих страданий
Давно наполненный фиал.
В нем лютый яд воспоминаний,

Таясь коварно, задремал.
Иду окольными путями
Вдали от всех, чтоб кто-нибудь
Неосторожными руками
Не пролил яда мне на грудь.
23 июля 1887, 9 мая 1893, 12 сентября 1895

«Нет, не одно только горе...»
Нет, не одно только горе, –
Есть же на свете
Алые розы, и зори,
И беззаботные дети.
Пусть в небесах догорают
Зори так скоро,
Пусть наши розы роняют
Скоро уборы,
Пусть омрачатся рано
Властию зла и обмана
Детские взоры, –
Розы, и зори, и дети
Будут на пасмурном свете.
24 сентября 1895

«Истомил меня пасмурный день...»
Истомил меня пасмурный день,
Извела одинокая скука.
Неотступна чуть видная тень,
Повторений томящих порука.
Впечатлений навязчивых сеть...
Разорвать бы постылые петли!
Не молитвой ли сердце согреть?
О веселых надеждах не спеть ли?
Но молитвы забыты давно,
И наскучили песни былые,
Потому что на сердце темно,
Да и думы – такие все злые!
19 ноября 1894, 5 октября 1895

«Словно бусы, сказки нижут...»
Словно бусы, сказки нижут,
Самоцветки, ложь да ложь.
Языком клевет не слижут,
Нацепили, и несешь.
Бубенцы к дурацкой шапке
Пришивают, ложь да ложь.
Злых репейников охалки
Накидали, не стряхнешь.
Полетели отовсюду
Комья грязи, ложь да ложь.
Навалили камней груды,
А с дороги не свернешь.
По болоту-бездорожью
Огоньки там, ложь да ложь, –
И барахтаешься с ложью,
Или в омут упадешь.
10 октября 1895

«Шум и ропот жизни скудной...»
Шум и ропот жизни скудной
Ненавистны мне.
Сон мой трудный, непробудный
В мертвой тишине,
Ты взлелеян скучным шумом
Гордых городов,
Где моим заветным думам
Нет надежных слов.
Этот грохот торопливый
Так враждебен мне.

Долог сон мой, сон ленивый
В мертвой тишине.
26 октября 1895

«Покоряясь жажде странной...»
Покоряясь жажде странной,
Овладевши кучей книг,
Как тигрица на добычу,
Ты набросилась на них.
Не учись по этим книгам,
Что лежат перед тобой, –
Лицемеры их писали,
Вознесенные толпой.
Что прилично, что обычно,
Что вошло уже в закон,
Лишь тому их жалкий лепет
Малодушно посвящен.
А тому, что в темном сердце
Подымает бунт страстей,
Не могли они ответить
Речью косою своей.
6 декабря 1895

«Хорошо бы стать рыбачкой...»
Хорошо бы стать рыбачкой,
Смелой, сильной и простой,
С необутыми ногами,
С непокрытой головой.
Чтоб в ладье меня качала б
Говорливая волна,
И в глаза мои глядели б
Небо, звезды и луна.
На прибрежные камни
Выходила б я боса,
И по ветру черным флагом
Развевалась бы коса.
6 декабря 1895

«Приучив себя к мечтаньям...»
Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованьям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно,
Как вдыхают запах трав,
Шелестящих под ногами
В полуночной тишине,
Отвечающей луне
Утомительными снами
И тревожными мечтами.
7 декабря 1895

«Мне страшный сон приснился...»
Мне страшный сон приснился,
Как будто я опять
На землю появился
И начал возрастать,
И повторился снова
Земной ненужный строй
От детства голубого
До старости седой:
Я плакал и смеялся,
Играл и тосковал,
Бессильно порывался,
Беспомощно искал...
Мечтою облелеян,
Желал высоких дел, –
И, братьями осмеян,

Вновь проклял свой удел.
В страданиях усладу
Нашел я кое-как,
И мил больному взгляду
Стал замогильный мрак,
И, кончив путь далекий,
Я начал умирать, –
И слышу суд жестокий:
«Восстань, живи опять!»
12 декабря 1895

«Кинул землю он родную...»
Кинул землю он родную
И с женой не распрощался.
Из одной земли в другую
Долго молодец шатался.
Наконец в земле литовской
Счастье парню привалило
И удачей молодцовской
Вдосталь наделило.
Был он конюхом сначала,
Полюбился королеве,
И она его ласкала, –
А потом повис на древе,
Потому что проследили,
Донесли и уличили!
Суд был строгий и короткий:
Королеву заточили,
Парня в петле удавили
Под ее окном с решеткой.
7 января 1896

«На гулких улицах столицы...»
На гулких улицах столицы
Трепещут крылья робких птиц,
И развернулись вереницы
Угрюмых и печальных лиц.
Пол яркой маской злого света
Блестит торжественно газет.
Идет, вся в черное одета,
Жена за тем, кого уж нет.
Мальчишки с песнею печальной
Бредут в томительную даль
Пред колесницей погребальной,
Но им покойника не жаль,
28 – 29 января 1896

«Вдали, над затравленным зверем...»
Вдали, над затравленным зверем,
Звенит, словно золотом, рог.
Не скучен боярыне терем,
И взор ее нежен и строг.
Звенит над убитым оленем,
Гремит торжествующий рог.
Коса развилась по коленям,
И взор и призывен, и строг.
Боярин стоит над добычей,
И рог сладкозвучен ему.
О, женский лукавый обычай!
О, сладкие сны в терему!
Но где же, боярин, твой кречет?
Где верный сокольничий твой?
Он речи лукавые мечет,
Целуясь с твоею женой.
1 – 2 февраля 1896

«Расцветайте, расцветающие...»
Расцветайте, расцветающие,

Увядайте, увядающие,
Догорай, объятые огнем, –
Мы спокойны, не желающие,
Лучших дней не ожидающие,
Жизнь и смерть равно встречающие
С отуманенным лицом.
25 февраля 1896

«Дорогой скучно-длинною...»
Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,
Печалью изранила,
И разум отуманила,
И волю отняла.
Послушен ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуясь, молчу.
Найти дороги горные,
Веселые, просторные,
И сам я не хочу.
Глаза мои дремотные
В виденья мимолетные
Безумно влюблены.
Несут мои мечтания
Святые предвещения
Великой тишины.
9 – 10 марта 1896

«Вывески цветные...»
Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,
Грохот экипажей, –
Город солнцу рад.
Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбные приметы:
Грубые предметы,
Темные черты.
18 марта 1896

«Имена твои не ложны...»
Имена твои не ложны,
Беспечальны, бестревожны, –
Велика их глубина.
Их немолчный, темный шепот,
Предвещательный их ропот
Как вместить мне в письмена?
Имена твержу, и знаю,
Что в ином еще живу,
Бесполезно вспоминаю
И напрасно я зову.
Может быть, ты проходила,
Не жалела, но щадила,
Не желала, но звала,
Грустно взоры опускала,
Трав каких-то все искала,
Находила и рвала.
Может быть, ты устремляла
На меня тяжелый взор
И мечтать не позволяла
Про победу и позор.
Имена твои все знаю,

Ими день я начинаю
И встречаю мрак ночной,
Но сказать их вслух не смею,
И в толпе людской немею,
И смущен их тишиной.
19 марта 1896

«Грустные взоры склоняя...»
Грустные взоры склоняя,
Светлые слезы роняя,
Ты предо мною стоишь.
Только б рыданья молчали, –
Злые лобзанья печали
Ты от толпы утаишь.
Впалые щеки так бледны.
Вешние ль грозы бесследны,
Летний ли тягостен зной,
Или на грех ты дерзаешь, –
Сердце мое ты терзаешь
Смертной своей белизной.
20 марта 1896

«Запах асфальта и грохот колес...»
Запах асфальта и грохот колес,
Стены, камня и плиты...
О, если б ветер внезапно донес
Шелест прибрежной ракиты!
Грохот на камнях и ропот в толпе, –
Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далекой тропе
С милою мне очутиться!
Ясные очи младенческих дум
Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот, и ропот, и шум –
Пыльная, злая дорога!
21 – 30 марта 1896

«Одиночество – общий удел...»
Одиночество – общий удел,
Да не всякий его сознает, –
Ты себя обмануть не хотел,
И оно тебе ад создает.
И не рад ты, и рад ты ему,
Но с броской безутешной твоей
Никогда не пойдешь ни к кому –
И чего б ты просил у людей?
Никому не завидовал ты,
Пожелать ничего ты не мог,
И тебя увлекают мечты
На просторы пустынных дорог.
18 апреля 1896

«Царевной мудрой Ариадной...»
Царевной мудрой Ариадной
Царевич доблестный Тезей
Спасен от смерти безотрадной
Среди запутанных путей:
К его одежде привязала
Она спасительную нить, –
Перед героем смерть стояла,
Но не могла его пленить,
И, победитель Минотавра,
Свивая нить, умел найти
Тезей к венцу из роз и лавра
Прямые, верные пути.
А я – в тиши, во тьме блуждаю,
И в Лабиринте изнемог,
И уж давно не понимаю

Моих обманчивых дорог.
Все жду томительно: устанет
Судьба надежды хоронить,
Хоть перед смертью мне протянет
Путеводительную нить, –
И вновь я выйду на свободу,
Под небом ясным умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотреть.
17 марта – 27 апреля 1896

«Изменил я тебе, неземная...»
Изменил я тебе, неземная, –
Я земную жену полюбил.
Обагрился закат, догорая,
Ароматами нежными мая
Сладкий вечер меня отравил.
Под коварным сиреневым цветом,
Улыбаясь и взоры клоня,
Та, земная, пленила меня
Непорочно-лукавым приветом.
Я, невеста, тебе изменил,
Очарованный девой телесной.
Я твой холод блаженный забыл.
О, закрой меня ризой небесной
От земных распалющихся сил!
14 мая 1896

«В тишине бездыханной ночной...»
В тишине бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты темен и тих.
Оглянуться не смею назад,
И на мне твой томительный взгляд,
И как ночь раскрывает цветы,
Что цветут для одной темноты,
Так и ты раскрываешь во мне
Все, что чутко живет в тишине, –
И вошел я в обитель твою,
И в кругу чародейнам стою.
28 мая 1896

«Не понять мне, откуда, зачем...»
Не понять мне, откуда, зачем
И чего он томительно ждет.
Предо мною он грустен и нем,
И всю ночь напролет
Он вокруг меня чем-то чертит
На полу чародейный узор,
И куреньем каким-то дымит,
И туманит мой взор.
Опускаю глаза перед ним,
Отдаюсь чародейству и сну,
И тогда различаю сквозь дым
Голубую страну.
Он приникнет ко мне и ведет,
И улыбка на мертвых губах, –
И блуждаю всю ночь напролет
На пустынных путях.
Рассказать не могу никому,
Что увижу, услышу я там, –
Может быть, я и сам не пойму,
Не припомню и сам.
Оттого так мучительны мне
Разговоры, и люди, и труд,
Что меня в голубой тишине
Волхвования ждут.

«Грозные невзгоды...»

Грозные невзгоды,
Темная вражда.
Быстро мчатся годы.
За бедой беда.
Утешаться, верить,
Ворожить, тужить,
Плакать, лицемерить.
Стоит жить!
Дни идут. Все то же,
Перемены нет.
Думы злее, строже.
Много, много лет
Медленно трудиться,
Угождать, служить,
Унижаться, биться.
Стоит жить!
6 июня 1896

Пилигрим

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идет,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперед,
И, чередуясь мерно, дали
Встают все новые пред ним,
Неистошимо, как печали, –
И все далек Ерусалим...
В путях томительной печали
Стремится вечно род людской
В недосыгаемые дали
К какой-то цели роковой.
И создает неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И все далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.
7 – 12 июня 1896

«На песке прихотливых дорог...»

На песке прихотливых дорог
От зари догорающей свет
Озарил, расцвел чьих-то ног
Тонкий след...
Может быть, здесь она проходила,
Оставляя следы на песке,
И помятый цветок проносила
На руке.
Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась
И далекому, тайному звуку
Отдалась.
Тосковали на нежной ладони
Молодой, по жестокой руки
По своей ароматной короне
Лепестки...
Молодую и чуждой печалью
Не могу я души оживить
И того, что похищено далью,
Воротить.
Мне об ней ничего не узнать,
Для меня обаяния нет.
Что могу на земле различать?
Только след.
1 – 2 июля 1896

«Не люблю, не обольщаюсь...»

Не люблю, не оболющаюсь,
Не привязываюсь к ним,
К этим горько-преходящим
Наслаждениям земным.
Как ребенок, развлекаюсь,
Мимолетною игрой,
И доволен настоящим –
Полднем радостным и тьмой.
3 июля 1896

«Не нашел я дороги...»
Не нашел я дороги,
И в дремучем лесу
Все былые тревоги
Осторожно несусь.
Все мечты успокоя,
Беспечален и нем,
Я заснувшего зоя
Не тревожу ничем.
Избавление чую,
Но путей не ищу, –
Ни о чем не тоскую,
Ни на что не ропщу.
3 – 4 июля 1896

«Короткая радость сгорела...»
Короткая радость сгорела,
И снова я грустен и нищ,
И снова блуждаю без дела
У чуждых и темных жилищ.
Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,
Виденья из мира иного
Я светлым восторгом встречал.
Но краткая радость сгорела,
И город опять предо мной,
Опять я скитаюсь без дела
По жесткой его мостовой.
7 июля 1896

«Под одеждою руки скрывая...»
Под одеждою руки скрывая,
Как спартанский обычай велит,
И смиренно глаза опускаю,
Перед старцами отрок стоит.
На минуту вопросом случайным
Задержали его старики, –
И сжимает он что-то потайным,
Но могучим движеньем руки.
Он лисицу украл у кого-то,
И лисица грызет ему грудь,
Но у смелого только забота –
Стариков, как и всех, обмануть.
Удалось! Он добычу уносит,
Он от старцев идет не спеша, –
И живую лисицу он бросит
Под намет своего шалаша.
Проходя перед злою толпою,
Я сурово печаль утаю,
Равнодушием внешним укрою
Ото всех я кручину мою, –
И пускай она сердце мне гложет,
И пускай ее трудно скрывать,
Но из глаз моих злая не сможет
Унизительных слез исторгать.
Я победу над ней торжествую
И уйти от людей не спешу, –
Я печаль мою злую, живую

Принесу к моему шалашу,
И под темным наметом я сброшу,
Совершив утомительный путь,
Вместе с жизнью жестокою ношу,
Истомившую гордую грудь.
6 – 8 июля 1896

«Влачится жизнь моя в кругу...»
Влачится жизнь моя в кругу
Ничтожных дел и впечатлений,
И в море вольных вдохновений
Не смею плыть – и не могу.
Стою на звучном берегу,
Где ропщут волны песнопений,
Где веют ветры всех стремлений,
И все чего-то стерегу.
Быть может, станет предо мною,
Одетый пеною морскою,
Прекрасный гость из чудных стран,
И я услышу речь живую
Про все, о чем я здесь тоскую,
Про все, чем дивен океан.
10 – 12 июля 1896

«На закат, на зарю...»
На закат, на зарю
Долго, долго смотрю.
Слышу, кровь моя бьется
И в заре отдается.
Как-то весело мне,
Что и я весь в огне.
Это – кровь моя тает
И горит да играет
Над моею горой,
Над моею рекой.
Вот заря догорела,
Мне смотреть надоело.
Я глаза затворил,
Я весь мир погасил.
31 июля 1896

«Восставил бог меня из влажной глины...»
Восставил бог меня из влажной глины,
Но от земли не отделил.
Родные мне вершины и долины,
Как я себе, весь мир мне мил.
Когда гляжу на дальние дороги,
Мне кажется, что я на них
Все чувствую колеса, камни, ноги,
Как будто на руках моих.
Гляжу ли я на звонкие потоки –
Мне кажется, что это мне
Земля несет живительные соки,
Свои дары моей весне.
1 августа 1896

«Затаился в траве и лежу...»
Затаился в траве и лежу,
И усталость мою позабыл, –
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.
Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.
И на небе моем облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Только в жилах торопится кровь.
2 августа 1896

Все во всем
Если кто-нибудь страдает,
Если кто-нибудь жесток,
Если в полдень увядает
Зноем сгубленный цветок, –
В сердце болью отзовется
Их погибель и позор,
И страданием зажжется
Опечаленный мой взор:
Потому что нет иного
Бытия, как только я;
Радость счастья голубого
И печаль томленья злого,
Всё, во всем душа моя.
5 августа 1896

«Я люблю мою темную землю...»
Я люблю мою темную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но смиренно и тяжкие муки.
Ничего не отвергну в созданыи, –
И во всем есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтаныи,
И в обычности буйной – похмелье.
Преклоняюсь пред Духом великим,
И с Отцом бытие мое слито,
И созданием Его многоликим
От меня ли единство закрыто!
5 августа 1896

«Какие-то светлые девы...»
Какие-то светлые девы
Сегодня гостили у нас.
То не были дочери Евы, –
Таких я не видывал глаз.
Я встретил их где-то далеко
В суровом лесу и глухом.
Бежали они одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоем.
И было в них много печали,
Больной, сиротливой, лесной,
И ноги их быстро мелькали,
Покрытые светлой росой.
Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест
И вывел их верной тропюю
Из этих пугающих мест.
И бедные светлые девы
Всю ночь прогостили у нас, –
Я слушал лесные напевы,
И сладкий, и нежный рассказ.
5-6 августа 1896

«Путь мой трудный, путь мой длинный...»
Путь мой трудный, путь мой длинный,
Я один в стране пустынной,
Но услады есть в пути, –
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.
Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поет мне ветер вольный

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.
7 – 11 августа 1896 Нижний Новгород

«Больному сердцу любо...»
Больному сердцу любо
Строй жизни порицать.
Все тело хочет грубо
Мне солнце пронизать,
Луна не обратилась
В алтарную свечу,
И все навек сложилось
Не так, как я хочу.
Кто дал мне это тело
И с ним так мало сил,
И жаждой без предела
Всю жизнь меня томил?
Кто дал мне землю, воды,
Огонь и небеса,
И не дал мне свободы,
И отнял чудеса?
На прахе охладелом
Былого бытия
Природою и телом
Томлюсь безумно я.
7 – 11 августа 1896 Нижний Новгород

«Из мира чахлой нищеты...»
Из мира чахлой нищеты,
Где жены плакали и дети лепетали,
Я улетаю в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты,
И с дивной высоты надменного полета
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как темной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грез
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нес.
11 августа 1896 Волга

«Люблю мое молчанье...»
Люблю мое молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарю алой
Веселый холодок
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонек.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне все томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвездным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.
14 – 15 августа 1896

«Усмиривши творческие думы...»
Усмиривши творческие думы,
К изголовью день мой наклоня,
Погасил я блеск, огни и шумы,
Всё, что здесь не нужно для меня.
Сквозь полузакрытые ресницы
Я в края полночные вхожу
И в глаза желанной Царь-Девы
Радостно гляжу.
17 августа 1896

«Какие злые перемены...»
Какие злые перемены!
Зачем же вас я должен знать?
Опять меня замкнули стены,
Я каменеть начну опять.
И шум и грохот воздвигаю
Опять на улицах моих,
И понемногу забываю
О тишине ночей лесных,
И учреждаю я торговлю,
И зажигаю фонари,
И забываю сад, и кровлю,
И свежесть утренней зари.
15 октября 1896

«Какой-то хитрый чародей...»
Какой-то хитрый чародей
Разъединил мое сознание
С природою моею, —
И в этом всё мое страдание.
Но если дремлет он порой
И колдовство оставит,
Уже природа не лукавит,
Не забавляется со мной.
Послушна и правдива,
Она приблизится ко мне.
В ее бездонной глубине
Я вижу девственные дивы.
20 октября 1896

«Бывают дивные мгновенья...»
Бывают дивные мгновенья,
Когда насквозь озарено
Блаженным светом вдохновенья
Все, так знакомое давно.
Всё то, что сила заблужденья
Всегда являла мне чужим,
В блаженном свете вдохновенья
Опять является моим.
Смирятся мои стремленья,
Мои безбурны небеса,
В блаженном свете вдохновенья
Какая радость и краса!
21 октября 1896

«Я — бог таинственного мира...»
Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.
Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.
28 октября 1896

«Просыпаюсь рано...»
Просыпаюсь рано.
Чуть забрезжил свет,
Темно от тумана,
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, –
Спой мне, спой мне, мама:
«Баюшки-баю!»
Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придет родная, –
Что ж, и сам спою,
Горе усыпляя:
«Баюшки-баю!»
Сердце истомилось.
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я – дитя опять,
Собираю что-то
В голубом краю,
И поет мне кто-то:
«Баюшки-баю!»
Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грезам я бесстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьет мою.
Шепчет кто-то нежный;
«Баюшки-баю!»
Наступает томный
Пробужденья час.
День грозит темный,
Милый сон погас,
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
«Баюшки-баю!»
1 – 2 декабря 1896

«Поднимаю бессонные взоры...»
Поднимаю бессонные взоры
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры
И звездами из них ворожу,
Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лесов и полей
И бужу беспокойные взмахи
Окрыленной угрозы моей.
Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.
2 декабря 1896

«Никого и ни в чем не стыжусь...»
Никого и ни в чем не стыжусь, –
Я один, безнадежно один,
Для чего ж я стыдливо замкнусь
В тишину полуночных долин?
Небеса и земля – это я,
Непонятен и чужд я себе,
Но великой красой бытия
В роковой побеждаю борьбе.
8 декабря 1896

«Никого и ни в чем не стыжусь...»

Вижу зыбку над могилой,
Знаю, – мать погребена,
И ребенка грудью хилой
Не докормит уж она.
Нет младенца в колыбели,
Крепко спит в могиле мать,
Только зимние метели
Станут зыбку подымать.
Эта зыбка и могила, –
В них мой образ вижу я:
Умерла былая сила,
Опустела жизнь моя, –
Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной.
9 декабря 1896

«Надо мною жестокая твердь...»
Надо мною жестокая твердь,
Преодо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Всё зовет да манит отдохнуть.
Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь от злого лица.
Чтоб ее одолеть, я стремлюсь
Расширять бытие без конца.
Я – царевич с игрушкой в руках,
Я – король зачарованных стран.
Я – невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду л в туман.
14 декабря 1896

«Я лицо укрыл бы в маске...»
Я лицо укрыл бы в маске,
Нахлобучил бы колпак
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца –
Всё, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головой,
Я помчался б, приседая,
Дробь ногами выбивая,
Пред хохочущей толпой,
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?
Или это вражья сила
Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?
17 декабря 1896, 15 декабря 1896

«Злое земное томленье...»
Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновиденье
Или ничье?
В нашем, в ином ли твореньи

К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленьи
Надо идти?
Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
Мира тщета?
26 декабря 1896

«На меня ползли туманы...»
На меня ползли туманы
Заколдованного дня,
Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.
Но таинственное слово
Начертал я, на земле, –
Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.
Без меча вошел я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовалась сну.
Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, –
Там царевна почивала,
Сидя с прялкой в терему,
Замерла у дивной пряжи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.
Я вошел в ее светлицу,
Победитель темных сил,
И красавицу девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Легкий взмах веретена.
10 февраля 1897

«За мельканьем волшебных узоров...»
За мельканьем волшебных узоров
Я слежу в заколдованной мгле,
И моих очарованных взоров
Не прельщает ничто на земле.
Обаянья мои как вериги,
Я страданий моих не боюсь.
Мудрецам, изучающим книги,
Я безумцем порочным кажусь.
Но моя недоступна ограда,
Стережет меня крепко печаль.
И в печали, и в тайне – отрада,
И надежд простодушных не жаль.
20 февраля 1897

«Не ужасай меня угрозой...»
Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навек останься легкой грезой,
Не воплощайся никогда.
Храни безмерные надежды,
Звездой далекою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвилились.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
7 марта 1897

«Порою туманной...»
Порою туманной,
Дорогою трудной
Иду!
О друг мой желанный,
Спаситель мой чудный, –
Я жду!
Мгновенное племя,
Цветут при дороге
Мечты.
Медлительно время,
И сердце в тревоге, –
А ты,
Хоть смертной тропюю,
В последний, жестокий
Мой день,
Пройди предо мною,
Как призрак далекий,
Как тень!
7 марта 1897

«Ты печаль, но мерцала...»
Ты печаль, но мерцала
Между ярких подруг
И одна не вступала
В их пленительный круг.
Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,
И, молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.
Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.
26 марта 1897

«Над безумием шумной столицы...»
Над безумием шумной столицы
В темном небе сияла луна
И далеких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.
Но толпа проходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И совхоз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.
И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от погибели черной
Их вещанья его не могли.
28 марта 1897

«Постройте чертог у потока...»
Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далеко,
Сберите живую красу –
Детей беспокровных,
Голодных детей
Ведите в защиту дубровных
Широких ветвей.
Проворные детские ноги
В зеленом лесу побегут

И в нем молодые дороги
Себе обретут.
Возделают детские руки
Эдем, для работы сплетясь, –
И зой их веселые звуки
Окличет, в кустах притаясь.
8 апреля 1897

«Я не спал, – и звучало...»
Я не спал, – и звучало
За рекой,
Трепетало, рыдало
Надо мной.
Это пела русалка,
А не ты.
И былого мне жалко,
И мечты.
До зари недалеко
Как заснуть!
Вспоминал я жестокий,
Долгий путь.
А русалка смеялась
За рекой, –
Нет, не ты издевалась
Надо мной,
8 апреля 1897

«Близ одинокой избушки...»
Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.
Все отсырели дороги, –
Ты не боишься ничуть
И загорелые ноги
Так и не хочешь обуть.
Сердце торопится биться, –
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться, –
Я ожиданию рад.
11 апреля 1897

«Живы дети, только дети...»
Живы дети, только дети, –
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.
Хоть и даст она отсрочку –
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.
Торопись дышать сильнее,
Жди – придет и твой черед.
Задыхайся, цепенея,
Леденея перед нею.
Срок пройдет – подставишь шею, –
Ночь, неделя или год.
15 апреля 1897

«В поле не видно ни зги...»
В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,

Сам я смертельно устал,
Как помогу?
Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!»
18 мая 1897

«Ускользающей цели...»
Ускользающей цели
Обольщающий свет,
И ревнивой метели
Угрожающий бред...
Или время крылато?
Или сил нет во мне?
Все, чем жил я когда-то,
Словно было во сне.
Замыкаются двери,
И темнеет кругом,
И утраты, потери,
И бессильно умрем.
Истечение чую
Холодеющих сил,
И тоску вековую
Беспощадных могил.
15 июня 1897

«Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг...»
Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?
Зову тебя давно. Бессонными мечтами
Давно замкнулся я в недостижимый круг, –
И только ты один, легчайшими руками
Ты разорвешь его, мой тайный, дальний друг.
Я жду, и жизнь моя темна, как смутный бред.
Толпятся чудища перед заветным кругом,
И мне грозят они, и затмевают свет,
И веют холодом, печалью да испугом.
Мне тяжело без тебя, вся жизнь моя как бред.
Сгорает день за днем, за ночью тлеет ночь, –
Мерцает впереди непостижимым светом
Гора, куда взойти давно уж мне невмочь.
О милый, тайный друг, поверь моим обетам
И посети меня в тоскующую ночь.
15 июня 1897

Утешающий свет
В темный час на иконы
Безнадежно гляжу,
И закрыты каноны,
И молитв не твержу.
Безобразны и дики
Впечатления дня.
Бестревожные лики,
Утешайте меня!
От бесстрастного взора
Прямо в душу мою
Я греха и позора
Никогда не таю.
Не от мира исходит
Утешающий свет,
И не к жизни приводит
Нерушимый завет.
Что мне мир. Он осудит
Иль хвалой оскорбит.
Темный путь мой пребудет
Нелюдим и сокрыт.

«Мелькающие годы...»
Мелькающие годы,
Томителен ваш лад,
Как поздней непогоды
Тоскующий наряд.
Протягивая руки,
С надеждою в глазах,
Несбыточной науки
Я ждал, в ночных путях, –
И чар полночных сила
Несла мне свой покой,
И сердце примирила
С безвыходной судьбой.
Но я, неблагодарный,
Уставший тайной жить,
С насмешкою коварной
Стал тайну поносить, –
И в мир полдневной скуки
Бежал поспешно я
От радостной науки
Ночного бытия.
И сердце взволновалось,
В огне внезапном кровь, –
Нежданная примчалась
Проказница – любовь.
Но крик ее веселый
Меня остановил,
И стан ее дебелий
Мечты мои убил.
Я робко отрекаюсь
От злых ее тревог
И быстро возвращаюсь
В полночный мой чертог.
15 августа 1897

«Час ночной отраден...»
Час ночной отраден
Для бесстрашного душой.
Воздух нежен и прохладен,
Темен мрак ночной.
Только звезд узоры
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.
Грусть моя, усни!
Вся обычность скрыта,
Тьмою смыты все черты.
Ночь – безмолвная защита
Мне от суеты.
Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережет,
Чутких глаз с меня не сводит,
Но не подойдет.
16 августа 1897

«Полуночную порою...»
Полуночную порою
Я один с больной тоскою
Перед лампою моей.
Жизнь докучная забыта,
Плотно дверь моя закрыта, –
Что же слышно мне за ней?
Отчего она, шатаясь,
Чуть заметно открываясь,
Заскрипела на петлях?
Дверь моя, не открывайся!
Внешний холод, не врывайся!

Нестерпим мне этот страх.
Что мне делать? Заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?
Но слаба рука моя.
И уста дрожат от страха.
Так, воздвигнутый из праха,
Скоро прахом стану я.
18 – 20 августа 1897

«Под звучными волнами...»

Под звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветет любовь моя,
И счастья земного,
Как прежде, жажду я.
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.
Обвеянный прохладой
В немом ее саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищу тропинок,
Где травы проросли, –
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.
И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза ее, тоскуя,
Во тьму мою глядят.
В ночи ее бессонной
Внезапные мечты,
В косе незаплетенной
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смею,
Таю любовь мою.
23 августа 1897

«Суровый друг, ты недоволен...»
Суровый друг, ты недоволен,
Что я грустна.
Ты молчалив, ты вечно болен, –
И я больна.
Но не хочу я быть счастливой,
Идти к другим.
С тобой мне жить в тоске пугливой,
С больным и злым.
Отвыкла я от жизни шумной
И от людей.
Мой взор горит тоской безумной,
Тоской твоей.
Перед тобой в немом томленьи
Сгораю я.
В твоём печальном заточеньи
Вся жизнь моя.
24 августа 1897

«Выйди в поле полночное...»

Выйди в поле полночное,
Там ты стань на урочное,
На заклятое место, –
Где с тоской распрощался,
На осине качалась
Молодая невеста.
Призови погубителя,
Призови обольстителя,
И приветствуй прокуду, –
И спроси у проклятого
Не былого, не знатого, –
Быть добру или худу.
Опылит тебя топотом,
Оглушит тебя шепотом
И покатится с поля.
Слово довеку свяжется,
Без покрова покажется
Посуленная доля.
27 августа 1897

«Закрывая глаза, я целую тебя...»
Закрывая глаза, я целую тебя, –
Бестелесен и тих поцелуй.
Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
В колыханьи тумана и струй.
Я плыву на ладье, – и луна надо мной
Подымает печальный свой лик;
Я плыву по реке, – и поник над рекой
Опечаленный чем-то тростник.
Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой,
И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой,
И когда ты мне молвишь: «Причалъ».
Этот призрачный лес на крутом берегу,
И поля, и улыбка твоя –
Бестелесное все. Я забыть не могу
Бесконечной тоски бытия.
28 августа 1897

«Не думай, что это березы...»
Не думай, что это березы,
Что это холодные скалы.
Все это – порочные души.
Печальны и смутны их думы,
И тягостна им неподвижность, –
И нам они чужды навеки;
И люди вовек не узнают
Заклятой и страшной их тайны.
И мудрому только провидцу
Открыто их темное горе
И тайна их скованной жизни.
29 августа 1897

«Забыты вино и веселье...»
Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, –
Один он идет в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.
И дверь заскрипела протяжно, –
В нее не входили давно.
За дверью и темно, и влажно,
Высоко и узко окно.
Глаза привыкают во мраке, –
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.
Он долго глядит на сплетенья
Непонятых знаков и ждет,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Что взорам его просветленье
Всеизражающая смерть принесет.
8 сентября 1897

«Жаркое солнце по небу плывет...»
Жаркое солнце по небу плывет.
Ночи земля утомленная ждет.
В теле – истома, в душе – пустота,
Воля почилла, и дремлет мечта.
Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия.
Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томлению трав,
Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине.
9 октября 1897

«Келья моя и тесна, и темна...»
Келья моя и тесна, и темна.
Только и свету, что свечка одна.
Полночи вещей я жду, чтоб гадания
Снова начать
И услышать
Злой моей доли вещания.
Олово, ложка да чаша с водой –
Всё на дощатом столе предо мной.
Олово в ложке над свечкой мерцающей
Я растоплю,
И усыплю
Страх, мое сердце смущающий.
Копоть покрыла всю ложку мою.
Талое олово в воду я лью.
Что же пророчит мне олово?
Кто-то стоит
И говорит:
«Взял же ты олова – злого, тяжелого!»
Острые камни усеяли путь,
Меч изостренный вонзился мне в грудь.
13 октября 1897

«Долог мой путь утомительный...»
Долог мой путь утомительный,
Мрак надо мной,
Слышу я чей-то пронзительный,
Жалобный вой.
Дышит он злыми укорами,
Горько зовет,
Но над немymi просторами
Друг не пройдет.
14 октября 1897

«О владычица смерть, я роптал на тебя...»
О владычица смерть, я роптал на тебя,
Что ты, злая, царишь, все земное губя.
И пришла ты ко мне, и в сиянии дня
На людские пути повела ты меня.
Увидал я людей в озареньи твоём,
Омраченных тоской, и бессильем, и злом.
И я понял, что зло под дыханьем твоим
Вместе с жизнью людей исчезает, как дым.
20 октября 1897

«Ты ко мне приходила не раз...»
Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час
И всегда утешала меня.
Ты мою отгоняла печаль
И вела меня в ясную даль,

Тишиной и мечтой осень.
И мы шли по широким полям,
И цветы улыбались нам,
И, смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас – потерянный рай,
Что я – светлый и радостный май
И что ты – молодая весна.
14 декабря 1897

«Не стоит ли кто за углом...»
Не стоит ли кто за углом?
Не глядит ли кто на меня?
Посмотреть не смею кругом,
И зажечь не смею огня.
Вот подходит кто-то впотьмах,
Но не слышны злые шаги.
О, зачем томительный страх?
И к кому воззвать: помоги?
Не поможет, знаю, никто,
Да и чем и как же помочь?
Преодо мной темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.
18 декабря 1897

«Не могу собрать...»
Не могу собрать,
Не могу связать, –
Или руки бессильны?
Или стебли тонки?
Как тропы мои пыльны!
Как слова не звонки!
И чего искать?
И куда идти?
Не могу понять,
Не могу найти.
20 декабря 1897

«Я лесом шел. Дремали ели...»
Я лесом шел. Дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох, –
Мой друг далекий, неужели
Я слышал твой печальный вздох?
И это ты передо мною
Прошел, безмолвный нелюдим,
Завороженный тишиною
И вечным сумраком лесным?
Я посмотрел, – ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой, –
Прошло мгновенье, – лес качнулся, –
И нет тебя передо мной.
Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.
20–21 декабря 1897

«На нем изношенный кафтан...»
На нем изношенный кафтан
И шапка колпаком,
Но весь он зыбкий, как туман,
И нет лица на нем.
Не слышно голоса его,
Не видно рук и ног,
И он ступить ни у кого
Не смеет на порог.
Не подойдет и не пройдет
Открыто впереди, –
Он за углом в потемках ждет,

Бежит он позади.
Его никак не отогнать,
Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать да плясать
Беззвучно за спиной.
21 декабря 1897

«Белая тьма созидает предметы...»
Белая тьма созидает предметы
И обольщает меня.
Жадно ищу я душою просветы
В область нетленного дня.
Кто же внесет в заточенье земное
Светоч, пугающий тьму?
Скоро ль бессмертное, сердцу родное
В свете его я пойму?
Или навек нерушима преграда
Белой, обманчивой тьмы,
И бесконечно томиться мне надо,
И не уйти из тюрьмы?
21 декабря 1897

«Отвори свою дверь...»
Отвори свою дверь
И ограду кругом обойди.
Неспокойно теперь, –
Не ложись, не засни, подожди.
Может быть, в эту ночь
И тебя позовёт кто-нибудь.
Поспешешь ли помочь?
И пойдешь ли в неведомый путь?
Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьме, за стеной
Станет кто-нибудь звать,
Одиноким, усталым, больной.
Выходи к воротам
И фонарь пред собою носи.
Хоть бы сгинул ты сам,
Но того, кто взывает, спаси.
30 декабря 1897

«Не понимаю, отчего...»
Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встает какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.
Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, –
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье и свободу?
И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обрести я мысль и слово
И мир создать себе живой?
Окрест меня всё жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня и полях весна
Благоухания колышет.
Но не понять мне, отчего
В природе мертвенной и скудной
Воссоздается властью чудной
Духовнои жизни торжество.
7 января 1898

«Чернеет лес по берегам...»
Чернеет лес по берегам.
Один сию я в челноке,
И к неизвестным берегам

я устремляюсь по реке.
На небе ясная луна,
А на реке туман встает.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поет.
О ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?
29 января 1898 Миракс

«Идти б дорогою свободной...»
Идти б дорогою свободной, –
Да лих, нельзя.
Мой путь лежит в степи холодной,
Иду, скользя.
Вокруг простор, никто не держит,
И нет оков,
И божий гнев с небес не вержет
Своих громов.
Но светлый край далек отсюда,
И где же он?
Его приблизит только чудо
Иль вещей сон.
Он мне, как счастье, неведом;
Меня ведет
Моя судьба звериным следом
Среди болот.
20 августа 1897, 20 марта 1898

«Передраассветный сумрак долог...»
Передраассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.
Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передраассветный долгий холод
В истоме раннего пути.
Но кто сжимает пыльный посох
Сухую старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Завороженных тишиной!
11 ноября 1894, 4 апреля 1898

«Я иду от дома к дому...»
Я иду от дома к дому,
Я у всех стучусь дверей.
Братья, страннику больному,
Отворите мне скорей.
Я устал блуждать без крова,
В ночь холодную дрожать
И тоску пережитого
Только ветру поверять.
Не держите у порога,
Отворите кто-нибудь,
Дайте, дайте хоть немного
От скитаний отдохнуть.
Знаю песен я немало, –
Я всю ночь готов не спать.
Не корите, что устало
Будет голос мой звучать,
Но калитки не отворят
Для певца ни у кого.
Только ветры воем вторят
Тихим жалобам его.
23 декабря 1897, 10 июня 1898

«Под кустами...»

Под кустами
Снег лежит,
Весь истаял
И сквозит.
Вот подснежник
Под ольхой, –
Он в одежде
Голубой.
Для чего ж он
Так спешит?
Что тревожит?
Что томит?
19 июня 1898 Миракс

«Иди в толпу с приветливою речью...»
Иди в толпу с приветливою речью
И лицемерь.
На опыте всю душу человечесю
До дна измерь.
Она узка, темна и несвободна,
Как темный склеп,
И тот, кто час провел в ней неисходно,
Навек ослеп.
И ты поймешь, какое врачеванье
В окно глядеть
Из тьмы души на птичье ликование
И сметь, и петь.
29 июля 1898

«Есть соответствия во всем...»
Есть соответствия во всем, –
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слезы мы найдем.
И если жаждем утешенья,
Бежим далеко от людей.
Среди лесов, среди полей –
Покой, безмыслие, забвенье.
Ветвями ветер шелестит,
Трава травую так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.
Так, доверяясь природе,
Наперекор судьбе, во всем
Мы соответствия найдем
Своей душе, своей свободе.
2 августа 1898 за Гатчиной

«Если б я был к счастью приневолен...»
Если б я был к счастью приневолен,
Если б я был негой опьянен,
Был бы я, как цвет тепличный, болен
И страстями безумными спален.
Но легко мне: я живу печален,
Я суровой скорби в жертву дан.
Никаким желаньем не ужален,
Ни в какой не вдамся я обман.
И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенен,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, легкая, как сон.
2 августа 1898 за Гатчиной

Окно ночное
Весь дом покоен, и лишь одно
Окно ночное озарено.
То не лампадный отрадный свет:

Там нет отрады, и сна там нет.
Больной, быть может, проснулся вдруг,
И снова гложет его недуг.
Или, разлуке обречена,
В жестоких муках не спит жена.
Иль, смерть по воле готов призвать,
Бедняк бездельный не смеет спать.
Над милым прахом, быть может, мять
В тоске и страхе пришла рыдать.
Иль скорбь иная зажгла огни.
О злая, злая! к чему они?
3 августа 1898

«В его саду растет рябина...»
В его саду растет рябина.
В его дому живет кручина.
На нем изношенный кафтан.
Глаза окутаны туманом,
Как будто налито шафраном
Лицо, и согнут тощий стан.
Надежда милая убита,
И что от бед ему защита?
Терпеть судьба ему велит.
Перед его печальной хатой,
Враждебной властью заклятой,
Рябина горькая стоит.
4 августа 1898

«О сердце, сердце! Позабыть...»
О сердце, сердце! позабыть
Пора надменные мечты
И в безнадежной доле жить
Без торжества, без красоты,
Молчаньем верным отвечать
На каждый звук, на каждый зов,
И ничего не ожидать
Ни от друзей, ни от врагов.
Суров завет, но хочет бог,
Чтобы такую жизнь была
Среди медлительных тревог,
Среди томительного зла.
5 августа 1898

«Давно стараюсь, и напрасно...»
Давно стараюсь, и напрасно,
Поработить себя уму.
Смиряться сердце не согласно,
Нет утоления ему.
А было время, – простодушно,
Хоть и нелепо, жизнь текла,
И сердцу вольному послушна
Мысль раболепная была.
Ты в тайне зрела, возрастала,
Ты извивалась, как змея, –
О мысль моя, ты побывала
На всех просторах бытия.
И чем меня ты обольстила?
К чему меня ты увлекла?
Ты ничего мне не открыла
И много, много отняла.
Восходит солнце, как и прежде,
И светит нежная луна,
И обаятельной надежде
Душа бессмертная верна.
И ясен путь мне, путь мой правый,
Я не могу с него свернуть, –
Но неустанно ум лукавый
Хулит единый правый путь.

О, если б бурным дуновеньем
Его коварство разнесло
И всепобедным вдохновеньем
Грозу внезапную зажгло!
О, если б огненные крылья!
О, если б в буйстве бытия,
Шипя от злобы и бессилья,
Сгорела хитрая змея!
10 июня – 14 августа 1898

«Узкие мгlistые дали...»
Узкие мгlistые дали.
Камни везде, и дома.
Как мне уйти от печали?
Город мне – точно тюрьма.
Кто же заклятью неволи
Скучные стены обрек?
Снова ль метаться от боли?
Славить ли скудный порок?
Ждать ли? Но сердце устало
Горько томиться и ждать.
То, что когда-то пылало,
Может ли снова пылать?
15 августа 1898

«Печальный дар анахорета...»
Печальный дар анахорета,
С гробниц увядшие цветы,
Уединенного поэта
Неразделенные мечты.
Иных сокровищ не имею
И никогда не соберу.
Судьбе противиться не смею,
Аскетом нищим и умру.
16 августа 1898

«Холод повеял в окно...»
Холод повеял в окно –
И затворилось оно.
Снова один я, и в мире живом,
И не обманут промчавшимся сном.
Снова я грустен и нем.
Где же мой кроткий Эдем?
Пестрым узором напрасно дразня,
Темные стены глядят на меня.
Скучная лампа горит.
Скучная книга лежит.
22 августа 1898

«Язычница! Как можно сочетать...»
Язычница! Как можно сочетать
Твою любовь с моею верой?
Ты хочешь красным полымем пылать,
А мне – золой томиться серой.
Ищи себе языческой души,
Такой же пламенной и бурной, –
И двух огней широкие ковши
Одной скуются яркой урной.
22 августа 1898

«Мечты о славе! Но зачем...»
Мечты о славе! Но зачем
Кумир мне бронзовый иль медный,
Когда я в жизни робко-нем,
Когда я в жизни странник бледный?
На шумных улицах, где я
Иду, печальный и усталый,
Свершать в пределах жития

Мой труд незнаемый и малый,
На перекрестке, где-нибудь,
Мое поставят изваянье,
Чтоб опорочить скорбный путь
И развенчать мое изгнание.
О, суета! о, бедный дух!
Честолюбивое мечтанье!
Враждебно-чуждых жизнью двух
Столь незаконное слиянье!
Я отрекаюсь наперед
От похвалы, от злой отравы,
Не потому, что смерть взойдет
Предтечею ненужной славы,
А потому, что в мире нет
Моим мечтам достойной цели,
И только ты, нездешний свет,
Чаруешь сердце с колыбели.
23 августа 1898

«Не поверь лукавой лжи...»
Не поверь лукавой лжи,
Не тужи, не ворожи,
Покоряйся.
Что пропало, не вернешь,
Ждешь чего, то, верно, ложь,
Не прельщайся.
Краток праздник бытия.
Жизнь твоя и не твоя, –
Наслаждайся.
28 августа 1898

«Мы людей не продаем...»
Мы людей не продаем
За наличные,
Но мы цепи им куем,
Всё приличные, –
И не сами, а нужда, –
Цепи прочные,
Ну а сами мы всегда
Непорочные.
23 августа 1898

«Скучная лампа моя зажжена...»
Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.
Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,
Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,
Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь
И в совершенном созданьи одном
Чистым навеки зажечься огнем.
26 августа 1898

«Вот минута прощальная...»
Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?
Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?
Для того ли скиталась
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалась
С их немой тишиной?

И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.
27 августа 1893

«Надо мною, как облако...»
Надо мною, как облако
Над вершиной горы,
Ты пройдешь, словно облако
Над вершиной горы.
В многоцветном сиянии,
В обаяньи святом,
Ты промчишься в сиянии,
В обаяньи святом.
Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, –
Утомленный, безрадостный,
За тобою глядеть,
Тосковать и печалиться,
Безнадежно грустить,
О далеком печалиться,
О бесследном грустить.
28 августа 1898

«На улицах пусто и тихо...»
На улицах пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною – безумное Лихо,
И нет от него мне защиты.
Оградой железной и медной
Замкнулся от нищих богатый.
Я – странник унылый и бледный,
А Лихо – мой верный вожатый.
И с ним я расстаться не смею.
На улицах пусто и тихо.
Пойдем же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!
29 августа 1898

Огненный мак
В черном колышется мраке
Огненный мак.
Кто-то проходит во мраке,
Держит пылающий мак.
Близко ли он иль далеко,
Тихий маяк?
Близко ль ко мне иль далеко
Зыблется красный маяк?
В черном колеблется мраке
Огненный мак.
Господи, дай мне во мраке
Этот спасительный мак.
30 августа 1898

«Ночь настанет, и опять...»
Ночь настанет, и опять
Ты придешь ко мне тайком,
Чтоб со мною помечтать
О нездешнем, о святом.
И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Предо мною свет и тьму.
Буду спать или не спать,
Буду помнить или нет, –
Станет радостно сиять
Для меня нездешний свет.

«Камыш качается...»
Камыш качается,
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.
Едва колыхнется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несет мне весть,
Что подвиг сладостный
И светлый есть.
На небе чистая
Моя звезда
Зажглась, лучистая,
Горит всегда,
И сны чудесные
На той звезде,
И сны небесные
Со мной везде.
12 сентября 1898

Другу неведомому
О друг мой тайный,
Приди ко мне
В мечте случайной
И в тишине.
В мою пустыню
Сойди на миг,
Чтоб я святыню
Твою постиг.
В бездушном прахе
Моих путей,
В тоске да в страхе
Безумных дней,
В одежде пыльной,
Сухой тропой
Иду, бессильный,
Едва живой.
Но весь жестокий
Забуду путь,
Лишь ты, далекий,
Со мной побудь.
Явись мне снова
В недолгом сне,
И только слово
Промолви мне.
18 сентября 1898

«Друг мой тихий, друг мой дальный...»
Друг мой тихий, друг мой дальный,
Посмотри, –
Я холодный и печальный
Свет зари.
Я напрасно ожидаю
Божеества, –
В бледной жизни я не знаю
Торжества.
Над землю скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну канет

Злая тень, –
И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальный,
Я умру
14 сентября 1898

«Томленья злого...»
Томленья злого
На сердце тень, –
Восходит снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И где отрада?
И где любовь?
Рабом недужным
Пойду опять
В труде ненужном
Изнемогать.
Ожесточенье
Проснется вновь,
И где терпенье?
И где любовь?
16 сентября 1898

«Угас дневной надменный свет...»
Угас дневной надменный свет,
Угомонились злые шумы, –
И наступает ваш рассвет,
Благие творческие думы.
Темнее сумрак за окном,
Светлее кроткая лампада.
В уединении ночном
Успокоение, отрада.
Преображается в мечтах
Дневное горькое томленье,
И все, что было злость и страх,
Теперь смиренное моленье.
Благоухая и звеня,
Восходит к божьему престолу,
А тени суетного дня,
Скользя, бледнея, никнут долу.
16 сентября 1898

«Я напрасно хочу не любить...»
Я напрасно хочу не любить, –
И, природе покорствуя страстной,
Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.
Чуть могу любоваться тобой
И сказать тебе слова не смею,
Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.
А настанут жестокие дни,
Ты уйдешь от меня без возврата.
О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.
16 сентября 1898

Звезда Маир
1 «Звезда Маир сияет надо мною...»
Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездой
Далекий мир.
Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,

И ясен свет блистающий Маира
На той земле.
Река Лигой в стране любви и мира,
Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира
Своей волной.
Бряцанье лир, цветов благоуханье,
Бряцанье лир
И песни жен слились в одно дыханье,
Хвала Маир,
15 сентября 1898

2 «На Ойле далекой и прекрасной...»
На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Песней спадкогласной и согласной
Славит все блаженство бытия.
Там, в сияньи ясного Маира,
Все цветет, все радостно поет.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.
Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя –
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.
22 сентября 1898

3 «Всё, чего нам здесь недоставало...»
Всё, чего нам здесь недоставало,
Всё, о чем тужила грешная земля,
Расцвело на вас и засияло,
О Лигойские блаженные поля!
Мир земной вражда заплонила,
Бедный мир земной в унынье погружен,
Нам отрадна тихая могила
И подобный смерти, долгий, темный сон.
Но Лигой струится и трепещет,
И благоухают чудные цветы,
И Маир безгрешный тихо блещет
Над блаженным краем вечной красоты.
23 сентября 1898

4 «Мой прах истлеет понемногу...»
Мой прах истлеет понемногу,
Истлеет он в сырой земле,
А я меж звезд найду дорогу
К иной стране, к моей Ойле.
Я все земное позабуду,
И там я буду не чужой, –
Доверюсь я иному чуду,
Как обычаю земной.
22 сентября 1898

5 «Мы скоро с тобою...»
Мы скоро с тобою
Умрем на земле, –
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле.
Под ясным Маиром
Узнаем мы вновь,
Под светлым Маиром
Святую любовь.
И всё, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Покажет Маир.
22 сентября 1898

6 «Бесстрастен свет с Маира...»
Бесстрастен свет с Маира,
Безгрешен взор у жен, –
В сиянии с Маира
Великий праздник мира
Отрадой окружен.
Далекая отрада
Близка душе моей, –
Ойле, твоя отрада –
Незримая ограда
От суетных страстей.
10 января 1901

«В глубокий час молчания ночного...»
В глубокий час молчания ночного
Тебе я слово тайное шепну.
Тогда закрой глаза, и снова
Увидишь ты мою страну.
Доверься мне опять, иди за мною,
На здешний мир не подымая глаз,
Пока, объятый тихой мглою,
Полночный светоч не угас, –
И всё, о чем душа моя томится,
И для чего не надо слез и слов,
Перед тобою загорится
В ночной стране безмолвных снов.
24 сентября 1898

«О, жизнь моя без хлеба...»
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе бог.
Иду в широком поле,
В уныньи темных рощ,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,
И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Все душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе бог.
О, жизнь мол без хлеба,
Зато и без тревог!
26 сентября 1898

«Дни за днями...»
Дни за днями...
Боже мой!
Для чего же
Я живой?
Дни за днями...
Меркнет свет.
Отчего ж я
Не отпет?
Дни за днями...
Что за стыд!
Отчего ж я
Не зарыт?
Поп с кадиллом,

Ты-то что ж
Над могилой
Не поешь?
Что же душу
Не влачат
Злые черти
В черный ад?
26 сентября 1898

«Вереницы мечтаний порочных...»
Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных
Обнаженные пляшут блудницы,
И в гремящем смятении трубном,
С несказанным бесстыдством во взгляде,
Потрясает сверкающим бубном
Скоморох в лоскуточном наряде.
Высоко поднимая колени,
Безобразные лешие лают,
И не ищут скрывающей тени,
И блудниц опьянелых ласкают.
И, внимая нестройному вою,
Исхудалые узники плачут,
И колотятся в дверь головою,
И визжат, и хохочут, и скачут.
26 сентября 1898

«Он шел путем зеленым...»
Он шел путем зеленым
В неведомую даль.
За ним, с протяжным стоном,
Влеклась его печаль,
Цеплялась за одежду,
Хотела удержать,
Последнюю надежду
Старалась отогнать,
Но тихие лампы
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
В неведомой дали, –
И нежное дыханье
В безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навевало ему.
27 сентября 1898

«Чиста любовь моя...»
Чиста любовь моя,
Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье.
Люблю одну тебя,
Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.
И знаю я, что здесь
Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних темных мест далече.
А мой удел земной –
В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.
29 сентября 1898

«Забыв о родине своей...»
Забыв о родине своей,

Мы торжествуем новоселье, –
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!
Но всё проходит, гаснут страсти,
Скучна веселость наконец;
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.
Всё чаще станем повторять
Судьбе и жизни укоризны,
И тихий мир своей отчизны
Нам всё отрадней вспоминать.
30 сентября 1898

«Ты незаметно проходила...»
Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла.
Как незажженное кадило,
Благоухать ты не могла.
Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.
Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.
Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.
1 октября 1898

«Опять сияние в лампаде...»
Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует бог в надзвездном граде,
А мой удел – унылый плен.
С иконы темной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, –
И пожелтелые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадежные гробницы,
Уже не смотрят на меня.
1 октября 1898

«Пришли уставленные сроки...»
Пришли уставленные сроки,
И снова я, как раб, иду
Свершать ненужные уроки,
Плодить пустую меледу.
Потом унылый вечер будет,
И как мне милый труд свершить,
Когда мечты мои остудит
Все, что придется пережить!
Потом полночные печали
Придут с безумною тоской,
И развернут немые дали,
Где безнадежность и покой.
2 октября 1898

«Громадный живот...»
Громадный живот,

Искаженное злобой лицо,
Окровавленный рот,
А в носу – золотое кольцо.
Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, –
Он кудесник и враг,
И свирепость его голодна.
На широком столбе
Он сидит, глядит на меня
И твердит о судьбе,
Золотое копье наклоня.
»Сразить не могу, –
Говорит, – не пришел еще срок,
Я тебя стерегу,
Не уйдешь от меня: я жесток.
Копье подыму,
Поражу тебя быстрым копьем
И добычу возьму
В мой костыми изукрашенный дом».
2 октября 1898

«Если трудно мне жить, если больно дышать...»
Если трудно мне жить, если больно дышать,
Я в пустыню иду – о тебе помечтать,
О тебе рассказать перелетным ветрам,
О тебе погадать по лесным голосам.
Я позвал бы тебя, – не умею назвать;
За тобой бы послал, – да не смею послать;
Я пошел бы к тебе, – да не знаю пути;
А и знал бы я путь, – так боялся б идти.
Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забыл и сокрытого жду, –
И безмолвная смерть поцелует меня,
И к тебе уведет, тишиной осеня.
3 октября 1898

«Затхлый запах старых книг...»
Затхлый запах старых книг
Оживил в душе бывшее,
В злой тоске пережитое,
В тихом звяканьи вериг,
Дни, когда, смиренный инок,
В келье тесной, близ икон,
Я молился, окружен
Тучей пляшущих пылинок,
И славянскую печать,
Прихотливые узоры,
Отуманенные взоры
Ухищрялись разбирать.
5 октября 1898

«Ветер в трубе...»
Ветер в трубе
Воет о чьей-то судьбе,
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.
«Бедные дети в лесу!
Кто им укажет дорогу?
Жалобный плач понесу
Тихо к родному порогу,
Ставнями стукну слегка,
Сам под окошком завою, –
Только немая тоска
К ним заберется со мною.
Им непонятен мой зов.
Дети, обнявшись, заплачут.
Очи голодных волков
Между дерев замаячут».

Ветер в трубе
Плачет о чьей-то судьбе,
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.
6 октября 1898

«Ты ничего не говорила...»
Ты ничего не говорила, –
Но уж и то мне был укор.
К смиренным травам ты склонила
Твое лицо и кроткий взор.
И от меня ушла неспешно,
Вдыхая слабый запах трав.
Твоя печаль была безгрешна,
И тихий путь твой не лукав.
8 октября 1898

Голос из публики
Сочиняй ты, как другие,
Я б стихи читал такие,
Всё приятное любя.
Что ж ты пишешь? О невесте,
О любви, вражде и мести
Мало речи у тебя.
Всё бесстрастные иконы,
Покаянные каноны
Да в лампадках слабый свет,
А потом туман, болото,
Угрожающее что-то, –
Сон бессвязный, смутный брел,
Коли гонишься за славой,
Декадентскую отравой
Ты людей не угощай,
Но пиши стихи про бедных,
Иль касайся тем безвредных,
И понятно сочиняй.
8 – 9 октября 1898

«Слабеют силы...»
Слабеют силы,
Трудней идти,
Но не унылы
Мои пути.
Длиннее ночи,
Темнее дни.
Мечта, мне в очи
Взгляни, блесни.
Грозится злоба,
Но страха нет,
С мечтой мы оба, –
Отраден свет.
18 октября 1898

«Цветик белоснежный...»
Цветик белоснежный
У тропы тележной
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, простился с домом,
Ты ушел далече, –
Суждена ль нам встреча?
Цветик нежный, синий
Над немой пустыней
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, расстался с домом,
От тебя хоть слово
Я услышу ль снова?
13 октября 1898

«Для чего в пустыне дикой...»
Для чего в пустыне дикой
Ты возник, мой вешний цвет?
Безнадежностью великой
Беспощадный веет свет.
Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярым чарам,
Мир дрожит в его лучах.
Милый цвет, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинок, –
Скоро венчик ты уронишь
На сухой и злой песок.
Для чего среди пустыни
Ты возник, мой вешний цвет,
Если в мире нет святыни
И надежды в небе нет.
17 октября 1898

«День туманный...»
День туманный
Настает,
Мой желанный
Не идет.
Мгла вокруг.
На пороге
Я стою,
Вся в тревоге,
И пою.
Где ж мой друг?
Холод веет,
Сад мой пуст,
Сиротеет
Каждый куст.
Скучно мне,
Распрощался
Ты легко
И умчался
Далеко
На коне.
По дороге
Я гляжу,
Вся в тревоге,
Вся дрожу, –
Милый мой!
Долго стану
Слезы лить,
В сердце рану
Бередить, –
Бог с тобой!
20 октября 1898

«Полуночная жизнь расцвела...»
Полуночная жизнь расцвела,
На столе заалели цветы.
Я ль виновник твоей красоты,
Иль собою ты так весела?
В озарении бледных огней
Полуночная жизнь расцвела.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я – только данник ночей?
Я ль тебя из темницы исторг
В озарение бледных огней?
Иль томленья томительных дней –
Только дань за недолгий восторг?
4 декабря 1898

«Дни безрадостно-пустынны...»

Дни безрадостно-пустынны,
Верный спутник мой – тоска,
И она и я невинны,
Что свобода далека.
Для меня закон – смирение,
Удаленье от борьбы
И безмолвное терпенье
В испытаниях судьбы.
Жизнь моя над суетою
Вознеслась, земле чужда,
Предначертанной стезею,
Непорочная звезда.
20 декабря 1898

«Поет печальный голос...»
Поет печальный голос
Про тишину ночную,
Глядит небесный лебедь
На лилию земную.
На ней роса мерцает
От четырех озер.
В лазоревое море
Она подымлет взор.
Поет печальный голос
О чем-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь,
В пути ли невозвратном?
Она в печали нежной,
Она как снег бела,
Ее волна колышет,
Ее лелеет мгла.
22 – 23 декабря 1898

«Не надейся на силу чудесную...»
Не надейся на силу чудесную
Призорочной черты, –
Покорила я ширь поднебесную,
Одолеешь ли ты?
Я широко раскрою объятия,
Я весь мир обниму, –
Заговоры твои и заклęcia
Ни на что, ни к чему.
Укажу я зловещему ворону
Над тобою полет.
Новый месяц по левую сторону, –
Ты увидишь, – взойдет.
На пути твоём вихри полдневные
Закручу, заверчу;
Лихорадки и недуги гневные
На тебя нашепчу.
Всё покрою заразою смрадною,
Что приветишь, любя,
И тоской гробовой, беспощадною
Иссушу я тебя.
И ко мне ты покорно преклонишься,
Призывая меня,
И в объятых моих ты схоронишься
От постылого дня.
24 декабря 1898

«Суровый звук моих стихов...»
Суровый звук моих стихов –
Печальный отзвук дальной речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О вдохновенье горьких слов?
Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной

К стране, вотще обетованной,
И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забуть ли горечь долгих мук!
6 января 1899

«В дневных лучах и в сонной мгле...»
В дневных лучах и в сонной мгле,
В моей траве, в моей земле,
В моих кустах я схоронил
Мечты о жизни, клады сил,
И окружился я стеной,
Мой свет померк передо мной,
И я забыл, давно забыл,
Где притаились клады сил.
Порой, взобравшись по стене,
Сажу печально на окне, –
И силы спят в земле сырой,
Под неподвижную травой.
Как пробудить их? Как воззвать?
Иль им вовеки мирно спать,
А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?
6 января 1899

«Невеста тихая приходит...»
Невеста тихая приходит.
Какие белые цветы!
Кого она с собой приводит?
О чем в очах ее мечты?
Она сложила странно руки,
Она склонила взор к земле.
Ее весна – заря разлуки,
Ее пути лежат во мгле.
Идет в святом благоуханьи,
Колебя белую фату
И в угасающем дыханьи
Струя холодную мечту.
20 марта 1899

«Недотыкомка серая...»
Недотыкомка серая
Всё вокруг меня вьется да вертится, –
То не лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?
Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, –
Помоги мне, таинственный друг!
Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.
Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.
1 октября 1899

«Давно мне голос твой невнятен...»
Давно мне голос твой невнятен,
И образ твой в мечтах поблек.
Или приход твой невозвратен
И я навеки одинок?
И был ли ты в моей пустыне,
Иль призрак лживый, мой же сон,
В укор несправедной гордыне

Врагом безликим вознесен?
Кто б ни был ты, явись мне снова,
Затми томительные дни,
И мрак безумия земного
Хоть перед смертью осени.
12 октября 1899

«Я томился в чарах лунных...»
Я томился в чарах лунных,
Были ясны лики дивных дев,
И звучал на гусях златострунный
Сладостный напев.
В тишине замороженной
От подножья недоступных гор
Простирался светлый и бессонный,
Но немой простор.
К вещей тайне несказанной
Звал печальный и холодный свет,
И струился вдаль благоуханный,
Радостный завет.
16 ноября 1899

«Рассвет полусонный, я очи открыл...»
Рассвет полусонный, я очи открыл,
Но нет во мне воли, и нет во мне сил.
И душны покровы, и скучно лежать,
Но свет мой не хочет в окне засиять.
Докучная лампа, тебя ли зажечь,
Чтоб взоры направить на мертвую речь?
Иль грешной мечтою себя веселить,
Приникнуть к подушке и все позабыть?
Рассвет полусонный, я бледен и хил,
И нет во мне воли, и нет во мне сил.
21 ноября 1899

«Иду в смятеньи чрезвычайном...»
Иду в смятеньи чрезвычайном,
И, созерцая даль мою,
Я в неожиданном, в случайном
Свои порывы узнаю.
Я снова слит с моей природой,
Хотя доселе не решил,
Стремлюсь ли я своей свободой
Или игрой мне чуждых сил.
Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, – жизнь моя
Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.
21 ноября 1899

«От курослепов на полях...»
От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.
Как мне не чувствовать ее
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие мое
Она венчает злом и благом.
Волной в ручье моем звеня,
Лаская радостное тело,
Она несет, несет меня,
Ее стремленьям нет предела.
Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!
22 ноября 1899

«Плеснула рыбка под водой...»
Плеснула рыбка под водой,
И покачнулась там звезда.
Песок холодный и сырой,
А в речке теплая вода.
Но я купаться подожду,
Слегка кружится голова, –
Сперва я берегом пройду.
Какая мокрая трава!
И как не вздрогнуть, если вдруг
Лягушка прыгнет стороной,
Иль невзначай на толстый сук
Наступишь голою ногой!
Я не боюсь, но не пойму,
Зачем холодная трава,
И темный лес, и почему
Так закружилась голова.
22 ноября 1899 Миракс

«На распутьи злом и диком...»
На распутьи злом и диком
В темный час я тихо жду.
Вещий ворон хриплым криком
На меня зовет беду,
А на небе надо мною
Только грустная луна,
И тоскует ночь со мною,
И томится тишина.
От луны мерцанье в росах,
И белеет мгла вокруг.
Тихо чертит верный посох
По земле волшебный круг.
Сомкнут круг – и нет печали
В тесной области моей,
Позабыты все печали
Утомленьем горьких дней.
Он из тьмы выходит. Друг ли
Мне он тайный или враг?
У него глаза как угли,
Темен лик и зыбок шаг.
Я за дивною чертою
Для него недостижим, –
И стоит он за чертою,
Темный, зыбкий, весь как дым.
Он смеется и не хочет
В темный час признать меня.
Он томленья мне пророчит,
Взор свой пламенный склоня,
И во мглу с недобрым словом
От меня отходит он, –
Я его зловещим словом,
Вражьим словом не смущен.
Мне под солнцем горе мыкать
День за днем не привыкать.
Ночь придет, – я буду кликать
В темный час его опять,
Чтоб за дивною чертою
Погадать, поворожить, –
Только здесь лишь, за чертою,
Мне, усталому, и жить.
4 октября 1897, 2 декабря 1899

«Мне сегодня нездоровится...»
Мне сегодня нездоровится;
Злая немочь ли готовится
Одолеть меня?
С торопливой лихорадкою

Поцелуюсь ли украдкою
На закате дня?
Но не страшно мне томление, –
Это легкое кружение
Я уж испытал.
Забывается досадное,
Вспоминается отрадное,
Кроток я и мал.
Что велят мне, то и сделаю:
То сиделка ль с банкой целою
Горького питья,
Или смерть у изголовия, –
Всем готов без прекословия
Покоряться я.
6-7 декабря 1899

«Что ж, пойте, вы, артисты...»
Что ж, пойте, вы, артисты,
На разны голоса.
Уж так вы голосисты,
Что просто чудеса!
Припомнишь поневоле,
С чего, не знаешь сам,
Как волки в чистом поле
Взывают по ночам.
Потом припомнишь кстати,
И сам тому не рад,
Как дети в темной хате
Голодные пищат.
Так нервы стали слабы,
Что вспомнишь невзначай,
Как воем воеют бабы:
«Последний каравай!»
Так пойте же, артисты,
На разны голоса.
Уж так вы голосисты,
Что просто чудеса!
26 декабря 1899

«Зачем, скажи...»
Зачем, скажи,
В полях, возделанных прилежно,
Среди колосьев ржи
Везде встречаем неизбежно
Ревнивые межи?
Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.
Но злая зависть учредила
Во славу алчности и лжи
Неодолимые межи
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.
29 ноября 1892, 27 января 1900

«Порой повеет запах странный...»
Порой повеет запах странный, –
Его причины не понять, –
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.
Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, –
И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои

В углах тихонько шелестят,
Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.
5 октября 1898 – 10 февраля 1900

«Не доживу до светлых дней...»
Не доживу до светлых дней,
Не обрету тебя, свобода,
И вдохновенного народа
я не увижу. В мир теней,
Как от пустого сновиденья,
я перейду без сожаленья
и без тоски. Но всё же я
из темных недр небытия
Хотел бы встать на час единый,
Перед всемирною кончиной
Изведать ясность жития.
26 апреля 1889, 21 апреля 1900

«Объята мглою вещей теней...»
Объята мглою вещей теней,
Она восходит в темный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моления?
Или навек от жизненных тревог
в недостижимые селенья
Сокрылся бог?
Во мгле мерцают слабые лампы,
К стопам приник тяжелый холод плит.
Темны столпов недвижные громады, –
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердьи богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольном!
Всему начертаны пути.
8 июня 1900

«Своеволием рока...»
Своеволием рока
Мы на разных путях бытия, –
я – печальное око,
Ты – веселая резвость ручья;
я – томление злое,
Ты – прохладная влага в полях, –
Мы воистину двое,
Мы на разных, далеких путях.
Но в безмолвии ночи,
К единению думы склоняя,
Ты закрой свои очи,
Позабудь наваждения дня, –
и в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия, –
Всё едино в созданыи,
Где сознанью возникнуть, там я.
12 июня 1900

«Слышу голос милой...»
Слышу голос милой,
Вижу милый лик.
Не моей ли силой
Милый лик возник?
Разве есть иное?
В тишине долин
Мы с тобой не двое, –
я с тобой один.

Мне ль цветком измятым
К нежной груди лхнуть!
Сладким ароматом
Мне, как прежде, будь.
25 июня 1900

«Что таскать мне эту ношу...»
Что таскать мне эту ношу,
Башмаки!
Дай-ка я их лучше сброшу
У реки.
Окуну я в воду ноги,
Посижу,
Вдоль реки и вдоль дороги
Погляжу.
За рекой я вижу крышу,
Мамин дом.
Песню сестрину я слышу
За холмом.
Мост на речке там пониже,
Где завод,
Только есть дорога ближе,
Этот брод.
Башмаки!.. Стащу ж я ношу
Кое-как,
Ну а дома их заброшу
На чердак.
Пусть лежат себе скромнее
Под замком.
Право, летом веселее
Босиком.
25 июня 1900 Миракс

«Я сам себе создал обман...»
Я сам себе создал обман,
Что будто бы чуждые руки
Мне сделали множество ран
И много медлительной муки,
Что будто бы чуждый мне взор
Терзал меня ядом презренья,
Что будто во мне мой позор
Немедленно требовал мщенья,
Что будто враги и друзья
Все стали злорадно смеяться,
И будто бы слабость моя
Меня заставляла смиряться.
Но что же? ведь надобно жить.
И были, и будут обманы,
И станут, быть может, томить
Опять небывалые раны.
25 июня 1900

«Я воскресенья не хочу...»
Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, –
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.
Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду все, что было.
25 июня 1900

«Забелелся туман за рекой...»
Забелелся туман за рекой,
Этот берег совсем не высок,
И деревья стоят над водой,
И теперь я совсем одинок.

Я в кустах поищу хворостин
И в костер их на берег сношу,
И под ними огонь воскрешу,
Посижу, помечтаю один.
И потом, по теченью реки,
Потихоньку пойду босиком, –
А завижу вдали огоньки,
Буду знать я, что близок мой дом.
27 июня 1900 Миракс

«Он промечтал всю ночь, пока в его окно...»
Он промечтал всю ночь, пока в его окно
Не бросил мутный день рассеянные взоры
Сквозь полотно
Дырявой шторы.
Он промечтал всю ночь о счастье неземном,
О счастье вовеки невозможном
Здесь, в этом крае злом
И ложном.
23 марта 1897 – 20 июля 1900

Ангел благого молчания
Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, –
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.
Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.
Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.
Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, –
Только на поясе белом
Два золотые ключа.
Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.
В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.
2 – 3 декабря 1900

«Я ухо приложил к земле...»
Я ухо приложил к земле,
Чтобы услышать конский топот, –
Но только ропот, только шепот
Ко мне доходит по земле.
Нет громких стуков, нет покоя,
Но кто же шепчет, и о чем?
Кто под моим лежит плечом
И уху не дает покоя?
Ползет червяк? Растет трава?
Вода ли капает до глины?
Молчат окрестные долины,
Земля суха, тиха трава.
Пророчит что-то тихий шепот?
Иль, может быть, зовет меня,
К покою вечному клоня,
Печальный ропот, темный шепот?
31 декабря 1900 Миракс

«Преодолев тяжелое косненье...»

Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам – творец и сам – свое творенье,
Бесстрастен и один.
Ко мне струилось пламенное слово.
Блистая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
Меня грозился сжечь.
Так, светлые владыку не узнали
В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
В томительной борьбе.
О грозное, о древнее сверканье
Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
Эдемского ключа.
Исполнил раб завещанное дело:
В пыли земных дорог
Донес меня до вечного предела,
Где я – творец и бог.
11 июня 1901

«Стремленье гордое храня...»
Стремленье гордое храня,
Ты должен тяжесть побороть.
Не отвращайся от огня,
Сжигающего плоть.
Есть яд в огне; он – сладкий яд,
Его до капли жадно пей, –
Огни высокие горят
И ярче, и больней.
И как же к цели ты дойдешь,
Когда не смеешь ты гореть?
Всё, что ты любишь, чем живешь,
Ты должен одолеть.
Пойми, что, робко плоть храня,
Рабы боятся запалать, –
А ты иди в купель огня
Гореть и не сгорать.
Из той купели выйдешь цел,
Омыт спасающим огнем...
А если б кто в огне сгорел,
Так что жалеть о нем!
13 июня 1901

«Любовью легкою играя...»
Любовью легкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем божий рай.
Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.
С тобою на лугу несмятом
Целуясь в тени берез,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.
Резвей веселого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Как не лепечет и ручей.
Любовью легкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край.
И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла

Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,
Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.
И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!
3 июля 1901

«Моя печаль в полночной Дали...»
Моя печаль в полночной Дали,
Росой обрызгана, легла.
В единственной моей печали,
В безмолвной и туманной дали,
Вся жажда жизни умерла.
Еще одной я вею страстью –
Ты, буйный ветер, страсть моя.
Ты научаешь безучастью,
Своею бешеною властью
Свежая прелесть бытия.
Всех чар бессильно обаянье,
И ни одной преграды нет.
Весь мир – недолгое мечтанье,
И радость – только созерцанье,
И разум – только тихий свет.
10 – 14 июля 1901

«Прикован тяжким тяготением...»
Прикован тяжким тяготением
К моей земле,
Я тешусь кратким сновидением
В полночной мгле.
Летит душа освобожденная
В живой эфир
И там находит, удивленная,
За миром мир.
И мимоходом воплощается
В иных мирах,
И новой жизнью забавляется
В иных телах.
20 марта 1899, 30 июля 1901

«Воля к жизни, воля к счастью, где же ты...»
Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты
И в мечтах неясных, и тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?
Путь один лишь знаю, – долог он и крут,
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик,
За туманом солнце скрыто, – тусклый лик.
Утомленьем и могилой дышит путь, –
Воля к смерти убеждает отдохнуть
И от жизни обещает уберечь.
Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленьи неподвижных дней.
4 августа 1901

«Помнишь, мы с тобою сели...»
Помнишь, мы с тобою сели
На шатучие качели,
И скрипучая доска
Покачнулася слегка.
За холмами две свирели

Про любовь нам сладко пели,
И по воле ветерка
Два мелькали мотылька.
Словно в детской колыбели
Мы качались и пели,
И была твоя рука
На губах моих сладка.
Тучки на небе горели,
Мы купаться захотели,
От качелей так близка,
Заманила нас река.
8 августа 1901

«Я печален, я грешен...»
Я печален, я грешен, –
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотой утешен
В озареньи ночного огня.
Не украшены стены,
Желтым воском мой пол не натерт, –
Я твоей не боюсь измены,
Я великою верою тверд.
И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной,
И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.
Есть у бедности сила, –
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.
12 августа 1901

«Ты в стране недостижимой...»
Ты в стране недостижимой,
Я в большой долине снов.
Друг, томительно любимый,
Слышу звук твоих шагов.
Содрогаясь, внемлю речи,
Вижу блеск твоих очей, –
Бледный призрак дивной встречи,
Привидение речей.
Расторгают евмениды
Между нами все пути.
Я – изгнанник, все обиды
Должен я перенести,
Жизнью скучной и нелепой
Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый
И о тайном ворожить.
12 августа 1901

«Есть тропа неизбежная...»
Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, –
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу.
Улыбается сладкая
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.
Пробежит – зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...
Рокового, заклётого
Не хотеть бы кольца,
Отойти б от крылатого
Огневого гонца.

«Грустное слово – конец...»
Грустное слово – конец!
Милое слово – предел!
Молотом скован венец,
Золотом он заблестел.
Ужас царил на пути.
Злобно смеялась нужда.
Злобе не льсти и не мсти, –
Вечная блещет звезда.
12 августа 1901

«Окрест – дорог извилистая сеть...»
Окрест – дорог извилистая сеть.
Молчание – ответ зывающим.
О, долго ль будешь в небе ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?
Была пора, – с небес грозил дракон,
Он видел вдаль, и стрелы были живы.
Когда же он покинет небосклон,
Всходили вестники, земле не лживы,
Обвеяны познанием кудес,
Являлись людям звери мудрые.
За зельями врачующими в лес
Ходили ведьмы среброкудрые.
Но все обман, – дракона в небе нет,
И ведьмы так же, как и мы, бессильны.
Земных судеб чужды пути планет,
Пути земные медленны и пыльны.
Страшна дорог извилистая сеть,
Молчание – ответ зывающим.
О, долго ль с неба будешь ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?
14 августа 1901

Ведьме
Поклонюсь тебе я платой многою, –
Я хочу забвенья да веселия, –
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мне ересного зелия.
Белый саван брошен над болотами,
Мертвый месяц поднят над дубравою, –
Ты пройди заклётыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою.
Страшен навий след, но в нем забвение,
Горек омег твой, но в нем веселие,
Мертвых уст отрадно дуновение, –
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.
14 августа 1901

«Жизнь проходит в легких грезах...»
Жизнь проходит в легких грезах,
Вся природа – тихий бред,
И не слышно об угрозах,
И не видно в мире бед.
Успокоенное море
Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла, и порок.
Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но – зачем откинуть полог,
Если въявь как и во сне?
15 августа 1901

«Он песни пел, пленял он дев...»
Он песни пел, пленял он дев,

Владел и шпагой и гитарой.
Пройдет – и затихает гнев
У ведьмы даже самой ярой.
И жен лукавая хвала,
И дев мерцающие взоры!
Но бойтесь – у богини зла
Неотвратимы приговоры.
Она предстала перед ним
В обличьи лживом девы нежной,
Одежда зыблилась, как дым,
Над дивной грудью белоснежной.
Он был желаньем уязвлен,
Она коварно убегала,
За ней бежал все дальше он,
Держась за кончик покрывала, –
И увлекла в долину бед,
И скрылась на заклятом берегу,
И на проклятый навий след
Он наступил в безумном беге.
И цвет очей его увял,
И радость жизни улетела,
И тяжкий холод оковал
Его стремительное тело.
И тает жизнь его, как дым.
В тоске бездейственно-унылой
Живет он, бледный нелюдим,
И только ждет он смерти милой.
15 августа 1901

«Прохладная забава...»
Прохладная забава, –
Скамейка челнока,
Зеленая дубрава,
Веселая река.
В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля.
Я тихо подымаю
Два легкие весла.
Твои мечты я знаю, –
Душа твоя светла.
Ты слышишь в лепетаньи
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье,
Невинный поцелуй.
15 августа 1901

«Прозрачный сок смолистый...»
Прозрачный сок смолистый,
Застывший на коре.
Пронизан воздух мглистый
Мечтаньем о заре.
Скамейка у забора,
Далекий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...
Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу ночную,
Один в полях иду.
Застенчивой весною,
Стыдяся белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.
Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет

В дыханьи вешних чар.
И в поле ты, босая, –
В платочке голова, –
Пойдешь, цветкам бросал
Веселые слова.
15 августа 1901

«Не я воздвиг ограду...»
Не я воздвиг ограду,
Не мне ее разбить.
И что ж! найду отраду
За той оградой быть.
И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры?
Я призрачную, душу
До неба вознесу,
Воздвигну – и разрушу
Мгновенную красу.
Что бьется за стеною –
Не все ли мне равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.
23 сентября 1901

«Я страшную мечтой томительно встревожен...»
Я страшную мечтой томительно встревожен:
Быть может, этот мир, такой понятный мне,
Такой обильный мир, весь призрачен, весь ложен,
Быть может, это сон в могильной тишине.
И над моей томительной могилой
Иная жизнь шумит, и блещет, и цветет,
И ветер веет пыль на крест унылый,
И о покойнике красавица поет.
31 января 1895, 25 ноября 1901

«Порочный отрок, он жил один...»
Порочный отрок, он жил один,
В мечтах и сказках его душа цвела.
В тоске туманной больных долин
Его подругой была ночная мгла.
Она вплетала в его мечты
И зной и холод – отраву злых болот.
Очарованье без красоты!
Твои оковы никто не разорвет.
9 января 1902

«Безгрешный сон...»
Безгрешный сон,
Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон
И о далеком возвещали.
Отрадный свет
И на земле начертанные знаки!
Вам, сестры ясные, земля моя в ответ
Взрастила грезящие маки.
В блестящем дне
Отрада есть – надежда вдохновенья.
О сестры ясные, одна из вас ко мне
Сошла в тумане сновиденья!
10 января 1902

«Неустанное в работе...»
Неустанное в работе
Сердце бедное мое, –
В несмолкающей заботе
Ты житье куешь мое.

Воля к жизни, воля злая,
Направляет пылкий ток, –
Ты куешь, не уставая,
Телу радость и порок.
Дни и ночи ты торопишь,
Будишь, слабого, меня
И мои сомненья топишь
В нескончаемости дня.
Я безлепицей измучен.
Житие кляню мое.
Твой тяжелый стук мне скучен,
Сердце бедное мое.
12 января 1902

«Тропинка вьется...»
Тропинка вьется,
Река близка,
И чья-то песня раздаётся
Издалека.
Из-за тумана,
Струясь, горя,
Восходит медленно и рано
Моя заря.
И над рекою
Проходишь ты,
Цветут над мутной глубиною
Твои мечты.
И нет печали
И злых тревог, –
Росинки смехом задрожали
У милых ног.
14 января 1902

«Вдали от скованных дорог...»
Вдали от скованных дорог,
В сиянии заката,
Прикосновеньем нежным ног
Трава едва примята.
Прохлада веет от реки
На знойные ланиты,
И обе стройные руки
Бестрепетно открыты.
И разве есть в полях цветы
И на небе сиянье?
Улыбки, шепот, и мечты,
И тихое лобзанье.
14 января 1902

«Как часто хоронят меня...»
Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!
Но нет для меня в них обиды,
Я выше и Ночи и Дня.
Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печальями со света гонят
И ладаном в очи дымят.
Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, –
Но, как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.
Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью,
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.
Великой зарею зарделся
Любовь, к моему бытию.
Вселенское, мощное тело

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Всемирной душе создаю.
Ладью мою вечно стремится
К свершению творческих дел –
И если найдете предел,
Отпойте меня, схороните!
16 апреля 1902

«Никто не убивал...»
Никто не убивал,
Он тихо умер сам, –
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.
А небо далеко,
И даже – неба нет.
Пойми – и жить легко, –
Ведь тут же, с нами, свет.
Огнем горит эфир,
И ярки наши дни, –
Для ночи знает мир
Внезапные огни.
Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
нигде – увы! – нигде!
Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,
Но умер он, как бог.
21 апреля 1902

«В предутренних потьмах я видел злые сны...»
В предутренних потьмах я видел злые сны.
Они меня до срока истомили.
Тоска, томленье, страх в работу вплетены,
В сиянье дня – седые космы пыли.
Предутренние сны, безумной ночи сны, –
На целый день меня вы отравили.
Есть белый нежный цвет, – далек он и высок,
Святая тень, туманно-голубая.
Но мой больной привет начертан на песок,
И тусклый лень, так медленно ступая,
Метет сухой песок, медлительно жесток.
О жизнь моя, безжалостно-скупая!
Предутреннего сна больная тишина,
Немая грусть в сияньи Змия,
Святые ль наизусть твердишь ты имена,
Ты, мудрая жена седого Вяя,
Предутреннего сна больная тишина,
Но где ж твои соперницы нагие?
Иль тусклой пеленой закроется закат,
И кто за ним, то будет Тайной снова,
И мертвой тишиной мучительно объят,
Сойду к Иным без творческого Слова?
Мучительный закат, безжалостный закат,
Последний яд, усмешка Духа Злого.
21 апреля 1902

«Твоя душа – кристалл, дрожащий...»
Твоя душа – кристалл, дрожащий
В очарованьи светлых струй.
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!
В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно-пылен,
Душе мила иная весь.
29 апреля 1902

«Балалайка моя...»

Балалайка моя,
Утешай-ка меня,
Балалаечка!
У меня ли была,
И жила, и цвела
Дочка Раечка.
Пожила, умерла,
И могила взяла
Дочку Раечку, –
Ну и как мне не пить,
Ну и как не любить
Балалаечку!
Что взгляну на мою
Балалаечку,
То и вспомню мою
Дочку Раечку.
29 апреля 1902

«Моя усталость выше гор...»

Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,
Где слезы катятся и кровь.
Моя усталость выше гор,
Не для земли ее труды...
О, темный взор, о, скучный взор,
О, злые, страшные плоды!
10 мая 1902

«Ветер тучи носит...»

Ветер тучи носит,
Носит вихри пыли.
Сердце сказки просит
И не хочет были.
Сидеть за стеною, работником быть, –
О ветер, ты мог бы и стены разбить!
Ходить по дорогам из камней и плит, –
Он только тревожит, он только скользит!
И мертвые видеть повсюду слова, –
Прекрасная сказка навеки мертва.
23 мая 1902

«Изнемогающая вялость...»

Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска,
В долинах – бледная усталость,
На небе – злые облака.
Не видно счастья голубого,
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.
9 июня 1902

«Иду в лесу. Медлительно и странно...»

Иду в лесу. Медлительно и странно
Вокруг меня колеблется листва.
Моя мечта, бесцельна и туманна,
Едва слагается в слова.
И знаю я, что ей слова не нужны, –
Она дыхания нежней,
Ее вещания жемчужны,
Улыбки розовы у ней.
Она – краса лесная,
И все поет в лесу,
Хвалою радостной венчая
Ее красу.
13 июня 1902

«Холодная, жестокая земля...»
Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладострастие?
Твои широкие, угрюмые поля
Извелили ненастье, но и счастье.
Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повила злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,
И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?
15 июня 1902

«Державные боги...»
Державные боги,
Властители радостных стран!
Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.
Так надо, так надо, –
Мне вещей ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада –
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.
Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,
И к вам я иду до конца.
А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь, –
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.
Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.
15 июня 1902

«Мы скучной дорогою шли...»
Мы скучной дорогою шли
По чахлой равнине.
Уныло звучали шаги
На высохшей глине,
А рядом печально росли
Березки на кочках.
Природа больная! солги
В колосьях, в цветочках.
Обмана мы жаждем и ждем,
Мы жаждем обмана.
Мы рвемся душой к небесам
Из царства тумана
Мы скучной дорогой идем
Вдоль скудного поля.
Томительно грезится нам
Далекая воля.
16 июня 1902

«Детский лепет мне несносен...»
Детский лепет мне несносен,
Мне противен стук машин.
Я хочу под тенью сосен
Быть один, всегда один,

Чтоб пустынно восходило
И катилось надо мной
Безответное светило,
Змей безумно-золотой,
Чтоб свободный и пустынный
Веял ветер всех сторон,
Погружая душу в длинный,
Безразгадно-вещий сон,
Чтоб никто не молвил слова
Ни со мной, ни обо мне,
Злым вторжением былого
В беспредельной тишине,
И, когда настанет время
Беспробудно опочить
И томительное бремя
С утомленных плеч сложить, –
Чтоб никто моей пустыней
С тихим пеньем не ходил,
Чтоб не плавал ладан синий
Вкруг колеблемых кадил,
16 июня 1902

«Когда звенят согласные напевы...»
Когда звенят согласные напевы
Ойлейских дев,
И в пляске медленной кружатся девы
Под свой напев, –
Преодолев несносные преграды,
И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды
В их светлый град.
Отрад святых насытись дуновеньем,
С тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньем,
К моей земле.
Во мгле земли свершаю превращенья,
Покорен я, –
И дней медлительных влчатся звенья,
О, жизнь моя!
16 июня 1902

«Я живу в темной пещере...»
Я живу в темной пещере,
Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере
Нет сиянья, нет лучей.
Ход к пещере никем не иден,
И не то ль защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден,
И предо мною горит свеча.
В моей пещере тесно и сыро,
И нечем ее согреть.
Далекий от земного мира,
Я должен здесь умереть.
16 июня 1902

«Он не знает, но хочет...»
Он не знает, но хочет, –
Оттого возрастает, цветет,
Ароматные сладости точит
И покорно умрет.
Он не знает, но хочет.
Непреклонная воля
Родилась во тьме.
Только выбрана доля –
Та иль эта – в уме,
Но темна непреклонная воля.
Умереть или жить,

Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Всё равно – умереть или жить.
16 июня 1902

«Оргийное безумие в вине...»
Оргийное безумие в вине,
Оно весь мир, смеясь, колышет.
Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.
Оно молчит в нависнувших ветвях,
И стережет в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовет в покой прохладный.
Порою, в воду мирно погружаясь,
Вдруг власть безумия признает тело,
И чуешь ты таинственную связь.
С твоей душой губительного дела.
18 июня 1902

«Змий, царящий над вселенною...»
Змий, царящий над вселенною,
Весь в огне, безумно-злой,
Я хвалю тебя смиренною,
Дерзновенною хулой.
Из болотной топкой сырости
Повелел, губитель, ты
Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.
И ползущих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.
Сознающих и желающих
Тяжкой жизни ты обрек.
Тучи зыблешь ты летучие,
Ветры гонишь вдоль земли,
Чтоб твои лобзанья жгучие
Раньше срока не сожгли.
Неотменны повеления,
Нет пощады у тебя,
Ты царишь, презрев моления,
Не любя и все губя.
18 июня 1902

«Околдовал я всю природу...»
Околдовал я всю природу,
И оковал я каждый миг.
Какую страшную свободу
Я, чародействуя, достиг!
И развернулась без предела
Моя предвечна вина,
И далеко простерлось тело,
И так разверзлась, глубина!
Воззвав к первоначальной силе,
Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.
18 июня 1902

«По тем дорогам, где ходят люди...»
По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи, –
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснется страх в твоей груди.
Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

«Безумием окована земля...»
Безумием окована земля,
Тиранством золотого Змея.
Простерлися пустынные ноля,
В тоске безвыходной немея,
Подъемлются бессильно к облакам
Безрадостно-нахмуренные горы,
Подъемлются к далеким небесам
Людей тоскующие взоры.
Влачится жизнь по скучным колеям,
И на листах незыблемы узоры.
Безумная и страшная земля,
Неистошим твой дикий холод, –
И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот.
19 июня 1902

«Я сжечь ее хотел, колдунью злую...»
Я сжечь ее хотел, колдунью злую.
Но у нее нашлись проклятые слова, –
Я увидел ее опять живую,
Вся в пламени и в искрах голова.
И говорит она: «Я не сгорела, –
Восстановил огонь мою красу.
Огнем упитанное тело
Я от костра к волшебству унесу.
Перебегая, гаснет пламя в складках
Моих магических одежд.
Безумен ты! В моих загадках
Ты не найдешь, своих надежд».
19 июня 1902

«Обольщения лживых слов...»
Обольщения лживых слов
И обманчивых снов, –
Ваши прелести так сильны!
Утомителен летний зной.
На дороге лесной
Утешения тишины.
Позабудешься ты в тени, –
Отдохни и засни.
Старый сказочник недалек.
Он с дремотою подойдет.
Вещий лес оживет.
И таинственный огонек.
Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда –
Снова молодо, снова здесь,
Станешь радостен весь,
В позабытую внидешь весь.
19 июня 1902

«Елисавета, Елисавета...»
Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нег ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.
Ее могила, ее могила
В краю ином.
Она скончалась. Ее могила –
Ревнивый дом.

Победа смерти не победила
Любви моей.
Сильна могила, ее могила, –
Любовь сильней.
Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Слова завета, слова завета
Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавета,
Нам надо быть.
Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла.
Земное, злое растает бремя,
Как сон, как мгла.
Земное бремя – пространство, время –
Мгновенный дым.
Земное, злое расгоргнем бремя
И победим!
Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне.
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Тебя я встречу в блистаньи света,
Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
И ты и я.
21 – 22 июня 1902

«В село из леса она пришла...»
В село из леса она пришла,
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее в дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла,
Она упала – и умерла.
25 июня 1902

«В его устах двухсмысленны слова...»
В его устах двухсмысленны слова,
И на устах двухсмысленны улыбки.
Его душа бессильна и мертва,
А помыслы стремительны и зыбки.
Его любить никто не захотел,
Никто не мог его возненавидеть.
Неузнанным пребыть – его удел, –
Не действовать, не жить, а только видеть.
3 июля 1902

«О забвение! низойди, обмани...»
О забвение! низойди, обмани!
В воспоминаниях тягостные дни.
Прегрешения выше гор.
В заблуждениях обидный позор.
Если счастье манило, оно ушло.
Все дары жизнь разбила, как стекло.
О забвение! если бы все стереть!
Если б все прошлое могло умереть!
Но судьба говорит: «Только с тобой.
Умри, и всё прошлое уведи с собой».
3 июля 1902

«Равно для сердца мило...»

Равно для сердца мило,
Равно волнует кровь –
И то, что прежде было.
И то, что будет вновь,
И темная могила,
И светлая любовь.
А то, что длится ныне,
Что мы зовем своим,
В безрадостной пустыне
Обманчиво, как дым.
Томимся о святыне,
Завидуем иным.
4 – 6 июля 1902

«В великом холоде могилы...»
В великом холоде могилы
Я безнадежно схоронил
И отживающие силы,
И всходы нераскрытых сил.
И погребенные истлели
В утробе матери-земли,
И без надежды и без цели
Могильным соком потекли.
И соком корни напоили, –
И где был путь уныл и гол,
Там травы тихо восходили
И цвет медлительный расцвел.
Покорна гласу темной воли,
И бездыханна и светла,
Без торжества, без слез, без боли
Вся сила мертвая цвела,
И без любви благоухала,
Обманом жизни крася дол,
И сок сладчайший источала
Для пестрых бабочек и пчел.
О, если б смерть не овладела
Семьею первозданных сил,
В какое б радостное тело
Я все миры соединил!
6 июля 1902

«В стране безвыходной бессмысленных томлений...»
В стране безвыходной бессмысленных томлений
ВлачилсЯ долго я без грез, без божества,
И лишь порой для диких вдохновений
Я находил безумные слова.
Они цвели во мгле полночных волхвований,
На злом пути цвели, – и мертвая луна
Прохладный яд несбыточных желаний
Вливала в них, ясна и холодна.
6 июля 1902

«В тихий вечер на распутьи двух дорог...»
В тихий вечер на распутьи двух дорог
Я колдунью молодую подстерег,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил,
Предо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмешь, –
С ним не бойся, – не захочешь, не умрешь.
Этот камень все на шее ты носи
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль венца, –
Только жить, все жить ты будешь без конца.
Станет скучно – ты веревку оборвешь,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Бросишь камень, станешь волен, и умрешь».
7 июля 1902

«Люблю блуждать я над трясиною...»
Люблю блуждать я над трясиною
Дрожащим огоньком,
Люблю за липкой паутиною
Таиться пауком,
Люблю летать я в поле оводом
И жалить лошадей,
Люблю быть явным, тайным поводом
К мучению людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,
За то томлюсь и сам.
Мой тихий стон, мой вопль медлительный –
Укоры небесам.
Судьба дала мне плоть растленную,
Отравленную кровь.
Я возлюбил мечтою плению
Безумную любовь.
Мои порочные томления,
Всё то, чем я прельщен, –
В могучих чарах наваждения
Многообразный сон.
Но он томит больной обидою.
Идти путем одним
Мне тесно. Всем во всем завидую,
И стать хочу иным.
9 июля 1902

«Опять заря смеяться стала...»
Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.
Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.
Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь смиренный прав.
К твоим ногам, в лобзании нежном,
Приникли стебли тихих трав,
И свежесть утренней прохлады
Тебя, лаская, обняла.
Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.
9 июля 1902

«Пойми, что гибель неизбежна...»
Пойми, что гибель неизбежна.
Доверься мне
И успокойся безмятежно
В последнем сне.
В безумстве дни твои сгорели,
Но что тужить!
Вся жизнь, весь мир – игра без цели.
Не надо жить.
Не надо счастья земного,
Да нет и сил,
И сам ты таинства иного
Уже вкусил!
13 – 14 июля 1902

«Ты не бойся, что темно...»
Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, –
Всё невинно, всё смешно,

Всё божественной игрою
Рождено и суждено.
Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,
Собираю ваши травы,
И над ними ворожу,
И варю для вас отравы.
Мой напиток пей до дна.
В нем забвеньё всех томлений;
Глубина его ясна,
Но великих утолений
Преисполнена она.
Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Все иное – неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Всё легко, и всё забвенно.
14 июля 1902

«Когда я в бурном море плавал...»
Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, – я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, –
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней».
И Дьявол взял меня и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.
И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житие,
Мою отверженную душу
И тело грешное мое.
И верен я, отец мой Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.
Тебя, отец мой, я прослаблю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И, соблазняя, соблазню,
23 июля 1902

«Что мы служим молебны...»
Что мы служим молебны
И пред господом ладан кадим!
Все равно непотребны,
Позабытые богом своим.
В миротканной порфире,
Осененный покровами сил,
Позабыл он о мире
И от творческих дел опочил.
И нетленной мечтою
Мировая душа занята,
Не земною, иною, –
А земная пустыня – пуста
23 июля 1902

«Я влюблен в мою игру...»
Я влюблен в мою игру.
Я, играя, сам сгораю,
И безумно умираю,
И умру, совсем умру.
Умираю от страданий,
Весь измученный игрой,

Чтобы новою зарей
Вывести новый рой созданий.
Снова будут небеса, –
Не такие же, как ваши, –
Но опять из полной чаши
Я рассею чудеса.
27 декабря 1902

«В последнем свете злого дня...»
В последнем свете злого дня,
В паденьи сил, в затменьи бога,
Перед тобой моя дорога.
Приди ко Мне, люби Меня.
В мирах вс призрачно и тленно, –
Но вот Я заповедь даю,
Она вовеки неизменна:
Люби Меня и жизнь Мою.
Я – все во всем, и нет Иного,
Во Мне родник живого дня.
Во тьме томления земного
Я – верный путь. Люби Меня.
20 января 1903

«Настало время чудесам...»
Настало время чудесам.
Великий труд опять подьему.
Ф Я создал небеса и землю
И снова ясный мир создам.
Настало творческое время.
Земное бремя тлеет вновь.
Моя мечта, моя любовь
Восставят вновь иное племя.
Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай.
21 января 1903

«Я уведу тебя далёко...»
Я уведу тебя далёко
От шумных, тесных городов,
Где в многолюдстве одиноко,
Где рабство низменных трудов.
Уйдем к долине безмятежной
На берега пустынных вод,
Когда свершится неизбежной
Звезды таинственный восход.
И там, на берегу потока,
Под легкий лепет камыша,
От темной суеты далеко,
Прохладой свежую дыша,
Там, на путях очарованья
В безмолвный час поймешь и ты
Неотразимые призыванья
Миры объемлющей мечты.
22 января 1903

Гимны Родине

1

О Русь! в тоске изнемогал,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О родина моя!
Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,

Восходит бледная краса.
Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость,
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.
Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.
6 апреля 1908

2

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.
И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.
Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу все те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»
8 апреля 1903

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.
Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.
В безумных, напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.
10 апреля 1908

«Мы поклонялися Владыкам...»
Мы поклонялися Владыкам
И в блеске дня и в тьме божниц,
И перед каждым грозным ликом
Мы робко повергались ниц.
Владыки гневные грозили
И расточали гром и зло,
Порой же милость возносили
Так величаво и светло.
Но их неправедная милость,
Как их карающая месть,
Могли к престолом лишь унылость,
Тоской венчанную, возвесть.
Мерцал венец ее жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была – ненужный
И непонятный арабеск.
Владык встречая льстивым кликом,
И клик наш соткан был из тьмы, –
В смятеньи темном и великом
Чертог ее ковали мы.
Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.

«В долгих муках разлученья...»
В долгих муках разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь час творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.
Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мне не подойдешь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдельность – только ложь?
Не для прихоти мгновенной
Я извел тебя из тьмы,
Чтобы в день, теперь забвенный,
Но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.
В беспредельности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушел я от творенья,
Поднял бремя воплощенья,
Стал таким же, как и ты.
11 июня 1903

«Предметы предметного мира...»
Предметы предметного мира,
И солнце, и путь, и луна,
И все колебанья эфира,
И всякая здесь глубина,
И всё, что очерчено резко,
Душе утомленной моей –
Страшилище звона и блеска,
Застенок томительных дней.
От света спешу я в чертоги,
Где тихой мечтою дышу,
Где вместе со мною лишь боги,
Которых я сам возношу.
Бесшумною тканью завешен
Чертога безмолвный порог.
Там грех мой невинно-безгрешен
И весело-светел порок.
Никто не наложит запрета,
И грубое слово ничье
Не бросит внезапного света
На слово иль дело мое.
Я древних зяклятий не знаю
На той стороне бытия,
И если я кровь проливаю,
То кровь эта – только моя.
11 июня 1903

«На гармонике рев трепака...»
На гармонике рев трепака,
Безобразная брань мужика,
Соловья надоедливый треск,
Стрекотание звонких стрекоз,
И бессмысленный солнечный блеск,
И дыхание резкое роз, –
Всё телесно и грубо вокруг,
Пожалей Меня, ласковый друг!
12 июня 1903 Сиверская

«Безумных дней томительная смена...»
Безумных дней томительная смена,
Ночей безумия томительная мгла, –
Их ткань легка, как злая пена,
И входит в жизнь, как хитрая игла,

«Восходит Змий горящий снова...»

Восходит Змий горящий снова
И мечет грозные лучи.
От волхвования ночного
Меня ты снова отлучи.
Груды подьемлю – на дороги
Пойду безумен, зол и мал,
Забыв полночные чертоги,
Где я словам твоим внимал.
Но из земли возникнут снова
Твои холодные ключи, –
Тогда меня, всегда земного,
Ты в тихий сумрак заключи,
26 сентября 1903

«Здесь, на этом перекрестке, в тихий, чуткий час...»

Здесь, на этом перекрестке, в тихий, чуткий час
ночной
Ты стояла предо мною, озаренная луной,
И, бессмертными словами откровенье роковое
Повторяя, говорила, что на свете только двое,
Что в созданыи многоликом только я и только ты
В споре вечном и великом сплетены, но не слиты.
Обе темные Дороги в ожидании молчали.
Ночь внимала и томилась от восторга и печали.
И в сияньи непорочном, в полуночной тишине
Все дыханья, все желанья возвращались вновь ко мне.
Толко ты одна таилась, не стремилась к нашей встрече,
Вещим снам противореча, вечно близко и далече.
14 октября 1903

«Алой кровью истекая в час всемирного Томления...»

Алой кровью истекая в час всемирного Томления,
С легким звоном злые звенья разжимает лютый Змей,
Умирает с тихим стоном Царь полдневного творенья.
Кровью Змея пламенея, ты жалеть его не смей.
Близок срок замороженный размышленья и молчания.
Умирает Змей багряный, Царь безумного сиянья.
Он царил над небосклоном, но настал печальный час,
И с протяжным тихим стоном Змей пылающий погас,
И с бессильною тревогой окровавленной дорогой,
Все ключи свои роняя, труп Царя влечет Заря,
И в томленьи грусти строгой месяц бледный и двурогий
Сеет мгlistые мечтанья, не грозя и не горя.
Если страшно, если больно, если жизни жаль неволью, –
Что твой ропот своевольный! Покоряйся, – жить
довольно.
Все лучи померкли и небе, и в ночной росе ключи, –
И опять она с тобою. Слушай, слушай и молчи.
14 октября 1903

«Предстоящих несчастий предтечам...»

Предстоящих несчастий предтечам,
Я не верю приметам и встречаю
И пугающим снам,
Но порою яснее сознание,
И откуда приходит вещанье,
Не пойму я и сам.
Всё, как прежде, обычно и ясно,
Изменений искал бы напрасно,
Потолок и стена.
И никто не стоит на пороге,
Никаких нет причин для тревоги,
И вокруг тишина.
Но пришли запредельные гости,
Нет, не те, что лежат на погосте.

На меня не глядят
Обитатели радостной веси, –
Имена их ты, господи, веси! –
И со мной говорят.
Вот горят невидимые свечи,
Вот звучат неслышимые речи –
Вдохновенный язык.
Передать эти речи не смею,
Может быть, их понять не умею,
Но я к тайне приник.
20 октября 1903

«На гибельной дороге...»
На гибельной дороге
Последним злом греша,
В томительной тревоге
Горит моя душа.
Святое озаренье
Унылых этих мест,
Сияло утешенье,
Яснейшая из звезд.
Но, чары расторгай
Кругом обставших сил,
Тебя, надежда рая,
Я дерзко погасил.
И вот – подьемлю стоны,
Но подвиг мой свершу:
Бессмертные законы
Бесстрастно напишу.
Творенья не покину,
Но, все ко мне склоня,
Дам заповедь едину:
Люби, люби меня.
Венчан венцом терновым,
Несметные пути
Воздвигну словом новым,
Но все – ко Мне идти.
Настал конец утехам,
Страдать и мне пора, –
Гремят безумным смехом
Долина и гора.
Но заповедь едину
Бесстрастно я простер
На темную долину,
На выси гордых гор.
28 октября 1908

«Луны безгрешное сиянье...»
Луны безгрешное сиянье,
Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мгlistом волхвованье,
Шептанье трав...
Сошлись полночные дороги.
На перекрестке я опять, –
Но к вам ли, демоны и боги,
Хочу воззвать?
Под непорочную луною
Внимая чуткой тишине,
Всё, что предстало предо мною,
Зову ко мне.
Мелькает белая рубаха, –
И по траве, как снег бледна,
Дрожа от радостного страха,
Идет она.
Я не хочу ее объятий,
Я ненавижу прелесть жен,
Я властью неземных заклятий
Заворожен.

Но говорит мне ведьма: «Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного, –
Но я – Твоя.
Сгорали демоны и боги.
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
Добра и зла».
Упала белая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
Стоит она.
24 октября 1903

«Зачем возрастаю...»
«Зачем возрастаю? –
Снегурка спросила меня. –
Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу веселую стаю,
Растаю, по камням звеня.
И ты позабудешь меня».
Снегурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко:
Растаешь, узнаешь, умрешь без укора,
Уснешь глубоко.
8 февраля 1904

«Я любви к тебе не знаю...»
Я любви к тебе не знаю,
Злой и мстительный Дракон,
Но, склоняясь, исполняю
Твой незыблемый закон.
Я облекся знойным телом,
Зной лучей твоих во мне.
Раскален в каленьи белом,
В красном часто я огне.
11 марта 1904

От злой работы палачей
Баллада
Валерию Брюсову

Она любила блеск и радость,
Живые тайны красоты,
Плодов медлительную сладость,
Благоуханные пветы.
Одета яркой багрянницей,
Как ночь мгновенная светла,
Она любила быть царицей,
Ее пленяла похвала.
Ее в наряде гордом тешил
Алмаз в лучах и алый лал,
И бармы царские обвешал
Жемчуг шуршащий и коралл.
Сверкало золото чертога,
Горел огнем и блеском свод,
И звонко пело у порога
Паденье раздробленных вод.
Пылал багрянец пышных тканей
На белом холоде колонн,
И знойной радостью желаний
Был сладкий воздух напоен.
Но тайна тяжкая мрачила
Блестящей славы дивный дом:
Царица в полдень уходила,
Куда, никто не знал о том.
И, возвращаясь в круг веселый
Прелестных жен и юных дев,

Она склоняла взор тяжелый,
Она таила темный гнев.
К забавам легкого веселья,
К турнирам взоров и речей
Влеклась тоска из подземелья,
От злой работы палачей.
Там истязуемое тело,
Вопя, и корчась, и томясь,
На страшной виске тяготело,
И кровь тяжелая лилась.
Открывши царственные руки,
Отнявши бич у палача,
Царица умножала муки
В злых лобызаниях бича.
В тоске и в бешенстве великом,
От крови отирая лик,
Пронзительным, жестоким гиком
Она встречала каждый крик.
Потом, спеша покинуть своды,
Где смрадный колыхался пар,
Она всходила в мир свободы,
Венца, лазури и фанфар.
И, возвращаясь в круг веселый
Прелестных жен и юных дев,
Она клонила взор тяжелый,
Она таила темный гнев.
8 ноября 1898, 24 – 80 марта 1904

«Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни...»
Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?
Дивные и мудрые книги,
Таинственные очарования музыки,
Умилительные молитвы,
Невинные, милые детские лица,
Сладостные благоухания,
И звезды, – недоступные, ясные звезды!
О фрагменты счастья, не взял ли я вас от жизни!
Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?
Ты жалуешься:
«Кратким
и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и ее нет».
Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои биения меня утомили.
И уже воля моя отходит от меня.
6 июня 1904 Сиверская

«Огонь, пылающий в крови моей...»
Огонь, пылающий в крови моей,
Меня не утомил.
Еще я жду – каких-то новых дней,
Восстановленья сил,
Спешу забыть все виденные сны
И только сохранить
Привычку к снам – полуночной весны
Пылающую нить.
Все тихое опять окрест меня,
И солнце и луна, –
Но сладкого, безумного огня
Душа моя полна.
6 – 18 июня 1904

«Я жил как зверь пещерный...»
Я жил как зверь пещерный,
Холодной тьмой объят,
Заветам ветхим верный,
Бездушным скалам брат.

Но кровь моя кипела
В томительном огне,
И призрак злого дела
Творил я в тишине.
Над мраками пещеры,
Над влажной тишиной
Скитались химеры,
Воздвигнутые мной.
На каменных престолах,
Как мрачные цари,
В кровавых ореолах
Мерцали упыри.
Безумной лаской нежить
Во тьме и тишине
Отверженная нежить
Сбиралася ко мне.
И я как зверь скитался
В кругу заклятых сил
И скверною питался,
Но смерти не вкусил.
8 – 20 июня 1904

«Там, за стеною, холодный туман от реки...»
Там, за стеною, холодный туман от реки.
Снова со мною острые ласки тоски.
Снова огонь сожигает
Усталую плоть, –
Пламень безумный, сверкая, играет,
Жалит, томит, угрожает, –
Как мне его побороть?
Сладок он, сладок мне, сладок, –
В нем я порочно полночно сгораю давно.
Тихое око бесстрастных лампадок,
Тихой молитвы внезапный припадок, –
Вам погасить мой огонь не дано.
Сладкий, безумный и жгучий,
Пламенный, радостный стыд,
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.
Плачет опять у порога
Бледная совесть – луна.
Ждет не дождется дорога, –
И увядает она,
Лилия бедная, бледная, вечно больная, –
Лилия ждет, не дождется меня,
Светлого мая,
Огня.
12 – 13 июня 1904

«Я спал от печали...»
Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали
Над моим окном.
Заря возопила:
«Встречай со мной царя.
Я небеса разбудила,
Разбудила, горя».
И ветер, пылая
Вечной тоской,
Звал меня, пролетая
Над моею рекой.
Но в тяжелой печали
Я безрадостно спал.
О веселые дали,
Я вас не видал!
18 июня 1904

«О, жалобы на множество лучей...»
О, жалобы на множество лучей
И на неслитность их!
И не искать бы мне во тьме ключей
От кладезей моих!
Ключи нашел я, и вошел в чертог,
И слил я все лучи.
Во мне лучи. Я – весь. Я – только бог.
Слова мои – мечи.
Я – только бог. Но я и мал, и слаб.
Причины создал я.
В путях моих причин я вечный раб
И пленник бытия.
13 июня 1904

«Не смейся над моим нарядом...»
Не смейся над моим нарядом,
Не говори, что для него я стар,
Я зачарую властным взглядом,
И ты познаешь силу чар.
Я набекрень надвину шляпу,
Я плащ надену на плечо, –
Ты на плече увидишь лапу –
Химеры дышат горячо.
С моим лицом лицо химеры
Увидишь рядом ты.
Ты слышишь, слышишь запах серы?
И на груди моей цветы.
Кинжал. Смеешься? Стары ножны?
Но он увертлив, как змея.
Дрожишь? Вы все неосторожны.
Я не смешон. Убью. Безумен я.
13 июня 1904

«Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг...»
Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг.
Змий в пылающей порфире пред моим огнем померк.
Разделенья захотел я, и воздвиг широкий круг,
Вольный мир огня, веселья, сочетаний и разлук.
Но наскучила мне радость переменчивых лучей,
Я зову иную сладость, слитность верную ночей,
Темнота ночная пала, скрылась бледная луна,
И под сенью покрывала ты опять со мной одна.
Ты оставила одежды у порога моего.
Исполнение надежды – радость тела твоего.
Предо мною ты нагая, как в творящий первый час.
Содрогаясь и вздыхая, ты нагая. Свет погас.
Ласки пламенные чую, вся в огне жестоком кровь.
Весть приемлю роковую: «Ты один со мною вновь».
17 июня 1904

«Свободный ветер давно прошумел...»
Свободный ветер давно прошумел
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, –
А чуткая стрела
Над гордою башнею возвышенного дома
Все обращает свое тонкое острие
К далекой и странной области
Мечты.
Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли в мгlistом безмолвии.
Туман поднимается
Над топкими берегами реки.
Усталые дети чего-то просят
И плачут.

Наступает
Мол последняя стража.
Дивный край недостижим, как прежде,
И я, как прежде, только я.
19 июня 1904

«Преодолею я дикий холод...»
Преодолею я дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.
Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И все цветущее хвалю.
Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.
1 июля 1904

«Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик...»
Наслаждаясь любовью, лобызая милый лик,
Я услышал над собою и узнал зловещий клик.
И, прикивши к изголовью, обагрённый жаркой кровью,
Мой двойник, сверкая взором, издевался над любовью.
Засверкала сталь кинжала, и кинжал вонзился в грудь,
И она легла спокойно, а двойник сказал: «Забудь.
Надо быть как злое жало, жало светлого кинжала,
Что вонзилось прямо в сердце, но, любя, не угрожало».
2 июля 1904

«Пламенем наполненные жилы...»
Пламенем наполненные жилы,
Сердце знойное и полное огнем, –
В теле солнце непомерной силы,
И душа насквозь пронизанная днем.
Что же в их безумном ликованьи?
Бездна ждет, и страшен рев ее глухой.
В озарении, сверканьи и сгораньи
Не забыть ее, извечной, роковой.
2 июля 1904

«Насытив очи наготою...»
Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,
Земною страстной красотою
Я воплотиться захотел.
Тогда мне дали имя Фрины,
И в обаянии нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.
Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.
Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.
Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.
Затмилось злобное гоненье,
Хула, свиваясь, умерла,
И было – старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.

«Люби меня ясно, как любит заря...»
Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчуг рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мгливой чертой.
Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети, –
Помедлим с тобою на темном пути.
Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь – не бойся, не лги.
14 июля 1904 Сиверская

«Невинный цвет и грешный аромат...»
Невинный цвет и грешный аромат
Левкоя
Пленительным желанием томят
Покоя.
Так сладостно склоняться в полусне
Под тенью
К желанному и радостному мне
Забвенью, –
Простивши все, что было в жизни злом
И мукой,
Стереть и память даже о былом
Разлукой.
14 – 15 июля 1904 Сиверская

«Грешник, пойми, что Творца...»
Грешник, пойми, что Творца
Ты прогневил:
Ты не дошел до конца,
Ты не убил.
Дан был тебе талисман
Вечного зла,
Но в повседневный туман
Робость влекла.
Пламенем гордых страстей
Жечь ты не смел, –
На перекрестке путей
Тлея истлел.
Пеплом рассыплешься ты,
Пеплом в золе.
О, для чего же мечты
Шепчут о зле!
20 августа 1904

«Наивно верю временам...»
Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам, –
Земным изменчивым убранствам
И беспредельным небесам.
Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, –
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.
В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.
21 октября 1904

Соборный Благовест
1

Давно в степи блуждая дикой,
Вдали от шумного жилья,
Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.
Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я ваш!»
Унынье темное уснуло,
Оставил душу бледный страх, –
И сколько говора и гула
На перекрестках и путях!

2

Клеветники толпою черной
У входя в город нам кричат:
«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».
Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встает родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные подъяют
Его торжественный язык.
Он долго спал, над колокольней
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.
Свободный ветер бури дальной,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Кольша медные бока.
И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.
Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

4

Слепой судьбе противоречя,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного вечя,
Великий праздник, недалек.
Он куплен кровью наших братьев,
Слезам матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.
28 ноября 1904

Иван-Царевич
Сел Иван-Царевич
На коня лихого.
Молвил нам Царевич
Ласковое слово:
«Грозный меч подъямлю,
В бой пойду я рано,
Заберу всю землю
Вплоть до океана».
Год проходит. Мчится
Вестник, воин бледный.
Он поспешно мчится,
Шлем иссечен медный.
«Сгибли наши рати
Силой вражьей злобы.

Кстати иль некстати,
Запасайте гробы.
Наш Иван-Царевич
Бился с многой славой».
– «Где к Иван-Царевич?»
– «В битве пал кровавой».
8 декабря 1904

«Солнце светлое восходит...»
Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где еще безумство бродит,
Где ликует произвол.
Зыбко движутся туманы,
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны еще и злы!
Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловещей, черной тучей
Наше солнце затмевать.
Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.
В час великого восхода
Возноси их, как мечи.
Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти,
Побеждая мрак и холод
Загражденного пути.
Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,
Озари святые дали
За усталостью дорог.
Кто в объятьях сна немного
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.
3 декабря 1904

Жестокие дни
Ожиданья дни жестоки.
Истомилася любовь.
На враждующем востоке
Льется братьев наших кровь.
И, о мире въздыхая,
Слезно господа моля,
Вся от края и до края
Стонет русская земля,
Слезы матери печальной!
Кто ведет вам поздний счет?
Кто стране многострадальной
Утешенье принесет?
8 декабря 1904

«Все были сказаны давно...»
Все были сказаны давно
Заветы сладостной свободы, –
И прежде претворялись воды
В животворящее вино.
Припомни брак еврейский в Кане
И чудо первое Христа, –
И омочи свои уста
Водю, налитой в стакане.
И если верный ученик
В тебе воскреснет – ток прозрачный
Рассеет сон неволи мрачной,
Ты станешь светел и велик.
Что было светлою водою,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
То сердцем в кровь претворено.
Какое крепкое вино!
Какую бьет оно струю!
3 – 4 декабря 1904

Да, были битвы
Подражание Лермонтову
«Скажи-ка, дядя, ведь не даром...»

«Что ж, дядя, нешто ненароком
Сцепились мы в краю далеком
С толпами басурман?
Иль сдуру схватки боевые,
Да, говорят, еще какие?
К чему ж узнала вся Россия
Шахо и Ляоян?»
«Да, были битвы, это точно,
И мы пошли туда нарочно,
А не занес нас черт.
Мы встосковались о просторе.
Нам тесно, – вот в чем наше горе,
И на далеком теплом море
Нам очень нужен порт.
Мы корабли туда послали,
В аренду от китайца взяли
Клочок его земли,
Там крепость мы соорудили,
Японцу этим досадили,
Зато уж пили, пили, пили,
Себя не берегли.
Японец злился да ершился,
Всё с нами воевать грозился,
А цепок он в бою,
Но мы с ним обходились важно,
Переговоры шли затяжно,
И повели весьма отважно
Мы линию свою.
Внезапно, невзирая на ночь,
Назвался он «Иван Иванович»
И под завесой мглы,
Как самый низкий дикий воин,
Наделал нам больших пробоин,
За что, конечно, стал достоин
Презрительной хулы.
Тут стали пятиться мы раком.
По косогорам, буеракам
Сбиралась тихо рать.
Японец шел то врозь, то кучно.
Хоть отступать нам было скучно,
Но с малой ратью несподручно
Японца покорять.
Когда мы вышли понемногу
На Мандаринскую дорогу,
Мне разом оторвало ногу
И прострелило грудь.
Да вот, спасибо санитарам,
Забрали, не погиб я даром,
Поправлюсь как-нибудь.
Что дальше будет, я не знаю,
Газету каждый день читаю, –
В ней пишут мудрено:
Японец, вишь, обескуражен,
И в траур Ниппон весь наряжен,
А порт-артурский флот посажен
На самое на дно.
Не то кингстоны мы открыли,
Не то японцы просадили
Снарядами бока.

Да, скоро будет перемена:
Сидим мы крепко у Мукдена,
Разбитым кораблям замена
Ползет издалека.
Вот так-то. А расчислить точно,
Так что ж – пошли ли мы нарочно
Или понес нас черт?
Что тосковать нам о просторе,
Не в тесноте же наше горе.
На кой нам прах на дальнем море
Какой-то лишний порт».
4 декабря 1904

«Нерон сказал богам державным...»
Нерон сказал богам державным:
«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим.
Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал, –
И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.
В сияньи цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взор его пустой.
Кинжал в руке моей сжимая,
Я не был робок, не был слаб, –
Но ликовала воля злая,
Меня схватил Неронов раб.
Смолюю облит, на потеху
Безумных буду я сожжен.
Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!
28 декабря 1904

«Два солнца горят в небесах...»
Два солнца горят в небесах,
Посменно возносятся лики
Благого и злого владыки,
То радость ликует, то страх.
Дракон сожигающий, дикий,
И Гелиос, светом великий, –
Два солнца в моих небесах.
Внимайте зловещему крику, –
Верховный идет судия.
Венчайте благого владыку,
Сражайтесь с драконом, друзья.
30 декабря 1904

«Кто на воле? Кто в плену...»
Кто на воле? Кто в плену?
Кто своей судьбою правит?
Кто чужую волю славит,
Цепь куя звено к звену?
Кто рабы и кто владыки?
Кто наемник? Кто творец?
Покажите наконец,
Сняв личины, ваши лики.
Но, как прежде, все темно.
В душных весях и в пустыне
Мы немотствуем и ныне,
Цепь куя к звену звено.
Нет великого владыки.
Празден трон, и нем дворец.
Опечаленный творец
Дал личины, отнял лики.
8 января 1905

«Пришла ночная сваха...»
Пришла ночная сваха,
Невесту привела.
На ней одна рубаха,
Лицом она бела,
Да так, что слишком даже,
В щеках кровинки нет.
«Что про невесту скажешь?
Смотри и дай ответ».
«Да что же думать много!
Пришла, так хороша,
Не стой же у порога,
Садись, моя душа».
В глазах угроза блещет,
Рождая страх,
И острая трепещет
Коса в ее руках.
14 февраля 1905

Собака седого короля
Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.
Но важные вельможи
Противно пахли так,
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.
И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз,
Я часто скалил зубы,
Вор на на этих шлюх:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдает нюх.
Кому служил я верно,
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.
Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.
Один лишь паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я поганый
Ворчун и грубиян.
Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост,
На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость:
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.
Людьми нередко руган,
Он все ж со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.
Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.
Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,

В хвосте почуяв боль.
Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.
Я громко выл и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.
Придворные нашлись, –
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.
Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.
Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, –
Притом же королева
Была совсем дитя.
Давно все это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.
Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, –
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.
Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.
<24 февраля 1905>

«Мы – плененные звери...»
Мы – плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.
Если сердце преданиям верно,
Утешаясь лаем, мы лаем.
Что в зверинце зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаем.
К повторениям сердце привычно, –
Однозвучно и скучно кукуем.
Все в зверинце безлично, обычно,
Мы о воле давно не тоскуем.
Мы – плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.
<24 февраля 1905>

«Высока луна господня...»
Высока луна господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.
Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно, замирает
Всё вокруг.
В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слышать шагов, ни хрустя,
Ничего.
Землю нюхая в тревоге,

Жду я бед.
Слябо пахнет по дороге
Чей-то след.
Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет –
Друг иль враг?
Под холодной луною
Я одна.
Нет, невмочь мне, – я завою
У окна.
Высока луна господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня
И тоска.
Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!
Февраль 1905

«В день Воскресения Христова...»
В день Воскресения Христова
Иду на кладбище, – и там
Раскрыты склепы, чтобы снова
Сияло солнце мертвецам.
Но никнут гробы, в тьме всесильной
Своих покойников храня,
И воздымают смрад могильный
В святыню праздничного дня.
Глазеют маленькие дети,
Держась за край решетки злой,
На то, как тихи гробы эти
Под их тяжелой пеленой.
Томительно молчит могила.
Раскрыт напрасно смрадный склеп, –
И мертвый лик Эммануила
Опять ужасен и нелеп.
17 апреля 1905

«Я к ней пришел издалека...»
Я к ней пришел издалека.
Окрест, в полях, прохлада.
И будет смерть моя легка
И слаще яда.
Я взоры томные склонил.
В траву роса упала.
Еще дышу. Так мало сил.
Так жизни мало.
Туман восходит, – и она
Идет, так тихо, в поле.
Поет, – мне песнь ее слышна, –
Поет о воле.
Пришел. Она ко мне близка,
В ее очах отрада.
И смерть в руке ее легка
И слаще яда.
25 апреля 1905

«Белый мой цветок, таинственно-прекрасный...»
Белый мой цветок, таинственно-прекрасный,
Из моей земли, из черной ты возник,
На меня глядишь ты, нежный и безгласный,
И понятен мне безмолвный твой язык.
Ты возник из тьмы, моей мечте навстречу,
Ты зовешь туда, откуда вышел ты, –
Я твоим вещаньям не противоречу,
К твоему дыханью наклонив мечты.

«День сгорал, недурно бледный...»
День сгорал, недурно бледный
и безумно чуждый мне.
Я томился и метался
в безнадежной тишине.
Я не знал иного счастья –
стать недвижимым, лечь в гробу.
За метанья жизни пленной
клял я злобную судьбу.
Жизнь меня дразнила тупо,
возвещая тайну зла:
Вся она, в гореньи трупа,
мною замышлена была.
Это я из бездны мрачной
вихри знойные воззвал
И себя цепями жизни
для чего-то оковал.
И среди немых раздолий,
где царил седой хаос,
Это я своею волей
жизнь к сознанию вознес.
15 июля 1905

«В чародейном, темном круге...»
В чародейном, темном круге,
всё простив, что было днем,
Дал я знак моей подруге
тихо вспыхнувшим огнем.
И она пришла, как прежде,
под покровом темноты.
Позабыл я все вопросы,
и спросил я: «Кто же ты?»
И она с укором кротким
посмотрела на меня.
Лик ее был странно бледен
в свете тайного огня.
Вкруг нее витали чары
нас обнявшего кольца,
И внезапно стал мне внятен
очерк близкого лица.
15 июля 1905

Швея
Нынче праздник. За стеною
Разговор веселый смолк.
Я одна с моей иглою,
Вышиваю красный шелк,
Все ушли мои подруги
На веселый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь,
Мне веселости не надо.
Что мне шум и что мне свет!
В праздник вся моя отрада,
чтоб исполнить мой обет.
Всё, что юность мне сулила,
всё, чем жизнь меня влекла,
всё судьба моя разбила,
всё коварно отняла.
«Шей нарядные одежды
Для изнеженных госпож!
Отвергай свои надежды!
Проклинай их злую ложь!»
И в покорности я никла,
Трепетала, словно лань,
Но зато шептать привыкла

Слово гордое: восстань!
Белым шелком красный мечу,
И сама я в грозный бой
Знамя вынесу навстречу
Рати вражеской и злой.
5 августа 1905

Шут
Дивитесь вы моей одежде,
Смеетесь: что за пестрота!
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом обличи шута.
Мне закон ваш – не указка.
Смех мой – правда без границ.
Размалеванная маска
Откровенней ваших лиц.
Весь лоскутьями пестрея,
Бубенцами говоря,
Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя.
Иное время, и дороги
Уже не те, что были встарь,
Когда я смело шел в чертоги,
Где ликовал надменный царь.
Теперь на сходке всенародной
Я подымаю бубен мой,
Смеюсь пред Думою свободной,
В Пляшу пред мертвою тюрьмой.
Что, вас радуют четыре
Из святых земных свобод?
Эй, дорогу шире, шире!
Расступайтесь, – шут идет!
Острым смехом он пронизет
И владыку здешних мест,
И того, кто руку лижет,
Что писался манифест.
2 ноября 1905

«Великого смятения...»
Великого смятения
Настал заветный час.
Заря освобождения
Зажглася и для нас.
Недаром наши мстители
Восходят чередой.
Оставьте же, правители,
Губители, душиатели
Страны моей родной,
Усилия напрасные
Спасти отживший строй.
Знамена веют красные
Над шумною толпой,
И речи наши вольные
Угрозою горят,
И звоны колокольные
Слились в набат!
11 ноября 1905

«Воцарился злой и маленький...»
Воцарился злой и маленький,
Он душил, губил и жег, –
Но раскрылся цветик аленький,
Тихий, зыбкий огонек.
Никнул часто он, растоптанный, –
Но окрепли огоньки,
Затаился в них нашептанный
Яд печали и тоски.
Вырос, вырос бурнопламенный,

Красным стягом веет он, –
И чертог качнулся каменный,
Задрожал кровавый трон.
Как ни прячься, злой и маленький,
Для тебя спасенья нет,
Пред тобой не цветик аленький,
Пред тобою красный цвет.
11 ноября 1905

Веселая песня
Буржуа с румяной харей,
Прочь с дороги, уходи!
Я – свободный пролетарий
С сердцем в пламенной груди.
Я терпел нужду и голод,
А тебе был всюду ход, –
Но теперь твой гнет расколот,
Мой черед идти вперед.
Ты себя не беспокоил
Ни заботой, ни трудом,
Но подумай, кто построил
Для тебя просторный дом!
Из кого ты жилы тянешь?
Что несешь на биржу, а?
Так со мною ли ты станешь
Спорить, жирный буржуа!
Свет от нас давно ты застишь, –
Будет! Шкуру береги!
Отворяй нам двери настезь
и беги себе, беги.
Запирует на просторе
Раззолоченных палат,
Позабыв бывшее горе,
Вольный пролетариат.
16 ноября 1905

«Тяжелыми одеждами...»
Тяжелыми одеждами
Закрыв мечту мою,
Хочу я жить надеждами,
О счастья пою.
Во дни святого счастья
Возникнет над землей
Великого безвластия
Согласный, вечный строй.
Не будет ни царящего
Надменного меча,
Ни мстящего, разящего
Безжалостно бича.
В пыли не зашевелится
Вопрос жестокий: чье?
И в сердце не прицелится
Безумное ружье.
Поверженными знаками
Потешится шутя
В полях, шумящих злаками,
Веселое дитя.
17 ноября 1905

Земле
В блаженном пламени восстанья
Моей тоски не утоля,
Спешу сказать мои желанья
Тебе, моя земля.
Производительница хлеба,
Разбей оковы древних меж
И нас, детей святого Феба,
Простором вольности утешь.

Дыханьем бури беспощадной,
Пожаром ярым уничтожь
Заклятья собственности жадной,
Заветов хитрых злую ложь.
Идущего за тяжким плугом
Спаси от долга и от клятв,
И озари его досугом
За торжествами братских жатв.
И засияют светлой волей
Труда и сил твои поля
Во всей безгранности раздолий
Твоих, моя земля.
20 ноября 1905

«День безумный, день кровавый...»
День безумный, день кровавый
Отгорел и отзвучал.
Не победой, только славой
Он героев увенчал.
Кто-то плачет, одинокий,
Над кровавой грудой тел.
Враг народа, враг жестокий
В битве снова одолел.
Издеваясь над любовью,
Хищный вскормленник могил,
Он святою братской кровью
Щедро землю напоил.
Но в ответ победным крикам
Восстает, могуч и яр,
В шуме пламенном и диком
Торжествующий пожар.
Грозно пламя заметалось,
Выметая, словно сор,
Все, что дерзко возвышалось,
Что сулило нам позор.
В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушенья вольный пир!
22 ноября 1905

Простая Песенка
Под остриями
Вражеских гик
Светик убитый,
Светик убитый поник.
Миленький мальчик,
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.
Били, стреляли, –
Ты не бежал,
Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.
Конь офицера
Вражеских сил
Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.
Миленький мальчик,
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.
22 ноября 1905

Искали дочь
Печаль в груди была остра,
Безумна ночь, –
И мы блуждали до утра,

Искали дочь.
Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.
Чернели тени на огне
Ночных костров.
Звучали в мертвой тишине
Шаги врагов.
Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.
Всю ночь мерещилась нам дочь,
Еще жива,
И нам нашептывала ночь
Ее слова.
По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.
Бросали груды страшных тел
В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
Городовой.
Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, –
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.
Ступени скользкие вели
В сырую мглу, –
Под грудой тел мы дочь нашли
Там, на полу...
25 ноября 1905

Спутник
По безмолвию ночному,
Побеждая страх и сон,
От собратьев шел я к дому,
А за мной следил шпион;
И четою неразлучной
Жуткий город обходя,
Мы внимали песне скучной
Неумолчного дождя.
В темноте мой путь я путал
На углах, на площадях,
И лицо я шарфом кутал,
И таился в воротах.
Спутник чутко-терпеливый,
Чуждый, близкий, странно злой,
Шел за мною под дождливой
Колыхающейся мглой.
Утомясь теряться в звуке
Повторяемых шагов,
Наконец тюремной скуке
Я предаться был готов.
За углом я стал. Я слышал
Каждый шорох, каждый шаг,
Затаился. Выждал. Вышел.
Задрожал от страха враг,
«Барин, ты меня не трогай, –
Он сказал, дрожа как лист, –
Я иду своей дорогой.
Я и сам социалист».
Сердце тяжело, больно билось,
А в руке дрожал кинжал.
Что случилось, как свершилось,
Я не помню. Враг лежал.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
1 декабря 1905

Веселая народная песня
(На четыре голоса)
Что вы, старцы, эахудали,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«Отошшали!»
Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«С голодухи!»
Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Тятыку угнали!»
Что вы, детки, приуныли,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Мамку убили!»
4 декабря 1905

«Не трогай в темноте...»
Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, –
Быть может, это – те,
Кому привольно дома.
Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
Царапнет быстрый ноготь, –
Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? мучить? нежить?
Куда ты ни пойдешь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснешь.
Но что же будет после?
Прозрачную щекой
Прильнет к тебе сожитель.
Он серую тоской
Твою затмит обитель.
И будет жуткий страх –
Так близко, так знакомо –
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.
11 декабря 1905

«Я был один в моем раю...»
Я был один в моем раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.
И первозданное зверье,
Теснясь вокруг меня, на тело
Еще невинное мое
С любовью дикою глядело.
У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбались, благие.
Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.
И вся она была легка,
Как тихий сон, – как сон, безгрешна,

И речь ее была сладка,
Как нежный смех, – как смех, утешна.
И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, – предо мной
Стояла и смеялась Ева...
Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, – навеки скрылась.
28 декабря 1905

«Я подарю тебе рубин...»
Я подарю тебе рубин, –
В нем кровь горит в моем огне.
Когда останешься один,
Рубин напомнит обо мне.
В нем кристаллический огонь
И металлическая кровь, –
Он тихо ляжет на ладонь
И обо мне напомнит вновь.
Весь окровавленный кристалл
Горит неведомым огнем.
Я сам его зачаровал
Безмолвным, неподвижным сном.
Не говорит он о любви,
И не любовь в его огне, –
В его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо мне.
8 февраля 1906

«Зеленый изумруд в твоём бездонном взоре...»
Зеленый изумруд в твоём бездонном взоре, –
Что зеленело на просторе,
Замкнулось в тесный круг.
Мерцает взор зеленый, изумрудный, –
Мне кажется, что феей чудной
Прокинешься ты вдруг.
Уже не дева ты – Зеленая царица,
И смех твой – звон ручья,
И взор зеленый твой – лукавая зарница,
Но ты – опять моя.
И как бы ты в траве ни затаилась,
И чем бы ты ни притворилась,
Сверкая и звеня, –
Везде найду тебя, везде тебя открою,
Зеленоглазая! ты все со мною,
Ты вечно для меня.
3 февраля 1906

«Злая ведьма чашу яда...»
Злая ведьма чашу яда
Подает, – и шепчет мне:
«Есть великая отрада
В затаенном там огне.
Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, –
Не боишься? так по воле
Пей ее или не пей,
Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрешь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.
Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдешь, который велен
Духом скрытого огня.
Кое-что умрет, конечно,

У тебя внутри, – так что ж?
Что имеешь, ты навечно
Всё равно не сбережешь.
Но зато, смертельным ядом
Весь пропитан, будешь ты
Поражать змеиным взглядом
Неразумные цветы.
Будешь мертвыми устами
Ты метать потоки стрел
И широкими путями
Умертвлять ничтожность дел». .
Так, смеясь над чашей яда,
Злая ведьма шепчет мне,
Что бессмертная отрада
Есть в отравленном огне.
3 февраля 1906

«Я дорогой невинной и смелою...»
Я дорогой невинной и смелою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и делаю, –
Вот свобода моя.
Научитесь хотенью упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу черному
Вас косою не скосил, –
И поверьте великим вещаниям,
Что свобода не ведает зла,
Что она только ясным желаньям
Силу жизни дала.
27 марта 1906

«В светлый день похоронили...»
В светлый день похоронили
Мы склонившуюся тень.
Кто безгласен был в могиле,
Тот воскрес в великий день, –
И светло ликует с нами,
Кто прошел сквозь холод тьмы,
Кто измучен злыми снами
В темных областях зимы.
29 марта 1906

«Что звенит...»
Что звенит?
Что манит?
Ширь и высь моя!
В час дремотный перезвон
Чьих-то близких мне имен
Слышу я.
В легких вздохах дальних лоз,
В стрекотании стрекоз,
В зраке пестром теплых трав
Реет имя ВЯЧЕСЛАВ.
Вящий? Вещий?
Прославляющий ли вещи?
Вече? иль венец?
Слава? слово? или слать?
Как мне знаки разгадать?
Цепь сковать
Из рассыпанных колец?
Там, в дали долин,
Вещий хор ведет один, –
Здесь, в полугоре,
Знак начертан на коре, –
Там, с вершины гор,
Острый смотрит взор.
Все взяла заря ключи, –

Травы сухи и в ночи.
В сочетаньи вещей слов,
В сочетаньи гулких слав,
В хрупкий шорох ломких трав,
В радость розовых кустов
Льется имя ВЯЧЕСЛАВ.
26 мая 1906

«Струясь вдоль нивы, мертвая вода...»
Струясь вдоль нивы, мертвая вода
Звала меня к последнему забытью,
Я пас тогда ослиные стада
И похвалялся их тяжелой прытью.
Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла
И на поля повеяла прохлада.
Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мертвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.
31 мая 1906

Вячеславу Иванову
В тебе не вижу иноверца.
Тебя зову с надеждой Я.
Дракон – Мое дневное сердце,
Змея – ночная грусть Моя.
Я полюбил отраду ночи, –
Но в праздник незакатный Дня
Ты не найдешь пути короче
Путей, ведущих от Меня.
Напрасно прославляешь Солнце,
Гоня меня с твоих высот, –
Смеясь на твой призыв, Альдонса
Руно косматое стрижет.
От пламенеющего Змея
Святые прелести тая,
Ко мне склонилась Дульцинея:
Она – Моя, всегда Моя.
Не о борьбе она мне скажет,
Она, чей голос слаще арф.
Она крестом на мне повяжет
Не на победу данный шарф.
Простосердечную Альдонсу
За дух козлиный не казня,
Я возвестил тебе и Солнцу
Один завет: Люби Меня.
15 – 16 июня 1906

«Я спешил к моей невесте...»
Я спешил к моей невесте
В беспощадный день погрома.
Всю семью застал я вместе
Дома.
Все лежали в общей груди...
Крови темные потоки...
Гвозди вбиты были в груди,
В щеки.
Что любовью пламенело,
Грубо смято темной силой...
Пронизали гвозди тело
Милой...
22 июня 1906

«Догорало восстанье...»
Догорало восстанье, –
Мы врагов одолеть не могли, –

И меня на страданье,
На мучительный стыд повели.
Осудили, убили
Победители пленных бойцов,
А меня обнажили
Беспощадные руки врагов.
Я лежала нагая,
И нагайками били меня,
За восстанье отмщая,
За свободные речи казня.
Издевался, ругался
Кровожадный насильник и злой,
И смеясь забавлялся
Беззащитной моей наготой.
Но безмерность мученья
И позора мучительный гнет
Неизбежности мщенья
Не убьет и в крови не зальет.
Дни безумия злого
Сосчитал уж стремительный рок,
И восстанья иного
Пламенеющий день недалек.
27 – 28 июня 1906

«Пришла заплаканная жалость...»
Пришла заплаканная жалость
И у порога стонет вновь:
«Невинных тел святая алость!
Детей играющая кровь!
За гулкий взрывом лютой злости
Рыданья жалкие и стон.
Страшны изломанные кости
И шепот детский: «Это – сон?»
Нет, надо мной не властно жало
Твое, о жалость! Помню ночь,
Когда в застенке умирала
Моя замученная дочь.
Нагаек свист, и визг мучений,
Нагая дочь, и злой палач, –
Всё помню. Жалость, в дни отмщений
У моего окна не плачь!
14 августа 1906

«Мы были праздничные дети...»
Мы были праздничные дети,
Сестра и я.
Плела нам радужные сети
Коварная Змея.
Стояли мы, играть не смея,
На празднике весны.
У злого, радостного Змея
Отравленные сны.
Хоть бедных раковин случайно
Набрать бы у ручья, –
Нет, умираем, плача тайно,
Сестра и я.
30 августа 1906

Тихая колыбельная
Много бегал мальчик мой.
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Моя ножки, задремали.
Я спю тебе, спю:
Баю-баюшки-баю.
Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: «Сон, войди».
Волоса его как лен,

Ручки дремлют на груди, –
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.
«Сон, ты где был?» – «За горой».
– «Что ты видел?» – «Лунный свет».
– «С кем ты был?» – «С моей сестрой».
– «А сестра пришла к нам?» – «Нет».
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.
Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.
Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: «Я приду».
Я тихононько пою:
Баю-баюшки-баю.
Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат».
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.
«Я косила целый день.
Я устала. Я больна».
За окном шатнулась тень,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.
19 октября 1906

«Я должен быть старым...»
Я должен быть старым,
И мудрым,
И ко всему равнодушным,
С каменеющим сердцем
И с презрительным взором,
Потому что Ананке,
Злая,
Открыла мне мой жребий:
Жить лишь только после смерти
Бестелесною тенью,
Легким звуком,
Пыльною радостью
Чудака книгочия...
А всё же нагое тело
Меня волнует,
Как в юные годы.
Я люблю руки,
И ноги,
И упругую кожу,
И все, что можно
Целовать и ласкать.
И если ты, милая, –
Капризная, но вовсе не злая, –
Хочешь моего ясного взгляда,
Моей светлой улыбки,
Моего легкого прикосновения, –
А что же больше я могу
Дать или взять? –
Знай, знай, –
Мне ненавистно
Твое нарядное платье
Скрипучего шелка
С желтыми кружевами,
И ароматный дар старого Пино,
И даже твои сквозные
Рукавички
С глупым и смешным названьем.
6 ноября 1906

«Трепещет сердце опять...»
Трепещет сердце опять.
Бледная поднялась заря.
Бедная! пришла встречать
Злого, золотого паря.
Встал, и пламенем лучей
Опалил, умертвил ее.
Ропщет и плачет ручей, –
Усталое сердце мое.
17 февраля 1903, 2 декабря 1906

«Разбудил меня рано твой голос, о Брама...»
Разбудил меня рано твой голос, о Брама!
Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням высокого храма
И целую священный Лингам.
Он возложен на ткани узорной,
Покрывающей древний алтарь.
Стережет его голый и черный,
Диадемой увенчанный царь.
На священном Лингаме ярка позолота,
Сам он черен, громаден и прям.
Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,
Напою ароматами храм.
Алтарю, покрывалу, Лингаму
Я открою, что сладко люблю.
Вместе Шиву, и Вишну, и Брамму я
Ароматной мольбой умолю.
7 января 1907

«Дышу дыханьем ранних рос...»
Дышу дыханьем ранних рос,
Зарю ландышей невинных;
Вдыхаю влажный запах длинных
Русалочьих волос, –
Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосок;
Я слышу звонкий голосок
Погибшего ребенка.
Она стонала над водой,
Когда ее любовник бросил.
Ее любовник молодой
На шею камень ей повесил.
Заслышав шорох в камышах
Его лады и скрип от весел,
Она низверглась вся в слезах,
А он еще был буйно весел.
И вот она передо мной,
Всё та же, но совсем другая,
Над озаренной глубиной
Качается нагая.
Рукою ветку захватив,
Водю заревою плещет.
Забыла темные пути
В сияньи утреннем и блещет.
И я дышу дыханьем рос,
Благоуханием невинным,
И влажным запахом пустынным
Русалкиных волос.
31 января 1907

«Я позабыл, как надо колдовать...»
Я позабыл, как надо колдовать,
Я уронил волшебный перстень в реку, –
Я на земле, и стану вековать,
Во всем подобясь человеку.
Напрасно жалость жжет меня, –

Я сам во власти темной злости.
Низвергся я, мучительно стенья,
И у меня – изломанные кости.
В альковах есть чрезмерность ласк, –
Но кто ж стремится на ваши спины
Нагайки быстрой тусклый лязг
Или гудящий свист резины?
Подобен вам, дышу едва, –
Но если ты пройдешь, мой друг гонимый,
Я прошепчу тебе слова
О мести алчной и непримиримой.
18 февраля 1907

«О, не спеши скликать народы...»
О, не спеши скликать народы
На светлый пир любви, –
Шумящих крыльями орлов свободы
Зови
В торжестве святого своеволья
Развернуть пылающие крылья
Над зеркальностью застойных вод,
Унести из мутной мглы бессилья
В озаренные раздолья,
В светлый рай стремительных свобод!
18 февраля 1907

Сон похорон
Злом и тоской истомленный,
Видел я сон,
Кем, я не знаю, внушенный,
Сон похорон.
Мертвый лежал я в пустыне,
Мертвой, как я.
Небо томительно сине,
В небе горела Змея.
Тлело недвижимое тело,
Тление – жгучая боль,
И подо мною хрустела,
В тело впиваясь, соль.
И над безмолвной пустыней
Злая Змея
Смрадной, раздутой и синей
Падающею тлела, как я.
К позолоченной могиле
Ладанно-мертвой земли
В облаке пламенной пыли
Мглистые кони влекли
Огненный груз колесницы,
И надо мной
С тела гниющей царицы
Падал расплавленный зной.
Злом и тоской истомленный,
Видел я сон,
Дьяволом, богом внушенный?
Сон похорон.
19 февраля 1907

Нюрнбергский палач
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.
И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.
Но путь науки строгой
Я в юности отверг,

И вольною дорогой
Пришел я в Нюрнберг.
На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.
Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.
Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.
Народною боязнию
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.
Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.
Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!
Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.
И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.
Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.
Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.
Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью,
Опять веревка свяжет
Тоску мою.
Стенания и слезы, –
Палач – везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!
22 февраля 1907

Лунная колыбельная
Я не знаю много песен, знаю песенку одну.
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.
Колыбельку я рукою осторожною качну.
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.
Тихий ангел встрепетается, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: «Ты не бойся, ты не дуйся, я засну».
Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.
Он про звездочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высокою, про небесную весну.
Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,

Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину,
Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, –
Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет
в глубину,
И на речке с легким плеском круг за кругом пробежит
волна в волну.
Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.
Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.
20 марта 1907

«Всё было беспокойно и стройно, как всегда...»
Всё было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванились горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,
И басом объяснялся с мамашей грубиян.
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врываются в каждый дом.
Трава шептала сонно зеленые слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть куку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Добррызгал дождь на шапки гуляющих людей,
И красили уж небо в берлинскую лазурь,
чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я – большой поэт,
что миру будет явлен мой незакатный свет.
24 марта 1907

«Жизнь моя, змея моя...»
Жизнь моя, змея моя!
От просторов бытия
К тесным граням жития
Перенес тебя и я,
Воды хладные лия,
Вина сладкие пия,
Нити тонкие вия,
Струны звонкие бия, –
Жизнь моя, моя змея!
24 марта 1907

«Что было, будет вновь...»
Что было, будет вновь.
Что было, будет не однажды.
С водой смешаю кровь
Устам, томящимся от жажды.
Придет с высоких гор.
Я жду. Я знаю, – не обманет.
Глубок зовущий взор.
Стилет остер и сладко ранит.
Моих коснется плеч.
Приникнет в тайне бездыханной.
Потом затопит печь
И тихо сядет ждать за ванной.
Звенящие струи
Прольет, открыв неспешно краны,
И брызнет на мои
Легко означенные раны.
И дверь мою замкнет,
И тайной зачарует стены,
И томная войдет
В мои пустеющие вены.
С водой смешаю кровь
Устам, иссохнувшем от жажды.
Что было, будет вновь.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
что было, будет не однажды.
30 марта 1907

Халдейская песня
Халдейский царь (соло)

У меня ли не житье!
Все казенное – мое!
Государство – это я,
И над всеми власть моя.
Халдейские люди

А у нас–то вот житье!
Что встаем, то за вытье.
Мы несем во все места,
А мощна у нас пуста.
Халдейский царь

Не пойди ль мне на войну
В чужедальную страну,
Злата, серебра добыть,
Чтоб еще богаче быть?
Халдейские люди

Собирают нашу рать,
Знать, нам время умирать.
Нас погонят на войну
За халдейскую казну.
Халдейский царь

Что там? Вздумали роптать?
Стройся, верная мне рать!
Поострей точи мечи!
Бей! коли! руби! топчи!
Март 1907

Чертовы качели
В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.
Качает и смеется,
Вперед, назад,
Вперед, назад.
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.
Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.
Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.
Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».
В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».
Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит

Грозный взмах руки,
Пока не перетрется,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.
Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, черт, качели,
Всё выше, выше... ах!
14 июня 1907

«Улыбкой плачу отвечая...»
Улыбкой плачу отвечая,
Свершая дивный произвол,
Она была в гробу живая,
А я за гробом мертвый шел.
Тяжелые лежали камни,
Лиловая влеклася пыль.
Жизнь омертвелая была мне –
Как недосказанная быль.
И только в крае запредельном
Жизнь беззакатная цвела,
Вся в упоеньи дивно-хмельном,
И безмятежна, и светла.
30 июня 1907

К оде «Многострадальная Россия»
Взываю к русскому народу, –
Внимай, Россия, песнь мою,
Внимай – торжественную оду
Тебе я медленно пою.
Воспеть хочу твои страданья,
Твою тоску и нищету,
И вековое ожиданье,
И жертв бессильную тщету.
Визгливым воплям лютой боли
Подобен ропщущий напев
Вращенных в вековой неволе
Твоих суровых жен и дев.
Но кто же муки затевает,
И кто тиран, и кто палач?
Чья воля песню запеваает,
В которой слышен только плач?
Что это – хохот иль рыданье,
Или звериный дикий вой,
Иль хохот леших, иль рыканье
Быков рогатых за стеной?
Издевка, бешенство и злоба,
Рыданья, стоны и тоска, –
Кого же извела из гроба
Неумолимая рука?
Что это – лица или хари,
Улыбки иль клыков оскал?
Удел какой же бедной твари
Господь в веках предначертал?
18 марта 1896 – 12 декабря 1907

«Под сенью тилий и темал...»
Под сенью тилий и темал,
Склонясь на белые киферы,
Я улыбаясь задремал
В объятьях милой Мейтанеры,
И, затаивши два огня
В очах за синие зарницы,
Она смотрела на меня
Сквозь дымно-длинные ресницы.
В передзакатной тишине,
Смирная пляской ярость Змея,

Она показывала мне,
Как пляшет зыбка алмея.
И вся бела в тени темал,
Белей, чем нежный цвет кифера,
Отбросив скуку покрывал,
Плясала долго Мейтанера.
И утомилась, и легла,
Орошена росой усталой,
Склоняя жемчуги чела
К благоуханью азры алой.
17 января 1908

«Пришла опять, желаньем поцелуя...»
Пришла опять, желаньем поцелуя
И грешной наготы
В последний раз покойника волнуя,
И сыплешь мне цветы.
А мне в гробу приятно и удобно.
Я счастлив, – я любим!
Восходит надо мною так незлобно
Кадильный синий дым.
Басит молодожен, румяный дьякон,
Кадит со всех сторон.
Прекрасный лик возлюбленной заплакан,
И грустен, и влюблен.
Прильнет сейчас к рукам, скрещенным плоско,
Румяный поцелуй.
Целуй лицо. Оно желтее воска.
Любимая, целуй!
Склонясь, раскрой в дрожаньи белой груди
Два нежные холма.
Пускай вокруг смеются злые люди, –
Засмейся и сама.
27 апреля 1908

«Блаженство в жизни только раз...»
Блаженство в жизни только раз,
Безумный путь, –
Забыться в море милых глаз
И утонуть.
Едва надменный Савл вступил
На путь в Дамаск,
Уж он во власти нежных сил
И жгучих ласк.
Его глаза слепит огонь
Небесных нег,
И стройно-тонкая ладонь
Бела, как снег.
Над ним возник свирельный плач
В пыланьи дня:
«Жестокий Савл! о злой палач,
Люби меня!»
Нет, Павла Савлом не зови:
Святым огнем
Апостол сладостной любви
Восставлен в нем.
Блаженство в жизни только раз,
Отрадный путь!
Забыться в море милых глаз
И утонуть.
Забыв о том, как назван ты
В краю отцов,
Спешить к безмерностям мечты
На смелый зов.
О, знойный путь! о, путь в Дамаск!
Безумный путь!
Замкнуться в круге сладких ласк
И утонуть.

«Вздымалось облако пыли...»
Вздымалось облако пыли,
Багровое, злое, как я,
Скрывая постылые были,
Такие ж, как сказка моя.
По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, как я.
И шла мне навстречу царица,
Такая же злая, как я,
И с нею безумная жрица,
Такая же злая, как я.
И чары несли они обе,
Такие же злые, как я,
Смеясь в ликующей злобе,
Такой же, как злоба моя.
Пылали безумные лица
Такой же тоской, как моя,
И злая из чар небылица
Вставала, как правда моя.
Змеиной растоптанной злобе,
Такой же, как злоба моя,
Смеялись безумные обе,
Такие же злые, как я.
В багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, как я,
Царица и жрица укрыли
Такую ж тоску, как моя.
По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
Тая безнадежные были,
Такие ж, как сказка моя.
18 ноября 1908

«Судьба была неумолима...»
Судьба была неумолима,
Но знаю я, вина – моя.
Пройдите с отвращеньем мимо, –
И это горе вызвал я.
Я знал святое превосходство
Первоначальной чистоты,
Но в жизни воплотил уродство
Моей отравленной мечты.
Когда окликнулись впервые
Друг другу птичьи голоса,
Когда на сказки заревые
Смеялась первая роса,
Когда от счастья задрожала
Еще невинная змея,
Вложил отравленное жало
В лобзанья уст змеиных я.
Я был один во всей природе,
Кто захотел тоски и зла,
Кто позавидовал свободе,
Обнявшей детские тела.
Один, жестокий и надменный,
На мир невзгоды я навлек.
Несовершенства всей вселенной
В веках лишь только мне упрек.
12 июня 1909

«Все эти наши слова...»
Все эти наши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,

Шумные волны да ели,
Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.
2 июля 1909

«Отчего боятся дети...»
Отчего боятся дети
И чего?
Эти сети им на свете
Ничего.
Вот, усталые бояться,
Знаем мы,
Что уж близкие грозятся
Очи тьмы.
Мурава, и в ней цветочки,
Желт, синь, ал, –
То не черт ли огонечки
Зажигал?
Волны белой пеной плещут
На песок.
Рыбки зыбкие трепещут
Здесь у ног.
Кто-то манит, тянет в море.
Кто же он?
Там, где волны, на просторе
Чей же стон?
Вы, читающие много
Мудрых книг,
Испытайте точно, строго
Каждый миг.
Ах, узнайте, проследите
Всё, что есть,
И желанную несите
Сердцу весть!
Нет, и слыша вести эти,
Не поймешь,
Где же правда в нашем свете,
Где же ложь!
5 июля 1909

«Ликуй, звени, блести, мой легкий, тонкий стих...»
Ликуй, звени, блести, мой легкий, тонкий стих,
Ликуй, мой звонкий стих, о радостях моих.
Я кроткою мечтой тоску преодолел,
И сладко полюбил, и нежно пожалел.
И так люблю, губя, – и так, любя, гублю,
И, погубив, опять прильну – и оживлю.
13 июля 1909

«Поняв механику миров...»
Поняв механику миров
И механичность жизни дольной.
В чертогах пышных городов
Мы жили общиной довольной,
И не боялись мы Суда,
И только перед милым прахом
Вдруг зажигались иногда
Стыдом и острым страхом.
Возник один безумец там,
И, может быть, уже последний.
Он повторил с улыбкой нам
Минувших лет смешные бредни.
Не понимая, почему
В его устах цветут улыбки,
Мы не поверили ему.
К чему нам ветхие ошибки!

На берег моря он бежал,
Где волны бились и стонали,
И в гимны звучные слагал
Слова надежды и печали.
Так полюбил он мглу ночей
И тихо плещущие реки,
Что мест искал, где нет людей,
Где даже не было б аптеки.
И, умирая, он глядел
В небесный многозвездный купол,
Людей не звал, и не хотел,
Чтоб медик пульс его пощупал.
27 августа 1909 Шмецке

«Люби меня, люби, холодная луна...»
Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть в небе обо мне твой рог жемчужный трубит,
Когда восходишь ты, ясна и холодна.
На этой злой земле никто меня не любит.
Да будет ночь твоя в мерцании светил!
Отверженец земли, тоскующий и кроткий,
О, сколько раз во тьме я за тобой следил,
Любуясь твоей стремительною лодкой!
Потом я шел опять в докучный рокот дня, –
И труд меня томил, и путь мой был бесцелен,
Твой свет в моей душе струился мгристо-зелен.
Холодная луна, люби, люби меня!
28 декабря 1909

«Беспредельно утомленье...»
Беспредельно утомленье,
Бесконечен темный труд.
Ночь зарей полночной светит.
Где же я найду терпенье,
Чтоб до капли выпить этот
Дьявольский сосуд?
Посмотрите, – поседела
У меня уж голова.
Я, как прежде, странник нищий,
Ах, кому ж какое дело
До того, что мудрый ищет
Вечные слова!
18 июня 1910, ночь Удриас-Корф

«Даль безмерна, небо сине...»
Даль безмерна, небо сине,
Нет пути к моим лесам.
Заблудившийся в пустыне,
Я себе не верил сам,
И безумно забывал я,
Кто я был, кем стал теперь,
Вихри сухо завывал я,
И пустынно завывал я,
Словно ветер или зверь.
Так унижен, так умален, –
Чьей же волею? моей! –
Извивался я, ужален
Ядом ярости своей,
Безобразен, дик и зелен,
И безрадостно-бесцелен,
Непомерно-мудрый Змей.
Вдруг предвестницей сиянья,
Лентой алою зари,
Обвились в час молчанья
Гор далеких алтари.
Свод небес лазурно-пышен
В легкой ризе облаков.
Твой надменный зов мне слышен,

Победивший мглу веков.
Ты, кого с любовью создал
В час торжеств Адонаи,
Обещаешь мне не поздно
Ласки вещице твои.
Буйным холодом могилы
Умертвивши вой гиен,
Ты идешь расторгнуть силы,
Заковавшиеся в плен.
Тайный узел ты развяжешь,
И поймешь сама, кто я,
И в восторге ярком скажешь,
Кто творец твой, кто судья.
3 декабря 1910

«Опять ночная тишина...»
Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый.
Опять неспрашивается и синь
Простор небесного молчанья,
И в глубине ночных пустынь
Все те же звездные мерцанья.
И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Всё так же бледен, тих и слаб,
Всё тою же томлюсь я жаждой.
Мечтать о Дивных чудесах
Хочу, как встарь, – и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю.
И если по ночным снегам,
Звеня бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка,
То как не улыбнуться мне
Ее навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне
И никуда я не поеду.
27 декабря 1910 Мустамяки

«Коля, Коля, ты за что ж...»
Коля, Коля, ты за что ж
Разлюбил меня, желанный?
Отчего ты не придешь
Посидеть с твоею Анной?
На меня и не глядишь,
Словно скрыта я в тумане.
Знаю, милый, ты спешишь
На свидание к Татьяне.
Ах, напрасно я люблю,
Погибаю от злодеек.
Я эссенции куплю
Склянку на десять копеек.
Ядом кишки обожгу,
Буду громко выть от боли.
Жить уж больше не могу
Я без миленького Коли.
Но сначала наряжусь
И, с эссенцией в кармане,
На трамвае прокачусь
И явлюсь к портнихе Тане.
Злости я не утаю,
Уж потешусь я сегодня,
Вам всю правду отпою,
И разлучница, и сводня.
Но не бойтесь, – красоты

Ваших масок не нарушу,
Не плесну я кислоты
Ни на Таню, ни на Грушу.
«Бог с тобой, – скажу в слезах, –
утешайся, грамотейка!
При цепочке, при часах,
А такая же ведь швейка!»
Говорят, что я проста,
На письме не ставлю точек.
Все ж, мой милый, для креста
Принеси ты мне веночек.
Не кручинься и, обняв
Талью новой, умной милой,
С нею в кинематограф
Ты иди с моей могилы.
По дороге ей купи
В лавке плитку шоколада,
Мне же молви: «Нюта, спи!
Ничего тебе не надо.
Ты эссенции взяла
Склянку на десять копеек
И в мученьях умерла,
Погибая от злодеек».
<1911>

«Там, где улицы так гулки...»
Там, где улицы так гулки,
Тихо барышня идет,
А ее уж в переулке
Близко, близко ангел ждет.
Крыльев ангелу не надо, –
Светлый дух!
От людей не отличаясь,
Он глядит.
Подал девушке он руку
И ведет ее туда,
На неведомую реку,
Где нездешняя вода.
У него в очах отрада, –
Светлый дух!
Тихо деве улыбаясь,
Он глядит.
Перед ними блеск чертога,
Восходящего до звезд.
Вместе всходят до порога
На сияющий подъезд.
Тихо спрашивает дева:
»Где же рай?»
Ей привратник отвечает:
»Наверху».
Перед ней открылись двери.
Сердце замерло в груди.
Светлый рай обещан вере.
Что же медлишь ты? Войди.
Звуки дивного напева.
Светлый рай
Перед девою ликует
Наверху.
Поднимается на лифте.
И не рай, квартира тут.
Ах, мечтанья, осчастливьте
Хоть на двадцать пять минут.
14 марта 1911

«Плещут волны перебойно...»
Плещут волны перебойно,
Небо сине, солнце знойно,
Алы маки под окном,

Жизнь моя течет спокойно,
И роптать мне непристойно
Ни на что и ни о чем.
Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,
Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою – луною,
Тихо всходит и скользит.
Из-под маски он, туманный,
Светит мне, печально-странный, –
Но вождь это – вс ж не ты!
Ты к стране обетованной,
Долго жданной и желанной,
Унесла мои мечты.
Что ж осталось мне? Работа,
Поцелуи, да забота
О страницах, о вещах.
За спиною – страшный кто-то,
И внизу зияет что-то,
Притаясь пока в цветах.
Шаг ступлю, ступлю я прямо.
Под цветами ахнет яма,
Глина сухо зашуршит.
Поднимаетсл на лифте.
И не рай, квартира тут.
Ах, мечтанья, осчастливьте
Хоть на двадцать пять минут.
14 марта 1911

«Плещут волны перебойно...»
Плещут волны перебойно,
Небо сине, солнце знойно,
Алы маки под окном,
Жизнь моя течет спокойно,
И роптать мне непристойно
Ни на что и ни о чем.
Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,
Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою – луною,
Тихо всходит и скользит.
Из-под маски он, туманный,
Светит мне, печально-странный, –
Но ведь это – всё ж не ты!
Ты к стране обетованной,
Долго жданной и желанной,
Унесла мои мечты.
Что ж осталось мне? Работа,
Поцелуи, да забота
О страницах, о вещах.
За спиною – страшный кто-то,
И внизу зияет что-то,
Притаясь пока в цветах.
Шаг ступлю, ступлю я прямо.
Под цветами ахнет яма,
Глина сухо зашуршит.
То, что было богом храма,
Глухо рухнет в грудю хлама, –
Но шепну опять упрямо:
«Где ты, тихая Лилит?»
27 июля 1911

«Я часть загадки разгадал...»
Я часть загадки разгадал,
И подвиг Твой теперь мне ясен.
Коварный замысел прекрасен,

Ты не напрасно искал.
Когда Ты в первый раз пришел
К дебелий, похотливой Еве,
Тебя из рая Произвол
Извел ползущего на чреве.
В веках Ты примирился с Ним.
Ты усыпил его боязни.
За первый грех Твой, Елогим,
Послали мудрого на казни.
Так, слава делу Твоему!
Твое ученье слаще яда,
И, кто вкусил его, тому
На свете ничего не надо.
27 июля 1911

«Проснувшись не рано...»
Проснувшись не рано,
я вышел на балкон.
Над озером Лугано
Дымился легкий сон.
От горных высей плыли
Туманы к облакам,
Как праздничные были,
Рассказанные снам.
Весь вид здесь был так дивен,
Был так красив весь край,
что не был мне противен
Грохочущий трамвай.
Хулы, привычно строгой,
В душе заснувшей нет.
Спокоен я дорогой,
Всем странам шлю привет.
Прекрасные, чужие, –
От них в душе туман;
Но ты, моя Россия,
Прекраснее всех стран.
28 сентября 1911

«Зелень тусклая олив...»
Зелень тусклая олив,
Успокоенность желанья.
Безнадежно молчалив
Скорбный сон твой, Гефсимания.
В утомленьи и в бреду,
В час, как ночь безумно стынула,
Как молился Он в саду,
чтобы эта чаша минула!
Было темно, как в гробу.
Мать великая ответила
На смиренную мольбу
Только резким криком петела.
Ну так что ж! как хочет бог,
В жизни нашей так и сбудется,
А мечтательный чертог
Только изредка почудится.
Всякий буйственный порыв
Гасит холодом вселенная.
Я иду в тени олив,
И душа моя – смиренная.
В душе надежд и сил,
Умирают все желанья.
Я спокоен, – я вкусил
Прелесть скорбной Гефсимании.
26 октября 1911

«Там, внизу, костры горели...»
Там, внизу, костры горели,
И веселые шли танцы

Вкруг разложенных огней, –
Но без смысла и без цели
Я раскладывал пасьянсы
В келье замкнутой моей,
И боролся я с тоскою,
Сердце, в духе древней Спарты,
Болью темной веселя,
И смеялись надо мною
Все разложенные карты
От туза до короля.
24 июня 1912

«Светлый дом мой все выше...»
Светлый дом мой все выше.
Мудрый зодчий его создает.
На его перламутровой крыше
Не заплачет тоскующий кот.
Тень земного предмета
Попадет ли на вышку мою,
Где, далекий от внешнего света,
Я мечту увенчаю мою?
Как бы низко ни падало солнце,
К горизонту багрово скользя,
Но в мое золотое оконце
Низкой тени подняться нельзя.
Цепенейте, долины, во мраке
И безумствуйте в мгlistом бреду, –
К вам, свирепые ночью собаки,
Никогда уже я не сойду.
16 июля 1912 удриас

Когда я был собакой

1

Господи, прости!
На моем земном пути
Было много злости.
Выл я по ночам,
И с такими ж, как я сам,
Грызся из-за кости.
Всё ж я верен был
И тебя любил,
Мой хозяин милый.
Над моей могилой
Напиши стишок:
«Здесь лежит Волчок,
Верный мой дружок».
16 июля 1911

2

Я – фиделька, собачка нежная
На высоких и тонких ногах.
Жизнь моя течет безмятежная
У моей госпожи на руках.
Ничего не понюхаю гадкого,
Жесткого ничего не кусну.
Если даст госпожа мне сладкого,
Я ей белую руку лизну.
А подушка моя – пуховая,
И жизнь моя – земной рай.
Душа моя чистопсовая,
Наслаждайся, не скули, не умирай!
июль 1911

3

Досталась мне странная доля,
Но я на нее не ропщу.
В просторе холодного поля
Чего-нибудь съесть поищу.

Из тинистой, вязкой канавы
Напьюсь тепловатой воды.
Понюхаю тонкие травы,
Где старые чахнут следы.
Заслышу ли топот лошадки
На гулком вечернем шоссе,
В испуге бегу без оглядки
И прячусь в пахучем овсе.
Но знаю я, будет мне праздник,
Душа моя в рай возлетит,
Когда подгулявший проказник
Мне камнем в висок угодит.
Взметнусь я, и взвою, и охну,
На камни свалюся, и там,
Помучившись мало, издохну
И богу я дух мой отдам.
Июль 1911

4

Милый бог, моя жизнь – твоя ошибка.
Ты меня создал не так.
Разве можно того, чья душа – улыбка,
Сделать товарищем буйных собак!
Я не хотел твоих планов охаять,
Думал: «Попытаюсь собакою быть».
Кое-как я научился лаять
И даже привык на луну выть.
Но всё же, милый бог, мне тяжело.
Быть собакой уж и сил нет.
Ну какая ж, подумай, я – дворняжка!
Я искусство люблю, я – поэт.
18 июля 1912 Удриас

5

Самоуверенный и надменный,
Но на мой взгляд глупый и жалкий,
Поэт в панаме драгоценной
Замахнулся на меня палкой.
Что же ты, глупый, так испугался?
Ведь я же на тебя не лаю.
В жизнь мою никогда не кусался,
Я только песни да поэмы слагаю.
Ты не поймешь, что живу не напрасно,
Что мой подвиг собачий чего-нибудь стоит.
Ведь в полночь никто так печально и страстно,
Как я, на луну не завоет.
Такою тоскою ты, умник жалкий,
Никогда своих стихов не напоишь.
Тебе бы лишь кричать да махать палкой,
Ты от тоски никогда не завоешь.
Проходи же, стихослагатель грубый,
В меня камней трусливо не швыряя.
В икры твои я не вонжу мои зубы,
Даже и ночью, жестоко страдая.
Проходи, проходи без шума и без ссоры.
Я презираю твой голос нахальный,
Твой смех презрительный, гордые взоры
И твой воротничок высокий, крахмальный.
Если меня с дороги ты погонишь,
Что ж, убежать от людей не впервые.
Но берегись, – размахавшись палкой, уронишь
На песок дороги глаза надставные.
19 июля 1912 Удриас

«Когда меня ты грозно гонишь...»
Когда меня ты грозно гонишь
От здешней милой жизни прочь
И душу трепетную клонишь

В твою таинственную ночь, –
Покорен я. Мои светила
По предначертанным путям
Текут, – и будет все как было
И здесь, жестокая, и там.
Очей моих не отвращая
От бездны той, куда стремлюсь,
И злобу всю твою прощая,
Я, умирая, улыбнусь.
20 июля 1912

«Беспощадная вовремя скосит...»
Беспощадная вовремя скосит,
Позабудется скоро могила.
Утонувший невесту не спросит:
«Отчего ты меня разлюбила?»
Не приснится невесте, не встретит
Он ее в неожиданном месте.
А в минуту тоски не ответит
Ничего загрустившей невесте.
Так скользят, убегая, мгновенья
Наслажденья и трепетной боли.
Да и как же иначе? Забвенья –
Это милость божественной воли.
23 июля 1912 Удриас

«Выпил чарку, выпил две...»
Выпил чарку, выпил две,
Зашумело в голове.
Неотвязные печали
Головами закачали.
Снова чарочку винца,
Три, четыре, – без конца.
По колено стало море,
Уползает к черту горе.
Томно, тошно без вина.
Что же думать? пей до дна.
Всё тащи в кабак живее,
Жизни скарба не жалея,
К черту в пасть да на рога –
Жизнь нам, что ли, дорога!
6 ноября 1912

«Смеется ложному учению...»
Смеется ложному учению,
Смыкает вновь кольцо времен,
И, возвращаясь к творению,
Ликует Аполлон.
Не зная ничего о ради
И о загадках бытия,
Невинным пастушком в Аркадии
Когда-то был и я.
И песни я слагал веселые
На берегу лазурных вод,
И предо мной подружки голые
Смыкали хоровод.
Венки сплетали мне цветочные,
И в розах я, смолянокудр,
Ласкал тела их непорочные,
И радостен, и мудр.
И вот во мглу я брошен серую,
Тоскою тусклой обуян,
Но помню все и слепо верую –
Воскреснет светлый Пан.
Посмейся ложному учению,
Сомкни опять кольцо времен
И научи нас вдохновению,
Воскресни, Аполлон!

«Лиловато-розовый закат...»
Лиловато-розовый закат
Нежно мглист и чист в окне вагона.
Что за радость нынче мне сулят
Стенки тонкие вагона?
Унесусь я, близко ль, далеко ль,
От того, что называю домом,
Но к душе опять все та же боль
Приползет путем знакомым.
В день, когда мне ровно пятьдесят
Лет судьба с насмешкой отсчитала,
На пленительный смотрю закат,
И все то же в сердце жало.
То, о чем сказать не смею сам,
Потому что слово слишком больно,
Пусть заря расскажет небесам.
Ей не трудно и не больно.
17 февраля 1913

«Жизни, которой не надо...»
Жизни, которой не надо,
Но которая так хороша,
Детски-доверчиво рада
Каждая в мире душа.
Чем же оправдана радость?
Что же нам мудрость дает?
Где непорочная сладость,
Достойная горних высот?
Смотрим в горящие бездны,
Что-то хотим разгадать,
Но усилья ума бесполезны –
Нам ничего не узнать.
Съевший в науках собаку
Нам говорит свысока,
Что философии всякой
Ценнее слепая кишка,
Что благоденствие наше
И ума плодотворный полет
Только одна простокваша
Нам несомненно дает.
Разве же можно поверить
В эту слепую кишку?
Разве же можно измерить
Кишкою всю нашу тоску?
20 – 21 июля 1913 Гойла

«Мудрец мучительный Шакеспear...»
Мудрец мучительный Шакеспear,
Ни одному не верил ты обману.
Макбету, Гамлету и Калибану
Во мне зажег ты яростный пожар,
И я живу, как встарь король Леар.
Лукавых дочерей моих, Регану
И Гонерилью, наделять я стану,
Корделии отвергнув верный дар.
В мое труду послушливое тело
Толпу твоих героев я вовлек,
И обманусь, доверчивый Отелло,
И побледнею, мстительный Шейлок,
И буду ждать последнего удара,
Склонясь над вымыслом Шакеспearа.
24 июля 1918 Тойла

«Беден дом мой пасмурный...»
Беден дом мой пасмурный
Нажитым добром,

Не блестит алмазами,
Не звенит серебром,
Но зато в нем сладостно
Плакать о былом.
За мое убожество
Милый дар мне дан
Облекать все горести
В радужный туман
И целить напевами
Боль душевных ран.
Жизнь влача печальную,
Вовсе не тужу.
У окошка вечером
Тихо посижу,
Проходящим девушкам
Сказку расскажу.
Под окном поставил я
Длинную скамью.
Там присядут странницы, –
Песню им спою,
Золото звенящее
В души их пролью.
Только чаще серая
Провлечется пыль,
И в окно раскрытое
На резной костыль
Тихо осыпается –
Избитая быль.
4 сентября 1913 Тойла

«Только забелели поутру окошки...»
Только забелели поутру окошки,
Мне метнулись в очи пакостные хари.
На конце тесемки профиль дикой кошки,
Тупоносой, хищной и щекатой твари.
Хвост, копытца, рожки мреют на комод.
Смутен зыбкий очерк молодого черта.
Нарядился бедный по последней моде,
И цветок алеет в сюртуке у борта.
Выхожу из спальни, – три коробки спичек
Прямо в нос мне тычет генерал сердитый,
И за ним мордашки розовых певичек.
Скоком вверх помчался генерал со свитой.
В сад иду поспешно, – машет мне дубинкой
За колючей елкой старичок лохматый.
Карлик, строя рожи, пробежал тропинкой,
Рыжий, красноносый, весь пропахший мятой.
Всё, чего не надо, что с дремучей ночи
Мне метнулось в очи, я гоню аминем.
Завизжали твари хором, что есть мочи:
«Так и быть, до ночи мы тебя покинем!»
6 сентября 1913 Тойла

«Ты живешь безумно и погано...»
Ты живешь безумно и погано,
Улица, доступная для всех, –
Грохот пыльный, хохот хулигана,
Пьяной проститутки ржавый смех.
Копоятся мерзкие подружки –
Злоба, грязь, порочность, нищета.
Как возникнуть может в этом круге
Вдохновенно-светлая мечта?
Но возникнет! Вечно возникает!
Жизнь народа творчеством полна,
И над мутной пеной воздвигает
Красоту всемирную волна.
18 сентября 1918 Петербург

Жуткая колыбельная
Не болтай о том, что знаешь,
Темных тайн не выдавай.
Если в ссоре угрожаешь,
я пошлю тебя бай-бай.
Милый мальчик, успокою
Болтовню твою
И уста тебе закрою.
Баюшки-баю.
Чем и как живет воровка,
Знает мальчик, – ну так что ж!
У воровки есть веревка,
У друзей воровки – нож.
Мы, воровки, не тиранки:
Крови не пролью,
В тряпки вымакаю ранки.
Баюшки-баю.
Между мальчиками ссора
жуткой кончится игрой.
Покричи, дитя, и скоро
Глазки зоркие закрой.
Если хочешь быть нескромным,
Ангелам в раю
Расскажи о тайнах темных.
Баюшки-баю.
Освещу ковер я свечкой.
Посмотри, как он хорош.
В нем завернутый, за печкой,
Милый мальчик, ты уснешь.
Ты во сне сыграешь в прятки,
я ж тебе спю,
Все твои собрав тетрадки:
– Баюшки-баю!
Нет игры без перепуга.
Чтоб мне ночью не дрожать,
Ляжет добрая подруга
Здесь у печки на кровать,
Невзначай ногою тронет
Колыбель твою, –
Милый мальчик не застонет.
Баюшки-баю.
Из окошка галерейки
Виден зев пещеры той,
Над которою еврейки
Скоро все поднимут вой.
Что нам, мальчик, до евреек!
я тебе спю
Слаще певчих канареек:
– Баюшки-баю!
Убаюкан тихой песней,
Крепко, мальчик, ты заснешь.
Сказка старая воскреснет,
Вновь на правду встанет ложь,
И поверят люди сказке,
Примут ложь мою.
Спи же, спи, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
12 октября 1918 Петербург – Москва

«Хорошо, когда так снежно...»
Хорошо, когда так снежно.
Всё идешь себе, идешь.
Напевает кто-то нежно,
Только слов не разберешь.
Даже это не напевы.
Что же? ветки ль шелестят?
Или призрачные девы
в хрупком воздухе летят?

Ко всему душа привычна,
Тихо радуется зима.
А кругом все так обычно,
И заборы, и дома.
Сонный город дышит ровно,
А природа вечно та ж.
Небеса глядят любовно
На подвал, на бельэтаж.
Кто высок, тому не надо
Различать, что в людях ложь.
На земле ему отрада
Уж и та, что вот, живешь.
10 декабря 1913 Чернигов

Посвящение

Неизвестность, неизбежность, вот где лучший сок времен.
Ходишь, ходишь по дорогам, вещей тайной окружен.
Смотришь в дома, смотришь в лица, смотришь в души
и в сердца.
Петли мудрых сетей вяжешь, вяжешь, вяжешь без конца.
Вот на мир накинута сеть, вот и мир уж весь пленен.
И никто не спросит мудрый: – «Хитрый путник, кто же он?»
Неизбежность утомила, мудрость молится Отцу,
Петли вьются туже, туже, путь мой клонится к концу.
Выпит вылит без остатка сладкий, терпкий яд времен.
Мир в сетях, но что ж мне в мире? сердце просится
в полон.
Сердце жаждет милой дамы с смуглой бледностью в
лице,
И несет ей мудрый странник зелень камень на кольце.
Этот камень тайной слова, тайной лет заморожен
И спасает он от злого навождения времен.
9 января 1914 г. Вагон. Порхов – Подсевы.

«Малыш, Отцу послушный...»
Малыш, Отцу послушный,
Зеленый шар несет, –
На нитке равнодушной
Порывный газолет.
Шалун, махнувши ручкой,
Пускает красный шар,
Чтоб скрылся он за тучкой,
На тусклом небе яр.
А девочка на синий
Уставила глаза, –
Над пестрою пустыней
Мечта и бирюза.
15 янв. 1913.

«И этот день такой же будничный...»
И этот день такой же будничный,
Такой же серый и безрадостный.
Засыпан мелкой пылью уличной
Короткий стебель травки радостной.
И только есть одно различие,
Что я бежал приюта малого
В снега, где бело безразличие
К трудам и радостям усталого.
Короткий срок мне сердце тешило
Небес безоблачных молчание.
Оно парчей снегов завывало
Мое печаль, мое молчание.
Прошли минуты слишком краткие,
Предстали снова будни серые,
Но сердце кроткое обрадую
Привычкой к вам, о будни серые.
17 февр. 1913.

«Волна морская – веселый шум...»
Волна морская – веселый шум.
Еще ль мне надо каких-то дум?
Опять ли буду умнее всех?
Ужель забуду, что думать – грех?
27 июня 1913. Тойла.

«Иду, цветы собираю...»
Иду, цветы собираю.
Зачем же их гублю?
Цветущими играю,
Которых так люблю.
Сорвал немного веток,
И бросил в поле. Нет,
Губить цветущих деток
Не должен ты, поэт.
Цветите в ясном поле,
Невинные цветы,
В моей и в Божьей воле
Возникшие мечты.
27 июня 1913 г. Тойла.

«По дорожке солнечного сада...»
По дорожке солнечного сада
Вкруг лужайки медленно иду.
Вянут маки. Желтая досада
Угнездилас в солнечном саду,
И пчела жужжать уже не рада,
И уж горечь есть в е меду,
И дрожать незримо капли яда,
Растворясь в лазоревом бреду.
Сердце ноет. Ах, счастливый жребий
Мне игра полночная дала!
И от зависти в безумном небе
Стала Венус мраморно-бела,
И, пролив таинственные слезы,
Сходит долу исполнять угрозы.
31 июля 1913 г. Тойла.

«Березка над морем...»
Березка над морем
На высокой скале
Улыбается зорям,
Потонувшим во мгле.
Широко, широко
Тишина, тишина.
Подъ скалою глубоко
Закипает волна.
О волны! о зори!
Тихо тающий сон
В вашем вечном просторе
Над скалой вознесен.
сент. 1913 г. Тойла.

«Путь над морем вдруг обманет...»
(Александр Тамашеву).
Путь над морем вдруг обманет,
Он сползет немного вниз,
И на выступ скал он станет, –
Зеленеющий карниз.
Только с краю, точно срезан,
Ряд уже непрочных плит
С диким скрежетом железа
На морской песок слетит.
Ты замрешь в неловком жесте,
Но за их паденьем вслед
Полетит с тобою вместе
Прыткий твой велосипед.

«Две проститутки и два поэта...»
Две проститутки и два поэта,
Екатерина и Генриета,
Иван Петрович Неразумовский
и Петр Степанович Полутаковский,
Две проститутки и два поэта
Сошлись однажды, – не странно-ль это? –
У богомолки княжны Хохловой
В ее уютной квартире новой.
Две проститутки и два поэта
Мечтали выпить бокал моэта,
Но богомолка их поит чаем,
И ведь не скажут: «Ах, мы скучаем!»
Две проститутки и два поэта,
Как вам противна диета эта!
Но что же делать? Княжна вам рада,
В ее гостиной скучать вам надо.
Две проститутки и два поэта,
Чего вы ждете? Зачем вам это?
Зачем в гостиной у доброй княжны
Вы так приличны и тошно-важны?
Две проститутки и два поэта,
И тот и этот, и та и эта,
Вновь согрешите в стихах и в прозе,
И в ресторане, и на морозе.
15 сент. 1913 г. Спб.

«По силе поприще едино...»
По силе поприще едино
Пройди со мной
В пути, где яркая кручина
И темный зной.
Хотя одно пройди со мною,
А сможешь, два.
Юдолью бедственной земною
Иду едва.
А может быть, с тобой прошли бы
До склона дней
Мы вместе жесткие изгибы
Моих путей
Навстречу пламенному Змею
Рука с рукой?
Но разве я просить посмею
Любви такой!
Не я ли выбрал эту долю
И этот страх?
Не я ли девственную волю
Повергнул в прах?
Пройди ж со мною хоть немного,
Хоть малый круг,
И это я, как милость Бога,
Приму, мой друг.
15 сент. 1913 г. Спб.

«Еврей боится попасть в шеол, как христианин в ад...»
Еврей боится попасть в шеол, как христианин в ад.
Сказать по правде, а я порой шеолу был бы рад.
В докучной смуте, во тьме ночной, в мельканьи наших
дней
Напиток мерзкий и лжи и зла, хоть и не хочешь, пей.
И разве горше или темней в безумных муках дна,
Чем в этих жутких, немых на век силках земного сна?
16 сент. 1913 г. Спб.

«Призрак моей гувернантки...»
Призрак моей гувернантки

Часто является мне.
Гнусные звуки шарманки
Слышу тогда в тишине.
Все уже в доме заснули,
Ночь под луною светла;
Я не пойму, на яву-ли
Или во сне ты пришла.
Манишь ты бледной рукою
В сумрак подлунный, туда,
Где над холодной водою
Тусклая тина пруда.
Разве же я захотела,
Чтоб разлюбил он тебя?
В буйном неистовстве тела
Что же мы знаем, любя?
Помню, – захожий шарманщик
Ручку шарманки вертел.
Помню, – в беседке обманщик
Милый со мною сидел.
Мимо прошла ты, взглянула
С бледной улыбкою губ...
Помню смятение гула,
Помню твой жалостный труп.
Что же земные все реки?
Из-за предельной черты
В нашем союзе навеки
Третья останешься ты.
18 сент. 1913 г

«Любви томительную сладость неуголимо я люблю...»
Любви томительную сладость неуголимо я люблю.
Благоухающую прелесть слов поцелуйных я люблю.
Лилею соловей прославить, – в прохладе влажной льется
трель.
А я прославлю тех, кто любит, кто любит так, как я
люблю.
Об утолении печалей взыграла легкая свирель.
Легко, легко тому, кто любит, кто любит так, как я
люблю.
Плясуньи на лугу зеленом, сплетаясь, пляски завели.
Гирлянды трель, влекомых пляской к лесным прогалинам,
люблю.
Улыбки, ласки и лобзанья в лесу и в поле расцвели.
Земля светла любовью, – землю в весельи милом я люблю.
20 сент. 1913 г. Спб.

«Продукты сельского хозяйства...»
Продукты сельского хозяйства
Не хуже поместятся в стих,
Чем описанья негодяйства
Нарядных денди и франтих.
Морковки, редьки и селедки
Годны не только для еды.
Нам стих опишет свойства водки,
Вина и сельтерской воды.
Дерзайте ж, юные поэты,
И вместо древних роз и грёзь
Вы опишите нам секреты
Всех ваших пакостных желез.
22 сент. 1913 г.

«Не снова ли слышны земле...»
Не снова ли слышны земле
Вещания вечно святые?
Три девушки жили в селе,
Сестрицы родные.
И в холод, и в дождик, и в зной
Прилежно работали вместе

С другими над нивой родной, –
Но вот, заневестясь,
Оставили дом свой и мать,
Босые пошли по дорогам,
Отправились Бога искать
В смирении строгом.
Пришли в монастырь на горе
В веселии тенистой рощи.
Там рака в чеканном серебре,
В ней скрыты нетленные мощи.
Умильные свечи горят,
И долгие служат молебны,
Но девушки грустно стоять, –
Ведь им чудеса непотребны.
Обычность для них хороша,
Весь мир непорочен для взора,
Еще не возносить душа
За скорбь и за слезы укора,
Покров безмятежных небес
Хранить их от вражеской встречи, –
Зачем же им чары чудес,
И ладан, и свечи!
Покинули светлый чертог,
Воскресшего Бога мы ищем.
В тоске безконечных дорог
Откройся же странникам нищим!
И долго скитались они
В томленьях тоски вавилонской.
Не в сени церковной, а вне
Им встретился старец афонский.
Он был неученый простец,
Не слышал про Канта и Нитче,
Но правда для верных сердец
Открылася в старческой притче.
И мир для исканий не пуст,
И вот наконец перед ними
В дыхании старческих уст
Звучит живоносное имя,
Которым в начале веков,
В надмирном ликующем дыме
Воздвиглись круженья миров, –
Святейшее имя!
Святейшее имя, в веках
Омытое жертвенной кровью,
Всегда побеждавшее страх
И злобу любовью.
И снова пред ними миры
Воздвигнуты творческим словом
В блаженном восторге игры,
В веселии новом.
И радостны сестры, – в пути
Нашли воплощенного Бога.
Домой бы идти, –
Но нет, бесконечна дорога.
Просторам воскресшей земли
Вещают святы надежды.
Склоняйтесь пред ними в пыли!
Лобзайте края их одежды!
23 сент. 1913 г. Спб.

«Конь Аполлона...»
– Конь Аполлона!
Я недостойна
Твоих копыт.
Вождь не такую
Скует подкову
Тебе Гефест.
– Молчи, подкова!

Тебя я выбрал,
Тебя хочу.
Я Аполлона
Стремлю с Олимпа
К земным путям.
25 сент. 1913 г. Спб.

«Бай, люби ребенка, баюшки баю...»
Бай, люби ребенка, баюшки баю!
Беленькую рыбку, баюшки баю,
Зыбко убаюкай моего бебе
В белой колыбельке, баюшки баю.
Будешь, будешь добрый, улыбнусь тебе.
Позабудь про буку, баюшки баю.
Бьется в колыбельку басня о судьбе.
Зыбок твой кораблик, баюшки баю.
Бури ты не бойся, белый мой бебе,
Бури разбегутся, баюшки баю.
26 сент. 1913 г. Спб.

«Восстановители из рая...»
Восстановители из рая
В земной ниспосланы предел:
Холодный снег, вода живая
И радость обнаженных тел.
Когда босые алы ноги
И хрупкий попирают снег,
На небе голубеют боги
И в сердце закипает смех.
Когда в пленительную воду
Войдешь, свободный от одежд,
Вещают милую свободу
Струи, прозрачнее надежд.
А тело, радостное тело,
Когда оно обнажено,
Когда веселым вихрем смело
В игру стихий увлечено,
Какая бодрость в нем и нега!
Какая чуткость к зовам дня!
Живое сочетанье снега
И вечно-зыбкого огня!
12 нояб. 1913 г. Спб.

«Приходи, мой мальчик гадкий...»
Приходи, мой мальчик гадкий,
К самой кроткой из подруг.
Я смущу тебя загадкой,
Уведу на светлый луг.
Там узнаешь ты, как больно
Жить рабыням бытия,
Кто мечтает своевольно
И безумно, так, как я.
Расскажу я, что любила
Я другого, не тебя,
Что другому изменила,
Всё-ж тебя не люблю.
Новый милый мой способен
Оттолкнуть меня ногой.
Мы с другой прекрасны обе,
Но мечты его – другой.
И твоей любви мне надо,
Чтоб любимому отмстить,
Чтобы горькая досада
Стала грудь его томить.
Ну, не плачь, мой мальчик. Делай
Всё со мной, что хочешь ты,
Разорви одежды смело,
Брось нагую на цветы.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
11 дек. 1913 г. Вагон. Жлобин – Орша.

«Люблю я все соблазны тела...»
Люблю я все соблазны тела
И все очарованья чувств,
Все грани дольного предела
И все создания искусств.
Когда-нибудь в немом эфире
Моя охолодеет кровь,
Но Ты, Господь, живущий в мире,
Благослови мою любовь.
Прости грехи моей печали
И муку страстную мою
За то, что на Твои скрижали
Порою слезы я пролью.
И ныне, в этой зале шумной,
Во власти смеха и вина,
К тебе, отец, в мольбе бездумной
Моя душа обращена.
Ночь на 1 января 1914 г.

Молитва покаяния
Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче.

Открой мне двери покаяния,
Создатель и Спаситель мой!
Душа моя к святому зданию
Возносится в храм светлый Твой.
Мольбу Ты слышишь о прощении,
Спаситель и Создатель мой.
Ты милостив, – святым забвением
Все язвы грешные покрой.
Наставь меня на путь спасения,
Невеста невестная!
Прости мой грех, мое падение,
Пречистая, пречестная.
В грехах прожив все годы лучшие,
Грехами душу осквернив,
В слезах стою, овца заблудшая,
К Твоим ногам главу склонив.
И все грехи мои позорные
Я вижу пред собой,
И низко голова покорная
Лежит перед Тобой.
Внимай мольбе, Господь немстительный,
Меня жестоко не казня:
Твоею благостью спасительной
Покрой, о Господи, меня.
3 мая 1878

Русалка
Луна скользит меж легких туч,
И дремлет серебристый луч
Над спящею землею.
Русалке любо выплывать
И тихо косами играть
Над темною рекою.
В воде любуюсь собой,
Поет русалка под луной.
Несутся грустно звуки
Томления и муки.
Поет русалка, смотрит в даль,
Кого-то ждет, кого-то жаль,
О ком-то всё тоскует,
Кого-то зачарует.
9 мая 1878

«Убежать бы в леса, отдохнуть...»

Убежать бы в леса, отдохнуть
В их широких и вольных чертогах,
Где вливался б в усталую грудь
Вольный воздух, прозрачен и легок!
Не за то не люблю здешний шум,
Что не дружен он с миром мечтаний.
Не развеять ему тихих дум,
Светлых снов и святых упований.
Но, чем радостней город шумит,
Тем сжимается сердце печальней,
Тем пугливее ум мой бежит
За мечтою волшебной и дальней,
И чем ярче блеснит предо мной
В дикой мгле образ вечной свободы,
Тем страшней для души молодой
Моря жизни суровые воды.
3 июня 1878

«Желанье страстное – сорвать...»
Желанье страстное – сорвать
На мне лежащую печать,
Печаль и страстное томленье,
Удел безрадостный – молчать,
Надежда – тяжкого мученья
Принять святую благодать,
Боязнь жестокого мученья,
Тоски холодная игра,
К чему-то смутное влечение, –
Вот чем наполнен день с утра.
24 июня 1878

Яр-хмель
Земля покрыта мглой холодной,
Обвита снежной пеленой,
Бездушной, мертвенной, бесплодной.
В лесу не воет волк голодный,
И не бежит своей тропой.
И леса нет, одна пустыня,
Ветров безгласная рабыня.
По ней блуждает ветер злой,
И мрачно-тихий гор твердыня
Его не сдержит пред собой.
По всей поверхности унылой
Везде и всюду мрак унылый,
Повсюду холод гробовой,
И спят глубоко в недрах силы,
И странный царствует покой.
Но Солнцебог прогнал туманы,
Оковы холода разбил,
И вихри, бури, ураганы
Лучами солнца он сразил,
И зиму взором победил.
Яр-Хмель дохнул, – весна настала,
Природа вышла из оков,
Вода разбила свой покров,
И хлынула и побежала,
И залила снега лугов.
Земля покрылась цветами,
И воздух жизнью задышал,
И над зелеными лугами,
И над долами, над горами
Природы голос прозвучал.
Лес вырос днем, и золотые
Лучи в нем весело прошли.
За днями ночи хмелевые,
Тихи, загадочно-немые
И нежно-страстные текли.
Земля пылает страстью тихой,

Любовью чистой и святой,
И страстный царствует покой,
Забавой не нарушен дикой,
Храним живую тишиной.
В кустах горячее дыханье.
Поет так сладко соловей.
Здесь нет тоски и ожиданья,
Веще и шепот, и лобзанья,
И блеск неведомых очей.
Они так скоро пролетели,
Часы тех сладостных ночей,
В лесу уж листья пожелтели,
И птицы вольные не пели,
И становилось холодней.
Яр-Хмель уж землю покидает,
И опечалилась она,
И слезы светлые роняет,
И Бога тихо упрекает,
Пред ним недвижна и бледна.
Не плачь, сказал ей бог могучий, –
Возьми подарок от меня,
Из всех даров природы лучший,
И помни бога, дар храня.
К тебе, подруге темноокой,
Вернусь; лаская и любя,
Весною посещу тебя. –
И он припал к груди высокой,
Ее руками он обвил,
И улетел он в путь далекий;
Но пробежал огонь глубоко,
И грудь земную наводнил.
И с той поры огонь сокрытый
Всех обитателей живит,
И, мощным гением открытый,
Природу он животворит,
Глаза поэта отверзает,
И силу в грудь его вливает.
27 июня 1878

«На лестнице не видно никого...»
На лестнице не видно никого,
Бутылку с водкой в рот я опрокинул.
Нельзя сломать сургуч, да ничего,
Лизнул я пробку, но ее не вынул.
Попала только капля на язык,
Но эта капля сладкой мне казалась.
Я водки не пил, к ней я не привык,
Но так была приятна эта шалость.
А Дмитриев из рюмки водку пил,
Он офицер, и очень любит водку.
Вчера, как и всегда, он скромн был,
А всё ж луженую имеет глотку.
2 июля 1879

«Обширен русский Пантеон...»
Обширен русский Пантеон,
Богов чужих вмещает он,
А наш святой, великий бог
Давно покинул свой чертог.
28 сентября 1879

«Застенчив я, и потому смешон...»
Застенчив я, и потому смешон.
Моей неловкости мне часто стыдно.
Когда ж в задор бываю вовлечен,
То говорю и дерзко, и обидно.
Я б никому понравиться не мог,
Кто знает, что застенчивость – причина?

Молчу, молчу, но слов прорвется ток,
И будто бы раскрылась причина.
Когда бы я спокойным быть умел,
Я говорил бы кротко и учтиво,
И правду в комплименты б завертел,
И улыбался б вежливо и льстиво.
Но не могу, волнует все меня,
И долго я в себе таю обиду.
Иной подумает: «Вот размазня!»
Когда, сконфуженный, я тихо выйду.
Всем кажется, – я, как тростник, дрожу,
И никуда я в жизни не гожуся,
Но я порой внезапно надержу,
Или с мальчишками вдруг подеруся.
Тогда бранят меня, стыдят, секут,
Как будто бы со мной нельзя иначе,
Как будто бы березовый лишь прут
Мне нужен так, как кнут упрямой кляче.
9 ноября 1879

Муза

Муза – не дева, не резвый ребенок,
Муза – не женщина, стройно-развитая,
Муза – не ангел, не гений небесный,
Муза – не тайна, от века сокрытая.
Честь и невинность давно потерявши,
Всё же ты манишь, богиня прелестного,
Но я бегу тебя в страхе и ужасе,
И удаляюсь от ложа бесчестного.
Эти позорны объятия музы,
Гениям праздности вечно открытые,
И порождает конфетные куклы
Лоно твое, широко плодовитое.
Но, гражданин и служитель народа,
Я убегаю от храма напрасного,
И поклоняюсь труду вековому,
Музе невинной труда и прекрасного.
14марта 1880

На Шипке все спокойно
Три картины Верещагина
Гром орудий на Балканах
После битвы призатих.
Оба лагеря спокойно
Выжидают битв иных.
Снег сверкает на вершинах,
И в долинах он лежит,
И при месяце огнями
Разноцветными блестит.
Месяц в небе птицей мчится,
То укроется меж туч,
То в разрыв их быстро бросит
Зеленеющий свой луч.
Тесной стаей, вперегонку
Пробегают облака,
Будто гонит их куда-то
Невидимая рука.
Тихо, слышен каждый шорох,
Кручи белые молчат.
На часах стоит, и дремлет,
И качается солдат.
Воет ветер над горами,
Гонит в небе облака,
Пелена снегов клубится,
Словно быстрая река.
Потемнел Балкан лесистый,
Встрепенулся ото сна,
Мрачно смотрит, как за тучи

Робко прячется луна.
Точно духи в пляске мчатся, –
Вихри стонут и вопят,
И стоит в снегу по пояс
Замерзающий солдат.
Вьюга злится, вьюга плачет,
Кучи снега намело,
Все проходы, все тропинки
Этим снегом занесло.
Ничего вдали не видно,
Ночь бурливая темна,
И не светит из-за тучи
Оробевшая луна.
Над волнистыми снегами
Видны шапки да башлык,
Да торчит из снега острый
И блестящий сталью штык.
14 марта 1880

Церковь
Без колебанья, без сомненья
Я в детстве шел к вечерней в храм.
Какие дивные мгновенья
Переживались мной там!
В углах – таинственные тени,
В окно глядит немая ночь.
Невольно клонятся колени,
Не в силах слезы превозмочь.
В душе светло, тепло, отрадно,
Как в свежем венчике цветка.
Святым словам внимаю жадно,
И негодую на дьячка.
Приду домой, – горит лампада,
В душе такая благодать.
Ни чаю, кажется, не надо,
Ни есть не хочется, ни спать.
Всю ночь в слезах и умиленный
Проволновался б, промечтал,
И всё б стоял перед иконой,
Всё б эти ризы целовал.
Теперь не то: былые думы,
Былая вера и любовь
Не согревают ум угрюмый
И не волнуют в сердце кровь.
Всё обаяние молений
Уже рассеяно; иной
Прекрасный и блестящий гений
Теперь встает передо мной.
Уж храма Божьего бегу я,
Лишь поневоле иногда
С досадной думою вхожу я,
И чуть не плачу от стыда.
29 июня 1880

«Ах, зачем ты не затих...»
Ах, зачем ты не затих,
Не умолкнул навсегда,
Мой небрежный, звонкий стих?
Горечь темного стыда,
Капли одиноких слез,
Всю печаль, что я принес
В жизнь печальную мою,
Всю тебе передаю.
Но в тебе отрады нет.
Ни среди гнетущих бед,
Ни среди тоски немой,
Неприветен отзыв твой
На призывную печаль.

Мучит твой унылый стон.
Никому не будет жаль,
Что навек замолкнет он.
8 июля 1880

«Мне в Институте живется...»
Мне в Институте живется
Скучно, тоскливо и трудно:
То вдруг Смирнов придерется,
Пилит ехидно и нудно;
То математик писклявый,
Латышев, скуку умножит,
Лапкой умывшись правой,
Хитрый вопросец предложит;
То нас Гуревич замает
Длинно-сплетенным рассказом,
Быстро по классу шагает,
Пар поддает своим фразам.
Иль повязав полотенце
(После попойки) чалмою,
С ликом святого младенца
Мучит своей болтовнею,
Щиплет свои бакенбарды,
Трет покрасневшие веки,
Мямлит он, что лангобарды
Переpravлялись чрез реки.
Есть еще глупый Наумов.
Место ж такому невежде!
Не заучив, не подумав,
Врет он и врет, как и прежде.
Есть и Гербач чистописный,
Ухов с гимнастикой пыльной,
Рыбчинский есть закулисный,
Галлер есть брюхообильный.
Выше директор над нами,
Богу единому равный,
Красными славный речами,
Строгий, но добрый и славный.
Но Сент-Илера просили
Мама и бабушка вместе...
Что за последствия были,
Я рассказал в другом месте.
Здесь же скажу, что в печальной
Жизни здесь есть и такое
Время хорошее: в спальней
Лечь наконец на покое.
29 сентября 1880

«...Прекрасен был его закат...»
...Прекрасен был его закат,
Его последние мгновенья...
Угас он тихо, как олень,
Пронизан пулей, умирает,
Как на горах, слабея, день
В вечерних красках догорает,
И закрывается гора
Мохнатой шапкою тумана.
Наутро просветлеет рано,
Настанет дивная пора,
Туман, под солнцем исчезая,
Сползет и скроется, – опять
Всё оживет. Но молодая
Уже не будет жизнь сиять,
И будет сломанная сила
Холодным, вечным сном могилы,
Покоясь тихо, почивать.
13 ноября 1880

Геок-Тепе
От полей бесплодных,
От сохи и бороны,
От детей голодных,
От больной жены
Он оторван. В край далекий
Он отослан не один,
Но, душою одинокий
Средь неведомых равнин,
Все семью он вспоминает,
О родимой стороне
И о плачущей жене
Всё он тужит и вздыхает.
Чужедальняя страна
Летом зною отдана, –
Жгучий, знойный воздух юга,
Ширь безжизненных степей;
А зимой бушует вьюга
Вдоль и поперек по ней.
Долго шли они по степи.
Вот оазис, крепость, вновь
Свищут пули, льется кровь.
Пала крепость Геок-Тепе.
Пал и он с своей тоской,
Окровавленный и бледный,
Не увидевшись с женой,
Ни с избушкой бедной,
Ни с родною стороною.
Только в час кончины
Память привела
Бедные картины
Бедного села.
Клеть давно пустая,
Дом едва стоит,
И жена больная
В гроб уже глядит, –
Грудь слаба и впала,
Ноги чуть бредут.
Грусть ли доконала,
Изморил ли труд, –
Всё равно, уж скоро
Кости отдохнут,
Дети без призора
По миру пойдут.
15января – 28 июля 1881

Подражание пророку Амосу
Ни я пророк, ни сын пророка,
Но Бог воззвал меня от стад,
Чтоб я, один во мгле порока
Увенчан правдою и свят,
Перед безбожной Иудеей
Провозгласил его закон,
На трудный подвиг укреплен
Сладчайшим ангелом, Идеей.
Она явилась предо мной,
Когда в долине Галаада
В лохмотьях нищенских, босой,
Наемник бедный, пас я стадо.
Сказала мне: – Не покидай,
Меня, небесную Идею, –
И я последовал за нею,
И обошел из края в край
Мою родную Иудею.
Томясь тоской, я шел вперед
С моим громающим, вещим словом,
И в поучении суровом
Клеймил левитов и народ.

«На берегу ручья в лесу...»
На берегу ручья в лесу
Сидит красавица босая,
В волнах роскошную красу
Лица и груди отражая
И ножки стройные купая.
За ней под деревом в тени
Лежат чулки, стоят сапожки:
Она их сбросила, – они
Теснили маленькие ножки.
Под солнцем было душно ей,
На лбу стояли капли пота.
Она ушла под тень ветвей,
И налегла на очи ей
Лесная тихая дремота.
Волна прозрачная манит.
Стряхнув очарованье лени,
Она в воде ручья бродит.
Волна сверкает и шумит,
И лижет голые колени.
6 апреля 1881

«В первой дикости свободной...»
В первой дикости свободной
На охоту человек
Шел в пустыне первородной,
И боялся шумных рек.
Проносились дни и годы,
И придумал он топор,
И в реках нашел он броды,
И проходы между гор.
А потом вщел дорожки
Понемногу проложил,
Неуклюжие пироги
Скоро на реку спустил,
И в моря на них пускался,
В океан посмел он плыть,
Только каждый путь свивался
В очень узенькую нить.
Шел в звериные берлоги
И вблизи, и вдалеке.
По дорогам носят ноги,
Носят руки по реке.
А потом сумел он лошадь
Укротить и приручить,
А теперь машина может
Далеко его носить.
Победил он всю природу,
Силы все он оковал,
Но один пустяк, свободу,
Он навеки потерял.
10 сентября 1881

«Парный воздух, гам и мгла...»
Парный воздух, гам и мгла.
В шайки звонко брызжут краны.
Всюду голые тела,
И огни сквозь пар багряны.
Что же мне от наготы!
Коль пришел, так надо мыться.
Руки делом заняты,
А глазам чем насладиться?
Вот сюда бы голых баб,
Чтобы все их обнимали,
И старик бы не был слаб
И забыл бы все печали,

Чтоб нагая и нагой
Телом к телу прижимались,
Под веселую игру
Чтоб скамейки сотрясались.
Но всё очень тускло тут,
Всё полно всегдашней скуки,
И безрадостные трут
По телам мочалкой руки.
1 февраля 1882

«В чаше леса леший бродит...»
В чаше леса леший бродит,
Принимает страшный вид,
То в трещины он заводит,
То в кустарниках кружит.
В омуты русалки плещут,
Ночью пляшут над водой,
И глаза их жутко блещут
Над опасной глубиной.
Домовой таится в бане
Или в доме на печи,
Ондохнет, – и, весь в тумане,
Задрожит огонь свечи.
В поле, жаркою порою
Подымаясь от земли,
Над протоптанной тропею
Пляшет вихорь, весь в пыли.
Нашу скорбную природу
Осветила раз одна
Дева светлая, – свободу
Обещала нам она.
Стали мы смелей, и видим:
Скрылась нечисть, кто куда.
В поле, в лес, на речку выйдем, –
Воздух чист, чиста вода.
Но пропала наша фея,
Иль, быть может, умерла,
И вокруг нас, еще мрачнее,
Злая нечисть залегла.
12 июля 1882

«Он был один. Горели свечи...»
Он был один. Горели свечи,
Лежали книги на столе.
С ним кто-то вел немые речи,
Порой он видел на стекле
За глухо-спущенною шторой
Как будто чей-то яркий взор,
Неуловимо-беглый, скорый,
Как в темном небе метеор.
Порой горячее дыханье
Он над собою ощущал,
И непонятное желанье
В больной душе переживал.
Его мечты неслись нестройно,
Отрывки мыслей были в нем,
А голос тот звучал спокойно
Каким-то гордым торжеством.
19 сентября 1882

«Поскорее добрести бы...»
Поскорее добрести бы
До ближайшего леска!
Под ногами глины глыбы,
Слой горячего песка.
С неба солнце светит ярко,
Так что все кружит в глазах.
Груды душно, телу жарко,

Как свинец в босых ногах.
Вот добрел, и повалился.
Мягкий мох, лесная тень.
Словно камень отвалился, –
Так в лесу отрадна тень.
3 июля 1883

«Старый муж давно наскучил...»
Старый муж давно наскучил,
Подвернулся кстати я,
И ее недолго мучил,
И купчиха уж моя.
Для чего тебе, лабазник,
Эта милая жена?
Мне же с нею – светлый праздник:
И красива, и умна.
Только жаль, таиться надо.
Пробираюсь в сад, как вор,
И под яблонями сада
Сладок краткий разговор,
Сладки нежные объятья,
Поцелуи горячи,
Беспорядок в женском платье
Скрыла темнота в ночи.
Шум ли старый муж почует,
Не успею ль убежать,
Он подумает: ворует
Кто-то яблоки опять.
Выйдет сам, – метнусь к забору,
А она – обходом в дом.
Коль меня поймает, – вору
Будет мука поделом.
А ее, так скажет: – Кто-то
Мне почудился в саду.
Погнала меня забота,
Дай-ка сад наш обойду.
– Слышишь, вор уж убегает:
Не схвати, поймала б я! –
Муж похвалит, приласкает:
– Ай, хозяйюшка моя!
30 августа 1883

«Из отуманенного сада...»
Из отуманенного сада
Вливается в окно прохлады.
Поутру ветки шелестят,
Щебечут птицы там на ветках,
И семь приятелей сидят,
Поссорившись, в двух беседках.
А мне в какую же идти?
Где чушь мне пьяную плести?
Пора домой. Уроки скоро
Начнутся. Уж проснулась мать,
И с нею, знаю, будет ссора,
И будет долго упрекать.
Бреду, держуся ближе к тыну,
От водки и прохлады стыну, –
И точно, мать уже в дверях,
Суровая, меня встречает;
Еще молчанье на губах,
Но уж и взором упрекает.
30 сентября 1883

«Хорошо в широком поле...»
Хорошо в широком поле
Посбирать цветки-цветы
И на летней вольной воле
Поиграть в свои мечты,

Да не плохо и зимою
У окошка посидеть,
Как вечернею зарею
Снег чуть станет розоветь.
Всё равно мечта, покорна,
Унесет в далекий край,
Где сверкающие зерна
Сколько хочешь собирай.
20 января 1884

«Город вовсе небольшой...»
Город вовсе небольшой
Над Холовою-рекой.
Где ни стань, увидишь поле
И окрестные леса,
А расширился б ты боле,
Не видал бы чудеса,
Не видал бы диких леших
На лесных зыбучих плешах,
Не видал бы домовых
И коварных водяных.
И тебя бы замостили
Камнем сплошь и плитняком.
На базар бы не ходили
В старых платьях босиком
Чинокралов мелких жены,
Чтоб дешевле покупать:
Мы ведь, вишь, не наряжены,
Из чего нам передать?
И мещане не срывали б
Ветки гибкие с берез,
И в садах своих не драли б
Голых жен пучками лоз.
Дочерей насильно замуж
Не сдавали б, как теперь.
Да расширься ты, а там уж
Все изменится, поверь.
23 апреля 1884

«К первоначальной чистоте...»
К первоначальной чистоте
И к первобытной простоте
Я возвратиться рад.
Я вышел из дому босой,
И по дороге полевой
Иду я наугад.
Прошел поля, вошел в лесок,
Бреду задумчив, одиноко,
Стихи слагаю я,
И ноги голые мои
С улыбкой погружу в струи
Веселого ручья.
31 июня 1884

«На песке, пыли и глине...»
На песке, пыли и глине
Оставляя легкий след,
Проходил я по долине,
По-домашнему одет,
Не стыдясь людей нисколько.
Засучив штаны и бос.
Лишь фуражка прикрывала
Пряли спутанных волос.
Солнце жгло мои колени,
И горячим стал песок.
От усталости и лени
В тихий я вошел лесок.
Лег я на землю спокойно,

Подо мной теплели мхи,
Было так в душе спокойно,
И слагались стихи.
А когда я возвращался
Ясным вечером домой,
Я невольно улыбался,
Кой-где след увидев мой.
Зимний след мне вспоминался, –
Я нередко вечерком
Через двор проворно мчался
По морозу босиком,
А порой и вовсе голый.
В баню быстро я вбегал,
И внезапно жар веселый
Мне все тело обнимал.
Виден был порою утром,
Коль не выпал ночью снег,
Хрупким скован перламутром,
Ясный след, где был мой бег.
22 июля 1885

«Господь мои страданья слышит...»

Господь мои страданья слышит,
И видит кровь мою Господь.
Его святая благодать дышит
На истязуемую плоть.
На теле капли крови рдеют,
И влажен пол от слез моих,
Но надо мною крылья реют
Его посланников святых.
И как ни страшны эти звуки
Несущих пламя боли лоз,
Покорно я приемлю муки,
Как принимал их Ты, Христос.
Смиренно претерпев удары,
Я целованьем строгих рук
Благодарю за лютость кары,
За справедливость острых мук.
14 сентября 1885

«Упадешь ты в лужу или в грязь...»

Упадешь ты в лужу или в грязь,
Или свалишься ты на сухое, –
Соберется вокруг толпа, смеясь.
Но веселье людям здесь какое?
И зачем упавший на пути
Держится, как виноватый?
Средство есть насмешки отвести.
Дам совет я, не гонясь за платой.
Ты в глаза им прямо погляди, –
Просто все, что в жизни ни случится, –
И своей дорогою иди;
Тотчас смех в толпе угомонится.
Я недавно это испытал.
К имениннику меня позвали.
Я средь грязной улицы упал.
Два мальчишки на мостках стояли.
Устремленный к ним мой взгляд простой
Сделал то, что слышим в небылицах:
Ни одной насмешки озорной,
И улыбки нет на детских лицах.
10 декабря 1886

«Люблю мою родную землю...»

Люблю мою родную землю,
Люблю я жизнь, и потому
Страданье всякое приемлю,
Покорен всякому ярму.

Страданье иногда полезно
Для тела, как и для души,
И, кто признал закон железный,
Тому и розги хороши.
Стыда и боли злая вьюга
Ведет насилием к добру,
И потому ее, как друга,
Без отговорок я беру.
Но все же мы упрямо спорим,
Как с диким и жестоким злом,
С напрасным, безнадежным горем,
С ужасным, мстительным врагом.
Перед Бедою, ведьмой черной,
Что сторожит у всех дверей,
Склоняться в страхе так позорно,
Невыносимо для людей.
Мы ведьму мерзкую прогоним
Усилием ума и рук.
Но не сглупим мы, и не тронем
Семью стыда и кратких мук.
21 декабря 1886

«Когда царицы скромно косы...»
Когда царицы скромно косы
Плели, как жены пастухов,
И почасту ходили босы
По стогнам тихих городов,
Ремнями тесными сандалий
Не жали голые стопы,
И не затягивали талий
На удивление толпы,
В те дни цветущая Эллада
Рождала то, чем живы мы,
В чем наша верная отрада
От вековечной нашей тьмы.
Воскреснет в сердце человека
Давно погибшая мечта,
И дети будущего века
Поймут, что значит красота.
25марта 1887

«В окно моей темницы...»
В окно моей темницы
На склоне злого дня
Ликующие птицы
Навели меня.
Но мгла моей темницы
Вспугнула скоро их.
Ликующие птицы
В просторах голубых.
8 мая 1887

«Сплетают тени на песочке...»
Сплетают тени на песочке, –
И в тенях много красоты, –
Акаций узкие листочки
И кленов крупные листья.
А где смешались тени эти
С тенями плотными кустов,
Там на песке трепещут сети
Из мелких золотых кружков.
В саду, подальше, – там березки,
Такие светлые стоят.
От веток их порой полоски
По телу моему скользят.
Когда нарвут зеленых веток
От белоствольных тех берез,
Иной уж цвет тогда у сеток,

На тело брошенных от лоз.
Сперва они на белом поле
Ложатся, узки и красны,
А после, с возрастаньем боли,
Смотря по степени вины,
Они синеют, багровеют,
На поле красном так близки,
И вот уж капли крови рдеют,
Сливаясь скоро в ручейки...
Но все ж березы, липы, клены,
Акаций запыленных ряд,
И даже галки и вороны
И глаз, и ухо веселят.
14 июня 1887

«Любопытные соседки...»
Любопытные соседки
У себя в саду стоят,
И на окна той беседки,
Где секут меня, глядят.
Я заметил их местечко
У ольхового ствола
В час, как мама от крылечка
Наказать меня вела,
И один из мальчуганов,
Что пришли меня стегать,
Молвил: – Барышни, Степанов,
Захотели много знать.
Я крепился и старался
Не орать и не реветь,
Только все же разорался, –
Больно так, что не стерпеть.
После порки в сад я вышел,
Раскрасневшись, как мак,
И насмешки их услышал:
– Разрумянили вас как!
– Эти яркие румяна
Где, скажите, продают? –
И хохочут мальчуганы,
И лежонов кажет прут.
– Вам урок мальчишки дали?
Вот какие смельчаки! –
И, смеясь, убежали, –
Все мои ученики.
– Ну, и громко ж вы кричите,
Ой-ой-ой да ай-ай-ай!
Мы утешим вас, хотите?
Приходите к нам пить чай.
– Вас березовой лапшюю
Угостила ваша мать,
Мы вас будем пастилою,
Сладким чаем угощать.
– Есть варенье из малины,
И сироп такой густой,
Все забудете кручины,
Не стесняйтесь, что босой.
Отказаться не умею,
К перелазу я иду,
От стыда и боли рдею,
Очувшись в их саду.
Самовар уже в столовой,
И варенье тут как тут.
– Поздравляем с баней новой!
– Ну и часто вас секут!
Три сестры за самоваром
Наострили язычки.
– Поздравляем с легким паром!
– Молодцы ученики!

Посмеялись, но немного, –
Мы дружны уж с давних пор, –
И сказала Вера строго:
– Розги дома не в укор!
Вы простите, мы без злости.
Малость надо постыдить,
А теперь пришли к нам в гости,
Будем мирно говорить.
14 июля 1887

«Осенью скучной...»
Осенью скучной
Дождь однозвучный
В окна стучит,
Думы мрачит.
Там на поляне
В белом тумане
Никнет трава,
Еле жива.
Лист увядает,
С веток спадает.
Голых ветвей
Ропот слышней.
Грустные взгляды,
Нет вам отрады.
Близь или даль,
Всюду печаль.
Всё же не стану
Злому туману
Плачущий раб.
Так ли я слаб?
В трудной работе,
В скучной заботе
Я с золотой
Дружен мечтой.
15 октября 1887

«Душа и тело нам даны...»
Душа и тело нам даны,
А третье – дух; его не знаем.
К нему стремленья направляем
Из нашей темной глубины.
Признали два лица за нами, –
То скажут «вы», то скажут «ты».
Разъединенные черты
Не слиты этими словами.
Когда мне мать или сестра
«Ты» говорят, слышна здесь ласка;
Но «ты» Сосулькино – указка
Для тыканья; она остра.
Все имена для нас игрушка,
И как меня ты ни покличь,
Иль уважительно на «ич»,
Или презрительно на «юшка»,
Ведь все не то! Я – Божий Дар,
Но это имя слишком ярко,
Я звался б Дашка или Дарка,
А то так с «ичем» Божидар.
О, если бы мы в духе жили!
Какой бы славой заалел
Наш удивительный удел,
И как друг друга мы б любили!
Но дух от нас еще далек.
Не душу даже, видим тело.
Любовь нам сердце не согрела,
И каждый каждому жесток.
Стремлюся к Духу я всечасно.
Живу ли в Духе, как мне знать!

Ужели буду возжигать
Я светочи мои напрасно?
Враг Духу – тело. Я смирял
Его жестокостью страданий,
И от телесных наказаний
Его ни разу не спасал.
И говорит мне мой Хранитель,
Что верен мой суровый путь.
О, если бы хоть раз взглянуть
На лучезарную Обитель!
28 октября 1887

«Избороздил я все окрестности...»
Избороздил я все окрестности
Летом, осенью, весной,
Исходил все эти местности
Вдоль и поперек босой.
Я парнями-забияками
Был издразнен в деревнях,
Я облаян был собаками,
Но не знал, что значит страх.
Раз под вечер темной рощею
Проходя неспешно, я
Повстречался с бабой тощею,
Смелость сникнула моя.
Мне в лицо старуха глянула.
– Где корона, царь босой? –
Прошептала мне, и канула
В сумрак осени сырой.
20 января 1888

«Слова весьма разнообразны...»
Слова весьма разнообразны,
Окраска разная у них.
Воспоминанья с ними связны
Побыток тех или иных.
И есть два облика у слова:
Один к тому, кто говорит,
И очень часто для другого
Совсем не так оно звучит.
Жестокие слова угрозы
Сказавшему, как ал венец,
Другому ж – черные обозы
Речей тяжелых, как свинец.
11 июня 1888

«Из-под летней светлой блузы...»
Из-под летней светлой блузы
С полотняным пояском
До колен штаны кургузы,
Да фуражка козырьком,
Вот и весь наряд мой скромный
И в дороге, и в лесу.
Что найду в тени укромной,
Все в корзинке унесу.
17 июня 1888

Полудетские грезы
Не можешь ты понять, что случилось вдруг со мной,
И смотришь на меня, качая головой.
Ты прав, – уж я не та, совсем не та, что прежде.
Мой звонкий смех теперь, как прежде, не звучит,
И равнодушна я к прическе и к одежде.
Как мне веселой быть! Тоска меня томит.
Так мысли спутаны, и так мечты неясны!
Хочу их разобрать, – усилья все напрасны.
Мечты меня влекут в неведомую даль,
И трудно мне сказать, о чем моя печаль.

То – думы странные и чудные мечтанья.
Сопротивляться им нет воли и желанья.
В ком кружатся они, наверное, едва ль
Захочет убежать от их очарованья!
Я думаю о том, что правды в мире нет, –
А правда для людей нужна, как нужен свет.
Я думаю о том, что без нее нет счастья,
И мы несчастны все. Не знаем мы о том,
И счастья ищем ложным и кривым путем.
Безумцы жалкие, достойные участия,
Встречаются меж нами. Мало нужно им,
Чтобы они довольны были и собою,
И светом, и людьми, и жалкою судьбою,
Им, бессердечным, свет не кажется дурным.
Их души так черствы! На братние страданья
Они глядят, холодные, без содроганья;
В пустые груди их не льются ядом злым
Ни слезы детские, ни старика стенанья.
Я знаю: прежде мир был хуже и глупей,
И люди были злы, жилося им трудней:
Разврат, коварство, месть, убийство, злоба, казни, –
Рассказы прежних дней и слушать тяжело.
Царило меж людьми бессмысленное зло,
Таилась правда, и порок не знал боязни.
Но эти дни прошли. Страдания отцов
Не вовсе без следа над миром пролетели.
Что день, то новый шаг! К заветной цели
Судьба нас двигает. Но этот путь суров,
И как еще велик безмерно он пред нами!
Как мало пройдено! И кровью и слезами
Еще заплатим мы в течение веков
За счастье правнуков, манящее веками!
Я думаю опять: настанет светлый день,
Его не омрачит завистливая тень,
И солнца яркий луч рассеет все туманы,
На правде заблестит блистательный венец,
Свободен станет мир, и счастлив наконец!
И племена, забыв измены и обманы,
Взаимную любовь в сердцах своих зажгут.
Чистейшие мечты отживших поколений, –
Улада их среди безвыходных мучений, –
Как пышный летний цвет, роскошно оживут.
За этот жданный миг все муки жизни темной,
Все тягости борьбы и доли подъяремной
С тупым отчаяньем толпы людей снесут,
И лучшие из них – с покорностью скромной.
Вспомнят внуки нас в те радостные дни, –
И тихую тоской проникнутся они.
Когда же развернет историк беспристрастный
В творениях своих картины наших зол,
Он будет сам не рад той правде, что нашел:
Насилия позор, и правды вопль напрасный,
И мрак невежества, и цепи, и бичи,
На совести людской бесчисленные раны,
Хищенья, клеветы, безбожные обманы,
Пророки распяты, и правят палачи.
Как юность пылкая, исполнена волненья,
Оплачет наши дни, дни скорби и томленья!
И старость скажет ей: – Утешься и молчи, –
Они покоятся блаженным сном забвенья.
4 июля 1888

«В прекрасный храм моих надежд...»
В прекрасный храм моих надежд,
Влекомый юными мечтами,
Я мнил не в красоте одежд
Войти, но голыми ногами,
Чтобы дыханьем суеты

Не осквернить чертог прекрасный,
Обитель светлой красоты,
Богини чистой и всевластной,
Но ей себя поработить,
И на холодные ступени
Пред алтарем ее склонить
Смиренно голые колени.
Когда ж, завидев дивный храм,
Я сел на придорожном камне,
И обувь, сняв, оставил там, –
Дорога стала вдруг трудна мне.
Друзья смеялись надо мной,
Враги мои жестоки стали, –
Они, связав меня, лозой
Меня безжалостно хлестали.
И каждый плеск ветвей нагих,
Терзая тело, словно эхом,
Сопровождался бранью злых
И общим ядовитым смехом.
И каждый шаг я покупал
Ценою крови и страданий,
И жгучий стыд меня терзал,
И страх грядущих истязаний.
И малодушно отступил,
Мои обул, краснея, ноги,
И грезы пылкие смирил,
И стал искать иной дороги.
9 декабря 1888

«И так я долго сердце мучил...»
И так я долго сердце мучил
Тоской напрасной о себе;
Мне самому мой стон наскучил,
И покорился я судьбе.
Здесь ум и сердце праздно дремлют,
На труд не движется рука,
И утомленный дух объемлет
Невыносимая тоска.
16 марта 1889

«Вокруг меня немая мгла...»
Вокруг меня немая мгла,
Во мне – несносное страданье.
Жизнь не щадила, – унесла
Все молодые упованья,
И перед мрачной силой зла
Померкли светлые мечтанья,
И стала жизнь мне не мила.
А жизнь была мне так мила,
Пока ее не скрыла мгла
Невыносимого страданья, –
Сплетались светлые мечтанья,
И вызывал я силы зла
На грозный бой, – но унесла
Судьба святыя упованья.
Где вы, былые упованья!
Беда при вас, и та мила,
И не страшит немая мгла.
Но если буря унесла
Надежды те, – победы зла
Рождают тяжкие страданья,
И гонят светлые мечтанья.
И думаешь: одне мечтанья –
Все те былые упованья,
И станет юность не мила!
О, это – горшее страданье, –
В себе самом источник зла
Искать, как будто жизни мгла

И гордость даже унесла.
Да, жизнь у многих унесла
Надменной юности мечтанья
И золотые упованья.
И все покорны силе зла,
И всех их участь не мила,
Горька, как тяжкое страданье.
Когда бы жгучие страданья,
О смерть, ты с нами унесла,
Воскресли б прежние мечтанья,
И ты бы стала нам мила.
Но долговечны силы зла, –
Живое семя упованья
Глушит полуночная мгла.
17марта 1889

«Горька мне жизнь, как питье с отравой...»
Горька мне жизнь, как питье с отравой,
Но горечь бытия покорно пью;
Мольбой униженной или хулой лукавой
Не обнесу я жизнь мою.
Пустынными, тернистыми путями
Иду, и мгла окрест,
Но не омыт бессильными слезами
Мне плечи режущий, суровый крест.
Один бы шаг, надменный, своевольный,
Угасла б жизнь, – всему конец!
Так, бранными трудами недовольный,
Спешит к врагу трепещущий беглец.
Но я, как воин, преданный знаменам:
Он не покинет ратный стан,
И бьется до конца, и малодушным стоном
Не выдает мучения от ран.
31 марта 1889

«Румяный, бойкий ученик...»
Румяный, бойкий ученик,
Веселый, но благочестивый,
Любитель интересных книг,
Вошел с улыбкою стыдливой;
Страстной недели тихий звон
Тогда носился над землею.
Старательный земной поклон
Он положил передо мною,
И ноги целовал, к стопам
Моим нагим лицом склонившись.
– Иду я к исповеди в храм.
Нельзя идти не примирившись. –
Он мне смиренно говорил, –
Вы, ради Бога, мне простите. –
Всё то, чем я вас огорчил,
И злом меня не помяните. –
– Господь простит, ты мной прощен,
Одним покорны мы законам. –
И на земной его поклон
Ответил я земным поклоном.
Он предо мной стоял босой,
Оставив обувь на пороге.
Пред ним склонившись головой,
Ему поцеловал я ноги.
15 апреля 1889

«Печать божественного Духа...»
Печать божественного Духа
я не напрасно получил, –
Внимательную чуткость слуха,
И напряженность мощных сил.
И наблюдательное око,

Которое, орла быстрее,
В сердца и помыслы людей
Глядит пытливо и глубоко.
Я призван многое свершить,
Пройти дорогой чрезвычайной,
Духовный мир обогатить
Трудом и мыслью неслучайной,
И овладеть великой тайной.
Но я лукаво пренебрег
Судьбы великими дарами,
И фимиам постыдный жег
Перед чужими алтарями.
Забыл я заповедь Того,
Кто зажигает зори наши,
И пил забвение всего
Из знойно-ядовитой чаши.
Так Богом избранный народ
Забыл сияние Синая,
Вдали от Иорданских вод
В пустыне сорок лет стеная.
Обетованная земля!
Войду ли я в твои пределы?
Или, как кормчий оробелый
Волнуемого корабля,
Погибну, плача и моля?
4мая 1889

«Не ходи ко мне, тоска...»
Не ходи ко мне, тоска!
Я ль горел да горемыка?
Хоть и очень ты дика,
Я с тобой расправлюсь лихо.
Как поймаю, разложу
На короткую скамейку
Да покрепче привяжу
К ней тебя, мою злодейку,
Сдернув траур риз твоих,
Отдеру на обе корки, –
Розгой будем мерить стих,
Рифмы – свист жестокой порки.
2 августа 1889

«Прости, – ты – ангел, светлый, чистый...»
Прости, – ты – ангел, светлый, чистый,
А я – безумно-дерзкий гном.
Блеснула ты луной серебристой
На небе темно-голубом, –
И я пленен твоей улыбкой,
Блаженно-нежной, но она
Судьбы жестокою ошибкой
В мою нору занесена.
Внезапно так и так отрадно
Красой твоею поражен,
Молил твоей любви я жадно,
Мечтой безумной распален.
Но милое твое смущенье,
Румянец быстрый нежных щек,
В очах пытливое сомненье,
В устах подавленный упрек
Мне показали, как жестоко
Я обманулся, темный гном,
Когда завистливое око
Блуждало в небе голубом,
Когда надменною мечтою
Я в небо дальнее летел
И безмятежную луною,
Безумец, овладеть хотел!
6 августа 1889

«Не боюсь ни бедности, ни горя...»
Не боюсь ни бедности, ни горя,
И живу, с судьбой печальной споря.
Неужель с ней спорить до могилы?
Все ль на глупый спор растрачу силы?
Вот, согнуть дугою меня хочет,
Да напрасно старая хлопочет, –
Есть такая сила, что пред нею
Поневоле склонишь низко шею,
Но едва ли същется где сила,
Чтобы век давила, не сломила.
Надоест мне гнуться, выпрямляться,
Так сумею разом я сломаться.
11 августа 1889

«Глаза горят, лицо пылает...»
Глаза горят, лицо пылает,
Но все же мальчик приучен
К повиненью, и снимает
С себя одежды, плача, он.
Мне на квартиру Скоморошко
Поставил сына. Петька мил,
Но мне посечь его немножко
Пришлось, – он двойку получил.
8 сентября 1889

«В час молитвы полуночной...»
В час молитвы полуночной
Пред иконою святой
Встал Хранитель беспорочный,
Ангел Божий предо мной.
Купиной неопалимой
Озарялся трепет крыл.
Взор его невыразимый
И суров, и нежен был.
Тихо речь его звучала,
Как Эдемский вздох чиста,
И улыбкой колебала
Возвещавшие уста.
С укоризной вместе ласку
В сердце мне он проливал,
И в руке большую связку
Пламеневших лоз держал.
26 сентября 1889

«Смерть и сон, сестра и брат...»
Смерть и сон, сестра и брат,
Очень схожи меж собой.
Брату всякий в свете рад,
Все дрожат перед сестрой.
Но порой, наоборот,
Брата гонит человек,
А иной сестру зовет:
– Поскорей кончай мой век! –
Всё, что делал здесь злодей,
Брат напомнит в тишине
Очень тягостных ночей.
Стонет злой: – Как тяжело мне! –
А сестра несет покой
Тем, кто жизнью истомлен,
И могильной тишиной
От тоски бедняк спасен.
27 ноября 1889

«Если знаешь за собою...»
Если знаешь за собою
Грех большой иль небольшой,

Ставь его перед душою,
В глубине души не крой.
Пусть томится от смущенья
Посрамленная душа,
И суровость искупленья
Пьет из полного ковша.
Пусть и тело пострадает
В аскетических трудах,
Пусть лоза его стегает,
Сея боль, и стыд, и страх.
После этого святого
Покаянного труда
Над душой, спокойной снова,
Всходит ясная звезда.
8 декабря 1889

«Отрок слабый и недужный...»
Отрок слабый и недужный,
К музе громко я воззвал,
И венец ее жемчужный
Я в тумане увидал.
Слышу сладкий голос музы:
– Лишь терпение и труд
С возмущенной мысли узы
Лжи и немощи сорвут. –
Но покорен темной лени,
Я веще искал одну
Мимолетных вдохновений
Белопенную волну.
Я в тоске нарядной много
Даром тратил пылких сил, –
И суровый рок мой строго
Арфу звонкую разбил.
Мрак сгустился надо мною,
Но во мгле моих невзгод
Кто-то девственной мечтою
Всё манил меня вперед.
И воззвал я к музе снова:
– Подниму я тяжкий труд,
Дай мне огненное слово, –
Мысли блещут и бегут. –
Говорит мне муза: – Труден
Путь любимца чистых муз.
Верь, мечтатель, безрассуден
С ними, гордыми, союз:
– Повеленья их суровы,
И закон их воли строг.
Не лавровый, нет, терновый
Подарю тебе венок.
– С песней, облитой слезами,
Загражденные пути
Неистомными ногами
Должен ты один пройти.
– Нет друзей тебе в народе.
Верен сладостной мечте,
Пой о свете, о свободе,
О любви, о красоте. –
Так мне муза тихо пела,
Вдохновенно глядя в даль,
И в глазах ее горела
Неизбывная печаль.
27 декабря 1889

«Невыносимо тяжкое воспоминанье...»
Невыносимо тяжкое воспоминанье
На утомленный ум безжалостно легло,
Терзает сердце мне, как коршун злой, страданье.
В груди подавлено звенящее рыданье,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
От дум, как обручем, оковано чело.
1889

«Мигом оставлен полоч...»
Мигом оставлен полоч,
Дверь отворил я, – как в пламя.
Наледеневший порог
Вдруг потеплел под ногами.
Ты ли, Снегурка, меня
Сжала так сильно в объятья?
Что ты смеешься, дразня?
Ты, как и я же, без платья.
– Я-то привычна, а ты?
Дедко стучит по воротам! –
В круге ночной темноты
Мчусь я не бегом, а летом.
А у дверей постою:
– Ну, поцелуй на прощанье! –
Медленно стыну, и пью
Нежной Снегурки лобзанье.
Вот я и дома, в тепле,
Вьюга за окнами хнычет,
А самовар на столе
Тихую песню мурлычет.
Я лишь в одной простыне,
Теплой, забавно суровой.
Чай лучше нектара мне,
Так мне уютно в столовой.
Только Снегурки мне жаль.
Так и растает весною?
Иль в ледовитую даль
Птичкой порхнет полевою?
9 января 1890

«Бедный дом мой не украшен...»
Бедный дом мой не украшен,
Домострой мой очень строг,
Но, когда огонь погашен,
Мне мерещится чертог.
В нем на мраморных колоннах
Поднялся высоко свод,
Где из многих лампионов
Свет торжественно течет.
Дам и рыцарей улыбки,
Лица детские пажей,
И литавры, трубы, скрипки
Всё звончей и веселей.
Я король на новосельи
Открываю светлый бал,
Чтобы каждый гость в весельи
Все печали забывал.
13 июня 1890

«Вблизи колодца мне мальчишка...»
Вблизи колодца мне мальчишка
В деревне встретился горлан.
Он – озорник? или воришка?
Иль просто бойкий мальчуган?
Лицом он писанный красавец,
Орет он бранные слова.
Да кто ж он? будущий мерзавец?
Иль удалая голова?
Большой, босой, расстегнут ворот.
Проходит девушка с ведром:
– Опять ты, Степка, нынче порот! –
Хохочет он: – Мне нипочем!
– Всех богачей на дым развеять!
Мне не мешай озоровать!

На ...е-то не репу сеять,
А ты молчи, ...а мать! –
Звериные сверкали зубы,
Улыбка поперек лица,
Но, хоть слова крепки и грубы,
Он все ж похож на мертвеца, –
Так механичен хохот звонкий,
И так свободно брань летит
Из уст румяного ребенка,
Забывшего, что значит стыд.
Тускнеет вся вокруг природа,
Где эта брань и эта грязь,
И как бы светлая свобода
В болоте тусклом родилась?
Ты силы копишь или тупишь,
Россия? где твой талисман.
Что ты продашь и что ты купишь
На торжище великих стран?
Грабеж, убийства и пожары,
Тюрьма, петля, топор и нож,
Вот что, Россия, на базары
Всемирные ты понесешь!
13 июля 1890

«Под пальмами играли в кости...»
Под пальмами играли в кости
Два негра, черные, как ночь,
И проигравший лютой злости
Не догадался превозмочь.
Ножи сверкают в лютом зное,
С бойцов свирепых льется пот.
Судьба одна в игре и в бое,
Уж не везет, так не везет.
Зарезан дважды-побежденный,
А победитель, кровью пьян,
К ручью приникнул, утомленный,
Изнемогающий от ран.
Взглянул в последний раз он тупо
На раскаленный небосклон.
Шакалы ночью на два трупа
Сбежались со всех сторон.
1 февраля 1891

«Зверь-человек купается от века...»
Зверь-человек купается от века
В напрасно-пролитой крови!
Но разве нет на свете человека,
Достойного любви?
И разве осужден я вечно
Скитаться с холодом в душе,
И жизнь свой яд бесчеловечно
В своем заржавленном ковше
Нести мне будет бесконечно!
Как жадно я искал
В толпе завистливой и злобной,
В душе тая свой идеал,
Души, ему хоть в чем-нибудь подобной!
Увы! Кого я ни встречал, –
Старик ли, дева ль с пылким взором,
Муж, полный зрелой красоты, –
Неотразимым приговором
Житейской пошлости черты
На них читались так ясно,
Что и сомнение напрасно.
11 июня 1891

«Избрать из двух грозящих зол...»
Избрать из двух грозящих зол

Одно, где менее мученья?
Не даст внезапный произвол
Минуты даже для сравненья.
И затруднительно решить,
Что легче, розги иль крапива.
Ведь проще было бы сравнить,
Что слаще, вишня или слива!
Крапивой высекут, – так жжет,
Как будто вырвался из пекла,
А если розги мать берет, –
Ах, лучше бы крапивой секла!
Но опыт мальчику твердит,
Что все же розги выбрать надо:
Укус крапивы ядовит,
И в розгах нет такого яда.
Крапивы зуд невыносим,
Укусы долги и жестоки,
А после розог только дым
Стыда раскрашивает щеки.
11 июня 1891

«Вдоль реки заснувшей прохожу лугами...»
Вдоль реки заснувшей прохожу лугами
По траве росистой голыми ногами,
И гляжу на звездный недоступный строй,
И мечта забавит легкою игрой.
От лучей палящих ноги загорели,
А во тьме посмотришь, кажется, что белы,
Да и все иное, чем бывает днем, –
Дальняя избушка кажется холмом,
Мглистая дорога кажется рекою,
А туман в долине – снежной пеленою.
Спать давно пора бы, а домой идти, –
Словно позабыты к дому все пути.
Точно чародейка шарф из мигов вяжет,
А когда окончит, никогда не скажет,
И следишь мельканье чародейных спиц,
Вещее сверканье полевых зарниц,
И не видишь молний, и не слышишь грома,
Но душе зарница каждая знакома,
И с паденьем каждой пасть в траву готов,
Позабыться в беге неразгаданных снов,
Прикоснуться к тайне, к волшебству и к чуду,
Посмотреть, каким же я в Эдеме буду.
17июля 1891

«Старик улыбочивый, ты медлишь на пороге...»
Старик улыбочивый, ты медлишь на пороге,
И смотришь на толпу играющих детей.
Хоть ноги голые марает грязь дороги,
Забавны милые беспечностью своей.
Но думы у меня безрадостны и строги,
Когда гляжу на них, они в душе моей,
Как зарево больших и медленных огней,
Обнявших светлые, надменные чертоги.
Давно определен, бессмысленно суров,
Начертан наш удел, о дети бедняков!
И пусть в иной душе, из милых глаз мерцающая,
Зародыш гения дает свои ростки,
Бессмысленная жизнь, и косная, и злая,
Покровом тягостным сомнет его цветки.
4 августа 1891

«Влечется злая жизнь! Ни счастья, ни свободы...»
Влечется злая жизнь! Ни счастья, ни свободы!
Ленивей тяжких змей ползут немые дни,
Летят, как ураган, стремительные годы,
И гаснет радость грез, как бледные огни.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Заставлены пути, заграждены исходы.
Не трать остатка сил, неправды не кляни.
Пускай твою ладью неведомые воды
Несут лесным ручьем в таинственной тени.
Лежи на дне ладьи, следи ветвей мельканье,
И слушай сонных струй ленивое роптанье,
И жди, спокойно жди. Бездействие не стыд.
Когда для битвы нет оружия и силы.
Усталого раба ничто не утрашит, –
Ни холод жизни злой, ни холод злой могилы.
7 августа 1891

«За мрак изображений...»
За мрак изображений
Меня ты не брани, –
Такой мой скорбный гений,
Такие наши дни!
Суровых песнопений
Моих ты не кляни, –
То в мглистости томлений
Горящие огни!
Гореть как можно жарче,
Светить как можно ярче,
Страданий не тая,
За черною горою
Встать красною зарею, –
Вот заповедь моя.
29 сентября 1891

«Жди удивительного чуда...»
Жди удивительного чуда
Иль предсказания оттуда,
Где у людей едва-едва
Работать стала голова.
1889 – 1892 Вытегра

«В поле девушка ходила...»
В поле девушка ходила
И случайно придавила
Голою стопой
Цветик полевой.
Он головкой лиловатой
Никнет до земли.
Вдруг к былинке полусмятой
Чьи-то кудри прилегли.
Смотрит девушка, вздыхая,
На больной цветок,
Осторожно выпрямляя
Тонкий стебелек.
Говорит она тихонько:
– Что мне сделать, милый мой?
Взбрызнуть венчик твой легонько
Свежею водой?
Иль от солнца в тень лесную
Мне тебя пересадить? –
Шепчет он: – Сам оживу я, –
Не мешай мне жить! –
19 марта 1892

«Прохожу я тропы и дороги...»
Прохожу я тропы и дороги,
Не обувши стремительных ног.
Пробегают свободные ноги
По просторам свободных дорог.
Вот мои сапоги-скороходы,
Те же в прошлый и нынешний год.
Их окрасили солнце и воды,
Они годны на всякий поход.

«Пламеннее солнца сердце человека...»
Пламеннее солнца сердце человека,
И душа обширней, чем небесный свод,
И живет от века до иного века,
Что в душе созреет в урожайный год.
Как луна печальна, как вода текуча
В свете переменном зыбкая мечта.
Пусть ее закроет непогодой туча, –
Сквозь века нетленна, светит красота.
10 июля 1892

«Много вижу следов на песке прибрежных дорог...»
Много вижу следов на песке прибрежных дорог.
Вот оттиснулись гвозди огромных мужицких сапог;
Вот следы от девичьих ботинок, и узких, и тесных,
Сжавших парочку ножек, хоть белых, но вряд ли
прелестных;
Здесь ряды мелких ямок песок прибрежный сберег, –
Это – оттиски пальцев разутых ребяческих ног;
Вот еще свежий след вижу я, – поперек всей дороги
Точный слепок оставили голые девичьи ноги.
Хороши эти слепки, и кажется мне, что прошла
Здесь русалка нагая и вниз по реке уплыла.
1 апреля 1893

«Иду я и заглядываю...»
Иду я и заглядываю
В окошечки домов,
И радостно загадываю:
Любовь из-за цветов
Кого пронзит из дев иль вдов?
Вот Троично-березовая
Раздвинется стена,
И глянет нежно-розовая
Из светлого окна.
Ты девушка иль весна?
6 апреля 1893

«Не улыбайся, день прекрасный...»
Не улыбайся, день прекрасный,
Мне в запыленное окно,
Меня печалит свет твой ясный.
В моей душе темно, темно.
Куешь ты стрелы золотые,
Надменно-горькие лучи.
О солнце! ливни огневые
В мое окошко не мечи.
Простился я с надеждой прежней,
Не жду спасенья от небес,
И цели жизни безнадежней
Умом осмеянных чудес.
7апреля 1893

«Ты улыбаешься, день ясный...»
Ты улыбаешься, день ясный,
И на просторы, и в окно.
Меня печалит свет бесстрастный,
Всем проливаемый равно.
Куешь ты стрелы золотые,
Надменно-горькие лучи.
О, солнце! ливни огневые
В мое окошко не мечи.
Не тешусь я надеждой сладкой.
Я знаю, – вещей, ты воскрес,
Чтоб вечной, яркою загадкой
Сиять в обилии чудес.

«Противоречия во всем...»
Противоречия во всем:
Мы любим то, что нам приятно,
Но сердцу скучно, если в нем
Все слишком мило и опрятно.
Всегда нас тянет преступить
Ограды правил и закона.
В стихах мы даже согрешить
Хотим попраaniem канона.
А в жизни мир и тишину
Для отдыха мы только ищем,
Но отдохнем, и в ширину,
И в глубину, и в вышину
Летим, и падаем, и рыщем.
Мы любим столкновенье воль,
И бури всякие нам милы,
И даже стыд, и даже боль –
Лишь испытанья нашей силы.
9 июля 1893

«Обнажились гладкие камни...»
Обнажились гладкие камни,
Тихой струйкой вьется мой ручей.
В нем блестят разбрызганные звенья
Ярких, жарких солнечных лучей.
В воду загорелыми стопами
Я вхожу, почуять холодок
И потом с ручейными мечтами
На горячий выбрести песок.
31 июля 1893

«В переулке одиноко...»
В переулке одиноко
Я иду. Прохожих нет.
Зажигается далеко
За туманом тихий свет.
Скучно всё вокруг и темно,
Всё как будто бы в бреду,
И в душе тоскливо, томно.
Я, понурившись, иду.
Утром ветер с моря веял,
Небо в тучи обложил,
Дождик лужицы насеял,
Сонный воздух освежил.
Что мне лужицы ночные!
Обходить их не хочу,
И порою в них босые
Ноги тихо омочу.
С каждым их холодным всплеском,
С каждым вздохом темных вод
Дальний свет призывным блеском,
Разгораясь, зовет.
Но зачем? Вот я уж дома.
А куда же мне идти?
Неотвязная истома
Все запутала пути.
13 сентября 1893

«Волны моря...»
Волны моря
Гулко стонут.
Полны горя,
Челны тонут.
Челн, непогодой сколоченный,
Парус, наставленный горем,
Вьюгой страданья измоченный, –

Мы ли со смертью заспорим?

Гулко волны
Стонут в море.
Тонут челны,
Полны горя.
10 октября 1893

«Друг моей печали...»

Друг моей печали,
Муза слез и страха,
Из небесной дали,
Из земною праха
Мы с тобой свивали
Яркие виденья,
Знойные картины:
Горе преступленья,
Боль немой крупны,
Сладость примиренья,
Бешенство проклятий,
Радость вдохновенья,
Юный пыл объятий,
Зелье сладострастья.
Стыл огонь с годами.
Вьюгою ненастья,
Бурными ветрами
Песни разносились
В мраке безответном.
Лучше б не родились
В мире неприветном
Наши песни, муза:
Нет с удачей в мире,
Милый друг, союза
Нашей скорбной лире.
1 декабря 1893

«Не наряд тебя красит, о нет...»

Не наряд тебя красит, о нет!
Не ботинки, не модный корсет.
Что корсет? Безобразный обман!
Без него восхитителен стан.
А в ботинке видна ли нога?
Хороша ты, когда ты боса,
И сияет, когда ты нага,
Молодая, живая краса.
Надевай же свой пышный наряд
Для толпы, для чужих и друзей,
Ну, а я, – я, любимая, рад
Непокрытой красою твоей
Любоваться, когда мы одни,
Когда накрепко дверь заперта.
Пусть вино зашипит, загорятся огни,
Засверкает твоя нагота,
И на ложе возлеги с тобой,
Под горячей моею рукой
Я почувствую трепет и зной,
И надменно могу сознавать,
Что я нежить могу и ласкать,
И любовью моей утомить,
И помучить тебя, и побить.
3 декабря 1893

«Мы лежали на мшистой постели...»

Мы лежали на мшистой постели,
Задыхаясь от зноя любви.
Билось сердце в груди у тебя, как дитя в колыбели.
Чад любви, яд любви разливался в крови.
Мы лежали на мшистой постели,
Задыхаясь от зноя любви.

Упоительный чад разливался
В наших юных и знойных телах,
Распустилась коса, и твой пояс давно развязался,
Разорвалась рубашка на белых плечах.
Упоительный чад разливался
В наших юных и знойных телах.
4 декабря 1893

«Больна моя любовь...»
Больна моя любовь, –
Жестокие страдания!
Припоминаю вновь
Все пылкие желанья,
И беспредметная тоска
Над бедною любовью,
Как ведьма темная, дика,
И сердце истекает кровью,
И наконец ясна
Давно томившая загадка.
Моя любовь больна,
И умереть ей сладко.
6 декабря 1893

Порочная любовь
Бродя в мечтаниях безумных,
Их знойный лепет возлюбя,
На перекрестке улиц шумных
Внезапно встретил я тебя.
Лицом поблекшим и унылым
Ты разбудила сон теней
По неоплаканным могилам
Души растоптанной моей.
Метали тень твои ресницы
На синеву и желтизну.
Надежд кочующие птицы
Умчали в даль твою весну.
Надменной злобою сверкали
Глаза усталые твои,
Огни желанья и печали
Точа последние струи.
Твоим сочувствием невнятным,
Я за тобою вслед глядел,
И вождельем непонятым
Мой бедный разум пламенел.
14 декабря 1893

«Ты, смуглый ангел, любишь соль...»
Ты, смуглый ангел, любишь соль
И ненавидишь сласти.
О, милый друг мой, мудрено ль,
Что в ясных глазках мало страсти!
А я все сладкое люблю,
И страстен я душой жестокой,
И я любви твоей молю,
Но не любви к тебе глубокоокой.
19 января 1894

«Всё, что природа мне дала...»
Всё, что природа мне дала,
Всё, чем судьба меня дарила, –
Всё злая доля отняла,
Всё буря жизни сокрушила.
Тот храм, где дымный фимиам
Я зажигал, моляся Богу,
Давно разрушен, – ныне там
Некошный смотрит на дорогу.
Иной воздвигся храм потом –
Свободы, равенства и братства,

И он разрушен не врагом,
Своим же в злобе святотатства.
Дерзнул я истине служить,
Но, сняв с богини покрывало,
Не захотел благословить
Того, что предо мной предстало.
Я звал пророков и певцов.
Их правдой жаждал я упиться,
Но перед правдой мудрецов
Не хочет сердце преклониться.
Я стал испытывать себя, –
Пороки, ложь и мрак полночный,
Всё молодое загубя,
Царят в душе давно порочной.
Смотрю вокруг, – и мрак и грязь
Ползут отсюда мне навстречу,
Союзом гибельным сплотясь...
Чем я на вызов их отвечу?
Весь мир для сердца уяснить
Стремился я безумно, жадно.
Увы! связующая нить
Мне сердце режет безотрадно.
Родник надежд, родник страстей
Камнями тяжкими завален, –
Пол грудой мертвою камней
Их ропот стонущий печален, –
Но не смолкает ни на миг
Струи живительной биенье, –
О нет, не высох мой родник
И не иссякло вдохновенье.
Работай, чистая струя,
Кипи, кипи под темным гнетом,
И в неизвестные края
Несись стремительным полетом.
24 января 1894

«С тех пор, как тебя полюбил я...»
С тех пор, как тебя полюбил я,
Другое я всё ненавижу, –
С тех пор, как тебя полюбил я,
Тебя только слышу и вижу.
И сам на себя я дивлюся, –
Как раньше не мог я заметить,
Что всюду, о смерть, ты владеешь,
А жизни нигде нам не встретить.
12 июня 1894

«Жуткий полдень дышит зноем...»
Жуткий полдень дышит зноем, –
Я ищу святой тропы:
Убаюканной покоем
И далекой от толпы.
Вот не это ль заповедный
Сад, желанный сад, куда
Для тоски, подруги бедной,
Не отыщется следа?
Вижу роскошь полевую,
Озаренную весной,
Слышу песенку живую,
Окрыленную мечтой,
И, трудами утомленный,
Созерцаю я закат,
В Бога светлого влюбленный
В ложе влажное возврат.
Но на пологие румяном
Промелькнула чья-то тень.
– Грусть! ни правдой, ни обманом
Не даешь ты мне хоть день.

«Воспитанник природы дикой...»
Воспитанник природы дикой,
Не проливал я детских слез,
И бремя бедности великой,
Как бремя царственное нес.
Застенчивый ребенок,
И тем утешен я бывал,
Что мир, и красочен, и звонок,
Передо мною расцветал.
Я молча шел своей дорогой,
Мечтою сердце обольстя,
Молчаньем бился я с тревогой,
Таил печаль, не как дитя.
19 – 20 июля 1894

«За окном пробежали ребята...»
За окном пробежали ребята,
Прозвучали их крики и смех.
Для души моей были когда-то
Эти крики – источник утех.
А теперь на беспечное детство
Я с холодной тоскою гляжу,
И мое роковое наследство
Беспечальной игрой не бужу.
25 сентября 1894

«Вина неискупленная...»
Вина неискупленная,
Болезнь неисцеленная,
Обида неотмщенная,
Тоска непобежденная,
Услада беззаконная!
И цель недостиженная, –
Вот, жизнь, твои дары!
Бессонные томления,
Больные угрызения,
Безумные кипения,
Борьба без одоления,
Напрасные лишения
И смерть в объятьях тления, –
Вот что тебе несем!
2 октября 1894

«Опять...»
Опять...
Сердце мое изнемогшее
Резкою болью пронизано
Опять.
Бледен стою без движения,
Переживая страдания
Опять.
Замер в тоске утомительной.
Резкая боль возвращается
Опять.
4 октября 1894

«Трепетно падают лилии белые...»
Трепетно падают лилии белые
В бездну забвения, черную, мглистую.
Тихо поникли мечты помертвелые.
Вспомнил я чью-то улыбку лучистую.
Смутно мерцают огни.
Кто-то проходит. Взгляни!
Что это? Страшное, гневное, злобное,
Веет тоскою и веет отчаяньем,
Смерти таинственной странно подобное,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Полное зноем и диким страданием.
22 октября 1894

«Умертвили царицу мою...»
Умертвили царицу мою,
Схоронили в могиле немой
Чаровницу мою.
Я глубоко печаль затаю,
Замолчу перед злою толпой.
Спи в могиле, царица моя,
До желанной и светлой весны,
Чаровница моя!
Вешней молнии брызнет струя,
И прольются весенние сны,
И разбудят царицу мою,
Воззовут от могильных ночей
Чаровницу мою.
Я глубоко тоску затаю,
Я не выдам печали моей.
9 ноября 1894

«Давно уж я покинул Сину...»
Давно уж я покинул Сину,
Столицу королевства Рэй,
Но помню странную картину,
Красу дворцовых галерей;
Толпу торжественного бала
Она делила пополам,
Господ в мундиры наряжала,
И обнажала милых дам.
Кружились господа и дамы.
Пажи нагие у колонн
Смотрели пристально на шрамы
У высеченных дев и жен.
Направо, теша королеву,
Ведущую на четках счет,
Пажи наказывали деву
Двумя лозами впереплет.
Налево, пред инфантой юной,
В весельи после семи чаш
Перебиравшей лютни струны,
Совокуплялся с дамой паж.
А в глубине к столбу прикован,
С презреньем озирая бал,
Кнутами весь исполосован,
Казнимый мученик стоял.
24 февраля 1895

«На улице пылью запахло...»
На улице пылью запахло.
Мне больно и сладко вздохнуть.
Зимю мучительно чахла
Моя утомленная грудь,
В ней сердце так больно сжималось,
Я думал: «Не надо мне жить!»
И горько душа порывалась
Ненужные дни погубить.
Дыхание улицы пыльной
Мне снова пророчит весну,
И, может быть, грудью бессильной
Я скоро без боли вздохну.
20 марта 1895

«Свистали, как бичи, стихи сатиры хлесткой...»

.....
Свистали, как бичи, стихи сатиры хлесткой,
Блистая красотой, язвительной и жесткой.
.....

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Цензурой оскроплен нескромный мой роман,
И весь он покраснел от карандашных ран.
Быть может, кто-нибудь работою доволен,
Но я, – я раздражен, бессильной злостью болен,
И даже сам роман, утратив бодрый дух,
Стал бледен и угрюм, как мстительный евнух.

.....
И, бледный декадент, всхожу я на ступени,
Где странно предо мной забыли тени,
Таинственным речам внимаю чутко я,
И тихих сумерек полна душа моя.
Смеясь моей мечте жестоко и злорадно,
Мне люди говорят, что тайна неразгадана,
Что мистицизм нелеп, что путь науки строг,
Что смертен человек, и что развенчан Бог.
24 марта 1895

«Так жизнь пуста, так грезы ярки...»
Так жизнь пуста, так грезы ярки!
Над бедной радуга горит,
И вечный свод небесной арки
Глаза и душу веселит.
А под богатством зыбких красок
Зияет в бездне вещей мрак,
И говорит мне кто-то грозно,
Что жизнь направлена не так.
16 апреля 1895

«Больной, угрюмый человек...»
Больной, угрюмый человек,
Зачем глядишь ты на детей?
Зачем ты отравляешь их
Безумной мрачностью своей?
Им радость жизни суждена,
Им любу птички и цветки,
И не под силу их плечам
Мертвящий гнет мирской тоски.
8 июня 1895

«Верьте, люди, если скажут...»
Верьте, люди, если скажут,
Что безумно я живу,
И с моим названьем свяжут
Безобразную молву.
Дерзок я, нигде предела
Не нашел мой произвол.
В рай мечта моя взлетела,
В ад я сам ее низвел.
Сладким светом горних кущей
Наслаждаться не хочу.
Я к тоске, меня зовущей,
В бездну адскую лечу.
27 июня 1895

«Утомленный горячими ласками...»
Утомленный горячими ласками
Обнаженных наложниц и жен,
И куреньем восточным и сказками
В сладострастный покой погружен,
На подушках роскошного ложа
Неподвижен и мрачен владыка,
И у ног его трепетно лежат,
Не поймут омраченного лика.
Но внезапно улыбкой жестокою
Отвечая внезапной мечте,
Он встает пред женой черноокою,
Несравненной в своей нагоде,
И на землю ее повергает ударом,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
и бичует румяную кожу.
А потом, в утешение карам,
Вознесут к господину ложу.
25 июля 1895

«Путь лежит по каменцу...»
Путь лежит по каменцу.
Ноги в кровь изрезал я.
Но не близок я к концу.
Всё со мной печаль моя.
23 августа 1895

«Ненавижу снова женщин и обманы...»
Ненавижу снова женщин и обманы,
Стены и туманы.
Всё и мне враждебно: пасмурные дома,
Улиц переломы,
Ненавистна правда глупая людская,
И неправда злая.
Стану утешаться данным мне жестоко
Виденьем пророка.
30 октября 1895

«Воздвигнет мне царство...»
Воздвигнет мне царство
Живая мечта, –
Там с радостью мука
Чудесно слита.
Нагой красотою
Украшу мой двор.
Пажей наготовю
Насыщу мой взор.
И дев обнаженных
Светла красота,
И радостна сердцу
Моя нагота.
Веселые пляски,
И смех, и вино,
И всем мое ложе
Доступно равно.
Когда же устану
Я петь и плясать,
Неловких велю я
Схватить и связать,
И сечь прикажу я,
Чтоб тешить мой гнев,
Пажей обнаженных
И трепетных дев.
И слаще свирели
Обрадует крик,
Пронзителен, звонок,
Нестроен и дик.
Но, так же, как радость,
И муки любя,
Мучительно высечь
Велю и себя.
Мне радостна будет
Жестокая боль, –
Скрещенье жестоких,
Разнузданных воль.
6 декабря 1895

«Если б я могла, как платье...»
Если б я могла, как платье,
Плоть мою переменять,
То отбросить это тело,
То войти в него опять, –
Я умчалась бы далеко,

И в путях добра и зла
Много жизней разнообразных
Променяла б и сожгла.
Испытала бы утечи,
И страдания, и грех,
И безумных пыток стоны,
И беспечно-звонкий смех.
Но жизнь однообразна,
Я – вечно та же я,
И тягостны томленья
Такого бытия.
Мой смех, моя веселость,
И все мои вины
Должны быть той же мною
В слезах растворены.
Блаженство истязанья
Так скудно веселит, –
За обнаженной мукой
Идет тяжелый стыд.
И самый стыд, – могла бы
Я радость в нем найти, –
Но вечный смех докучный
Смогу ли я снести?
Так жизнь однообразна,
Что я – мой злейший враг, –
Клеймит меня навеки
Мой каждый смелый шаг.
6 декабря 1895

«Тяжелые сны меня мучат...»
Тяжелые сны меня мучат,
Но мне никогда не наскучат.
Умею призвать их я сам.
Себя опьяняя нарочно, я жгу
В ночной тишине фимиам
Таким невозможным богам,
Что даже о том рассказать не могу.
Стремлюся я к снам этим жадно,
И мучат они беспощадно.
7 декабря 1895

«Мне весело, – я необутый...»
Мне весело, – я необутый
По мягкой земле прохожу,
И новые с каждой минутой
И радость и счастье вокруг нахожу.
В земле моей корни и травы,
И воздух мой нежен и чист.
Меня замыкают дубравы,
До неба я весел, и свеж, и душист.
Одежду мне ветер колышет,
Земля народилась в цветы,
И ухо далекое слышит,
И грудь моя радостно дышит, –
И солнце, и сердце, и лес, и мечты!
1 августа 1896

«Песней колокольной...»
Песней колокольной,
Медленной, протяжной,
Медной, безглагольной,
Мчусь я в воздух влажный.
Отзвук пробуждаю
В сонном мире дольном.
Весь я замираю
В звоне колокольном.
2 августа 1896

«Нагая, ты предстала предо мной...»
Нагая, ты предстала предо мной,
И нестыдливо-чистыми очами
Ты погасила страсти жгучий зной
С безумными, стремительными снами.
И снова жизнь моя свободна и чиста,
Оправдана твоею красотой,
И вновь мне улыбается мечта,
Увенчана надеждой золотою.
13 октября 1896

«Проходят отроки и девы...»
Проходят отроки и девы
В одеждах странных предо мной
Под непонятные напевы,
Под звуки арфы неземной.
Они горящим очами
Меня томительно страшат.
Под обнаженными ногами
Камень мелкие шуршат.
Их зыбкий смех лазурно-звонок,
Но взгляд пронзительно-жесток,
На мир не смотрит так ребенок,
Так смотрят жрец или пророк.
За их широкими рядами
Идут нагие палачи.
Дрожат над сильными плечами
Секиры, палки и бичи.
13 октября 1896

«Загаром стройных ног на влажных травах в поле...»
Загаром стройных ног на влажных травах в поле
И зноем смуглых щек
Ты сердце бедное ужалила до боли,
Смеющийся пророк.
У милых ног твоих я сбросил все, что было
В душе моей темно,
И ясная твоя улыбка озарила
Неозаримое давно.
И понял я, что надо жить, уничтожаясь,
Отрекшись от себя,
С природой девственной таинственно сливаясь,
И только вечное любя.
13 ноября 1896

«Он с неба нисходил порою вешней...»
Он с неба нисходил порою вешней,
И веял на меня отрадою нездешней,
Во мне Он зажигал призывную печаль,
И взором пламенным указывал мне даль.
Я Бога не узнал, я к пользам устремился,
От Божьего пути я робко уклонился,
И Он меня презрел, и Он других воззвал,
И вот иду один, и беден я и мал.
27 марта 1897

«Возникнет человек, спокойный, беспощадный...»
Возникнет человек, спокойный, беспощадный,
С глазами ясными и острыми, как сталь,
И погубить наш род больной да жадный
Ему не будет жаль.
Протянет руку он, – губительные стрелы
Бесстрастно будет он метать вокруг себя,
И полетят они в далекие пределы,
Всё очищая и губя.
8 апреля 1897

«Сказка ль только – эти местности...»

Сказка ль только – эти местности,
Где в тоскливой неизвестности
Девы пленные живут,
Где зарытые сокровища
Безобразные чудовища
Непрестанно стерегут?
Или это все в обычности,
По соседству в околичности,
Жертвы здесь и палачи,
И у нас же недогадливых,
Только попусту досадливых,
Ото всех замков ключи?
6 октября 1897

«О друг мой, друг мой бледный...»
О друг мой, друг мой бледный,
Печальный мой двойник!
Ушел ты в путь бесследный,
И к тайному приник.
Оттуда нет возврата,
Где ты один теперь.
Открытая когда-то,
Навек замкнулась дверь.
20 ноября 1897

«О друг мой, друг мой милый...»
О друг мой, друг мой милый,
Отрадный мой двойник!
С какою дивной силой
Ты вновь ко мне приник!
Уж я не ждал возврата,
Но ты со мной теперь.
Закрытая когда-то,
Опять раскрылась дверь.
20 ноября 1897

«На свирели вечером играя...»
На свирели вечером играя,
Подзывает Лизу милый пастушок,
И глядит, как, весело сверкая,
Алый в небе рассыпается пушок.
Так рассыплет Лиза все цветочки,
Задрожав от слов: Теперь не уходи!
А пастух ни юбки, ни сорочки
Не оставит ей, прижав к груди.
19 февраля 1898

«В час полночный на песке...»
В час полночный на песке
Дева раздевалась,
И одна она в реке
В страшный час купалась.
Только нежная луна
На нее смотрела,
Только нежная волна
Обнимала тело.
22 августа 1898

«Звездные выси приближу...»
Звездные выси приближу
К бледной земной нищете,
В райском сиянье увижу
Крест на алмазном шите,
Деву в лазурной тунике,
Крови пречистой фиал,
И светозарные лики
Пламенно-алых Начал.
26 августа 1898

«Ты умираешь...»
Ты умираешь,
Ты хил и слаб, –
А я, ты знаешь,
Спасти могла б.
Судьба сурова, –
И я слаба,
Но духа злого
я не раба.
В святом покое
Мое лицо,
И золотое
В руке кольцо.
Я без одежды, –
У красоты
И все надежды,
И все мечты.
Ты медлишь, – стыдно ль
За мной идти?
Но не обидно ль,
что не спасти?
10 сентября 1898

«Леший любит девок замануть...»
Леший любит девок замануть,
Завести в лесу на ложный путь,
Закружить до одури, до слез
Вкруг осин корявых да берез,
Им сорочки сучьями порвать,
Диким хохотом их напугать.
Но не бойтесь, девушки, его.
Он не сделает вам ничего.
Он – косматая лесная тварь,
Человеческих не носит харь,
Человеческих не знает злоб,
Не загонит вас в трясинный гроб.
23 декабря 1898

«Здесь люди очень злые...»
Здесь люди очень злые!
Уйдем из этих стран,
Где ты – Мария,
я – Иоанн.
Мы станем жить любовно,
чтоб счастья достичь,
Хоть ты – Петровна,
А я – Ильич.
Скончавши дни земные,
Иных достигнем стран,
Хоть ты – Мария,
я – Иоанн.
И там мы оба ровно
Забудем эту дичь,
что ты – Петровна,
что я – Ильич.
Перед Господни очи
Придем без кличек мы,
В молчаньи ночи,
В дыханьи тьмы.
С нас тихий ангел снимет
Земных страстей печать,
Нас Бог обнимет,
Мы будем спать.
30 сентября 1899

«Не ищите грозных драм...»
Не ищите грозных драм

Возле Ананке старухи:
Посреди нарядных дам,
Умирают даже мухи,
И боится всяк Адам
Воплощенья оплеухи.
17 декабря 1899

«С каждым годом жизнь темней...»
С каждым годом жизнь темней.
Эти дни уж далеки,
Как из солнечных лучей
Мать вязала мне чулки
И сшивала башмаки.
Были белы по весне,
И желтели с каждым днем.
Солнце их желтило мне
Золотым своим огнем.
Лучшей краски не найдем.
Знай носи без перемен.
Годны вплоть до холодов.
Голенища до колен,
Нет тяжелых каблуков
И уродливых носков.
А посмотрит кто чужой,
Дивной ткани не поймет,
И подумает, – босой,
Засучив штаны, идет
Мальчуган из-под ворот.
7 ноября 1900

«Никогда я не поверю...»
Никогда я не поверю,
Чтобы милая моя
Отдалась такому зверю,
Как домашняя свинья.
Полюби собаку, волка,
Есть фазаны, соловьи,
Но какого ждать ей толка
От прожорливой свиньи?
Чтоб забыла эти бредни,
Не мечтала про свинью,
Для острастки я намедни
Высек милую мою.
Это было ей полезно:
Убедилась она,
Что свинья не так любезна,
Как свиная ветчина.
4 мая 1901

«Жизнь хитрит, смеется да лукавит...»
Жизнь хитрит, смеется да лукавит,
И повсюду ставит западни,
На кострах погибших тризны правит,
И венчает только злые дни.
Есть у жизни многие дороги,
Через бездны прочные мосты,
На горах – роскошные чертоги,
И повсюду – много красоты.
Но на всех дорогах – утомленье,
На мостах – желанье прыгнуть вниз,
И в чертогах злое пресыщенье,
Много зла под блеском лживых риз.
И пойдешь ли в сторону иль прямо.
Будешь плакать или песни петь,
Злая для тебя готова яма, –
Будешь в ней холодным трупом тлеть.
12 августа 1901

«Не успеешь дорожки полоть...»
Не успеешь дорожки полоть,
Разрастаются сорные травы.
Заплели они садик мой вплоть
До забора, до узкой канавы.
И не видно следов на песке,
Да и в доме не слышно веселья.
Изнывает усадьба в тоске,
Увядает мое староселье.
Хорошо бы здесь яму копать,
Невеликую, так, в три аршина,
Завалиться, засыпаться, спать, –
Хороша мне, прочна домовина.
14 августа 1901

«Если б я был...»
Если б я был
Ранен стрелою
Любви,
Я бы твердил:
– Не беспокою,
живи! –
Надо ли мне
Жизнью земною
Утех?
В ярком огне
Сгибнет со мною
Мой грех.
26 ноября 1901

«Тихой лазурной дорогой...»
Тихой лазурной дорогой
Кто-то идет при луне.
Вот мальчуган босоногий,
Ангел, явившийся мне.
Вижу, хитон белоснежный
Не закрывает колен.
Взор безмятежный и нежный,
Мой расторгающий плен.
Что же мне, милый, ты скажешь?
Ты, улыбаясь, молчишь.
Знаю, дорогу покажешь
Мне в благодатную тишь.
17 июля 1902

«В старину-то что бывало...»
В старину-то что бывало:
В Риме девка папой стала,
Черту душу продала,
Но чрез год, по воцареньи,
В храме, при богослуженьи,
Вдруг чертенка родила.
Чтоб коварной волей беса
Снова хитрая папесса
Не срамила вечный град,
Установлен на конклаве
К наивящей Божьей славе
Некий пакостный обряд.
Только в кресле новый папа
Сядет, тотчас чья-то лапа
Простирается под трон,
Чтоб узнать чрез дыры кресел,
Что избранник цел и весел,
Что мужчина, точно, он.
А потом веселым хором
Восклицают всем собором:
– Новый папа без греха.
Всё у папы здесь на месте.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Римской церкви, как невесте,
Мы венчаем жениха!
11 – 12 ноября 1902

«Не носил я богатых одежд...»
Не носил я богатых одежд,
Не лелеял надменных надежд.
Я профессором, верно, не буду,
Мне министром не быть никогда.
Это вы проникайте повсюду,
Пролезайте ужом, господа.
Если мимо промчится карета,
Где сидит госпожа, разодета,
И с презреньем меня оглядит,
Я не зависть в душе ощущаю,
И не стыд меня горький томит,
И не злобой мятежной пылаю.
Может быть, это все во мне есть, –
Чего нет в человеке, Бог весть! –
Но твержу я себе, что не надо
Эти низкие чувства питать,
Низойти до ползучего гада,
И душою совсем обнищать.
Я иду по дороге широкой.
Не беда, что иду одинокий.
То трава, то порыв ветерка
Приласкают мне ноги босые.
Ах, дорога моя далека,
Что же мне все усмешки чужие!
19 июня 1903

«Здесь над людьми везде царят...»
Здесь над людьми везде царят
Уставленные кем-то сроки,
А если люди проглядят,
Возмездья сроков так жестоки!
Ах, если б можно было жить,
Как ангелы живут беспечно,
О малых сроках не тужить,
К великим устремляться вечно!
От заповеди: «Не зевай!», –
От наставленья: «Сам виновен!» –
Уйти в желанный сердцу рай,
Который свят и безгреховен.
Но срокам утоленья нет.
В темнице сроков тесных бейся,
Стремись на ясный Божий свет,
И на бессрочное надейся.
27 июня 1903

«Сверну-ка я с большой дороги...»
Сверну-ка я с большой дороги
Вот этой тропкой в тихий лес, –
Там отдохнут босые ноги,
Мечта умчит в страну чудес.
Под этой сладостною тенью
На мягких, неизмятых мхах
Я наслажусь блаженной ленью,
Далеко унесусь в мечтах.
Где, на проталинке сверкая,
Тихонько плещет ручеек,
Я, ноги в воду опускаю,
Забуду, что мой путь жесток.
Пусть придет лесная нежить
И побеседует со мной,
И будет дух мой томно нежить
Своей беспечной болтовней.
Придите, карлики лесные,

Малютка зой, и ты приди,
И сядьте, милые, простые,
На тихо дышащей груди.
Хоть волосочков паутинных
Нельзя заплесть или расплесть,
Но в голосочках шелестинных
Услышу радостную весть,
Что леший нас не потревожит,
Яга с кикиморою спят,
И баламут прийти не может
Туда, где чудики сидят.
29 июля 1903

«Я к тебе головою приник...»
Я к тебе головою приник,
Неподвижная злая стена,
И печальные речи твердит мой язык, –
И была холодна и темна.
Ты не знала меня, да и знать не могла,
И молчала ты вся, от угла до угла.
13 мая 1905

«Не один я в тесной келье...»
Не один я в тесной келье, –
Ты ко мне на новоселье
В час полуночный пришла,
Улыбнулась и склонилась
На кровать, где ты томилась,
Где безмолвно умерла.
Полежу с тобою рядом,
Налюбуюсь мертвым взглядом,
Руку мертвую возьму.
Тонкий локоть крепко согнут,
Губы мертвые чуть дрогнут, –
Что шепнешь ты, я пойму.
У меня ли есть отрада, –
Капли сладостного яда
От тебя, моя сестра.
Срок настанет, ты развяжешь
Узел пут моих, и скажешь,
Что пришла и мне пора.
2 октября 1907

«Есть улыбки, зыбкие, как пляски...»
Есть улыбки, зыбкие, как пляски.
Что же пояс и повязки!
Распахнем одежды, и помчимся так легко!
Мы ликуем, как и прежде,
И в ликующей надежде
Мы умчимся далеко.
10 ноября 1907

«Не стыдясь людей, она...»
Не стыдясь людей, она
Пляшет белая да голая.
Скоморохова жена
Быть должна всегда веселая.
Поплясала, – поднесут
Чарку крепкой, сладкой водочки,
Покататься повезут
По реке на легкой лодочке.
Станет жарко, так в реке
Знай купайся, сколько хочется,
Знай плещися налегке, –
Юбки нет, так не замочится.
11 января 1910

«Ведь вот какое было дело...»

Ведь вот какое было дело:
Жил-был в селе осел.
Работать надоело,
В Москву за сказками пошел.
Там в человека обратился,
Купил себе пиджак,
В село он возвратился, –
Ему в селе дивился всяк.
Рассказывал он сказки людям,
Чтоб глупых забавлять,
Но мы-то их не будем
В стихах и в прозе повторять.
Ведь и в селе не раз случилось, –
Как брякнет что спроста,
Отведать приходилось
То крепкой палки, то кнута.
И правда, что тут удивляться!
Что было, то и есть.
Ослу куда деваться?
Ослу ослиная и честь.
2 февраля 1910

«За плохое знание урока...»
За плохое знание урока
Элоизу Абеляр жестоко
Розгами, – не раз уж, – наказал.
Слышал дядя вопли милой девы,
Слышал дядя грозный голос гнева,
И, довольный, руки потирал.
– Элоиза знает очень много,
Только всё ж учитель должен строго
К высшим знаниям девушку вести,
Многих юношей она умнее,
Многих мудрых стариков мудрее,
Но к наукам трудны все пути. –
Ах! каноник глупый! непонятно
Простаку, что деве так приятно
На коленях милого лежать,
Чувствовать карающую руку,
И на возрастающую муку
Воплями свирельно отвечать.
Не поймет каноник, – Абеляра
Так волнует эта ласка-кара,
Так терзаемая плоть мила,
И не с хриплым гневом, а с любовью
Орошает кара деву кровью,
Как забава райская, светла.
И на тело, где пылают розы,
На багряный свет от каждой лозы,
На метанье белых, стройных ног,
На мельканье алых пяток голых,
Окружен толпой харит веселых,
Улыбается крылатый бог.
4 февраля 1910

«Старый дом развалится...»
Старый дом развалится,
Домовой не сжалится,
В новый дом уйдет,
И на новоселие,
На свое веселие
Всех чертей сберет,
Нежитей, кромешников,
Угловых приспешников,
Леших, водяных,
Старую кулиману,
На печи поиману,
Два десятка лих.

«Болен хоженька...»

Болен хоженька
Уж четыре дня.
Милый боженька,
Пожалей меня.
Исцеление
Ты сынку пошли.
Страшно тление
В глубине земли.
Мало видывал,
Травки мало мял.
Ручки вскидывал,
Жалобно кричал.
Разве сделали
С ходнем что не так?
Бело тело ли
Загрызет червяк?
Молим боженьку, –
Старых пожалей,
И на хоженьку
Свой елей пролей.
20 апреля 1910

«Беден бес, не ест он хлеба...»

Беден бес, не ест он хлеба,
Не залезет он на небо.
Он гордыней обуян.
– Помолись, простят. – Не хочет.
Хоть и страждет, да хохочет,
Вечный страж низинных стран.
Он уродливый, рогатый,
Копытастый да хвостатый,
И дыханье – серный смрад.
Широко расставив уши,
Ловит грешные он души,
Чтоб тащить их прямо в ад.
26 мая 1912

«Хотя и пустынна дорога...»

Хотя и пустынна дорога,
Но встретится кто-то чужой, –
О камень споткнешься немного,
Смутясь, загорелой ногой.
На пыльной одежде недобрый
На миг остановится взгляд,
Как будто ты встретился с коброй,
Точащей укусами яд.
А то прогремит таратайка
С сухим дребезжащим смешком:
«Вот, пыли моей поглотай-ка,
Уж если идешь босиком!»
В версте от торговой деревни,
Скрывая насмешку слегка,
Хозяйка дорожной харчевни
Подаст мне стакан молока.
Она раскраснелась ярко,
Дородней коровы своей:
– Теплень, в сапогах-то, знать, жарко,
Дешевле без них и вольней!
18 сентября 1912

«Все мы, сияющие, выгорим...»

Все мы, сияющие, выгорим,
Но встанет новая звезда,
И засияет навсегда.
Все мы, сияющие, выгорим, –

Пред возникающим, пред Игорем
Зарукоплетут города.
Все мы, сияющие, выгорим,
Но встанет новая звезда.
6 марта 1913 Вагон. Буда – Уза

«Безумные слова...»
Безумные слова,
Всего глупее в мире,
Что будто дважды два
Всегда, везде четыре.
Меж небом и душой
Ты не построишь крышу,
И от тебя, друг мой,
Я этих слов не слышу.
И ты всегда права
В любви, как и во гневе,
И все твои слова –
Плоды на райском древе.
23 октября 1913

Реклама конторы объявлений
Мы – добрые черти, веселые черти.
Мы всех как-нибудь утешаем.
Несите смелей объявленья о смерти.
До полночи мы принимаем.
Тоску об усопших нам сыпьте в кيسеты.
Со смертью никто ведь не спорщик.
А утром идите в контору газеты, –
Возьмет объявленья конторщик.
Он мудрую притчею вас не утешит,
Квитанцию выдаст, да сдачу.
Кисет для печали женой его не шит,
Цены он не знает для плачу.
Не ночью, не утром, умри на закате,
Пусть вечером пишут некролог.
Вдову мы утешим в прискорбной утрате,
И плач ее будет недолог.
25 февраля 1916 Вагон. Мценск – Орел

Танки

1
Осыпайтесь, лепестки
Сладкого жасмина
Легче грезы.
Не настигнут вас угрозы,
Не найдет кручина.

2
Мне упрек не шлите,
Милые цветочки,
Взятые в полях.
Вам увянуть скоро,
А мои мечты бессмертны.
29 июня 1916

«В таинственную высь, в неведомые веси...»
В таинственную высь, в неведомые веси,
В чертоги светлого и доброго царя
Зовет настойчиво нездешняя заря.
Там чародейные вскипают смеси.
Душа упоена, земные гаснут спеси,
И с бесом говоришь, веселием горя,
Всё знание свое попутчику даря,
И бес несет во всё уюты в дальнем лесе.
Откроет пред тобой заросший мохом склеп
Веселый Рюбецаль, покажет груды реп.
Желанью каждому ответит формой крепкой
В руках кудесника скользящий быстрый нож.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
и станет правдой все, что было прежде ложь.
и отроком бежит, что выросло репкой.
20 июня 1918

«Душу вынувши из тела...»
Душу вынувши из тела,
Разве радуется Смерть?
Ей убийство надоело,
Иссушило, словно жердь.
Истомилась от размахов
Умерщвляющей косы,
Извелась от слез и страхов,
Жаль ей сгубленной красоты,
Тошны ей на диком пире
Токи терпкого вина.
Изо всех, живущих в мире,
Ныне всех добрей она.
9 августа 1918

«Не заползет ко мне коварная змея...»
Не заползет ко мне коварная змея.
Ограду крепкую от элого своеволья
Поставила мечта державная моя,
И падает мой враг в унылые раздолья,
И торжествую здесь, как царь великий, я,
Как копыя воинов, блестят в ограде колья.
Сосуды подняты для буйного питья,
Как первый свет зари над росной чашей всполья.
На опрокинутом лазоревом щите
В гореньи выпрннем, и в милой теплоте,
В атласной пышности, в шуршаньи томном шелка
Такой причудливый, но ясный мне узор!
И создается мечте моей убор,
И, ароматная, легко дымится смолка.
8 июня 1919

«Здесь недоступен я для бредов бытия...»
Здесь недоступен я для бредов бытия.
Весенней радости, пророческой печали
Здесь плещет светлая, немолчная струя,
В которой радуги алмазно заблистали.
Зеленоокая, лукавая змея
Здесь чертит чешуей, прочней дамасской стали,
Лазурные слова на пурпурной скрижали,
Змея премудрая, советчица моя.
С речами вещими и с тайною утешной
Нисходит здесь ко мне забвенья мглы кромешной,
И чаши золотой к устам близки края.
Я песни росные к фиалкам наклоняю,
Плетение оград узором заполняю
Великолепнее, чем дали бытия.
14 июня 1919

«Иссякла божеская жалость...»
Иссякла божеская жалость,
Жестокость встретим впереди.
Преодолей свою усталость,
Изнеможенье победы.
Ты – человек, ты – царь, ты – воин,
В порабоженьи ты не раб.
Преображенья будь достоин,
Как ни растоптан, как ни слаб.
14 июля 1919

«Душа немая, сострадающая...»
Душа немая, сострадающая
Чужим скорбям, поет свое,
Истомою благословляя

Разрушенное бытие,
И верит вещему обету,
В изнеможении горда,
Но снова устремиться к свету
Уж не захочет никогда.
12(25) декабря 1919

«Довольно поздно, уже летом...»
Довольно поздно, уже летом
В усадьбу добрались мы,
Измучены в томленьи этом,
Во тьме и холоде зимы.
В тот год округа костромская
Приветила нас не добром.
Втеснилась школа трудовая
В наш милый сад, в наш тихий дом,
И оказался очень грубым
Педагогический состав,
От нас в усердии сугубом
Почти всю мебель растаскав.
И деревенской тоже власти
Понравилось поворовать,
А чьей тут больше было части,
Довольно трудно разобрать.
Здесь на зиму мы запирали
Одежду летнюю в запас,
И, вообще, все оставляли,
Что летом надобно для нас.
Но граждане нас проучили, –
Ах, отвратительный урок! –
И все, что можно, растащили,
Презревши слабый наш замок.
Три пары было там сандалий, –
В числе другого взяли их,
Но я жалел для сельских далей
Моих ботинок городских.
Истреплешь жаркою порою, –
А уж не новые они, –
А новых в Питере зимою
Не купишь, – старые чини,
И вспомнил я былые годы,
Мои ботинки уложил,
И дома, и в простор природы
Стопами голыми ходил.
И прежде костромской дорогой,
Храня былую простоту,
Ходил я часто босоногий,
И обувался на мосту,
Теперь два раза на неделе
Ходить пришлось мне туда,
И нынче ноги загорели
Гораздо раньше, чем всегда.
Босым ногам идти приятно
По глине, травам и пескам
Шесть верст туда, шесть верст обратно,
Да две версты до центра там.
Да что же в жизни неприлично?
И приходил в губисполком,
Хоть костромской, а не столичный,
Я постоянно босиком.
13(26) апреля 1920

«Мне говорит наставник мудрый...»
Мне говорит наставник мудрый,
что я – царевич. Шутит он?
Я – просто отрок чернокудрый,
В суровой простоте возвращен.
Мне хорошо. По гордой воле

Себе я милый труд избрал.
Я целый день работал в поле,
За плугом шел я, и устал.
Одежды сбросив, обнаженный,
Как раб, я шел в моих полях.
Лишь пояс был, из лент сплетенный,
Да медный обруч на кудрях.
Моим велениям покорный,
По тучной ниве плелся вол.
Я по земле сырой и черной
За тяжким плугом мерно шел.
Кнута я не взял, – только криком
Порой я подбодрял вола,
И в напряжении великом
Мой плуг рука моя вела.
Меня обвив палящим паром,
Мне говорил горящий феб,
Что землю я бразжу недаром,
Что заработал я мой хлеб.
Моею знойной наготою
И смущена, и весела,
В село тропинкой полевою
Из города девица шла.
Со мной немного постояла
У придорожного креста
И, вспыхнувши, поцеловала
Меня в горячие уста.
Она шептала мне: – Оденем
Тебя порфирой, милый мой,
И медный обруч твой заменим
Мы диадемой золотой.
Словами странными смущенный,
Я промолчал. Она ушла.
Стоял я, в думы погруженный,
Лаская томного вола.
Но что ж я! ждет меня работа, –
И скоро отогнал я лень.
Довлеет дню его забота,
И для работ недолог день.
Во мгле безмолвия ночного
Я возвращаюсь домой.
Вода источника живого,
Меня, усталого, омой.
23 – 24 мая (5 – 6 июня) 1920

«Воскреснет Бог, и мы воскреснем...»
Воскреснет Бог, и мы воскреснем,
А ныне в смраде и во тьме
Нет места радостного песням,
Нет мадригалов на уме.
В объятьях злобного кошмара
Упали лилии на мхи,
И полыхание пожара
Не вдохновляет на стихи.
24 мая (7 июня) 1920

«Люблю загорающиеся...»
Люблю загорающиеся
На вечернем небе облака,
Точно лодочки колыхающиеся
Эфирная стремится река.
Люблю, когда вспыхивают
На закате окна домов,
Точно ангелы отпихивают
Лучики от своих теремов,
Точно нежно зарумяниваются
Щеки у милых дам,
Когда они раскланиваются

С кавалерами, гуляя по садам.
Не скучными размышлениями,
Не мудростью вещей книг,
Только вдохновениями
Обними этот сладостный миг,
С милыми приятельницами
Покачайся на зыбке мечты,
И подругами-очаровательницами
Отойди от земной суеты.
1(14) июля 1920

«Всё смирилось и поблекло...»
Всё смирилось и поблекло
И во мне, и вокруг меня
Оттого, что дождик в стекла
Плещет на закате дня.
И душа как будто рада
Звонким лужам на земле,
И от солнечного ада
Отдыхает на земле.
Знойный день был слишком ярок,
Стрелы сыпал Аполлон,
И пленительный подарок,
Нисходя, послал мне он.
Всё, что жизнь и волю движет, –
Аполлонов светлый дар.
Он эфирной нитью нижет
И подьёмлет влажный пар,
Пробуждает все теченья,
Раскрывает все цветы,
И дарит мне вдохновенья
И напевные мечты.
3(16) июля 1920

«Зеленые слова так ласковы, так радостны...»
Зеленые слова так ласковы, так радостны,
Так сладостны,
Как утренний весенний сон.
Лиловые слова так вкрадчиво-медлительны,
Так утомительны,
Как дальний предвечерний звон.
Румяные слова веселые, такие звонкие,
Такие тонкие,
Как на закате небосклон.
Пурпурные слова так пламенны, торжественны,
Божественны,
Как песни праздничные жен.
Лазурные слова прозрачные, высокие,
Глубокие,
Как сердцем чаемый полон.
Жемчужные слова пречистые, таинственны,
Единственны,
Как светлый Божеский закон.
А если нет у слов окраски,
То это лишь пустые маски.
Как ни блестят, как ни звучат,
Но ничего не говорят.
Для душ, стремящихся
Расторгнуть сон
Безумно длящихся
Времен.
5(18) июля 1920

«Я совершил полет мой к небу...»
Я совершил полет мой к небу,
Как дивный сокол, возлетел,
И в очи пламенному фебу,
Дерзая пламенно, глядел.

Я на таинственной дороге
Увидел лики божества,
И слушал в сладостной тревоге
Неизъяснимые слова.
Семью увенчанный венцами,
К земле опять вернулся я.
Семью горящими сердцами
Вещала людям речь моя.
Но люди темные в долине,
Сыны безумные земли,
В своей неправедной гордыне
Меня безумным нарекли.
10(23) июля 1920 Княжнино

«Трое ко мне устремились...»
Трое ко мне устремились,
Трое искали меня,
Трое во мне закружились,
Пламенной вьюгой звеня, –
Ветер, дающий дыханье,
Молния, радость очей,
Облачный гром, громыханье
Вещих небесных речей.
Вихорь, восставший из праха
В устали томных дорог,
Все наваждения страха
В буйных тревогах я сжег.
В огненной страсти – услада,
Небо – ликующий храм,
Дни – сожигаемый ладан,
Песня – живой фимиам.
11(24) июля 1920

«Под легким туманом долины...»
Под легким туманом долины
Теперь обращается в кого-то.
Сладостней нет былины,
Чем эта сказка заката.
Люди дневные, глядите же,
Как мерцают золотые главы,
В таинственный город Китеж
В сиянии вечной славы.
Горестна для сердца утрата,
Не хочет оно быть терпеливым,
Но не умерло то, что когда-то
Верным воздвиглось порывом.
Стремитесь во мгlistые дали,
Не верьте, что время необратимо, –
В томленьях творческой печали
Минувшее не проходит мимо.
В неисчислимых обителях Бога
Пространство и время безмерно.
Не говорите, что сокровищ так много, –
Там все сохранилось верно.
14(27) июля 1920 Княжнино

«Если замолкнет хотя на минуту...»
Если замолкнет хотя на минуту
Милая песня моя,
Я погружаюсь в сонную смуту,
Горек мне бред бытия.
Стонет душа, как в аду Евридика.
Где же ты, где же, Орфей?
Сумрачна Лета, и каркает дико
Ворон зловещий над ней.
Все отгорело. Не надо, не надо
Жизни и страсти земной!
Есть Евридика одна лишь отрада,

Жаждет улады одной.
Стройный напев, вдохновенные звуки
Только услышит она, –
Пляшет, подъявля смятенные руки,
Радостью упоена.
Вновь пробуждается юная сила
Жить, ликовать и любить,
Солнце дневное, ночные светила
С равным восторгом хвалить,
Знать, что вовеки светла и нетленна
Сладкая прелесть любви.
С песнею жизнь и легка и блаженна.
Песня, ликуй и живи!
Милая песня любви и свободы,
Песня цветущих полей,
Лей на меня твои ясные воды,
Лепетом звучным лелей!
2(15) августа 1920

Сонет
В. А. С<утугиной >

О Вера милая! Зачем ненужный стыд
Ей точно клюквою советской щеки мажет?
Ее и речь моя в толпу нагих Харит
Харитой новою вмешаться не отважит.
Она не холодна, как девственный гранит,
Когда змея лукавств к ушам ее приляжет,
Но знак таинственный застенчиво хранит
И ни за что его поэту не покажет.
А этот милый знак, он – надпись на стене
Великим мастером воздвигнутого храма,
И разгадать дано лишь Богу или мне,
Что им возвещено, комедия, иль драма,
В чистилище ль зовет, иль увлекает в ад,
Или избраннику вещает рай услал.
9(22) ноября 1920

«Если скажешь: – Упоенье...»
Если скажешь: – Упоенье
есть невиннее любви! –
То поэта вдохновенье
вдохновеньем не зови,
Солнцу дай другое имя,
свет дневной считай за тьму,
И тогда тебя, безумец,
не прощу я, но пойму.
18 ноября (1 декабря) 1920

«Своей вины не отрицай...»
Своей вины не отрицай
И, вспоминая злую повесть
Безумств кровавых, пробуждай
Заснувшую в оковах совесть.
Когда она в простых сердцах,
Стеная тягостью, проснется,
Какой неодолимый страх
В лукавствующих встрепенется!
Какие жалкие слова
Услышим от того, кто ныне
Ликует дерзко на вершине,
Когда Россия чуть жива!
21 ноября (4 декабря) 1920

«Кто сложил куплеты...»
– Кто сложил куплеты? –
– Так, один чудака. –

– Пишут как поэты? –
– Просто, натошак. –
– Разве утром только? –
– Нет, и вечером.
Не дает нисколько
Им Ученый Дом.
– Вот и ходит вечно
Автор натошак,
Но поет беспечно. –
– Этакий чудак!
– И нигде не служит? –
– Нет, он так живет.
Никогда не тужит,
Песенки поет.
– От веселых бредней
Не уйдет поэт.
Даже в час последний
Сложит он куплет.
– Скажет: «Оставляю
Скучный кавардак,
Всем того желаю». –
– Этакий чудак! –
8(21) апреля 1921

«Топор широкий не отрубит...»
Топор широкий не отрубит
Его преступной головы,
И слава про него затрубит,
Но все дела его мертвы.
Эфесский храм, сожженный рано,
В воспоминаньях вечно свят.
Нетленно-юная Диана
Не помнит, кто был Герострат.
22 апреля 1921

«Где твои цветочки, милая весна?...»
Где твои цветочки, милая весна?
– Для моих цветочков мне любовь нужна. –
Где твои улыбки, милая любовь?
– Все мои улыбки захлестнула кровь.
27 апреля (10мая) 1921

«Душа моя без крыл...»
Душа моя без крыл
Из области могил
Назад не прилетит,
И там, где спит она,
Водой полонена,
Душа бессильно спит,
И все вокруг, как сон,
И чуть я оживлен
Игрою чуждых сил,
И жизнь моя пуста, –
Томленье у креста,
Среди немых могил.
30 ноября (13 декабря) 1921

«Кинжал не нужен для того...»
Кинжал не нужен для того,
Кто хочет умереть.
Совсем не надо ничего,
Чтобы дотла сгореть.
Созреешь к смерти, и придет
Стремительный недуг,
Тебя, как столб гнилой, качнет,
И наземь рухнешь вдруг.
30 ноября (13 декабря) 1921

Колыбельная Насте
В мире нет желанной цели,
Тяжки цепи бытия.
Спи в подводной колыбели,
Настя бедная моя.
Вот окно мое высоко.
Над тобою я стою.
Снял я мантию пророка,
И, как няня, я пою:
Баю-баюшки-баю.
Бай мой, бай, волшебник, бай,
Настю тихо покачай.
В муках дни твои сгорели,
И не спас тебя и я.
Спи в подводной колыбели,
Настя милая моя.
Подняла над волей рока
Волю гордую свою.
Спи спокойно, спи глубоко.
Над тобою я пою:
Баю-баюшки-баю.
Бай мой, бай, кудесник, бай,
Настю тихо покачай.
Вспомни, звук моей свирели
Был усладой бытия.
Спи в подводной колыбели,
Настя милая моя,
До уставленного срока
Сесть в подводную ладью,
Унести со мной высоко,
И спою тебе в раю:
Баю-баюшки-баю.
Светозарный, Божий Май,
Настю в светах покачай.
30 ноября (13 декабря) 1921 спб. Улицы

«Жаждет сердце тишины...»
Жаждет сердце тишины,
Сердце бедное, больное.
Качая, уврачую
Усталое, больное.
Забуду всю явь земную,
Забуду земные сны,
Качаясь на прибое
Рокочущей волны.
Сердце бедное, больное,
Ты дождешься тишины.
9(22) декабря 1921

«Из низменных страстей, из гнусных утомлений...»
Из низменных страстей, из гнусных утомлений,
Сплетенных жуткою и зыбкою игрой
Над ясной чистотой лазоревых ступеней,
Над орошенною весеннею травой,
Возводит в темный час полуночных затмений
Она, премудрая, пророчеств дивный строй:
«Любовь и Смерть – одно. Любовью рай открой
В таинственном труде безмерных восхождений».
Поправши Смертью смерть, она тоску сожгла,
Она меня зовет, любимая, – пришла
В сияньи девственном лазури и эмали,
И с нею я войду в таинственный чертог,
Восторгом озарив безмерности дорог,
Где гаснут медленно томленья и печали.
13(26) апреля 1922

«Вновь тайна предо мной, но эта тайна чья...»
Вновь тайна предо мной, но эта тайна чья?

Земные помыслы разгадки не узнали,
Хотя святой покров порой приоткрывали,
И к шороху его прислушиваюсь я.
Тесна, как темный гроб, стремительна ладья.
Любовь безмерную бессильные сковали.
Растают призраки и засияют дали.
Всё выше восхожу, и что ж ты, смерть моя!
Сгорает пыльный прах, осадок жизни грешной.
Возлюбленная вновь с улыбкою утешной
Со мной, и навсегда, моя ворожея.
Любимую мою цветами увенчаю.
Скажу: – Люблю тебя! – Она ответит: – Знаю,
Бессмертная любовь, безмерная твоя!
15(28) апреля 1922

«Всё тот же путь, не ближе, не короче...»
Всё тот же путь, не ближе, не короче,
Такая ж цель, заграничные поля.
Все сердце успокоиться не хочет
Твоими прелестями, Мать-Земля,
Но если надо нам в далеком крае
Труды и муки снова перенести,
Не все ль равно! Все призрачное тает,
Но ясно нам, – незабываемое есть.
Костры страданий ярко пламенеют,
И жалит пламенами пыль дорог,
Но ясно мне, – соединюсь с Нею,
Таинственный переступив порог.
19 апреля (2 мая) 1922

«Смеешься надо мною...»
Смеешься надо мною,
Ликуя в небесах.
Слезы Твоей не стою,
Поверженный во прах.
Коснеющую волю
Я не могу собрать,
Раскованную долю
По-новому сковать.
Призвать из-за предела
На землю чудеса,
Создать иное тело,
Расторгнув небеса.
Дорогой скудной, пыльной,
Окован мглой дневной,
Иду я, раб бессильный,
Беспомощно земной.
Нет, не смеешься, знаешь
Ты светлый путь теперь,
И тихо повторяешь:
– Ищи меня, и верь. –
4(17) мая 1922

«К земле уже не тяготеть...»
К земле уже не тяготеть,
Бессмертным днем озарена,
Смерть победивши, Алетя
Со мною соединена.
Бегущее темно и лживо,
Но где она, всегда светло.
Не умерло, что было живо,
Хотя б неузнанным ушло.
Померкли очи Серафима,
Погасла пламенная речь.
Смеется рок неумолимо
Над бедною надеждой встреч.
Прожорливы земные реки,
Безумны сказки бытия,

Погибла госпожа навеки,
Распались пальчики ея,
И в час, когда моя машинка
Выстукивала скорбный зов,
Последняя стремилась льдинка
Ее вдоль мертвых берегов.
Земные люди увидали
Ее спокойное лицо,
С ее руки простертой взяли,
И возвратили мне кольцо.
И я, от скорби каменея,
Поцеловал ее уста, –
Меня любила Алетейя,
Светла и пламенно чиста.
20 мая (2 июня) 1922

«Вспомни, Элоиза, нежные уроки...»
Вспомни, Элоиза, нежные уроки,
Что давал когда-то мудрый Абельяр.
На земле ты снова, вокруг тебя морлоки,
Ты для них нежданный, но желанный дар.
Красота и мудрость, сладостные речи,
Милая улыбка и небесный взор, –
Но не в них морлокам обаянье встречи,
И с тобой недолог будет разговор.
Ты пришла к морлокам с вещими речами,
Но сама не знаешь, что ты им несешь.
Видишь, Элоиза? печь полна дровами.
Слышишь, Элоиза? точат острый нож.
21 мая (3 июня) 1922

«Головой о стены бейся...»
Головой о стены бейся,
Падай на пол с криком диким,
И потом безумно смейся
Над ничтожным, над великим.
Нить прочна у старых Парок,
Крепок яд у старой Нессы!
Не износишь их подарок,
Не прорвешь ты их завесы.
17(30) июня 1922

«Любовь к земле недолго мучит...»
Любовь к земле недолго мучит.
Увянут радость и печаль.
Земная прелесть вся наскучит,
Когда неведомый научит:
– К иному берегу причаль.
Челнок плывет, качаясь мерно.
Его уносит мощный ток.
Уже душа не суеверна,
И вещей кормчий правит верно
Туда, где берег невысок.
18 июня (1 июля) 1922

«Пелена тумана...»
Пелена тумана
На вершинах горных.
Солнце встало рано.
Мгла в ущельях черных.
Узкая тропинка
Кремешками блешет.
Сердце, как былинка,
По ветру трепещет.
Путь мой из долины
Весь окутан мглою.
Не видны вершины
В тучах надо мною.

С гор струятся воды,
Шумны и суровы.
Где ж моя свобода?
Что ж мои оковы?
19 июня (2 июля) 1922

«Перешагнешь, но не уйдешь....»
Перешагнешь, но не уйдешь.
Она вещь, всегда с тобою
Дневную побеждает ложь
Ночную вещей ворожбою.
Глядят закрытые глаза,
И дивный взор их тайно ранит,
Но малодушная слеза
Уже его не затуманит.
В невозмущенной тишине
Недвижны маленькие руки,
Но проведут тебя оне
Сквозь все томления разлуки.
В блаженно-ясные места,
Где ты Ее услышишь слово,
Где бездыханные уста
Откроются улыбкой снова.
21 – 22 июня (4 – 5 июля) 1922

«Росою травы живы...»
Росою травы живы,
Слезой блестят глаза.
Порой улыбки лживы,
Правдива ты, слеза.
Кто мир переиначит?
Все надо нам принять.
И горько, горько плачет
Росой Деметра-Мать.
На землю не вернется
Ушедшая в Аид,
И больно сердце бьется
Под жилами обид.
Что тяжко Олимпийским,
Как нам перенести?
И нам ли к Элизийским
Полям открыть пути?
Но Тот, кто правду знает,
Пришедший к нам Христос,
Нам вечно повторяет
Обетованье рос.
И что любовь незримо
Сковала в два кольца,
Пребудет невредимо
В обителях Отца.
22 июня (5 июля) 1922

«Багряно и страстно...»
Багряно и страстно
Горел небосклон,
И солнце, чудовищно красно,
В лиловый склонялося сон.
Пылали огнями
Лучи и мечи.
За алыми в небе холмами
Сверкали алмазно ключи,
И золото рдело,
И плавясь текло.
Змеи пламеневшее тело
Рекой винно-алой ползло.
Земные бессилья
Сжигались там,
Где пламенных ангелов крылья

Лазурный наполнили храм.
Сивиллина свитка
Струился простор,
И длилась безмерная пытка,
Дымился высокий костер.
Пыланьем печали,
Душа, пламеней,
Стремись в раскаленные дали,
В круженье великих огней!
23 июня (6 июля) 1922

«К жизни забытой...»
К жизни забытой,
Мглюю столетий обвитой,
Жадно стремлюся опять, –
Быть Абеяром,
В доме угрюмом и старом
Вновь с Элоизой мечтать.
Нежно-жестоки
Мудрые снова уроки,
Вновь пламенеет любовь,
И Алетея,
В облике пламенном рдея,
Мне улыбается вновь.
Мщение, муки...
В темные годы разлуки
Светоч пылающий – Ты,
А над могилой
Кто-то мечтающий, милый
Снова рассыплет цветы.
Светлой мечтою
Над озаренной плитою
На землю снова вернет.
Смелою волей
Сбросим в безбрежность раздолий
Мы зачарованный гнет.
26 июня (9 июля) 1922

«Верховный мир, творящий чудеса...»
Верховный мир, творящий чудеса,
Юдольным миром самовластно правит.
На голубые наши небеса
Он тяжестью безмерной вечно давит.
И содрогается наш плотский мир,
Трехмерная и зыбкая преграда.
В себя впивая пламенный эфир
Цветущего верховной жизнью сада,
И если воля есть, и жизнь, и я,
Все это – дар верховного творенья,
Мгновенный след иного бытия,
Мгновенный свет иного вдохновенья.
26 июня (9 июля) 1922

«Вижу светлые места...»
Вижу светлые места,
Слышу, – милый голос
Шепчет легкий, как мечта,
Как шуршащий колос.
Майи блещущий покров,
Яви злой дыханье
Заглушает тайных слов
Вещее звучанье.
Не дано мне здесь дышать
Жизнью вечно-цельной,
Но привык я различать
Голос запредельный.
Сквозь земной угарный дым
Томного горенья

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Только сердцем различим
Слов живых значенья.
29 июня (12 июля) 1922

«Воображение влечет...»
Воображение влечет
В страну, всегда блаженную,
Где время зыбко не течет
Во мглу веков забвенную,
Где вянут тяжести вериг
Бессильными угрозами,
Где расцветает каждый миг
Невянущими розами,
Где все обласканы поля
Бессмертными алмеями, –
И что же ты, моя земля,
Исползанная змеями,
И пыльная, немая лень,
Растерзанная тиграми?
Мгновенно-зыблемая тень
Под ангельскими играми.
В обетованной той стране,
Где все святое сбудется,
Что снится здесь порой во сне
Или в восторге чудится,
Где я навек соединюсь
С моей Анастасиею,
Где оживет хмельная Русь
Софийскою Россиею.
29 июня (12 июля) 1922

«Жестокая слукавила...»
Жестокая слукавила, –
Мне душу отдала,
Молитвенник оставила,
Молитву унесла.
Кого и чем обрадую?
Какой я труд начну?
Перед какой лампадою
Я книгу разогну?
Сложу стихи иль песенку, –
Вот, ей прочесть бы мог,
Но где найти мне лесенку
В ее зайти чертог?
Беседовать бы с Корою
В полночной тишине, –
Но сказы все укорою
Звучали б горькой мне.
3(16) июля 1922

«Здесь солнце светит безучастное...»
Здесь солнце светит безучастное
На добрых так же, как на злых,
И то же небо смотрит ясное
И на тебя, и на других.
Изведай пропасти глубокие,
И не засмейся, не заплачь.
Смотри, как веселы жестокие,
Как розу нюхает палач,
И как над жертвой бесполезною
Шумит, качается трава,
И как скользят над мрачной бездною
Твои бесследные слова.
3(16) июля 1922

«Мне райских радостей не надо...»
Мне райских радостей не надо,
Но я и в ад не попаду.

Здесь зачарован я от ада
Змеиным упоением яда
В земном томительном бреде.
Мы все попались черту в сети.
Земля теперь уже не та,
Как в дни, когда на ясном свете
Еще невинны были дети
И улыбалась мечта...
3(16) июля 1922

«Все дороги земные не прямы...»
Все дороги земные не прямы,
Но вы, Божии люди, упрямы,
По неправым идете путям;
Выпрямляя пути понемногу,
Осмотрительно ставите ногу
За ногою по Божьим стопам.
Бог проходит пред вами незримо.
Каждый день литургия творима,
Проливается Божия кровь,
Преломляется Божие тело.
Что по-Божьи душа захотела,
Все дарует ей Божья любовь.
Переменам подвластны и смерти,
Вы любовью Господней измерьте
Всех несчастий земных глубины.
Приобщаясь Божьим страданиям,
Научайтесь его созиданиям, –
Вам великие силы даны.
Всю свершивши земную дорогу,
Вы придете к святому порогу,
Где земная ответится пыль,
И апостол, гремящий ключами,
Не суровыми глянет очами,
Прочитав вашу скорбную быль.
Там, в чертогах верховного Света
Есть для каждого радость привета,
Каждый встретит подругу свою,
Чья утрата жестоко томила,
Чье лобзание было так мило,
С кем и здесь было словно в раю.
6(19) июля 1922

«За Волгою просторы те же...»
За Волгою просторы те же,
И та же мреющая даль,
Но Майя призрачней и реже
Соткала пеструю вуаль.
В блистающем полдневном мраке,
Чем больше протекает дней,
Тем путеводные маяки
Мерцают ближе и острей.
6(19) июля 1922

«В ярком мнении насмешливом дневном...»
В ярком мнении насмешливом дневном
Забелелось какое-то пятно.
Притворяется березовым бревном,
А поближе глянешь, – вовсе не бревно.
Это пред тобою человек стоит,
Все на месте в нем, и грудь, и голова,
Плечи, руки, ноги, даже говорит
Самые простые, общие слова.
Ничего необычайного в нем нет,
Ни одной в лице пугающей черты,
И одет он так же, как и ты одет,
Папиросу курит так же, как и ты.
Человека по всему признаешь в нем,

Распилить его, казалось бы, грешно.
Почему ж он притворяется бревном?
Потому, что в самом деле он – бревно.
Ах, бывает очень трудно различить,
Человек ли это или просто так,
Но приходится порой с такими жить,
И, поймите, это вовсе не пустяк.
7(20) июля 1922 Дор<ога> в К<няжнино>

«Если солнца в небе нет...»
Если солнца в небе нет,
Солнце сердцем заменю.
Сердце ясный даст ответ
Пеплу, дыму и огню.
Сникнет пепел, сникнет дым,
Догорит, вяясь, огонь.
Легким облачком ночным
Прилетит небесный конь.
Вот он, дивный, предо мной.
Сердце-солнце, разгорись!
Улетим мы в край иной,
В пламенеющую высь.
14(27) июля 1922

«Пренебрегая дольным миром...»
Пренебрегая дольным миром,
Нарушишь ты святой закон.
Дыши заоблачным эфиром,
Но не отвергни сон времен.
Но тщетно дух твой ограничен
И погружен в земную тьму.
Ты явно от Творца отличен,
Но тайно равен ты Ему.
Томленьем роковым встревожен
И взвевя в ваяньем земным,
Смотри, как ты во всем ничтожен, –
Но разве хочешь быть иным?
То в буйной радости, то в горе,
То наслаждаясь, то скорбя,
Ты должен в непосильном споре
Найти и сохранить себя,
Возникшего как бы впервые
Из ясных недр Всебытия,
Где почивала в дни былые
Жизнь позабытая твоя.
Найдя, утратить Дульцинею, –
Такой твой горестный удел,
Но там, соединившись с Нею,
Ты станешь радостен и цел.
Благословляющие руки,
Подъяв таинственный Грааль,
Все победят земные муки,
Всю расточат твою печаль.
16(29) июля 1922

«Как сковать мне эту волю...»
Как сковать мне эту волю,
Заклинательницу бурь,
Чтоб вернуть родному полю
Безмятежную лазурь,
Запретить шальному ветру
Все крушить и все ломать,
Безутешную Деметру
Лаской дочери обнять?
Гордой воле все уступит,
Даже мрак Летийских волн.
У Харона воля купит
В путь обратный черный челн.

Что ж мы, люди? Произвола
Одолеть мы не могли.
Каждый платит два обода,
А и даром бы свезли.
Вот воскрес четверодневен,
Но кого с собой привел?
Ах, в ладью я двух царевен
За один бы взял обол!
21 июля (4 августа) 1922

«Гусли-самогуды...»
Гусли-самогуды,
Скатерть-самобранка,
Где вы, кудеса?
Нам одни причуды,
Нам одна изнанка,
Ось без колеса.
Дьявол круги чертит,
Дьявол ручку вертит,
И скрипит шарманка.
Тяжело дыша,
Черту на потеху,
Детям злым для смеху,
Пляшет обезьянка,
Бедная душа.
Как мы, люди, жалки!
Все для нас приманки,
Вечно чересчур,
И смеется свалке
Ведьма-самозванка,
Дьявол-самодур.
Ах, назло заботам
Дивным самолетом
Уносись, беглянка,
В светлые края.
Видишь, – багряница!
Ты теперь царица,
А не обезьянка,
Бедная моя.
Все преграды пали.
Твой удел разгадан,
Даже на земле.
Светел храм печали,
Вьется синий ладан,
Сладостный во мгле.
24 сентября (7 октября) 1922

«Изволением вечного Бога...»
Изволением вечного Бога
Рождены и Земля и Любовь.
Изволением вечного Бога
На земле проливается кровь,
Преломляется чистое тело,
Проливается чистая кровь.
Беспредельная Благость хотела,
Чтобы так погибала Любовь.
Для надмирного замысла надо,
Чтоб обильно струилась кровь,
Чтоб земное пылание ада
Беспощадно сжигало Любовь,
Чтоб она, безнадежно сгорая,
Утопая в невинной крови,
Приготовила радости рая
Для того, кто не знает любви,
Для того, кто растопчет ребенка,
Чтобы высосать сладкую кровь,
И, смеясь заразительно-звонко,
Навсегда похоронит Любовь,

И построит, мечты успокоя,
На земле, где впиталась кровь,
Новый мир без царя и героя,
Без тебя, роковая Любовь!
1(14) ноября 1922

«В жутких санках мы укатим...»
В жутких санках мы укатим
Из темницы бытия.
Горькой смертью мы заплатим
За свободу, милая моя.
Ты спокойна, ты свободна,
Я пока еще живу
Жизнью тусклой и холодной,
Безобразным бредом наяву.
Я приют последний строю,
Сожигаю старый хлам.
Час придет, – ночной порою
Смертный хлеб разделим пополам.
9(22) ноября 1922

«Как пловец в прозрачном синем море...»
Как пловец в прозрачном синем море,
Кто плывет в лазури голубой,
Под луною наг, в ночном просторе
Рассыпая маки пред собой?
Вот окно, – туда он путь наметил,
Где Психею забаял сон.
Весь покой от лунных сказок светел,
И мечтой любви заморожен.
Легкий гость из горнего эфира
Взял Психею, – мчатся далеко,
И Психея на плече Зефира
Улыбнулась нежно и легко.
Здесь покровы сброшены на ложе,
Там летит она, обнажена.
Ворожа над нею, не тревожит
Ясных грез бесстрастная луна.
Горячо плечу плечо Зефира,
И мечтать ей сладко: – Я лечу
Далеко от пасмурного мира,
И земных оков я не влачу. –
И поют торжественные хоры,
И сияет радостный чертог,
И стремятся ей навстречу Оры
Возвестить, что близок светлый бог.
20 января (2 февраля) 1923

«Не жалею о днях минувших...»
Не жалею о днях минувших,
Так печально обманувших
Простодушные мечты.
Здесь над нами не сияли
Некрушимые скрижали
С лучезарной высоты.
Нимбы здесь не загорались,
Светлой славой не венчались
Здесь святые никогда,
И на всем земном просторе
Вечно слезы, кровь и горе,
И томление стыда.
И последнее спасенье –
Над унылым смрадом тленья
Смерти острая коса.
Только там в мирах нетленных,
Над обителью блаженных,
Безмятежны небеса.
20 января (2 февраля) 1923

«Ликующей в мирах Любви...»
Ликующей в мирах Любви
Святая, пламенная сила,
И здесь, в сердцах людей, живи,
Как в небе движешь ты светила.
Пренебрегающий тобой
Хотя б по воле Аполлона
Напрасно спорил бы с судьбой,
Ослушник вечного закона.
И только тот, кто верен был
внезапностям твоих велений,
И в самой смерти сохранил
Обетованье возвращений.
22 января (4 февраля) 1923

«Нам, людям, справедливости не надо...»
Нам, людям, справедливости не надо,
Нам, людям, сердце чуткое дано,
И пламенным душа пристрастьям рада,
Когда все в жизни трудно и темно.
Мы к ближнему подходим, испытывая,
Чем он живет, что верного в нем есть,
И вот наш друг, – о малом не враждуя,
Обиды все должны мы перенести.
Но прав ли он надменно и сурово,
А сердце холодней арктического льда,
Тогда обрушим пламенное слово
На эту правду, лживую всегда.
Так ты жила и чувствовала живо,
И сквозь века еще пленяешь нас
Ты, слова не промолвившая лживо,
Несчастливая Жюли де Леспинас.
28 января (10 февраля) 1923

«Когда-то мудрый д'Аламбер...»
Когда-то мудрый д'Аламбер
Успехи армии немецкой
Приветствовал. Какой пример
Для нашей проповеди детской!
А за примером и урок.
О чем, о чем же мы мечтали,
Когда и Запад и Восток
Мы на восстанье разжигали?
Не ты ли, милый Мопассан,
Нам показал судьбой ужасной,
Что бунтом Франции был дан
Подарок грозный и опасный?
На девятнадцатый весь век
Легла густая тень паденья,
И стал добычей человек
То пошлости, то вырожденья.
31 января (13 февраля) 1923

«Играет солнце на восходе...»
Играет солнце на восходе,
Земной предсказывая рай.
Душа, стремись опять к свободе
И, беззаботная, играй.
Настанут тяжкие мгновенья,
В полях отягощается зной.
Работай до изнеможенья,
Чтобы воздвигся рай земной.
Вот запылает на закате
Заря на ложе из углей.
Ты, умирая, об утрате
Земного рая не жалеи.
14(27) февраля 1923

«Земля мила, хоть и сурова...»
– Земля мила, хоть и сурова,
Ну, а каков-то будет рай?
– Увидишь правду без покрова,
Лишь поскорее умирай. –
– Но самовольство в бездну ада
Влечет кратчайшей из дорог. –
– Да, в жизни все изведать надо.
Конец путям укажет Бог. –
– А если там ни адских стонов,
Ни райских ликований нет? –
– Всё не беда: сто миллионов
Помчится над вселенной лет,
И повторится вновь все то же,
Такие ж небо и земля.
Всё, что могильный червь изгложет,
Возникнет, Господа хваля. –
13(26) марта 1923

«Мысль не нудится трудом...»
Мысль не нудится трудом,
Но, как милость, нам дается,
И, когда ее не ждем,
Вдруг в душе она найдется.
Человек – обширный дом,
В нем палаты есть и печи,
И пылают ярко свечи.
Если ж в слово мы сожжем
Всё, свершаемое в нем,
То, наверное, пойдем,
Как он весь в одно сольется
И пред нами облечется
В очень яркий идиом
Довременно-вещей речи.
Вся наука – речем,
Всё искусство – судоходство
В этом море речеводства.
15 (28) апреля 1923

«Надеть личину или снять...»
Надеть личину или снять?
Взойти ли снова на подмости?
Что ты умеешь разгадать
Иль разглядеть сквозь эти доски?
Твой нож разрезать их не мог,
Не уничтожит даже пламя
Того, что стало на порог
Меж тем, неведомым, и нами.
Но повинуешься тому,
Кто, словно пламенные маки,
Порою шлет в немую тьму
Повелевающие знаки.
Кто после огненных бичей
И громыхающих рыданий
Ниспровергает к нам ручей
Своих пророческих молчаний.
24 апреля (7мая) 1923

«Пускай ликуют эти люди...»
Пускай ликуют эти люди,
Обманом здешним пленены,
Мы родины не позабудем,
Изгнанники иной страны.
Земная жизнь томит и нудит,
И только под покровом сна
Порою радость в наши груди
Прольет родимая страна.

Но мы и здешних не осудим,
И, пребывая в тишине,
Мы ждем, когда же нас разбудит
Заря в безоблачной стране.
24 апреля (7 мая) 1923

«Слишком медленно сгораю...»
Слишком медленно сгораю,
Разрушаюсь каждый миг,
И дороги вечной к раю
В темном мире не постиг.
Может быть, еще не знаю
Самых мудрых, вещей книг.
Чернобровая Сивилла
Книгу милую сожгла,
Но и этим мне открыла,
Что в сгорании дотла
Есть неведомая сила,
Крепче камня, тверже зла.
Нынче ночью разогнула
Темный свиток предо мной,
И в глаза мои сверкнула
Грозovou тишиной,
И на миг ко мне прильнула
Из обители иной.
24 апреля (7 мая) 1923

«Солнце вечное сияет...»
Солнце вечное сияет
На вершинах гор.
Славу Богу возвещает
Птичий хор.
Склон горы угрюм и бледен,
Голый камень, мох?
Бесприютен, робок, беден,
Словно чей-то вздох.
Книгу жизни раскрываю,
Чтоб горе прочесть
И над нею Божью раю
Тягостную весть.
– Знаем, знаем! – скажут снова
И гора, и рай.
– В круге пламени земного
Ярко догорай.
– Всё отдай земле земное,
И, как синий дым,
Восходи к нам в голубое,
Чист и невредим.
24 апреля (7 мая) 1923

«Невольным отдыхам не рад...»
Невольным отдыхам не рад
Привыкший к долгим утомленьям.
Не выходить бы из оград,
Не предаваться умиленьям!
Строптивой воле положить
Пора бы строгие пределы,
И, доживая, ворожить,
Как ворожили тайноделы.
И ждать, что упадут цветы,
Что на закате, грустно-алом,
Они, таинственно слиты
Одна с другой, под покрывалом
Сплетая зыбкие мечты,
Придут с отравленным бокалом
Иль с умертвляющим кинжалом
Из-под заржавленной плиты.
25 апреля (8 мая) 1923

«Позабыв о светлом фебе...»

Позабыв о светлом фебе
У полуночной черты,
Мертвый лик на темном небе
Сеет мертвые цветы
И о нашем черством хлебе
Окаянные мечты.
Или нет заботы Гебе?
Или кубки все пусты?
Что не сгнуло, то сгинет,
Только мается пока.
Веет скудный дух пустыни
С аравийского песка.
От погибшей розы ныне
Не поднимешь лепестка.
Победительная стынет
Утомительно тоска.
Вспоминаю сказки Кору,
Покидавшей мир иной
В час, когда темнеют горы
Под внимающей луной, –
Эвменид несносных хоры
Оглашают мрак ночной,
Слышны горькие укоры,
Голос совести земной.
Мать-Деметра, ты Аиду
Персефону отдала.
Разве только панихиду
Ты отпеть по ней могла?
Слезоносную Обиду
Ты на землю навела.
Клич скорее Немезиду,
Расторгай оковы зла.
Сердце кровью ли сочится, –
Грудь разрежь, а сердце вынь,
Персефона возродится,
Ты в отчаяньи не стынь.
Пусть на землю кровь струится
Чистым сеяньем святынь,
И навеки расточится
Дух скудеющих пустынь,
Роза влагой оросится,
Свянет горькая полынь.
25 апреля (8мая) 1923

«Всегда в порывах нетерпенья...»

Всегда в порывах нетерпенья
И вечно в даль устремлена,
Она лишь в ангельское пенье
Была, пылая, влюблена.
Святая песня серафима,
Звучанье неземных огней,
Ты, для земли неуловима,
Пылала ярко перед ней,
Пред ней и песня херувима,
Сияние чистейших дней,
Змеиным ядом не язвима,
Струилась чище и ясней.
Ее душа всегда крылата,
Всегда стремительна была,
И даже Зевсовы орлята
Бежали бедного крыла.
27 апреля (10 мая) 1923

«Не клятвами любовь твоя была сильна...»

Не клятвами любовь твоя была сильна,
И не словами, бледными от повторений,

Но в небесах она ковалась, мягче льна
И пламеннее всех архангельских творений.
Вот, жертва бедная покоится в земле,
Но пламенной любви пределы кто поставит?
Атланта мрачного, смеющегося мгле,
Рука холодная пыланий не раздавит.
И славит песнь моя, ликующая вновь,
Вся упоенная воспламененным горем,
Твою нетленную, бессмертную любовь,
Сестру пылающим на вечном небе зорям.
28 апреля (11 мая) 1923

«В одном из наших городов...»
В одном из наших городов
Жил-был смиренный обыватель.
Он после праведных трудов
Был рад добратся до кровати.
Послушен власти, исполнял
Он все приказы и декреты,
И никого не затруднял
Он подозрительным секретом.
Как все, служил, как все, молчал,
В обыкновенной жил квартире,
Но налетел однажды шквал,
И опыт жизненный расширил.
К нему Трагедия пришла,
Бледна, как смерть, с грозой во взоре,
В его квартире пролила
Она и слез, и воплей море.
А он, забившись в углу,
Не знал, смеяться или плакать,
И слезы на его полу
Поспешно обращались в слякоть.
Придя на вопли, управдом
Сказал: – Здесь, кажется, бранятся?
Кто вы, гражданка? И притом
Я вас прошу не выражаться.
Но бесконечный монолог
Трагедии о стены бился.
И как бы взять с нее налог
Губфининспектор ухитрился?
И кто бы ей вручил патент
Какой профессии свободной?
Сам управдом, как монумент,
Стоял пред ней в тоске холодной.
В ее растрепанной косе
Шипели змеи цвета меди...
Ах, если хочешь жить, как все,
Так не пускай к себе трагедий!
3 (16) мая 1923

«За оградой старых стен...»
За оградой старых стен
Что меня вы сторожите,
И в какой влечете плен,
И о чем мне ворожите?
Пусты дебри, лес дремуч,
Скит ваш радости не ведом.
Что ж так бубен ваш гремуч?
Кто бежит за вами следом?
Но спокойно я иду,
Неотвязные, за вами,
Забавляясь, как в бреду,
Чародейными словами.
Жду, когда же из очей,
Низвергающих зарницы,
Молний пламенных ручей
Вы прольете, чаровницы,

И невольница причин,
Цепь трехмерную ломая,
Мне предстанет без личин
В день немеркнувшего мая.
3(16) мая 1923

«Есть ароматы в непорочной плоти...»
Есть ароматы в непорочной плоти,
Когда она, обнажена,
В таинственной сияет позолоте
Лучей божественного сна.
Пред нею гаснут грешные пыланья,
Страстей томительных огни,
И темные, порочные желанья,
Опалены, ползут в тени.
И в час, когда она познала жало,
Крылатый бог, твоих угроз,
Она еще невинней просияла,
Благоуханьем райских роз.
3(16) мая 1923

«Земные топи непролазны...»
Земные топи непролазны,
И жестки торные пути.
Как счастлив тот, кто сквозь соблазны
Мог душу чистой пронести.
Нерасторжимы узы плена.
Душа смущенная дрожит,
Но, как прекрасная Елена,
Из темной Трои не бежит.
Привыкнув скоро к новоселью.
Усвоив варварскую речь,
Внимает грубому веселью
Приставленных ее стеречь.
А эти дебри, эти топи, –
Кто их измерит глубину?
Кто, гость нежданный, поторопит
Идти в родимую страну?
3(16) мая 1923

«О бедствии забывши общем...»
О бедствии забывши общем,
Напрасно на свою судьбу
Мы, горько жалуясь, ропщем, –
Приличен ропот лишь рабу.
Себя почувствуй господином,
И в склепе не пугайся плит, –
В потоке будешь ты едином
С надмирной жизнью вечно слит.
Смотри на звезды в небе этом,
Стремись к неведомым местам,
И, упоен всемирным светом,
Пойми, – ты обитаешь там.
И не смущайся долгим пленом
И злым неистовством врага.
Веще похищенным Еленам
Родные снятся берега.
Везде грозит погибель Троям
За блеском призрачных завес,
Веще дерзающим героям
Готовит радости Зевес...
7(20) мая 1923

«Пленитель душ, таинственным уловом...»
Пленитель душ, таинственным уловом
Наполнена всемирная сума,
Но знание, не сказанное словом,
Неведомо для здешнего ума.

Пустым речам насмешливости едкой
Не верим мы, и верить не хотим.
Плененные неведомою сеткой,
Коснея здесь, к свободе мы летим.
Уверенные в вещем знаньи нашем,
Мы верю не назовем его,
И даже в горе белым платом машем
Навстречу знакам Бога своего.
7(20) мая 1923

«Значит, дошел до черты...»
Значит, дошел до черты:
Эти нахальные рожи,
Эти жующие рты
Славы и счастья дороже.
Вот и сиди в кабаках,
Радуйся пьяному гаму,
В дымных сливай табаках
Смех и тоску в амальгаму.
Сердце? По нашим местам, –
Мускул, наполненный кровью.
Что уж завидовать там
Счастью, любви и здоровью.
10(23) мая 1923

«И без греха не будет пуст...»
И без греха не будет пуст
Ваш мир, пленительные девы.
Дыханье непорочных уст
Иные здесь живит посевы.
Не вам, носители мечей,
Возникла новая Пальмира,
И не для вас журчит ручей
В долине девственного мира.
Привыкшим резать и ломать
В земной семье не стало места.
Навеки позабыла мать
Название темное – невеста.
И сладкозвучный соловей,
Пленясь невинной лаской розы,
Роняет под навес ветвей
Невоплощенные угрозы.
11(24) мая 1923

«Есть в этих долгих муках радость...»
Есть в этих долгих муках радость,
Есть искупленье в пытке дней.
Несокрушимая ограда –
Стена пылающих огней.
Иная цель, иная строгость,
Иная сказочная весь,
И вся цветущая дорога
Стихами засияла здесь.
Благоухает горько ясность
Речей над дивной глубиной.
Что было на земле напрасно
Стеречь, то все сберег Иной.
15(28) мая 1923

«Не завидую тупому дурачью...»
Не завидую тупому дурачью,
Жизнь мою не променяю ни на чью.
Айса пусть насмешливо и зло ворчит,
В сердце пусть кинжал невидимый торчит.
По дорогам прохожу, едва дыша,
И болит, болит усталая душа.
Я по воле взял все эти бремена,
И раскрылись вне предела времена,

И в страну, где после всех земных лихот
С Дульцинеею ликует Дон-Кихот
И восходит Кора узы расторгать,
Я над темной топью пролагаю гать.
15(28) мая 1923

«Обманет сладкий запах розы...»
Обманет сладкий запах розы,
Обманет горький запах мят,
И простодушный дух березы,
И всякий здешний аромат.
Мечтою сладостной заманит,
Но парки все мечты мертвят,
И только ладан не обманет,
И только ладан чист и свят.
Над этим берегом забвенья,
Над этой свалкою костей
Обвеет ладан тихий звенья
Неумирающих страстей.
Войдет, торжественный и строгий,
И в разгорание огней,
И в зыблемую пыль дороги,
И в смену призрачную дней,
И движется неумоимо
Рука с кадилом предо мной,
И время протекает мимо
Уже прозрачною волной.
Упоена надмирным дымом
И предвещательною тьмой
Земля в покрове невидимом,
Здесь бывшая моей тюрьмой.
18 – 19 мая (31 мая – 1 июня) 1923

«Дымился ладан благовонный...»
Дымился ладан благовонный
Всю ночь в моем немом дому,
И я, безрадостный, бессонный,
Глядел в синеющую тьму.
Был светел дивный лик тирана,
Светла тяжелая рука.
Весенний день зажегся рано,
Дымилась тихая река,
И раскаленное кадило
Из темной, непонятной мглы,
Сжигая ладан, восходило
В дыханьи жертвенной смолы.
18 – 19 мая (31 мая – 1 июня) 1923

«Нецеломудренно скорбя...»
Нецеломудренно скорбя,
Позабываешь ты о Боге.
Распятый, посетив тебя,
Хулою встречен на пороге.
От Бога получил ты лен,
Так будь же верен, Божий ленник,
И, если попадешься в плен,
Будь не изменник, только пленник.
Ты взял утехи светлых дней
И меч пылающего слова,
Возьми и боль земных огней
И тяготу молчанья злого.
Удел сжигаемой любви
Еще ли сердцем не разгадан?
Тоскующий, благослови
Источник слез и смертный ладан.
20 мая (2 июня) 1923

«В жизни я встретил неправду и зло...»

В жизни я встретил неправду и зло.
Мне никогда и ни в чем не везло.
Только однажды я выиграл бой
С пьяною Айсой, с лукавой судьбой,
И отбежал потревоженный зверь,
Оберегавший заветную дверь.
В пламенный рай я вошел, как домой.
Краток был час торжествующий мой,
Час чародейных, блистающих гроз,
Час под грозой расцветающих роз.
Вы, серафима внимавшие речь,
Знайте, что ангела трудно сберечь,
И умножайте заклятье оград,
Чтоб не проник удушающий смрад,
Чтоб не напакостил гнусным хвостом
Бес, воцарившийся в месте святом.
Пылью летийской покрыты цветы.
Мой серафим огнекрылый, где ты?
23 мая (5 июня) 1923

«В окно, где тонкий занавес желтел...»
В окно, где тонкий занавес желтел,
Лучи последние упали,
И черный локон твой позолотел
Сияньем счастья и печали.
Венчала в этот час тебя любовь,
Терновник с розами сплетая,
И сочетались живая кровь
И диадема золотая.
Какой тяжелый груз душе живой –
Даянья счастья и славы!
Утешимся ли тем, что мой и твой
Пути блистательные правы?
И что нам в том, что мы позолотим
Бессмертно-вещие страницы?
Мы, люди, слабы, – радости хотим,
Нас душат эти багряницы.
Но мы несем тяжелые венцы,
Несем их против нашей воли.
Обречены пророки и жрецы
Изнемогать от горькой боли.
26 мая (8 июня) 1923

«На минуту приходила...»
На минуту приходила,
На минуту разбудила,
Унесла мое кольцо,
Улыбаясь, подарила
Мне пасхальное яйцо,
Ничего не говорила,
Только вспыхнуло лицо.
Кровь пасхальной кошенили
Также алою была.
Руки, вздрогнув, уронили
То, что взяли со стола.
Мир иной на миг явился,
И, как дым в камине, свился
В цепенеющую мглу.
Ртутный шарик покатился
Из осколков на полу,
И, колеблясь, обкрутился
В синеватую золу.
Пахнет в воздухе жасмином
От сожженного письма,
А на меди пред камином
Тлеет алая тесьма.
29 мая (11 июня) 1923

«Перед твоей лампадою...»

Перед твоей лампадою,
Мария, вечный свет,
В изнеможеньи падаю,
В устах молитвы нет.
Больнее не изведаю
Той муки, что я знал,
Когда моей победою
Измученный, стонал.
Я сердца не измучаю
Нежданною грозой
Больнее, чем горячею
Последнею слезой.
Но пред тобою верую
В святое бытие,
И над моей пещерою
Сияние твое.
В дыханьи чистом ладана
Истаиваю я.
Душой моей угадана
Святыня бытия.
29 – 30 мая (11 – 12 июня) 1923

«Отчего же людям больно...»

Отчего же людям больно?
Разве только призрак боли –
Эта стонущая боль?
Чарований мне довольно,
Я хочу свободной воли
Над оковами неволь.
Рассказать бы здешним зорям,
Как в Эдеме светлы зори,
Как в Элеме много зорь!
Над Летийским тихим морем
Не забудь о здешнем море,
Здешней жизни не позорь.
22 июня (5 июля) 1923

«Насладиться б жизнью здешней...»

Насладиться б жизнью здешней,
И наивной ночью вешней
Помечтать бы под черешней
Да послушать соловья,
И, назло земным досадам,
Ты прошла бы тихим садом,
И со мною б села рядом,
И меня б ласкала взглядом,
Как пристойно милым ладам,
Незабвенная моя!
Все ж, томительные черти,
Вы поймите и поверьте,
Что любви не будет смерти,
Что бессильна ваша злость:
Есть высокая ограда,
Негасимая лампада
И бесценная награда,
Но душа, поймите, рада
В пасть пылающего ада
Бросить тлеющую кость.
22 июня (5 июля) 1923

«Нашу любовь увенчали...»

Нашу любовь увенчали
(Помнишь, любимая, ты?)
Темные наши печали,
Светлые наши мечты.
– Я не забуду вовеки, –
(Помнишь, сказала мне ты?)

Да, вы не можете, реки,
Смыть ни единой черты.
– Все настоящее было, –
(Помнишь, промолвила ты?)
Смерть за порогом грозила
Вечной тоской пустоты.
Золотом стало нетленным.
(Знаешь, любимая, ты?)
Мы разгораньем блаженным
В вечных просторах слиты.
22 июня (5 июля) 1923

«Жизни рада и не рада...»
Жизни рада и не рада
Оглушенная душа.
Что ж тебе от солнца надо?
Слушай голос водопада,
Слушай шепот камыша.
Улыбайся, если можешь,
Если хочешь, горько плачь.
Дни, как цифры, подытожишь, –
В ту же землю кости сложишь,
Как и жертва, и палач.
24 июня (7 июля) 1923

«Обутый в грязь земную...»
Обутый в грязь земную,
Предстал ты, юный бог.
Тебя не приревную
К нелепостям дорог.
На небе зори краше,
Любовь светлей цвела,
Но хочешь ведать наши
Безумные дела.
Ну что ж, приди, изведай,
Чем каждый в мире жив.
Не наградим победой
Твой пламенный порыв.
Питайся нашей жратвой,
Пей воду изо рта.
Ответим лживой клятвой
На все твои слова.
Что от тебя получим,
Затрем, сомнем, сождем,
Тебя тоской измучим,
Измаем нудным сном.
Не вынесешь позора
Проклятых наших дней,
От нас уйдешь ты скоро, –
Так уходи скорей!
4 – 5(17 – 18) июля 1923

«Вы, святые, други Богу...»
Вы, святые, други Богу,
Укажите мне дорогу
В непроглядной этой тьме.
Знаю, близок день последний.
Перед смертью кстати ль бредни,
Что скопились в уме!
Знаю, строгая наука –
Предвещаниям порука,
Знаю, разум так же свят,
Как и ваши наставленья,
И томительные бденья,
И мерцания лампад,
Но на солнце есть туманы,
И на правду есть обманы,
Ложь вплелась в нашу речь.

Только вы единым словом
Правду скажете о новом
Мире сладких сердцу встреч.
17(30) августа 1923

«Проходи, босой и кроткий...»
Проходи, босой и кроткий,
По кремнистым тем путям,
Где рассыпались четки
Рос, неведомых толпам.
Общей молви не внимая,
Жди того, что скажет Бог
В день немеркнувшего Мая
На конце твоих дорог.
Вместе с жизнью здесь ты сбросишь
Зла и славы ветхий хлам.
Что ж с собою ты уносишь
В первозданный Божий храм?
Для безжалостных чудовищ
Все отдай, и плоть, и кровь.
Изо всех твоих сокровищ
Сохрани Одну Любовь.
Чтобы там Ее ты встретил,
Все забудь, и все прости,
Безмятежно тих и светел
На безрадостном пути.
17(30) августа 1923

«Наливаясь медвяною кровью...»
Наливаясь медвяною кровью,
Полумесяц глядит мне в окно,
И скользит над безмерною новью,
Где молчанье с тоской сплетено,
Заплетает печальную радость,
Обещает иные края,
И медвяная сеется сладость
В этот мир, где томлюсь еще я.
И вечерние росы медвяны,
И вечерняя радость горька,
И мерцают далекие страны,
И свернулась змеею тоска.
27 мая (9 июня) 1924

«Сердце мне ты вновь, луна, тревожишь...»
Сердце мне ты вновь, луна, тревожишь;
Знаю, чары деять ты вольна,
Но моей печали не умножишь
Даже ты, печальная луна.
Ночь, свой белый гнет и ты наложишь,
И с тобою спорить мне невмочь,
Но тоски моей ты не умножишь,
Даже ты, тоскующая ночь.
4(17) июня 1924

«Склонив к твоим ногам усталые глаза...»
Склонив к твоим ногам усталые глаза,
Ликующим избитые потоком,
О всем, что было здесь, я верно рассказал,
О всем пленительном, о всем жестоком.
Стояла ты, светла, на светлых облаках,
Внимала ты моей бесстрастной речи,
И поднялась твоя надмирная рука,
Храня покой обетованной встречи.
И сохраненные два золотых кольца,
С моей руки, с твоей десницы дивной,
Гармонией небес звучали там в сердцах,
Гармонией таинственно-призывной.
И если с хохотом здесь шла передо мной

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru

Толпа босых, веселых комсомольцев,
Твой непостижный взор, твой голос неземной
Их обратил в смиренных богомольцев.
И верил я тогда, – настанет день и час,
Мгновенное заблещет в свете вечном,
Ни судороги злой, ни безобразных спазм,
Один восторг в пылани бесконечном.
4(17) июня 1924

«Чёт и нечет...»
Чёт и нечет,
Мутный взор.
Обеспечит
Этот вор!
Рвет и мечет
За укор.
Изувечит, –
Вот позор!
Пусть хозяйка
Мужа ждет.
Ожидай-ка!
Всё пропъет.
– Негодяйка! –
Заорет.
Плюх немало
Надает,
И, усталый,
Вдруг заснет.
Что томило,
Как стряхну?
Вот как было
В старину, –
Очень мило,
Ай-да ну!
Рать ходила
На войну,
Дома ж била
То жену,
То прислугу,
То детей, –
С перепугу
Всё смирней.
16 (29) июня 1924

«Еще гудят колокола...»
Еще гудят колокола,
Надеждой светлой в сердце вея,
Но смолкнет медная хвала
По слову наглого еврея.
Жидам противен этот звон, –
Он больно им колотит уши,
И навевает страхи он
В трусливые и злые души.
Иная кровь, иной закон.
Кто примирит меня, арийца,
С пришельцем из других сторон?
Кто смоеет имя: кровопийца?
Но будет день, – колокола,
Сливаясь в радостном трезвоне,
Нам возвестят: Русь ожила.
Опять в блистающей короне.
30 июня (13 июля) 1924

«Дали стали очень жестки...»
Дали стали очень жестки,
Ноги туги, мало сил.
В лавку здесь на перекрестке
Заходить я полюбил.

Проторил туда дорожку,
И узнал уж скоро я,
Что торгует понемножку
Там актерская семья.
Спички, хлеб, пшено, селедки,
Папиросы, соль, лук, рис...
Лица ласковы и кротки
У актера и актрис.
Нынче жарко, даже знойно.
За прилавком лишь одна
Продавщица так спокойна,
Так румяна и стройна!
Покупая папиросы,
Под доскою откидной
Вижу я, что ноги босы
У хозяйки молодой.
Низошло очарованье,
Обратило дом в чертог
Это светлое мельканье
Из-под юбки легких ног.
В сердце входит умиление,
Как молитва в тихий храм,
И табачное куренье
Облечется в фимиам.
5(18) июля 1924

«Река времен имеет острова...»
Река времен имеет острова.
Хотя стремительно текут мгновенья,
Порой душа, жива и не жива,
Пристанет к острову забвенья.
Тогда она уходит в глубину,
Откуда ей не слышен шум потока,
И этот странный миг, подобный сну,
Переживает одиноко.
Уже твоя расширилась река,
Уже увидел близко жизни цель ты,
Дышать отрадно, тишина легка
На островах широкой дельты.
12(25) июля 1924

«Прозрачной ночью от вокзала...»
Прозрачной ночью от вокзала
По царскосельской тишине
Шел босиком я. Очень мало
Прохожих встретилось мне,
Но по дороге на крылечке
Один сидел, и перед ним
Свивался в легкие колечки
Чуть видный папиросный дым.
Колечки эти оковали
Мой путь. Я на крылечко сел
И закурил. Мы помолчали,
И он, как видно, захотел
Поговорить. Ну что ж, прохожий,
Поговорим, уж так и быть.
Хотя совсем с тобой не схожий,
С тобой умею говорить.
Кто б ни был ты, простой рабочий,
Совслужащий или торгаш,
Ты сам в покое светлой ночи
Мне тему для беседы дашь.
Поговорили, как и все мы,
Как водится, о том, о сем.
Слегка и той коснулись темы,
Зачем иду я босиком.
Да не дивился он на это.
– Кому как нравится. Ну что ж!

Оно, конечно, нынче лето,
Так и без обуви пройдешь.
– И образованные тоже,
На днях на Вырице видал,
Обутка – собственная кожа, –
Он мне раздумчиво сказал.
Поговорили очень мило,
И я пошел себе домой,
А он сидел еще, уныло
Качая темной головой.
16(29) июля 1925

Елене Александровне Анненской
Что имя? В звуке вещем – тайна.
Она темна или ясна,
Но все ж даются не случайно
Нам, бедным людям, имена.
Когда рождается Елена,
Ее судьба – судьба Елен:
Его или ее измена
И в дикой Трое долгий плен.
Но мы не верим, что Елену
Парис троянский полонил.
Она влеклась к иному плену,
Ее пленил широкий Нил.
Мы знаем, – только тень царицы
Вместил суровый Илион,
А наготовю чаровницы
Был очарован фараон.
Елена, заповедь едину
Храни в нерадостные дни:
Терпи твой плен, и Валентину,
Лукавая, не измени.
Терпи надменность и упреки:
Как, – помнишь, – фараон кричал,
Когда красавец черноокий
Тебя украдкой целовал!
Припомни вспышки фараона:
Чуть что, сейчас же хлоп да хлоп,
И разорется, как ворона,
А с виду сущий эфиоп.
Да и Парис, красавец тоже!
Козлом он пахнул, стадо пас,
И шеголял в звериной коже,
И бил себя в недобрый час.
Но здесь не Фивы, и не Троя,
Не Приамид, не фараон,
И старым бредом Домостроя
Твой жребий здесь не омрачен.
5(18) августа 1925

«С волками жить, по-волчьи выть...»
С волками жить, по-волчьи выть.
Какая странная пословица!
Но видно, так тому и быть:
Пословица не сломится.
Но вой не вой, – голодный волк
К тебе нежданно подкрадется.
Заспорить с ним – какой же толк!
Надейся, – все уладится.
Держаться б дальше от волков,
Да надоело жить с барашками,
Вот и пошел ты в глушь лесов
Тропинками, овражками.
Чего там вздумал ты искать?
Вот и забрел к волкам в их логово,
И встретишь, – как их разгадать? –
Смирненного иль строгого?

«Где дом любви, где дом разврата...»
Где дом любви, где дом разврата,
кто это может различить?
Сестра невинная на брата
ужели станет доносить?
И он ликует, облакаясь
в ее девический наряд,
вином распутства упиваясь,
и люди не его корят.
Они в распутстве видят пламень
святой и пламенной любви,
и говорят: «кто бросит камень?»
и говорят: «благослови!»
28 декабря 1925 (10 января 1926)

«Змея один лишь раз ужалит...»
Змея один лишь раз ужалит,
и умирает человек.
Но словом враг его не валит,
хотя б и сердце им рассек.
О ты, убийственное слово!
как много зла ты нам несешь!
как ты принять всегда готово
под свой покров земную ложь!
то злоба, то насмешка злая,
обид и поношений шквал, –
и, никогда не уставая,
ты жалишь тысячами жал.
наделены чистой обаянье
умеешь ты огнем обжечь,
и даже самое молчанье –
еще несказанная речь,
и нераскрывшиеся губы
в своем безмолвии немом
уже безжалостны и грубы,
твоим отмечены значком.
когда ты облечешься лаской
приветливых и милых чар,
ты только пользуешься маской,
чтоб метче нанести удар!
1(14) января 1926

«Если б я был себе господином...»
Если б я был себе господином,
разделился бы на два лица,
и предстал бы послушливым сыном
перед строгие очи отца.
всё, что скрыто во мне, как стенами,
в этот час я пред ним бы открыл,
и, разгневан моими грехами,
пусть бы волю свою он творил.
но одно нам доступно: сознание
иногда, и с трудом, раздвоить.
на костры рокового пыланья
мы не можем по воле всходить.
если даже костер запылает,
боязливо бежим от огней.
тщетно воля порою дерзает, –
наша слабость всей силы сильней.
12(25) января 1926

«Как нам Божий путь открыть...»
как нам Божий путь открыть?
мы идем по всем тропинкам,
по песочкам и по глинкам,
по холмам и по долинам,

И порой какая прыть!
Посмотри: мелькают пятки,
Икры стройные сильны,
Все движения вольны.
Мимо ржи, и мимо льны!
Быстро мчатся без оглядки!
На Кавказ, на Арзамас,
И на город, что поближе,
И на речку, что пониже,
Все бегут вразброд. Гляди же,
Сколько смеха и проказ!
Эти все пути людские,
Может быть, и хороши
Для земной, слепой души,
Но, прозревший, поспеши
Отыскать пути прямые,
Те пути, что в вечный град
Нас приводят, в край далекий,
Где стоит чертог высокий,
Где пирует Огнеокий,
Претворяя в нектар яд.
Если сам найти не можешь
Божьих праведных путей,
Отыщи среди людей,
Пред которым волю сложишь.
Для тебя он – лучший я,
Вознесенный над тобою
Не лукавою судьбою,
А твоею же душою,
Твой верховный судия.
12(25) января 1926

«Земля, и небо голубое...»
Земля, и небо голубое,
И хор миров – пустая тень.
Земле оставивши земное,
Она ушла в бессмертный день.
Погасли в страстной Камалокке
Последние огни страстей.
Иною глубиной глубоки,
Лежат пространства перед Ней.
Но не пугают эти дали
Того, кто верный путь найдет.
Разлуки нет, и нет печали,
Любовь вовеки не умрет.
И здешний мир принарядился
В обманы нежные земли,
И над могилой клен склонился,
И маргаритки расцвели.
Дитя рабочего народа
Придет цветочки воровать,
«И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть».
13(26) января 1926

«Насилье царствует над миром...»
Насилье царствует над миром,
Насилье – благостное зло.
Свободу ставишь ты кумиром,
Но что, скажи, тебя спасло?
Среди народных возмущений,
Тебя лишивших всех охран
И выпавших на жертву мщений,
Пришел насильник и тиран.
Он захватил кормило власти,
Твой жалкий ропот презрел он,
И успокоилися страсти,
И вот уют твой огражден.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
В своем бессилии сознайся,
Не суесловь и не ропщи,
Перед насильем преклоняйся,
Свободы лживой не ищи.
24 января (6 февраля) 1926

«Три девицы спорить стали...»
Три девицы спорить стали
О красавце молодом.
– Он влюблен в меня. –
– Едва ли!
Чаще к нам он ходит в дом. –
– Ошибаетесь вы обе:
Он со мной в лесу гулял. –
Шепчет им старуха: – В небе
У него свинец застрял.
– Вы б его не сохранили:
Он далекую любил.
Из земной докучной были
Он к Невесте поспешил. –
7(20) февраля 1926

«Разве все язвы и шрамы...»
Разве все язвы и шрамы
Мстительно мы понесем
В эту обитель, куда мы
В смертный наш час отойдем?
– Создал я мир для тебя ли? –
Злобного спросит Отец.
– Этой блистающей дали
Ты ли положишь конец?
– Все колебанья эфира
Я из Себя излучил.
Даром все радости мира
Ты от меня получил.
– Гневную речью порочишь
Ты утомительный путь.
Иль, как ребенок, ты хочешь
Сладкое только слизнуть?
– Если уж так тебе надо,
Сам ты свой мир созидай, –
Без раскаленного ада
Благоухающий рай.
– В нем ты завоешь от скуки,
Вызов ты бросишь судьбе,
И недоступные муки
Станут желанны тебе.
– Но не творец ты, игрою
Миродержавной рожден,
Я же тебе не открою
Тайны пространств и времен. –
18 – 19 февраля (3 – 4 марта) 1926

«Ни презирать, ни ненавидеть...»
Ни презирать, ни ненавидеть
Я не учился никогда,
И не могла меня обидеть
Ничья надменность иль вражда.
Но я, как унтер Пришибеев,
Любя значенье точных слов,
Зову злодеями злодеев
И подлецами подлецов.
А если мелочь попадетя,
Что отшлифована толпой,
Одна мне радость остается, –
Назвать клопом или клопой.
6 (19) марта 1926

«Целуя руку баронессы...»
Целуя руку баронессы,
Тот поцелуй я вспоминал,
С которым я во время мессы
К устам Распятие прижал.
Мне Эльза тихо говорила:
– Благодарю, мой милый паж!
Весь грех мой я тебе открыла,
Меня врагам ты не предашь. –
– О, госпожа, твой грех мне ведом,
Но и в грехе невинна ты.
Истомлена жестоким бредом,
Ты мне доверила мечты.
– Я погашу врага угрозы
И затворю его уста,
И расцветут живые розы
Благоуханного куста.
– Все совершится неизбежно,
И ты супругом назовешь
Того, кого ты любишь нежно,
Кому ты душу отдаешь! –
8(21) марта 1926

«Мечта стоять пред милой дамой...»
Мечта стоять пред милой дамой
Владеет отроком-пажом,
Но двери заперты упрямо, –
Там госпожа с духовником.
В каких проступках покаянье
Она смиренно принесла?
Иль только слушать назиданье
Она прелата призвала?
Иль, мужа своего ревнуя,
Благого утешенья ждет?
Иль совещается, какую
В обитель жертву принесет?
Или? Потупившись ревниво,
Стоит влюбленный паж, дрожа.
Но вот выходит торопливо
Монах, не глядя на пажа.
Его лицо все так же бледно.
Стремится к Господу аскет,
В молитве страстной и победной
Давно отвергнувший весь свет.
О нет, любовью здесь не пахнет!
Ревнивым, милый паж, не будь:
В дыхании молитвы чахнет
Давно монашеская грудь.
Паж веселеет, входит смело,
Графиня милая одна.
Она работает умело
Над вышиваньем полотна.
Он Эльзу к поцелую нудит.
– Мальчишка дерзкий, не балуй! –
И паж трепещет, – что же будет,
Удар хлыста иль поцелуй?
Нет, ничего, она смеется,
И как пажу не покраснеть!
– Тебе никак не удастся
Твоею Эльзой овладеть!
– Какую задал мне заботу –
Тебя искусству ласк учить!
Что ж, граф уехал на охоту, –
Уж научу я, так и быть! –
Она мальчишку раздевает,
Нагая перед ним легла,
И терпеливо обучает
Веселым тайнам ремесла.

«Последуешь последней моде...»
Последуешь последней моде
Иль самой первой, все равно.
В наряде, в Евиной свободе
Тебе не согрешить грешно.
И если даже нарумянишь
Свои ланиты и уста
И этим Кроноса обманешь,
Ты перед Эросом чиста.
Твои лукавые измены
Пусть отмечает Сатана,
Но ты, соперница Елены,
Пред Афродитою верна.
И если бы аскет с презреньем
Клеймил коварство женщин, «ты
Была б всегда опроверженьем
Его печальной клеветы».
19 марта (1 апреля) 1926

Хвалители

Басня
Приглашены богатым воровом
В числе других Оратор и Поэт,
И восхваляют все его согласным хором,
Но кислые гримасы им в ответ.
Все гости подбавляли жара,
И яркий фейерверк похвал
Перед глазами вора засверкал,
А он мычит: – Все это слабо, старо! –
От вора вышел, за углом
Чуть приоткрывши щелку злости,
Смущенные, так говорили гости:
– Не сладить с этим чудаком!
Как ни хвали, все недохвалишь!
Сказать бы попросту: «Чего клыки ты скалишь?
Разбойник ты и вор!
Вот был бы верный разговор!»
Один из них, молчавший за обедом,
Теперь прислушавшись к таким беседам,
Им говорит:
– Вот это все ему в глаза бы вы сказали! –
И на него все закричали:
– Нельзя! Ужасно отомстит!
В бараний рог согнет! Всю жизнь нам испоганит! –
Но, возраженьем не смущен,
Им отвечает он:
– А все ж его хвалить кто за язык вас тянет? –
23 марта (4 апреля) 1926

Ропот пчел

Басня
– Для чего мы строим наши соты?
Кто-то крадет наш мед.
Мы бы жили без заботы,
Если б сами ели наш мед.
Для чего мы строим соты? –
– Тот, кто крадет ваш мед,
Изменил чудесно всю природу.
Аромат цветов дает
Сладость вашему меду, –
Человек не даром крадет мед. –
8(21) апреля 1926

«Мениса молодая...»
Мениса молодая,
Покоясь в летний зной,

Под тенью отдыхая,
Внимает песне той,
Которую в долине
Слагает ей пастух.
В томленьи да в кручине
Он напевает вслух.
Что сердце ощущает,
Что чувствует душа,
Все в песню он влагает:
– Мениса хороша!
И все в ней так приятно,
И все прелестно в ней,
Но милой непонятна
Печаль души моей.
– С зарею просыпаюсь,
При утренней звезде
К ней сердцем устремляюсь,
Ищу ее веще.
Увижу, и смущаюсь,
Боюсь при ней дышать,
Не смею, не решаюсь
Ей о любви сказать.
– Пленившись случайно,
Томлюся и стыжусь,
Люблю Менису тайно,
Открыться ей боюсь.
Вовек непобедима
К тебе, Мениса, страсть.
Вовек несокрушима
Твоя над мною власть. –
Мениса песню слышит,
И сердце в ней горит,
Она неровно дышит,
Томится и дрожит.
Приставши на колени,
Раздвинув сень слегка,
Она из томной тени
Глядит на пастушка.
28 апреля (11 мая) 1926

«Я ноги в ручейке омыла...»
Я ноги в ручейке омыла,
Меня томил полдневный зной.
В воде прохладной так мне было
Приятно побродить одной.
Но тихий плеск воды услышал
Тирсис у стада своего.
На берег ручейка он вышел,
И я увидела его.
О чем он говорил, не знаю,
Но он так нежно говорил,
И вот теперь я понимаю,
Что он меня обворожил.
Я, расставаясь с ним, вздыхала.
Куда-то стадо он увел.
Я целый день его искала,
Но, зная, далеко он ушел.
Всю ночь в постели я металась,
На миг я не закрыла глаз,
Напрасно сна я дожидалась,
И даже плакала не раз.
Когда румяною зарею
Восток туманы озлотил,
Мне стало ясно, что со мною:
Тирсис меня обворожил.
Теперь мне страшно выйти в поле,
И страшно подойти к ручью,
Но все ж я вышла поневоле,

И вот я у ручья стою.
Вода ручья меня пугает,
Я пламенею и дрожу,
Рука же юбку поднимает,
И робко я в ручей вхожу.
Тирсис к ручью идет с улыбкой.
Ручей меня не защитил,
Не сделал золотою рыбкой:
Тирсис меня обворожил.
28 апреля (11 мая) 1926

«Что дурак я, знаю сам...»
– Что дурак я, знаю сам,
Но ведь это не нарочно.
Что ж нам делать, дуракам? –
Посмеялись: – Это точно! –
– Отчего же нас бранят,
Всюду ставят нам ловушки? –
– Значит, вам добра хотят! –
Отвечают мне старушки.
И толкуют старики,
Испуская запах гнили:
– Знать, на то и дураки,
Чтоб их били да бранили. –
А за ними ну вопить
И мальчишки, и девчонки:
– Дураков-то как не бить! –
И мелькают кулачонки.
19 сентября (2 октября) 1926

«Утром встану...»
Утром встану,
В окна гляну, –
Бел туман.
Сердце бьется,
Удастся
Чей обман?
Что, старуха,
Слышит ухо?
Это – свой.
Улыбнулся,
Повернулся
К ней спиной.
Выждал время,
Стукнул в темя
Топором.
Сделал лихо,
Вынес тихо
Тюк с бельем.
Сел в пролетку,
Да находку
Не сберег, –
Страшно что-то.
Шмыг в ворота
Со всех ног.
Кнут под мышки.
Вот делишки.
Не сплосал, –
Раньше ль, позже ль,
Дернул вожжи,
Ускакал.
Только ль рано
Мглой тумана
Обманул?
Целы сутки
Шутит шутки
Вельзевул.
27 октября (9 ноября) 1926

«Валерьяна экзальтата...»

Валерьяна экзальтата,
Серпий, ладан для кота,
Ночью ярость аромата
Им обильно пролита.
Кот нюхнет, на крышу лезет,
Спину горбит, хвост трубой,
О подруге дикой грезит,
И врага зовет на бой.
Злобно фыркает, мяучит,
Когти выпустит мой кот,
И врага терзает, мучит,
С крыши на землю швырнет.
В кровь изорвана вся шкура,
Но победе храбрый рад.
Возвещает масть Амура
Валерьяны терпкий яд.
8(21) ноября 1926

«В чем слова ты обвиняешь...»

В чем слова ты обвиняешь?
С тихой лаской все их встретить.
Если речь понять желаешь,
Слово каждое приметъ.
От природы все невинны,
Все теснятся в речь гурьбой.
Коротки они иль длинны,
Все как дети пред тобой.
Ты пойми, – они не грубы,
Самых дерзких не брани.
Лишь пройдя чрез наши губы,
Иногда язвят они.
Все звучали очень гордо
В час рожденья своего.
Из Тримурти стала морда,
Ну так что же из того!
И со мною то бывало,
Что, сложившись невзначай,
Так пленительно звучала
Кличка: милый негодяй.
10(23) ноября 1926

«Вернулся блудный сын. Глядит из подворотни...»

Вернулся блудный сын. Глядит из подворотни
Девчонка шустрая, и брату говорит:
Упитанных тельцов пускай зарежут сотни,
Все блудный сын пожрет, и все ж не станет сыт.
И точно, – расточил отцовское наследство,
И вновь остался нищ, и взялся он за нож.
Ему осталось одно лишь только средство:
Грабеж.
10(23) ноября 1926

«Мала ворона...»

Мала ворона,
Да рот широк.
Живет Матрена, –
Ну язычок.
Кого подцепит,
Никто не рад.
Словечко влепит,
Все повторяют.
Из подворотни
Таскает сор,
Сплетает сплетни,
Разносит вздор.
11(24) ноября 1926

«Как попала на эстраду...»
Как попала на эстраду
Деревенщина,
В теле чувствует усладу
Эта женщина.
Здесь за ширмою она
Ну румяниться.
На эстраду введена,
Ну жеманиться.
Распеваает она песни
Очень сальные,
И от хохота, хоть тресни,
Шкеты зальные
Свищут, грохают, стучат
Всюду валенки...
...Мирно спит мальчонка-брат
В тихой спальне.
И во сне встречаться сладко
С Ангелом-Хранителем.
Слабо теплится лампадка
Пред Спасителем.
...Для чего грешит всю ночь
Эта женщина?
Уходи с эстрады прочь,
Деревенщина.
12(25) ноября 1926

«Портной Иванов из Парижа...»
Портной Иванов из Парижа
В Париже в самом деле был.
Там, космы гладко обчекрыжа,
Он страсть к абсенту получил,
Здесь к водке перешел, но ниже
Себя в котлове не ценил.
Теперь он ходит сизоносый,
Но ателье в котлове есть.
Его ученики все босы,
Не мало всех их: счетом шесть,
Румяны все, слегка курносы,
Родство меж ними можно свести.
Закройщик взят, есть подмастерье,
Чего же больше пожелать!
Его жена звалась Лукерья,
Но как «лук в перьях» целовать!
По-просвещенному Гликерья
Её он начал называть.
Хоть это имя ей забавно,
Но что же делать! муж таков,
И вот Гликерья Николавна
Столует всех учеников,
А для заказчиков подавно
У ней привет всегда готов.
Отлично мальчишек столует,
Довольно сытной им еды,
Но их провинки сразу чует, –
Видала всякие виды, –
И если мальчик набалуует,
Так с нею близко до беды.
Она несет об них заботу,
Сама на них сорочки шьет,
Но уж отменного почету
Пусть от нее шалун не ждет:
Она не только их в субботу,
Но и в другие дни сечет.
– Что немцу смерть, то нам здорово.
Сходи к Петрову, озорник. –
И вот, наказанный сурово,

Босой, румяный ученик
К заказчику костюмчик новый
Несет, и слышно хнык да хнык.
Но там, где надо, вытрет слезы,
И перед барином стоит,
Как будто позабыты лозы,
И шуткой барина смешит,
Когда он мечет гром и грозы, –
Сюртук, мол, очень плохо шит.
– Под мышкой жмет. Что ж, не заспорим,
Поправим все без лишних дум.
Костюмчик мы отлично вспорем, –
Возьмись-ка, миленький, за ум. –
Корит своим недавним горем
Он неудавшийся костюм.
Заказчик фыркнул. – Приноси же
Костюм в субботу, зеворот!.. –
Портной Иванов был в Париже,
Теперь в Котлове денег ждет,
Но мальчуган по липкой жиже
Костюм без денег принесет.
Портной кричит: – Пришел без денег!
Очки-то не умел втереть!
Без денег, брат, везде худенек,
Ты это навсегда заметь.
Жена, возьмись-ка за веник.
Что, секла? Перестань реветь.
– Гликерья Николавна знает,
Когда и в чем кто виноват,
И ежели тебя прощает,
То поклонись ей в ноги, брат. –
Приказ мальчишка исполняет,
И первой порке он уж рад.
Заказчик? Он всегда найдется,
Соперника в Котлове нет,
Текущий счет давно ведется,
От всех Иванову привет.
И водка в рюмки разольется,
Так никаких не бойся бед.
13(26) ноября 1926

«Человечек Божий...»
Человечек Божий,
Ни на что не гожий,
Был набит рогожей
И обтянут кожей.
Водку пил,
С пьяной, красной рожей
Он ходил,
Часто суесловью
Или буесловью
Предан был.
Звался по сословью
Мещанин.
А жену Прасковью
Мял, как блин,
Тряс ее, как грушу.
Вдруг конец, –
Отдал Богу душу
Молодец;
И жена завыла:
– Очень мой Данила
Был хорош,
И теперь другого,
Славного такого,
Как ты хошь,
Муженька лихого,
Парня удалого

Не найдешь.
18 ноября (1 декабря) 1926

Ночь
Черная корова
Весь мир поборола.
Месяц под ногами,
Звезды за боками.
Черную корову
Повстречали дремой,
Величали храпом
Да великим страхом.
Вот уж на востоке,
Раздувая боки,
Рыжий конь топочет.
Черная корова
Уж не так сурова,
Уж она комола,
И убраться хочет.
Прыгая спросонок,
Ухмыляясь, мочит
Ноги ей росой,
Земною слезою.
20 ноября (3 декабря) 1926

Ладья
Летом молодлица,
А зимой вдовица.
Летом парень рад
С нею прокатиться, –
Пусть народ дивится:
Вишь, ее наряд –
Весла или парус.
За веслом стеклярус,
Парус ветра вздох
Надувает пышно, –
И скользит неслышно.
Да не будь же плох:
Станет миру жалко,
Коль тебя русалка
По стремнине вод
Понесет, заманит,
И с молодой втянет
В свой водоворот.
Летом молодлица,
А зимой вдовица.
Заперта в сарай,
И одна томится,
И народ глумится:
– Ништо, поскучай!
21 ноября (4 декабря) 1926

«На поденную работу...»
На поденную работу
Ходит Глаша каждый день.
О сынке несет заботу:
Накорми, учи, одень.
Постираешь день, устанешь,
Спину ломит, ну так что ж.
Мужа нет, и жилы тянешь
Из себя за каждый грош.
Он румяный да веселый,
Набрался он свежих сил.
Босоногий, полуголый
Он все лето проходил.
Только все же в пионеры
Он не хочет поступить:
Не оставил нашей веры,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Хочет крестик свой носить.
29 ноября (12 декабря) 1926

«Моя молитва – песнь правдивая...»
Моя молитва – песнь правдивая,
Мой верный, нелукавый стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.
Пускай для слабых душ соблазнами
Пылает каждая из книг, –
К Тебе идем путями разными,
И я в грехах тебя постиг.
Душа пред миром не лукавила,
И не лукавил мой язык.
Тебя хулою песнь прославила, –
Багряной россыпью гвоздик.
Тебе слагалась песнь правдивая,
Тебе слагался верный стих,
И жизнь моя трудолюбивая
Горела в ладанах святых.
6(19) декабря 1926

«Стих, как прежде, не звучит...»
Стих, как прежде, не звучит.
Нужен новый реквизит.
Струи, трели, рощи, дали
Свиньи грязные сожрали.
Светлых речек серебро
Топит вонькое добро.
Был в стихах когда-то бархат,
А теперь он весь захаркат,
И на сладкий аромат
Навонял советский мат.
Прелесть песни соловьиной
Облита теперь уриной.
Романтичная луна
Тою ж влагою пьяна.
Слово «клик» звучало гордо,
А теперь нужна нам морда.
Ходит шкет под кустик роз,
Чтоб оставить там навоз.
Да, не любим мы шаблона,
Не хотим читать Надсона.
Этот чахленький Надсон
Уж навеки посрамлен,
И его мы кличем Надсон,
Чтоб покрепче надругаться.
7(20) декабря 1926

«И породисты, и горды...»
И породисты, и горды,
В элегантных сюртуках,
В лакированных туфлях,
Лошадиные две морды
Ржут в саду Шато-Гуляй,
Жрут котлеты де-воляй.
А кокотка-мазохистка
Твердо линию ведет,
Меньше тысячи не берет.
– Я, друзья, специалистка.
Оля, Вера – сущий клад:
Так накажут, – что там ад!
11 (24) декабря 1926

«фараон, фельдфебель бравый...»
фараон, фельдфебель бравый,
Перекресток охранял.
И селедкой очень ржавой

Хулиганов протыкал.
Слава, слава фараону!
Многа лета ему жить!
Уважение к закону
Всем умеет он внушить.
19 декабря 1926 (1 января 1927)

«Из детства Клара мне знакома...»
Из детства Клара мне знакома.
Отца и мать я посещал,
И, заставая Клару дома,
С нее портреты я писал.
Достигнул я в моем искусстве
Высокой степени, но здесь
В сентиментальном, мелком чувстве
Талант мой растворился весь.
Вот эту милую девицу
На взлете рокового дня
Кто вознесет на колесницу
Окаменелого огня?
А мне ль не знать, какая сила
Её стремительно вела,
Какую страстью опьянила,
Какую радостью зажгла!
– Вы мне польстили чрезвычайно! –
Остановясь у полотна,
С какою-то укорой тайной
Вчера сказала мне она.
О, эта сладостная сжатость!
И в ней жеманный ореол
Тебе, ликующая святость,
Я неожиданно нашел.
Светло, торжественно и бело,
Сосуд, где закипают сны,
Невинно-жертвенное тело
Озарено из глубины.
22 декабря 1926 (4 января 1927)

«Хоть умом не очень боек...»
Хоть умом не очень боек, –
Ведь не всем умом блистать, –
Но зато уж очень стоек,
Если надо не зевать.
Всё, что надо, держит память,
Каждый пункт и каждый срок,
И никто переупрямить
До сих пор его не мог.
С ним попробуй в спор ввязаться!
– Слово дал, а с ним и честь,
Так куда ж теперь податься?
Интерес-то в чем же есть?
– Вот, видны, как на ладони,
Слово, честь и интерес,
И не стащат даже кони
Ни в болотину, ни в лес! –
22 декабря 1926 (4 января 1927)

«Упоенный ядом власти...»
Упоенный ядом власти,
Знавший радость и напасти,
Но презренной, робкой страсти
Не подпавший никогда,
Что донес он до порога
Светозарного чертога
К часу грозного суда?
Весь мундир совсем в порядке
До последней самой складки,
Безупречные перчатки,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Безупречный формуляр.
Где ж его злодейства? – Бредни!
Сорт простой, хороший, средний,
Не штафирка, не гусар.
23 декабря 1926 (5 января 1927)

Из старых былей
Чиновник молча взял прошение,
Пожал плечами, – нельзя не взять!
– Когда же будет мне решенье? –
Сухой ответ был: – Надо ждать.
Проситель каждый день приходит,
И слышит тот же все ответ,
И наконец на ум наводит
Его какой-то сердцевел.
– Поймите, сударь, это слово:
Ведь надо ж дать, вам говорят.
Ну и давайте, хоть целковый,
Покуда не пойдет на лад. –
И точно, первая же взятка
Могла уж кой-что изменить, –
Чиновник, улыбаясь сладко,
Промолвил: – Надо доложить. –
Понятно стало все, что надо.
Проситель более не ждет,
И для солидного доклада
Он документы достает.
25 декабря 1926 (7 января 1927)

Царь Содома
Из воспоминаний
Когда я был царем в Содоме,
Я презирал Господень гнев.
В моем раззолоченном доме
Теснилось много милых дев.
Наложниц нежных было двести, –
Для упражнения едва:
Не часто был я с ними вместе,
Мне докучали их слова.
А чем я славен был в рассказах
И в мыслях Содомлян велик,
То был мальчишек черномазых
Забавно-радостный цветник.
Да за дворцом зверинец шумный,
Весь полный буйных, диких сил:
Там жил и лев, и слон разумный,
И даже нильский крокодил.
И если был перед Всевышним
В растленьи тел тяжелый грех,
Я искупил его излишним
Разнообразием утех.
Я в благость Божию не верил:
Во всех сердцах царила мгла,
И я Господней злобой мерил
Мои содомские дела.
Мои невинные забавы –
Едва одно растленье в день –
Перед грозю Божьей славы
Ложились призрачно, как тень.
Господь, безжалостный Губитель,
Творец вселенских бед и зол,
К чему ж бы Он в мою обитель
Изобличителя привел.
Но Он пришел. Не в блеске молний,
Не в злом дыхании чумы, –
Полночной тишины безмолвной,
Неотразимей смертной тьмы,
Он посетил мою обитель,

Он поразил меня, – и я,
Безумец злобный и мучитель,
Пред ним склонился, вопия.
Ко мне прислали из Гоморры
Двух отроков: один, как все:
Улыбка, ласковые взоры,
И нежный стыд в нагой красе.
Другой, – тот прибыл издалека,
Из целомудренной страны.
Еще не ведал он порока,
Как день в предчувствии весны.
И все чего-то он боялся,
Не понимал нескромных слов,
И боязливо озирался
В толпе шумливых шалунов.
Одежды ль снимет предо мною,
Вдруг запыхает он стыдом,
Но, обнаженный, красотою
Превосходил он весь Содом.
Так стройно возвышалось тело,
Суля безумство и любовь,
Что знойной страстью пламенела
Моя полуденная кровь.
Глаза полночные метали
Такой огонь, такую страсть,
Что забывал я все печали,
Труды державные и власть.
К его ногам мою порфиру
Я рад был с плеч моих совлечь,
И, поклоняясь, как кумиру,
У милых ног его возлечь.
Но поученьям страсти нежной
Он с отвращением внимал
И милый час, и неизбежный
Непониманьем ожидал...
«Умертвили Россию мою...»
Умертвили Россию мою,
Схоронили в могиле немой!
Я глубоко печаль затаю,
Замолчу перед злою толпой.
Спи в могиле, Россия моя,
До желанной и светлой весны!
Вашей молнии брызнет струя,
И прольются весенние сны.
И разбудят Россию мою,
Воззовут от могильных ночей!
Я глубоко тоску затаю,
Я не выдам печали моей.
Конец 1917 – 1920-е гг.

Басни

1 Ворона, лисицы и сыр
Давно всему известно миру:
Ворона сцапала кусочек сыру,
Залезла на сосну,
Поесть бы ей, да что-то клонит к сну.
И вот, сначала
Одна лисица прибежала,
Потом другая, третья, – вмиг
Туда сбежалось много их.
Одна ворона, сыру лишь один кусочек
На всех лисиц.
Кто выманит его без проволочек,
Кто всех перехитрит сестриц?
Ведь все твердят одно и то же:
– Ты голосиста и пригожа! –
И наконец
Придумала лисица-спец:

– Я знаю сырный клад. Лети со мной, ворона:

Во ржах закопан сырный клад во время оно.

Лети, красавица, да крепче сыр держи:

Не нам на ужин,

Он для прилипы нужен. –

И заманив ее, во ржи,

Ворону, сыр, – все схряпала плутовка,

Обделав дельце ловко.

Ворона, бойся ржи,

Подальше курс держи.

9(22) января 1925

2 Деревня – голова тетерья

Деревня – Голова Тетерья.

В ней все крестьяне – бедняки;

А средняки

Да кулаки

Давно все растеряли перья,

Ощипаны живут,

Да сказы про себя плетут:

– Попались в сети,

Мотаемся на свете,

Покуда мыши нам голов не отгрызут. –

Тужит Пахом – как он пробьется зиму!

К богатому когда-то Климу

Приходит он просить муки,

И на пороге

Бух Климу в ноги.

Промолвил Клим: – Эх, глупы мужики!

когда-то был я богатеем,

С вас шкуру драл,

Да кровь сосал.

Теперь не то: мы правду разумеем.

Поверьте мне: ни вы, ни мы не разжиреем,

Пока веще коммун не заведем. –

Дивится тем словам Пахом:

– Уж если ты, кулак, быть хочешь коммунистом,

То кто же даст нам хлеба в долг? –

А Клим, как волк,

Зубами щелк,

И отвечал Пахому длинным свистом.

Вот, ежели во всех краях

Все люди станут коммунисты,

Какие ж мы тогда везде услышим свисты

В ответ на просьбы о займах!

12(25) января 1925

3 Готтентотская мораль

Какой-то готтентот, пленившийся турнюром

Чужой жены, ее украл, –

Поддался страсти к авантюрам:

Уж очень малый был удал, –

И забавляясь подругой толстозадой,

Провел он год с немалою усладой.

Но наконец

Нашелся и другой такой же молодец.

Однажды готтентот, ушедши на охоту,

Весь день прошлялся по болоту,

Идет домой,

И предвкушает радость.

Но что за гадость!

Шалаш пустой,

Лишь на песке остался отпечаток

Двух пар здесь пробежавших пяток.

Бедняга поднял вой:

»Жена моя с разбойником сбежала!

Его повесить мало.

Какой же он подлец! И как ее мне жаль!

Скотом уведена моя овечка!»
Отсюда и пошло словечко
Про готтентотскую мораль.
Да и у нас ведь не иначе,
Себя хвалить мы погодим.
Крестьянин Клим
На краденой куда-то ехал кляче,
Но к вечеру устал,
И задремал,
И по такой причине
Забрался в лес,
В дупло залез,
А клячу привязал к осине.
Случился здесь голодный конокрад,
И жалкой кляче был он рад,
Украл и скрылся.
Поутру Клим выходит из дупла,
Увидел, – клячи нет, – и рассердился:
»Ведь лошадь не сама ушла!»
И не подумал он, что так ему и надо,
И проклипать он начал конокрада.
Таких примеров здесь найдешь
Немало, коль искать охота,
А если счет им подведешь,
То скажешь: – То-то!
Не обижать бы готтентота!
4(17) февраля 1925

4 Дуб и тростник
Известно всем о том,
Как спорил гордый дуб со скромным Тростником.
Но все ж обоим был конец не вовсе разен:
От бури дуб свалился, безобразен,
Разросшийся превыше всяких норм,
И свиньям в желудях нашелся сытный корм,
Хоть желуди и были мелки,
А ствол
Пошел
На очень прочные поделки.
Тростник же срезан был, и стал он палкой, –
Удел, не знаю, славный или жалкий.
Поверьте мне:
Уж кто там чем там ни кичится,
Но всякий в деле пригодится
В коммунистической стране.
А есть тут и мораль другая:
Красуйся и греми,
Но осторожней будь, и, желуди роняя,
Свиней не раскорми, –
Ведь свиньи буржуазны,
И все дела их безобразны.
И третья: до поры,
Коль нравится, сгибайся,
Но палкой станешь, так старайся,
Бей буржуазные ковры.
9(22) января 1925

5 Конь, лошаки и шалун
Гордился конь пред лошаками
И быстрым бегом, и статьями.
И точно, был на загляденье конь:
В глазах – огонь,
И хвост трубою,
И шея крепкая дугою,
Спина сильна и широка.
Могучего носил он седока
На мирном и на бранном поле,
Всегда его послушен воле.

Седок доволен был конем
Ему покорным,
Поил его и медом, и вином,
Кормил зерном отборным.
От зависти взревели лошаки:
– Мы не потерпим зла конизма!
Верней, научнее заветы лошакизма! –
И скалили клыки.
Ретивый конь, не труся,
Вступил на скользкий путь дискуссий,
Но, закопыченный, устал,
И зачихал.
– Наш доблестный товарищ болен сапом! –
Ревут все лошаки. Развязка не долга:
Сгрудившись, берут его нахрапом,
Да и ведут лечиться в дальние луга.
Я видел иногда: мальчишка,
Изрядный шалунишка
Капризничает и шумит,
Кричит,
Визжит,
Но няня строгая подходит,
И за руку его подалее уводит:
Пускай один поколобродит.
Короче говоря,
Вот какова мораль у этих басен:
Когда даешь уроки Октября,
То будь в отъезд согласен.
8(21) января 1925

б Недоразумение с Невою
Перетерпев судеб удары,
Мы в удареньях знатоки.
Никто не скажет, что мадьяры,
Хотя и храбры, но жидки,
И также знаем мы, что все напитки
Бывают жидки,
Какой ни примешай к ним густоты,
И если говорим мы про хвосты,
Так мы не говорим: прохвосты,
Все эти истины, конечно, просты,
И ведомы, бесспорно, всем.
Я речь о них завел затем,
Чтоб присказка была, потом же будет сказка,
И в ней завязка и развязка.
Нева не хочет быть Невой,
Уж каламбур наскучил ей избитый,
И плещется она волной сердитой,
Когда ей пушки говорят: не вой!
Шумит, ревет, взывает в злости ярой:
– Хочу быть Розой или Кларой! –
Склонилась наконец к ее моленью власть,
Ей дали имя Роза,
Но что же за напасть!
Бунтует Роза, нет зимой мороза.
Кондукторша стояла у окна
Чрез Розу проходящего вагона,
И объяснила так она
Причину бунта, рева, стона:
– Вишь, на подъем она легка,
Наделает немало злого.
Да что с воды спросить? Жидка,
Спросить бы надобно иного.
Нелегкие деньки
К нам в Ленинград приходят:
Волна вслед за волной повсюду колобродят,
Жидки.
Услышал эти речи

Внимательный и верный комсомол
И, взяв кондукторшу за плечи,
В милицию отвел.
Что жидко здесь, и что здесь густо,
Все объяснили ей. Идет домой,
Кричит: – Чтоб всем вам было пусто!
Всех, Роза, довела домой! –
Вы слышите здесь недоразуменье,
Поставлено неверно ударенье.
Всем надо знать, что воды у реки,
Так точно, как и все напитки,
Бывают жидки,
А не жидки,
И говоря неверно,
Вождей заденешь Коминтерна.
4(17) января 1925

7 Нэпманские крестины
Какой-то нэпман-грамотей
Средь множества затей
Задумал окрестить ребенка,
Чтоб имя было звонко,
Не пролетарское ничуть,
Чтоб революцией не пахло,
Чтоб буржуазность не зачахла.
Что прежде украшало грудь
Чинуши старого? Владимир.
Чтоб дух чинуш не вымер,
Так назвал сына нэпман. Но, идя
К делам, он коммуниста встретил,
И тот с улыбкою заметил:
– Вы имя пролетарского вождя
Сынку-то дали: Ленин
Владимир был. Хвалю!
Отныне к красному Кремлю
Да будет путь ваш неизменен. –
И нэпман мой внезапно скис:
Затея глупая поникла.
Кричит, упившись до положенья риз:
– Судьбы-насмешницы каприз!
Зачем не вспомнил я Тезея и Перикла?
Историю бы почитать,
Оттуда б имечко мне взять? –
И он вопит, сердито глядя на ночь:
– Вот, ожиданием живи,
Родится ль Диоген Иваныч! –
Нет, нэпман, как ребенка ни зови,
Имен старинных взрывши рухлядь,
Все это будет только тухлядь
И соглашательская ложь,
И если сына назовешь
Сократом или Ариостом,
Смотри, не вырос бы прохвостом.
1(14) января 1925

8 Орел и сова
Из дальних странствий возвратясь,
Орел застал большие перемены:
Где возвышались замковые стены,
Теперь развалины и грязь,
И вместо прежних сладких арий
Он слышит кваканье болотных тварей.
Премудрую Сову Орел спросил
(Он, видно, не читал газеты):
– Скажи, кто эти стены повалил?
кто сбросил все мои портреты? –
Сова ему в ответ: – Орел, поверь,
Низы не так, как прежде, слабы:

Орлы царили встарь, – теперь

Повсюду правят жабы.

19 марта (1 апреля) 1926

9 Паразиты

В одну страну явился паразит.

В короткое развел он время

Большое племя,

И стал на всю страну он знаменит.

Его название в стих пускать негоже,

Но всяк о нем кричит,

Умы и совести тревожа.

– Как у меня их много завелось! –

– И у меня немало! –

– Не поздоровится, небось:

Одна всю ночь меня кусала! –

– А я уж как от них терплю:

Ни ночь, ни день не сплю! –

– Собрать бы их, да всех под сапожище! –

– То не поможет, – говорит

Заехавший из дальних стран, буржуй на вил:

– Одно есть средство – жить почище. –

Когда бранят взволнованной толпой

Сосущих кровь из наших жилок,

Мне хочется сказать: – Возьмите хоть обмылок,

Умойтесь вольною водой.

11(24) января 1925

10 Пионер-председатель

У совгражданки муж был инженер,

А сын – хороший семилеток.

Всегда иметь приятно деток,

Притом же сын был красный пионер.

Мы взяли мужа лишь для рифмы,

Чтоб не сказали, что слагаем миф мы,

И про него

Не будет в басне ничего.

Однажды в воскресенье

Увидела совмать ребенка своего

В великом восхищеньи,

И спрашивает: – Милый мой,

да что с тобой? –

– Я председатель был, провел я комсобрание! –

– За что же пало на тебя избранье?

Ты всех умней? –

– Ну, нету:

Считают умницей Подгузкину Совету. –

– Так всех бойчей? –

– Нельзя бойчей быть Лимонада Вцика. –

– Ну, всех сильней? –

– Сильнее всех Плевков Гвоздика. –

– Скажи ж мне, милый, почему

Ты избран был. В догадках я теряюсь. –

– Да очень просто, мама: потому,

что послушаньем отличаюсь. –

Ты, пионер, запомни тот урок,

С ним век свой проживешь недаром:

Послушен будь, – настанет срок,

Тебя назначат комиссаром.

7(20) января 1925

11 Садулевы дули и свиньи

Стоит перед судом Садуль.

Чего ж он ждет? Чего он просит?

Да нет, он сам принес мешочек дуль,

И буржуазным свиньям их подносит.

Честит он Мильерана, Клемансо,

И заскрипело колесо

Военно-судного процесса.
С Садулем что поделаешь? Ни беса,
И свињьям дуля не вкусна,
Тень Клемансо для них нужна.
Конечно, для Садуля
Давно готова пуля,
И не одна,
Да как судить его! Что надо свињьям прятать,
Он на суде разворошит.
Его со смертью не сосватать,
А буржуазным свињьям будет стыд.
Садуля трудно схряпать, – свой ломаешь хрящик,
Да так, что и не зачинишь.
Не лучше ль отложить
Всё дело в долгий ящик,
Да и молчок.
А русский мужичок
Наивно рассуждает:
– Не тронь дерьма, не завоняет.
3(16) января 1925

12 Свињья и свињьи
Жил в древности подлец, по имени Свињья.
Чем осрамился он, не знаю я.
Известно только то, что судьи порешили
Предать забвению, как пакостные были,
Его презренные дела,
И с той поры ко всем, имевшим гнусный норв,
Свиная кличка перешла.
Жил в том же городе какой-то борв,
И осрамился он: хозяйское дитя
Загрыз и съел, не с голода, шутя,
И стали звать его свињьею.
Потом и всех его детей
Прозвали кличкою такою.
Нет правды у людей!
Один лишь виноват, какая же причина,
Что мясо правнуков известно, как свинина?
Ведь если есть на свете Леф,
Не каждый из людей иль Каин, иль Азеф.
8(21) апреля 1926

13 Соловей и осел
Распелся Соловей над белой вешней Розой.
На ту беду в кусты пришел
И заревел на Соловья с угрозой
Большой Осел:
Он был один из тех, вы знаете, уродов,
Которые всегда позор своих же родов.
– Зачем поешь? О чем поешь?
Ослам к чему же роза?
Небось, нам песенки не заведешь
О крепком запахе навоза!
Поешь, как плачешь, ты, – с каких таких причин?
С ума, островитянин, спятил?
Послушай, как долбит, как славит стук машин
Поэт наш пролетарский, Дятел!
Ты на носу бы зарубил,
Что сладких буржуазных арий
Не должен слушать пролетарий.
И о цветах, как видно, ты забыл.
Какие воспевать прилично! –
Заголосил
Осел усердно, зычно,
Но все ж не очень гармонично.
Как быть теперь тебе, мой бедный Соловей,
Да и тебе, пленительная Роза?
Бояться ли речей

Любителя навоза?

За Розу и за Соловья

Ослу отвечу я:

Конечно, бесполезна Роза,

Но кто ж, Осел, сказал, что пролетарский нос

Так жаден к прелестям навоза,

Что нюхать ни за что не станет вешних роз?

Ведь этак рявкнешь ты, пред хлебной стоя лавкой:

«Зачем так ситный бел?

Пусть белый хлеб буржуй бы ел,

А ты, рабочий, черный чавкай!»

18(31) января 1925

14 Стрекоза, муравей и паук

Стрекоза в лугах жила,

Лето красное пропела,

Оглянуться не успела, –

Революция пришла.

Жили барышни в палатах,

Где теперь Дворец Труда.

Кто ютился в тесных хатах,

Тот теперь пришел сюда.

В нищете долгонько бились

Стрекоза и муравей,

С пауком они сдружились,

Стало жить им веселей.

Что за чудо? Где причину

Раздобреть паук нашел?

Он, как нэпман, паутину

Всюду очень крепко сплел.

Стрекоза пред ним танцует,

Деньги тащит муравей,

Пчелка в улье негодует:

– Тех же шей погуще влей.

3(16) января 1925

15 Французская травка в москве

«Простой цветочек, дикий,

Нечаянно попал в один пучок с гвоздикой,

И от нее душистым стал и сам.

Хорошее всегда знакомство в прибыль нам».

Москва знакомится с Эрбеттом,

Эрбетт знакомится с Москвой.

В Париже Эррио при этом

Качает головой.

Он чует, что в после речистом

Чего-то прежнего уж нет,

И говорит, собрав совет:

«Вот город! Только поселись там,

Совсем иным увидишь свет.

Ах, скоро, скоро наш Эрбетт

В Париж приедет ярым коммунистом».

3(16) января 1925

«Согласятся все историки...»

Согласятся все историки,

что рассказы без риторики

Много лучше, чем ирония

Поэтических речей.

Соловьи, цветы, зорь зарево,

И мечтаний чистых марево,

И природы благовения

Смоет жизненный ручей.

18 сентября (1 октября) 1927

Анастасия

«Унесла мою душу...»

Унесла мою душу

На дно речное.
Волю твою нарушу,
Пойду за тобою.
Любила меня безмерно,
Всё отдала, не считая.
Любви беспредельной верный
В жертвенном пламени тает.
Не спасешь меня смертью своею,
Не уйдешь от меня и за гробом.
Ты мне – камень на шею,
И канем мы оба.
28 ноября 1921

«Я создал легенду любви...»
Я создал легенду любви,
Жизнь обратил я в сказку.
Что же, душа, благослови
Страшную сказки развязку.
Всё это сделал я сам,
Плакать не надо малодушно.
Душу Тому я отдам,
Кому служил я послушно.
Кончаясь, улыбнуся я,
И улыбка моя не слукавит.
Страстная мука моя
Юных иногда позабавит,
И кто-нибудь слезы прольет
Над сказкою жизни жуткой,
И даже поэму сплетет
Мечтатель с душою чуткой.
6 декабря 1921

Колыбельная себе
Чадом жизни истомленный,
Тихо-тихо я пою,
Убаюкать песней сонной
Зыбку шаткую мою.
Спи, грозою опаленный,
Спи, от счастья спасенный,
Баю-баюшки-баю.
Вспомни верное кормило
Невозвратной госпожи,
Обо всем, что с Нею было,
Горько плача, потужи,
Всё, что звало и манило,
Всё, что было в жизни мило,
Туже в узел завяжи.
Вот, полуночная вьюга
Запеваает: «Вью, вью, вью», –
Вея зыбко и упруго
Зыбку легкую мою.
Вышла светлая подруга
Из пылающего круга.
Баю-баюшки-баю.
Кто устал, тому довольно
Щедрых пытками годов.
Кануть вольно иль неволью
В запреднльность он готов.
Руки сжавши богомолью
На груди, где сердцу больно,
Слушай вещей, тихий зов:
«Истлевающие сети
Смертным хмелем перевью.
Покачаю в тайном свете
Зыбку жуткую твою.
Улыбаясь вечной Лете,
Спи, как спят невинно дети,
Баю-баюшки-баю».

«Я дышу, с Тобою споря...»
Я дышу, с Тобою споря,
Ты задул мою свечу.
Умереть в экстазе горя
Не хочу я, не хочу.
Не в метаньях скорби знойной
Брошусь в гибельный поток, –
Я умру, когда спокойный
Для меня настанет срок.
Умерщвлю я все тревоги,
И житейский сорный хлам
На таинственном пороге
Я сожжению предаю.
Обозревши путь мой зорче,
Сяду в смертную ладью.
Пусть мучительные корчи
Изломают жизнь мою.
13 декабря 1921

«Мой ангел будущее знает...»
Мой ангел будущее знает,
Но от меня его скрывает,
Как день томительный сокрыл
Безмерности стремлений бурных
Под тению своих лазурных,
Огнями упоенных крыл.
Я силой знака рокового
Одно сумел исторгнуть слово
От духа горнего, когда
Сказал: – От скорби каменею!
Скажи, соединюсь ли с нею? –
И он сказал с улыбкой: – Да. –
Спросил я: – Гаснут ли мгновенья
В пустынном холоде истленья?
Найду ль чертогов тех ключи,
Где все почиет невредимо,
Где наше время обратимо? –
И он ответил мне: – Молчи. –
Уста, как пламенные розы,
Таили острые угрозы,
Но спрашивать я продолжал:
– Найду ль в безмерности стремленья
Святую тайну воплощенья? –
Он улыбался, но молчал.
9 марта 1922

«Как я с Тобой ни спорил, Боже...»
Как я с Тобой ни спорил, Боже,
Как на Тебя ни восставал,
Ты в небе на змеиной коже
Моих грехов не начертал.
Что я Тебе? Твой раб ничтожный,
Или Твой сын, иль просто вещь,
Но тот, кто жил во мне, тревожный,
Всегда пылал, всегда был вещь.
И много ль я посеял зерен,
И много ль зарослей я сжег,
Но я и в бунте был покорен
Твоим веленьям, вечный Бог.
Ты посетил меня, и горем
Всю душу мне Ты сжег дотла, –
С Тобой мы больше не заспорим,
Всё решено, вся жизнь прошла.
В оцепенении жестоком,
Как бурею разбитый челн,
Я уношусь большим потоком

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
По прихоти безмерных волн.
11 марта 1922

«Творца излюбленное чадо...»
Творца излюбленное чадо,
Храня безмерные мечты,
Под сводами земного ада
В отчаяньи металась ты.
Сожгла тебя трехмерных дымов
Мгновенно-зыбкая игра,
О, шестикрылых серафимов
Лазурно-чистая сестра!
Ушла ты в области блаженных, –
К тебе, в безмерность бытия,
В чертог среди восьми вселенных
Приду и я, любовь моя.
23 марта 1922

«Ты – Воскресение! Ты, Смертью смерть поправ...»
– Ты – Воскресение! Ты, Смертью смерть поправ,
Свершила темный путь, – скажу ль, необратимый?
– Я – Воскресение, и Ты со Мной, любимый.
Смотри, как радужно сверканье райских трав! –
– А горечь терпкая земных Твоих отрав,
И этот грозный рок, немой, неумолимый? –
– В обиде горестной, в тоске невыносимой
Прошла я тяжкий путь, но этот путь был прав. –
– Ко мне Ты низошла горящим серафимом.
Вся жизнь моя была во тьме ползущим дымом.
Простила ли Ты мне безумство диких дней? –
– Пред нами вечный мир, безмерный, многоликий.
Я – Воскресение! Во мне огонь великий!
Смотри, как тает дым тех низменных огней. –
15 апреля 1922

«По цветам, в раю цветущим...»
По цветам, в раю цветущим,
Влагу росную несущим,
Ты идешь, светла, легка,
Стебельков не пригибая,
Ясных рос не отряхая,
Мне близка и далека.
Дай мне силу легким дымом
Вознестися к серафимам,
Охраняющим Твой путь,
Победить земное время
И пространств расторгнуть бремя,
И в безмерном отдохнуть.
17 мая 1922

«Налей в бокал какое хочешь...»
Налей в бокал какое хочешь,
Я выпью всякое вино.
Мне ничего не напророчишь.
Все кончено, все решено.
И что же ты, моя Россия?
И что же о тебе мечты?
Куда ушла Анастасия,
Туда обрушилась и ты.
Но пламеневшая любовью
И в самой смерти спасена,
А ты, упившаяся кровью,
Какому тленью предана!
28 июня 1922

«Войди в меня, побудь во мне...»
Войди в меня, побудь во мне,
Побудь со мною хоть недолго.

Мы помечтаем в тишине.
Смотри, как голубеет Волга.
Смотри, как узкий серп луны
Серебряные тучки режет,
Как прихоть блещущей волны
Пески желтеющие нежит.
Спокоен я, когда Ты здесь.
Уйдешь, – и я в тоске, в тревоге,
Влекусь без сил, разметан весь,
Как взвеванная пыль дороги.
И если есть в душе мечты,
Порой цветущие стихами,
Мне их нашептываешь Ты
Бессмертно-легкими устами.
1 июля 1922

«Когда войдем мы ликовать...»
Когда войдем мы ликовать
В иную весь,
Тебя я буду ревновать
Не так, как здесь.
Не отпущу Тебя одну, –
Даю обет, –
Ни в полевую тишину,
Ни в шумный свет.
Я обведу тебя чертой
Моей любви.
Моею волей и мечтой
Цвети, живи.
Всё, что любила Ты, найдешь
Еще милей,
И от меня не отведешь
Твоих очей.
2 июля 1922

«Я не хочу захоженных дорог...»
Я не хочу захоженных дорог, –
Там стережет зевающая скука.
И без того труд жизни слишком строг,
И все вокруг – несносная долука.
Я не хочу нехоженных дорог, –
Там стережет негаданное горе.
И без того безжалостен к нам Рок.
Изнемогаем в непосильном споре.
И вот я медлю на закате дня
Перед напрасно отпертой калиткой,
И жду, когда Ты поведешь меня,
Измученная пламенной пыткой.
Мой верный вождь, мой друг и госпожа,
Ты различать пути во тьме умела.
Хотя б со страхом, женственно дрожа,
Ты подвиг жизни совершала смело.
Припоминать ли мне, как в темный час
Ты погибала страшно и жестоко,
И я в неведеньи Тебя не спас,
Я, одаренный веденьем пророка?
Об этом думать можно лишь в бреду,
Чтоб умереть, не пережив мгновенья.
Не думаю, не вспоминаю, – жду
Последнего, отрадного явленья.
27 июня (10 июля) 1922

«Прими Ее, мой пламенный двойник...»
Прими Ее, мой пламенный двойник,
Мою приветствуй Алетею,
Склонив к Неи благосклонный лик,
Пока я к здешней жизни тяготеею.
Любовь твоих блаженных дней,

Твоя подруга будет Ей сестрою.
Да озарится мрак Её очей
Безгрешной вашу игрою.
В твоём саду есть дивные цветы.
Цветы Она и здесь любила.
Цветник свой Ей отворишь ты, –
Не надо, чтоб Её тоска томила.
2(15) июля 1922

«Я дикий голод вспоминаю...»
Я дикий голод вспоминаю
И холод безотрадных дней.
Мне горько все, что я вкушаю,
Когда уже не разделяю
Я с Нею трапезы моей.
Мои уста уже не рады
Лобзаньям утренней прохлады,
И вдвое тяжек зной дневной,
Когда Она уж не со мной.
Зимой тепло нагретой печи
Меня уже не веселит.
Я никакой не жажду встречи,
И мне ничто не заменит
Её стремительные речи,
Её капризы и мечты,
И милую неутомимость,
И вечную непримиримость
Её душевной чистоты
С безумным миром и кровавым,
Одною грубой силой правым
И эти милые цветы, –
Пройду ли без печали мимо,
Когда Она среди них незрима.
Во мгле полдневной темноты,
В круженье мирового дыма!
Не сложит полевых в букет,
В салу садовых не посеет,
Заботою не облелеет
Их нежно-радостный расцвет,
И каждый цветик здесь на воле
Напоминает мне до боли,
Что здесь со мной Её уж нет.
3(16) июля 1922

«Всё дано мне в избытке...»
Всё дано мне в избытке, –
Утомление труда,
Ожиданий злые пытки,
Голод, холод и беда,
Деготь ярых поношений,
Строгой славы горький мед,
Яд безумных искушений,
И отчаяния лед,
И – венец воспоминанья,
Кубок, выпитый до дна, –
Незабвенных уст лобзанья, –
Всё, лишь радость не дана.
19 июля 1922

Парижские песни
1 «Раб французский иль германский...»
Раб французский иль германский
Все несет такой же гнет,
Как в былые дни спартанский,
Плетью движимый, илот,
И опять его подруга,
Как раба иных времен,
Бьется в петлях, сжатых туго,

Для утех рантьерских жен,
Чтоб в театр национальный
Приезжали, в Оре га,
Воры бандою нахальной,
Коротая вечера,
Чтоб огни иллюминаций
Звали в каждый ресторан
Сволочь пьяную всех наций
И грабителей всех стран, –
Ты во дни святых восстаний
Торжество победы знал
И у стен надменных зданий,
Умирая, ликовал.
Годы шли, – теперь взгляни же
И пойми хотя на миг,
Кто в Берлине и в Париже
Торжество свое воздвиг.
2 «Здесь и там вскипают речи...»
Здесь и там вскипают речи,
Смех вскипает здесь и там.
Матовы нагие плечи
Упоенных жизнью дам.
Сколько света, блеска, аромата!
Но кому же этот фимиам?
Это – храм похмелья и разврата,
Храм бесстыдных и продажных дам.
Вот летит за парой пара,
В жестах отменяя стыд,
И румынская гитара
Утомительно бренчит.
Скалят зубы пакостные франты,
Тешит их поганая мечта, –
Но придут иные музыканты,
И пойдет уж музыка не та,
И возникнет в дни отмщенья,
В окровавленные дни,
Злая радость разрушенья,
Облеченная в огни.
Все свои тогда свершит угрозы
Тот, который ныне мал и слаб,
И кровавые рассыплет розы
Здесь, на эти камни, буйный раб.
10 мая 1914 Париж

Бренное
Упрекай меня в чем хочешь –
Слез моих ты не источишь,
И в последний, грозный час
Я пойду тебе навстречу
И на смертный зов отвечу:
«Зло от бога, не от нас!
Он смешал с водою землю,
И смиренно я приемлю,
Как целительный нектар,
Это божье плюновенье,
Удивительное бренье,
Дар любви и дар презренья,
Малой твари горний дар.
Этой вязкой, теплой тины,
Этой липкой паутины
Я умел презреть полон.
Прожил жизнь я улыбаясь,
Созерцаньям предаваясь,
Всё в мечты мои влюблен.
Мой земной состав изношен,
И куда ж он будет брошен?
Где надежды? Где любовь?
Отвратительно и гнило

Будет всё, что было мило,
что страдало, что любило,
в чем живая билась кровь.
Что же, смейся надо мною,
я слезы твоей не стою,
Хрупкий делатель мечты,
Только знаю, царь небесный,
что голгофской мукой крестной
Человек страдал, не ты».
28 мая 1914 Арль

Пьяный поэт

Мне так и надо жить, безумно и вульгарно,
Дни коротать в труде и ночи в кабаке,
Встречать немой рассвет тоскливо и угарно,
И сочинять стихи о смерти, о тоске.
Мне так и надо жить. Мучительную долю
Гореть в страстном огне и выть на колесе
я выбрал сам. Убил я царственную волю,
В отравах утопил я все отрады, все.
7 июля 1914 Тойла

«Цветы для наглых, вино для сильных...»

Цветы для наглых, вино для сильных,
Рабы послушны тому, кто смел.
На свете много даров обильных
Тому, кто сердцем окаменел.
Что людям мило, что людям любо,
в чем вдохновенье и в чем полет,
Все блага жизни тому, кто грубо
и беспощадно вперед идет.
О правде мира что б ни сказали,
всё это – сказки, всё это – ложь
Мечтатель бледный, умри в подвале,
Где стены плесень покрыла сплошь.
Подвальный воздух для чахлой груди,
и обещанье загробных крыл.
И вы хотите, о люди, люди,
чтоб жизнь земную я полюбил.
9 июля 1914 Тойла

«Под сводами Утрехтского собора...»

Под сводами Утрехтского собора
Темно и гулко.
Под сводами Утрехтского собора
Поет орган.
С Маргрет из Башенного переулка
Венчается сапожник Яков Дан
Под пение торжественного хора.
Под сводами Утрехтского собора
В слезах невеста.
Под пение торжественного хора
Угрюм жених.
«Вы все из одинакового теста», –
Он думает, нахмурен, зол и тих,
Под сводами Утрехтского собора.
Под пение торжественного хора
Венчай их, боже!
Под сводами Утрехтского собора
чуть брезжит свет.
В каморке плетка есть из новой кожи,
и знает это бледная Маргрет
Пол сводами Утрехтского собора.
16 июля 1914 Иеве – Тойла

Маргрета и Леберехт
Шутливая песенка
С милой, ясной

Девой красной,
С этой бойкою Маргретой,
Знойным летом разогретой,
Песни пел в лесочке кнехт,
Разудалый Леберехт.
Звонко пели,
Как свирели.
Леберехт твердил Маргрете:
«Краше девки нету в свете!
Но, Маргрета, вот что знай:
Ты с другими не гуляй!»
Ах, Маргрета
В это ж лето,
Не нарочно, так, случайно,
С подмастерьем Куртом тайно
Обменяла поцелуй
На берегу веселых струй.
Но от кнехта
Леберехта
Не укрылася Маргрета, –
Леберехт все видел это.
Только лишь слились уста,
Леберехт из-за куста.
Курт умчался,
Кнехт остался.
Слов не тратил на угрозы.
Кнехту смех, а Грете слезы.
Но уж с той поры она
Кнехту так была верна!
Скоро с кнехтом
Леберехтом
Под венец пошла Маргрета,
Точно барышня одета,
И уехал Леберехт
Вместе с Гретою в Утрехт.
19 июля 1914

Стансы Польше
Ты никогда не умирала, –
Всегда пленительно жива,
Ты и в неволе сохраняла
Твои державные права.
Тебя напрасно хоронили, –
Себя сама ты сберегла,
Противоставив грозной силе
Надежды, песни и дела.
Твоих поэтов, мать родная,
Всегда умела ты беречь,
Восторгом сердца отвечая
На их пророческую речь.
Не заслужили укорины
Твои сыны перед тобой, –
Их каждый труд был для отчины,
Над Вислой, как и над Невой.
И ныне, в год великой битвы,
Не шлю проклятия войне.
С твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мне.
Не дли ее страданий дольше, –
Молю небесного отца, –
Перемени великой Польше
На лавры терния венца.
12 августа 1914 Петербург

Гадание
Какой ты будешь, Новый год?
Что нам несешь ты? радость? горе?
Идешь, и тьма в суровом взоре,

Но что за тьмою? пламень? лед?
Кто разгадает предвещанья,
Что так невнятно шепчешь ты
У темной роковой черты
В ответ на робкие гаданья?
Но как в грядущем ни темно
И как ни мглысты все дороги,
Мне на таинственном пороге
Одно предвестие дано:
Лишь только сердце бьется верно,
А все земные бури – дым;
Все будет так, как мы хотим,
Лишь стоит захотеть безмерно.
30 декабря 1914

Россия
Еще играешь ты, еще невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идешь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.
Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешешь, волнуешься, и мнешь, и мнешь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела
Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,
И чувствуешь, что вот пришла твоя пора,
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.
12 марта 1915

«Тебя господь накажет...»
Тебя господь накажет
За то, что ты – смешной;
Тебя навеки свяжет
Он с мукою земной.
Смеяться горько будешь
Над тусклой жизнью ты
И сам себя осудишь
За яркие мечты.
В немую бездну канут
Огни святых минут,
А люди не устанут
Кричать: «Эй, старый шут!»
Насмешками измучат, –
Ведь ты – смешной дурак!
И на лоб нахлобучат
Изношенный колпак,
И на арену кинут.
«Пляши, когда велят!»
Ну что ж! колпак надвинут,
Бубенчики звенят,
Смешные слезы мочат
Морщины блеклых щек,
И все кругом хохочут
На каждый твой прыжок.
5 мая 1915

«Обыдиотилась совсем...»
Обыдиотилась совсем,
Такая стала несравненная,
Почти что ничего не ем
И улыбаюсь, как блаженная,
И, если дурой назовут,
Приподниму я брови черные.
Мои мечты в раю цветут,
А здесь все дни мои покорные.

Быть может, так и проживу
Никем не узнанной царицею,
Дразня стоустую молву
Всегда безумной небылицею.
7 июня 1915 Волга

«Не презирай хозяйственных забот...»
Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы.
Не говори: «Копейки и рубли!
Завязнуть в них душой – такая скука!»
Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создает их строгая наука.
Молитвы и мечты живой сосуд,
Господень храм, чертог высокий отчий,
Его внимательно расчислил зодчий,
Его сложил объединенный труд.
А что за песни спят еще, в народе!
Какие силы нищета гнетет!
Не презирай хозяйственных забот, –
Они ведут к восторгу и к свободе.
11 июля 1915

«Быть может, нисхожу я вниз...»
Быть может, нисхожу я вниз,
К долине темного заката,
Зато я никогда не грыз
И не преследовал собрата.
Не опался на того,
Кто больше взыскан громкой славой,
Не ополчался на него
Хулою зависти лукавой.
А если был порой суров
И отвращался от ничтожных,
И не творил себе богов
Из мелких идолов и ложных, –
Прости меня, всезрящий бог,
За верный труд всей долгой жизни,
За утомленье злых дорог
И за любовь мою к отчизне.
14 августа 1915 На Волге

На Волге
Плыву вдоль волжских берегов,
Гляжу в мечтаньях простодушных
На бронзу яркую лесов,
Осенней прихоти послушных.
И тихо шепчет мне мечта:
«Кончая век, уже недолгий,
Приди в родимые места
И догорай над милой Волгой».
И улыбаюсь я, поэт,
Мечтам сложивший много песен,
Поэт, которому весь свет
Для песнопения стал тесен.
Скиталец вечный, ныне здесь,
А завтра там, опять бездомный,
Найду ли кров себе и весь,
Где положу мой посох скромный?
21 сентября 1915 Волга. Кострома – Нагорево

Объявления
Нужны врачи и фельдшера, –
Так объявляют все газеты, –
Нужны портные-мастера.
А вот кому нужны поэты?

Где объявление найдешь:

«Поэта приглашаем на дом
Затем, что стало невтерпеж
Обычным объясняться складом.
И мы хотим красивых слов,
И души в плен отдать готовы!»

Купить имение готов.

Нужны молочные коровы.

23 февраля 1916 Орел – Поныри. Вагон

«На свете много благоуханной и озаренной красоты...»

На свете много благоуханной и озаренной красоты.

Забава девам, отрада женам – весенне-белые цветы.

Цветов весенних милее жены, желанней девы, – о них мечты.

Но кто изведал уклоны жизни до вечно темной, ночной черты,

Кто видел руку над колыбелью у надмогильной немой плиты,

Тому понятно, что в бедном сердце печаль и радость навеки слиты.

Ликуй и смейся над вещью бездной, всходи беспечно

на все мосты,

А эти стоны: «Дышать мне нечем, я умираю!» –

поймешь ли ты?

4 мая 1916 Таганрог – Ялта

«Хнык, хнык, хнык!»...»

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

Прошлый раз тебя я видел, –

Ты был горд,

кто ж теперь тебя обидел,

Бог иль черт?

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

Ах, куда, куда ни скочишь,

Всюду ложь.

Поневоле, хоть не хочешь,

Заревешь.

Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

Что тебе чужие бредни,

Милый мой?

Ведь и сам ты не последний,

Крепко стой!

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык. –

Знаю, надо бы крепиться,

Да устал.

И придется покориться,

Кончен бал.

Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

Ну так что же! Вот и нянька

Для потех.

Ты на рот старухи глянь-ка, –

что за смех!

«Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык. –

Этой старой я не знаю,

Не хочу,

Но её не отгоняю

И молчу.

Хнык, хнык, хнык!» –

Хныкать маленький привык.

5 сентября 1916 Княжино

«Какая покорность в их плаче...»

Какая покорность в их плаче!
Какая тоска!
И как же иначе?
Бежит невозвратно река.
Уносятся грузные барки
С понурой толпой,
И слушают Парки
Давно им наскучивший вой.
К равнине уныло
Осенние никнут дожди.
Уж раз проводила,
Так сына обратно не жди.
Уж слезы разлучные льются,
Кропя его путь.
Ему не вернуться
Припасть на вскормившую грудь.
Там, где-то в чужбине,
Далёко от знаемых мест,
В чужой домовине
Он ляжет под дружеский крест.
1 октября 1916 Ардаши – Ряхино. Вагон

«Пробегают грустные, но милые картины...»

Пробегают грустные, но милые картины,
Сотни раз увиденный аксаковский пейзаж.
Ах, на свете все из той же самой глины,
И природа здесь всегда одна и та ж!
Может быть, скучает сердце в смене повторений,
Только что же наша скука? Пусть печалит, пусть!
Каждый день кидает солнце сети теней,
И на розовом закате тишь и грусть.
Вместе с жизнью всю ее докучность я приемлю,
Эти речки и проселки я навек избрал,
И ликует сердце, оттого что в землю
Солнце вновь вонзилось миллионом жал.
5 октября 1916 Люблинская – Омск. Вагон

«Только мы вдвоем не спали...»

Только мы вдвоем не спали,
Я и бледная луна.
Я был темен от печали,
А луна была ясна.
И луна, таясь, играя
Сказкой в зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.
Но, восторгом опьяненный,
Я взметнул мою луну
От земли, в нее влюбленной,
Высоко на крутизну.
Что порочно, что безгрешно,
Вместе всё луна сплела, –
Стала ночь моя утешна,
И печаль моя – светла.
7 октября 1916 Омск – Новониколаевск. Вагон

«Душа моя, благослови...»

Душа моя, благослови
И упоительную нежность,
И раскаленную мятежность,
И дерзновения любви.
К чему тебя влечет наш гений,
Твори и в самый темный день,
Пронзая жуть, и темь, и тень
Сияньем светлых вдохновений.
Времен иных не ожидай, –
Иных времен и я не стою, –

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
И легкокрылою мечтою
Уродства жизни побеждай.
30 ноября 1916

«Как остро наточил я стрелы...»
Как остро наточил я стрелы!
Как отравил я острия!
Какие дальние пределы
Для стрел моих наметил я!
Но отчего же враг не воет,
Предсмертную почуяв боль?
Да что, – и говорить не стоит, –
Ах, на колчане бандероль!
И вот ликующую братью
Не нижез острая стрела,
И за казенною печатью
Колчан мой лента обвила.
25 января 1917

«Как ярко возникает день...»
Как ярко возникает день
В полях оснеженных, бегущих мимо!
Какая зыбкая мелькает тень
От беглых белых клочьев дыма!
Томившая в ночном бреду,
Забыта тягость утомлений,
И память вновь приводит череду
Давно не мной придуманных сравнений.
И сколько б на земле ни жить,
Но радостно над каждым утром
Всё тем же неизбежным перламутром
И тою и бирюзою ворожить.
Людей встречать таких же надо снова,
Каких когда-то знал Сократ,
А к вечеру от счастья земного
Упасть в тоске у тех же врат,
И так же заломивши руки,
И грудью жадною вдыхая пыль,
Опять перековать в ночные муки
Земную сладостную быль.
4 февраля 1917 Бахмач – Гомель

«Тяжелый и разящий молот...»
Тяжелый и разящий молот
На ветхий опустился дом.
Надменный свод его расколот,
И разрушенье словно гром.
Все норы самовластных таин
Раскрыл ликующий поток,
И если есть меж нами Каин,
Бессилен он и одинок.
И если есть средь нас Иуда,
Бродящий в шорохе осин,
То и над ним всевластно чудо,
И он мучительно один.
Восторгом светлым расторгая
Змеиный ненавистный плен,
Соединенья весть благая
Создаст ограды новых стен.
В соединении – строенье,
Великий подвиг бытия.
К работе бодрой станьте, звенья
Союзов дружеских куя.
Назад зовущим дети Лота
Напомнят горькой соли столп.
Нас ждет великая работа
И праздник озаренных толп.
И наше новое витийство,

Свободы гордость и оплот,
Не на коварное убийство –
На подвиг творческий зовёт.
Свободе ль трепетать измены?
Дракону злomu время пасть.
Растают брызги мутной пены,
И только правде будет власть!
15 марта 1917

«Народ торжественно хоронит...»
Народ торжественно хоронит
Ему отдавших жизнь и кровь.
И снова сердце стонет,
И слезы льются вновь.
Но эти слезы сердцу милы,
Как мед гиметских чистых сот.
Над тишиной могилы
Свобода расцветет.
22 марта 1917

Анне Ахматовой
Прекрасно все под нашим небом,
И камни гор, и нив цветы,
И, вечным справедливым фебом
Опять обласканная, ты,
И это нежное волненье,
Как в пламени синайский куст,
Когда звучит стихотворенье,
Пчела над зыбким медом уст,
И кажется, что сердце вынет
Благочестивая жена
И милостиво нам подвинет,
Как чашу пьяного вина.
23 марта 1917

Расточитель
Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.
И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
«Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.
Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!
Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст!
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!
И еще вожделенной лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтань
И певучая сладость стихов.
У тебя, милосердного бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!»
13 июня 1917 Княжнино, под Костромой

Девочка Луна
Ты хочешь, девочка луна,
Скользящая в просторах неба,
Отведать горнего вина
И нашего земного хлеба.
Одежды золотая сеть

Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твое медлительное тело.
Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поешь ты в благодатном хоре.
Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.
12 августа 1917 Поля под Костромой

«Насладился я жизнью, как мог...»
Насладился я жизнью, как мог,
Испытал несказанные пытки,
И лежу, изнемогши, у ног
Той, кто дарит страданье в избытке.
И она на меня не глядит,
Но уста ее нежно-лукавы,
И последнюю, знаю, таит
И сладчайшую чашу отравы
Для меня. Не забудет меня
И меня до конца не оставит,
Все дороги последнего дня
Нежной лаской своей излукавит.
3 июня 1918 Петроград – Кострома. Вагон

«И это небо голубое...»
И это небо голубое,
И эта выпренная тишь!
И кажется, дитя ночное,
К земле стремительно летишь,
И радостные взоры клонишь
На безнадежную юдоль,
Где так мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.
А всё-таки стремиться надо
И в нетерпении дрожать.
Не могут струи водопада
Свой бег над бездной задержать.
Не может солнце стать незрячим,
Не расточать своих лучей,
Чтобы, рожденное горячим,
Всё становиться горячей.
Порыв, стремление, лихорадка –
Закон рожденных солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Всё, что от неба получил.
6 – 7 июня 1918 Княжино

Астероид
В путях надмарсовых стремлюсь вокруг солнца я,
Земле неведомый и темный астероид.
Расплавленный металл – живая кровь моя,
И плоть моя – трепещущий коллоид.
Приникнуть не могу к тебе, земной двойник,
Отвеян в пустоту дыханием Дракона.
Лишь издали гляжу на солнцев светлый лик,
И недоступно мне земное лоно.
Завидую тебе: ты волен, слабый друг,
Менять свои пути, хотя и в малом круге,
А мой удел – чертить все тот же вечный круг
Всё в той же бесконечно-скучной вьюге.
7 июня 1918 Княжино – Кострома. Дорога

«Милая мать, ты – Мадонна...»
Милая мать, ты – Мадонна,

А твой сын – младенец Христос.
Учи его умирать без стона,
Учи его страдать без слез.
Больше ничего от тебя не надо.
Его судьбы ты никогда не поймешь.
Завидишь сени Гефсиманского сада –
Сама вонзи себе в сердце нож.
8 августа 1918 княжнино

«Дорога от дождя размокла...»
Дорога от дождя размокла.
Я подвернул мои штаны.
Босые ноги, точно свекла,
Совсем от холода красны.
Иду с трудом по липкой грязи.
Из-за пролившихся дождей
Не стану порывать я связи
С землю милую моей.
Пусть грязь, тесняся через пальцы,
Марают ноги, – ну так что ж!
Бредут к святым местам скитальцы,
И ты до дома добредешь.
26 сентября 1918

«Алый мак на желтом стебле...»
Алый мак на желтом стебле,
Папиросный огонек,
Синей змейкою колеблюсь,
Поднимается дымок.
Холодея, серый пепел
Осыпается легко.
Мой приют мгновенно-тепел,
И ничто не глубоко.
Жизнь, свивайся легким дымом!
Ничего уже не жаль.
Даль в тумане еле зрима, –
Что надежды! Что печаль!
Всё приходит, всё отходит,
Развевается, как дым;
И в мечтаньях о свободе,
Улыбаясь, отгорим.
20 марта 1919

«Благодарю тебя, перуанское зелие...»
Благодарю тебя, перуанское зелие!
Что из того, что прошло ты фабричное ущелие
Всё же мне дарит твоё курение
Легкое томное головокружение.
Слежу за голубками дыма и думаю:
Если б я был царем Монтезумою,
Сгорая, воображал бы я себя сигарою,
Благоуханною, крепкою, старою.
Огненной пыткой вконец истомленному,
Улыбнулась бы эта мечта полусожженному.
Но я не царь, безумно сожженный жестокими,
Твои пытки мне стали такими далекими.
Жизнь мне готовит иное сожжение,
А пока утешай меня, легкое тление,
Отгоняй от меня, дыхание папиросное,
Наваждение здешнее, сердцу несносное,
Подари мне мгновенное, зыбкое веселие.
Благословляю тебя, перуанское зелие!
25 марта 1919

«Я испытал превратности судеб...»
Я испытал превратности судеб
И видел много на земном просторе.
Трудом я добывал свой хлеб,

И весел был, и мыкал горе.
На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
И пусть таящийся во мгле
Меня стремительно поверяет.
Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, –
Мой труд. Иных земных наград
Не жду за здешний дикий холод,
Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
»Что сделал ты?» – меня он вниз
Железным посохом не сбросит.
Скажу: «Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
И вообще мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.
Но я – поэт». И улыбнется он,
И разорвет грехов рукописанье,
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье.
Не затеряется и голос мой
В хваленых ангельских, горящих ясно.
Земля была моей тюрьмой,
Но здесь я прожил не напрасно.
Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
В благоуханье райских трав
Вольется благовонным дымом.
8 апреля 1919

«Для тебя, ликующего Феба...»
Для тебя, ликующего Феба,
Ясны начертанья звездных рун,
Светлый бог! ты знаешь тайны неба,
Движешь солнцы солнц и луны лун.
Что тебе вся жизнь и все томленье
На одной из зыблемых земель!
Но и мне ты даришь вдохновенье,
Завиваешь вакхов буйный хмель.
И мечтой нетленной озлатило
Пыльный прах на медленных путях
Солнце, лучезарное светило,
Искра ясная в твоих кудрях.
От тебя, стремительного бога,
Убегают, тая, силы зла,
И твоя горит во мне тревога.
Я – твоя пернатая стрела.
Мне ты, Феб, какую цель наметил,
Как мне знать и как мне разгадать!
Но тобою быстрый лет мой светел,
И не мне от страха трепетать.
Пронесусь над косными путями,
Прозвучу, как горняя свирель,
Просияю зоркими лучами
И вонжусь в намеченную цель.
11 мая 1919

«Мне паутину не плести...»
Мне паутину не плести,
Хочу идти все к той же цели.
Свивайтесь, косные пути!
Качайтесь, томные качели!
И утешенье, и печаль,
И озарения, и тени
В неведомую манят даль,
Под неизведанные сени.
Так, я судьбу мою постиг,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
И пусть судьба мне вяжет сети,
Иду вперед, и каждый миг
Тенета разрываю эти.
17 мая 1919

«Ты дал мне душу зыбкую...»
Ты дал мне душу зыбкую,
Как папиросный дым,
Ты наделил меня улыбкою,
С которою следим
Мы, вещи, кружение
Медлительных веков
И легкое сожжение
Заморских табаков.
Прими мое курение
Как сладкий фимиам.
С ним шлю тебе моление,
И душу с ним отдаю
В тот час, когда курноса
С улыбкой ледяной
Примчится, длиннокося,
За мной.
17 августа 1919

«Бесконечно длинный...»
Бесконечно длинный,
ровный, тонкий, звонкий,
весь из светлой стали,
Льется под колеса
скучный путь рекою
в дальние края,
И, качаясь томно
от надежды беглой
до святой печали,
Уношусь безвольно,
странник самовольный,
и мечтаю я.
Поле зеленеет,
ландыш дышит нежно,
солнце светит ясно...
По лесным тропинкам
в тишину и в тени
хорошо б идти...
Тяжкие колеса
громяхают мерно,
но душа бесстрашна,
Мудрости покорной
на земле жестокой
все равны пути.
22 мая 1920 Химки – Москва. Вагон

«Поэт, ты должен быть бесстрастным...»
Поэт, ты должен быть бесстрастным,
Как вечно справедливый бог,
Чтобы не стать рабом напрасным
Ожесточающих тревог.
Воспой какую хочешь долю,
Но будь ко всем равно суров.
Одну любовь тебе позволю,
Любовь к сплетенью верных слов.
Одною этой страстью занят,
Работай, зная наперед,
что жала слов больнее ранят,
чем жала пчел, дающих мед.
И муки и услады слова, –
в них вся безмерность бытия.
Не надо счастья иного.
Вот круг, и в нем вся жизнь твоя.

Что стоны плачущих безмерно
Осиротелых матерей?
Чтоб слово прозвучало верно,
И гнев и скорбь в себе убей.
Любить, надеяться и верить?
Сквозь дым страстей смотреть на свет?
Иными мерами измерить
Всё в жизни должен ты, поэт.
Заставь заплакать, засмеяться.
Но сам не смейся и не плачь,
Суда бессмертного боятся
Должны и жертва и палач.
Всё ясно только в мире слова,
Вся в слове истина дана.
Всё остальное – бред земного
Бесследно тающего сна.
22 – 23 мая 1920 Москва

«В стихийном буйстве жизни дикой...»
В стихийном буйстве жизни дикой
Бесцельно, суетно спеша,
Томясь усталостью великой,
Хладеет бедная душа.
Замкнись, же в тесные пределы,
В труде упорном отдохни,
И думы заостри, как стрелы,
И разожги свои огни.
23 мая 1920 Москва

«Не свергнуть нам земного бремени...»
Не свергнуть нам земного бремени.
Изнемогаем на земле,
Томясь в сетях пространств и времени,
Во лжи, уродстве и во зле.
Весь мир для нас – тюрьма железная,
Мы – пленники, но выход есть.
О родине мечта мятежная
Отрадную приносит весть.
Поднимешь ли глаза усталые
От подневольного труда –
Вдруг покачнутся зори алые
Прольется время, как вода.
Качается, легко свивается
Пространств тяжелых пелена,
И, ласковая, улыбается
Душе безгрешная весна.
24 мая 1920 Москва

«Снова покачнулись томные качели...»
Снова покачнулись томные качели.
Мне легко и сладко, я люблю опять.
Птичьи переклички всюду зазвенели.
Мать Земля не хочет долго тосковать.
Нежно успокоит в безмятежном лоне
Всякое страданье Мать сыра Земля,
И меня утешит на последнем склоне,
Простодушным зельем уберет поля.
Раскачайтесь выше, зыбкие качели!
Рейте, вейте мимо, радость и печаль!
Зацветайте, маки, завивайтесь, хмели!
Ничего не страшно, ничего не жаль.
24 мая 1920 Москва

«Поднимается дева по лесенке...»
Поднимается дева по лесенке
И поет, соловьем заливается.
Простодушный напев милой песенки
С ароматом весенним свивается.

Ах, веселые, нежные песенки
Сладко петь и на узенькой лесенке.
Поднимается к тесной светелочке,
Веселей голубка сизокрылого.
Там любимые книги на полочке,
На столе фотография милого.
Ах, уютно в непышной светелочке, –
Память милого, книги на полочке.
Вот вошла, открывает окошечко
И поет, соловьем заливается.
На плечо к ней вскарабкалась кошечка
И к веселой хозяйке ласкается.
Ах, весна улыбнулась в окошечко,
Забавляет, мурлыкает кошечка.
29 –30 мая 1920 Москва

«В норе темно и мглисто...»
В норе темно и мглисто,
Навис тяжелый свод,
А под норою чисто
Стремленье горных вод.
Нору мою оставляю,
Построю крепкий дом,
И не простор прославлю,
Не светлый водоем,
Прославлю я ограды
И крепость новых стен,
И мирные отрады,
И милый сердцу плен.
Тебя, оград строитель,
Прославить надо мне.
Ликующий хранитель,
Живи в моем огне.
Все ночи коротая
В сырой моей норе
И утром насекая
Заметки на коре,
Скитаяся в пустыне,
В пыли дневных дорог,
В безрадостной гордыне
Я сердцем изнемог.
Устал я. Сердцу больно.
Построить дом пора.
Скитаний мне довольно.
Прощай, моя нора!
Хочу я новоселья,
Хочу свободных слов,
Цветов, Огней, веселья,
Вина, любви, стихов!
3 июля 1920

«Птичка низко над рекою...»
Птичка низко над рекою
Пронеслась, крылом задела
Всколыхнувшуюся воду
И лазурную стезею
Снова быстро полетела
На простор и на свободу.
Ветер вольный, быстролетный
На дороге взвевял пылью,
Всколыхнул кусты и воду
И помчался, беззаботный,
Над земною скучной былью
На простор и на свободу.
Людям песенку сложил я,
Словно лодочку столкнул я
С отмели песочной в воду,
И о песне позабыл я,

И опять мечте шепнул я:
«На простор и на свободу!»
4 июля 1920 Княжнино

«Ветер наш разгульный...»
Ветер наш разгульный,
Ветер наш земной,
Песни богохульной
Надо мной не пой.
Кто подобен ветру,
Тот потупит взгляд.
Стих покорен метру,
Сердце бьется в лад.
Правит нашим миром
Светлый Аполлон.
Сердцу, песням, лирам
Жизнь дарует он.
Все земные доли
Он из солнца льет.
Он и ветру в поле
Указал полет.
Ветер, ветер вольный,
Вождь летучих туч,
Ты не силой дольной
Волен и могуч.
4 июля 1920 Княжнино

«Широк простор, и долог путь...»
Широк простор, и долог путь,
И высоко простерлось небо.
Безгранен мир, и отдохнуть
Не хочет ветреная Геба.
Звезду к звезде примкнул эфир,
Вихреобразный, крепче стали.
Все так же буен вечный пир,
И кони феба не устали.
Всё чаша дивная полна,
Всемирные нетленны узы.
Не истощатся времена,
Пространств не расточатся грузы.
Но этот мир весь – только след
Иного мира. Он неведом,
И речь о нем – безумный бред,
Ей навсегда остаться бредом.
И в мире том живу я, цел
От первых вздохов до могилы.
Юдольный проходя удел,
По мигам растворяю силы.
Я поглощаю в каждый миг
И предаю земле земное,
И лишь в гаданиях постиг
Предначертанье роковое.
О том, чем жизнь моя жива,
Сказать мечта напрасно хочет.
Мертвы и холодны слова,
Альдонса грубая хохочет.
Еще всесильная теперь,
Она с мечтой бессмертной спорит.
Альдонса, бедная, поверь, –
Нам Дульцинея дверь отворит.
И, в несказанном бытии
Земные свергнувши вериги,
Опять соединим свои,
Здесь расточаемые, миги.
4 июля 1920 Княжнино

«Людская душа – могила...»
Людская душа – могила,

Где сотворивший мирно спит.
Жизнь живую земля покрыла,
Травами, цветами она говорит.
Приходи помечтать над могилой,
Если сам не умер давно.
Проснется с несказанною силой
Всё, что казалось темно,
И травы приклонятся к травам,
Цветы улыбнутся цветам,
И ветер зашепчет дубравам,
Нивам, полям и кустам.
7 июля 1920 Княжнино

«Твоя любовь – тот круг магический...»
Твоя любовь – тот круг магический,
Который нас от жизни отделил.
Живу не прежней механической
Привычкой жить, избытком юных сил.
Осталось мне безмерно малое,
Но каждый атом здесь объят огнем.
Неистошимо неусталое
Пыланье дивное – мы вместе в нем.
Пойми предел, и устремление,
И мощь вихреобразного огня,
И ты поймешь, как утомление
Безмерно сильным делает меня,
11 июля 1920

Баллада о высоком доме
Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше ближе к небесам.
Воплощение верной чести,
Возводи строение выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов, любят мыши,
Высота нужна орлам.
Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звезды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеням,
Слушай радостные вести,
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте
Приникай всё ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.
Сердце к солнцу тяготеет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, – там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость, припуталася к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам...
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.
послание
Поднимай, строитель, крыши
Выше, выше к облакам.

Пусть снуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.
14 июля 1920 Княжнино

«Пал на небо серый полог...»
Пал на небо серый полог,
Серый полог на земле.
Путь во мгле безмерно долог,
Долог путь в туманной мгле.
Веет ветер, влажный, нежный,
Влажно-нежный, мне в лицо.
Ах, взошел бы, безмятежный,
На заветное крыльцо!
Постоял бы у порога,
У порога в светлый дом,
Помечтал бы хоть немного,
Хоть немного под окном,
И вошел бы, осторожный,
Осторожно в тот уют,
Где с улыбкой бестревожной
Девы мудрые живут!
20 июля 1920

«Песок, текущий как струя...»
Песок, текущий как струя,
Весь чистый, белый и сухой;
Здесь прохожу неспешно я
С дорожной сумкою, босой.
Легко и тихо все вокруг,
Ни хохота, ни мук, ни слез,
И лишь звенит поволжский луг
От стрекотания стрекоз.
21 июля 1920 Княжнино

«Сквозь туман едва заметный...»
Сквозь туман едва заметный
Тихо блещет кострома,
Словно Китеж, град заветный, –
Храмы, башни, терема.
Кострома – воспоминанья,
Исторические сны,
Легендарные сказанья,
Голос русской старины,
Уголок седого быта,
Новых фабрик и купцов,
Где так много было скрыто
Чистых сил и вещей снов.
В золотых венцах соборов,
Кострома, светла, бела,
В дни согласий и раздоров
Былью русскою жила.
Но от этой были славной
Сохранила что она?
Как в Путивле Ярославна,
Ждет ли верная жена?
5 – 22 июля 1920 Княжнино

«Туман и дождь. Тяжелый караван...»
Туман и дождь. Тяжелый караван
Лохматых туч влачится в небе мгlistом.
Лесною гарью воздух горько пьян,
И сладость есть в дыхании смолистом,
И радость есть в уюте прочных стен,
И есть мечта, цветущая стихами.
Печальный час, и ты благословен
Любовью, сладкой памятью и снами.
24 июля 1920 Княжнино

«Узнаёшь в тумане зыбком...»

Узнаёшь в тумане зыбком
Всё, чем сердце жило прежде,
Возвращаешься к улыбкам
И к мечтательной надежде.
Кто-то в мочки пару серег,
Улыбаясь, продевает
И на милый, светлый берег
Тихой песней призывает,
Посидеть на куче бревен,
Где тихонько плещут волны,
Где песочный берег ровен,
Поглядеть рыбачьи челны,
Рассказать, чем сердце жило,
Чем болело и горело,
И кого оно любило,
И чего оно хотело.
Так мечтаешь, хоть недолго,
О далекой, об отцветшей.
Имя сладостное Волга
Сходно с именем ушедшей.
В тихий день воспоминанья
Так утешны эти дали,
Эти бледные мерцанья,
Эти мгlistые вуали.
24 июля 1920 Княжнино

«Когда я стану умирать...»

Когда я стану умирать,
Не запоеет ли рядом птичка,
И не проснется ли привычка
В бессильи силы собирать?
Мой вздох последний замедляя,
Не встанет ли передо мной
Иная жизнь, иной весной
Меня от смерги откликая?
Не в первый раз рожденный, я
Смерть отклоню упрямой волей
И отойду от смертных болей
Еще послушать соловья,
30 июля 1920 Княжнино

«Знойно туманится день...»

Знойно туманится день,
Гарью от леса несет,
Тучи лиловая тень
Тихо над Волгой ползет.
Знойное буйство, продлись!
Длись, верховный пожар!
Чаша земная, курись
Неистошцимостью чар!
Огненным зноем живу,
Пламенной песней горю,
Музыкой слова зову
Я бирюзу к янтарю.
Тлей и алей, синева,
В буйном кружении вьюг!
Я собираю слова,
Как изумруд и жемчуг,
1 августа 1920 Княжнино

«Туманы над Волгою милой...»

Туманы над Волгою милой
Не спорят с моею мечтой,
И всё, что, блистая, томило,
За мгlistую никнет чертой.
Туманы над милою Волгой
В забвении тусклых болот

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Пророчат мне счастья недолгий,
Но сладостно-ясный полет.
3 августа 1920 Княжнино

«Сквозь вещей сумрак настроений...»
Сквозь вещей сумрак настроений
Ко мне всегда приходишь ты,
И неизбежность повторений
Слагает те же все черты.
Одно и то же любим вечно,
Одна и та же все мечта,
Одним стремленьем бесконечно
Душа живая занята,
И радость светлых вдохновений,
С земной сплетаясь мечтой,
Вливает яды настроений
Всё в тот же кубок золотой.
3 августа 1920 Княжнино

«Приди ты поздно или рано...»
Приди ты поздно или рано,
Все усложни или упрости,
Словами правды иль обмана, –
Ты мне всегда желанный гость.
Люблю твой взор, твою походку
И пожиманье тонких плеч,
Когда в мечтательную лодку
Тебя стремлюсь я увлечь,
Чтобы, качаясь на влаге
Несуществующей волны,
Развивши паруса и флаги,
На остров плыть, где реют сны,
Бессмертно ясные навеки,
Где радость разовых кустов
Глубокие питают реки
Среди высоких берегов,
Где весело смеются лети,
Тела невинно обнажа,
Цветами украшая эти
Твои чертоги, госпожа.
2 сентября 1920 Бологое – Вишера. Вагон

Дон-Кихот
Бессмертную любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звездам сердце вознесет,
Кто до могилы пламенеет, –
Здесь на земле любить умеет
Один безумен Дон-Кихот.
Он видит грубую Альдонсу,
Но что ему звериный пот,
Который к благостному солнцу
Труды земные вознесет!
Пылая пламенем безмерным,
Один он любит сердцем верным,
Безумец бедный, Дон-Кихот.
Преображает в Дульцинею
Он деву будничных работ
И, преклоняясь перед нею.
Ей гимны сладкие поет.
Что юный жар любви мгновенной
Перед твоею неизменной
Любовью, старый Дон-Кихот!
26 октября 1920

«Всё выше поднимаюсь я...»
Всё выше поднимаюсь я,

И горный воздух чище, реже,
Но та же все судьба моя,
И настроения все те же.
В земном томительном бреду
Ни сожаленья, ни пощады,
Но и за гробом не найду
Ни утешенья, ни награды.
Мне горький хлеб для жизни дан,
Я мукой огненной испытан,
Одна из многих обезьян,
И я моим Творцом не считан.
Я брошен и бешенство стихий
Песчинкою в горсти песчинок,
И дразнит, вызывает Змий
На безнадежный поединок,
Чтоб, демон, сжав сухой рукой
Меня с другими л ком шипящий,
Швырнул с улыбкой ледяной
В котел блестящий и кипящий,
Да переплавлюсь я в огне
Жестоких и безумных пыток,
Да будет сладостен не мне,
Не нам готовимый напиток.
22 декабря 1920

«Яро длился милый день...»
Яро длился милый день
И склонился под плетень.
Тот, кто любит жить со мглой,
Проводил его хулой.
Страстным пьяная вином,
Ночь маячит за окном,
Шепчет ветру: «Помолчи!
Потеряла я ключи».
Всходит томная луна,
Как невольница бледна,
Шепчет ветру: «Будет срок,
Раскует мой брат замок».
Что же делать ночью мне?
Посидеть ли на окне,
Помечтать ли о былом,
Погадать ли об ином?
Добрый день погас давно.
Затворить пора окно
И тому, кто может спать,
Доброй ночи пожелать.
5 февраля 1921 Москва

«Снова саваны надели...»
Снова саваны надели
Рощи, нивы и луга.
Надоели, надоели
Эти белые снега,
Эта мертвая пустыня,
Эта дремлющая тишь!
Отчего ж, душа-рабыня,
Ты на волю не летишь,
К буйным волнам океана,
К шумным стогнам городов,
На размах аэроплана,
В громыханье поездов,
Или, жажду жизни здешней
Горьким ядом утоля,
В край невинный, вечно вешний,
В Элизийские поля?
18 февраля 1921

«Овеществленная дремота...»

Овеществленная дремота –
Адмиралтейская игла,
Вверху кораблик. Позолота
На них мечтательно светла.
На это, легкое мечтанье,
Летающее в святую весь,
Так непохожа строгость зданья,
Которое воздвиглось здесь.
В определенных, ясных тонах
И красных крыш пологий склон,
И барельефы на фронтонах,
И охра стен, и мел колонн.
А там, за каменным порогом,
В стальной замкнувшись затвор,
Чертог вознесся за чертогом,
С большими окнами в простор.
Там собирались адмиралы.
Пройдя багровый дым боев,
Они вступали в эти залы
Для управительных трудов.
Пестрели ленты, и сверкали
Медали, звезды, ордена,
Брильянты, золото, эмали,
Всё, чем кокетлива война.
Засматривался часто чертик,
Тщеславья или власти бес,
На золоченый тонкий кортик
И на эмалевый эфес.
Кораблик плыл, гоним ветрами,
Как все кораблики плывут,
И проносились перед нами
Цусима, Чесма и Гангут.
Так переменчивые годы
Текли, текут и будут течь
В веках неволи и свободы,
Пока не перекован меч.
18 – 20 апреля 1921

«Порой томится Дульцинея...»
Порой томится Дульцинея,
От темной ревности бледна,
Но кто ей скажет: «Дульцинея,
Ты Дон-Кихоту не верна!»
Изменит грубая Альдонса,
Любой приманкою взята,
Но кто же скажет ей: «Альдонса,
Для Дон-Кихота ты свята!»
Душою прилепляясь к многим,
Одну прославил Дон-Кихот.
Даруя милости убогим,
Не изменяет Дон-Кихот.
28 апреля 1921

«Стремит таинственная сила...»
Стремит таинственная сила
Миры к мирам, к сердцам сердца,
И ты напрасно бы спросила,
Кто разомкнет обвод кольца.
Любовь и Смерть невинны обе,
И не откроет нам Творец,
Кто прав, кто нет в любви и в злобе,
Кому хула, кому венец.
Но всё правдиво в нашем мире,
В нем тайна есть, но нет в нем лжи.
Мы – гости званые на пире
Великодушной госпожи.
Душа, восторгом бесконечным
Живи, верна одной любви,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
И, силам предаваясь вечным,
Закон судьбы благослови.
29 апреля 1921

«Заря на закате...»
Заря на закате
Опясалась тучей.
На воздух пускайте
Ваш кораблик летучий,
Беспечные дети!
На безмерную шалость
Дерзайте, развейте
Безнадежность, усталость.
Покровы тумана,
Дымы былей сгоревших –
Для нас только тайна,
Не для вас, возлетевших.
Вам голос поэта
В потемнении неба
Звучит, словно флейта
Уходящего Феба.
1 мая 1921

«Кругом насмешливые лица...»
Кругом насмешливые лица, –
Сражен безумный Дон-Кихот.
Но знайте все, что есть светлица,
Где Дон-Кихота дама ждет.
Рассечен шлем, копье сломалось,
И отнят щит, и порван бант,
Забыв про голод и усталость,
Лежит убитый Росинант.
В изнеможении, в истоме
Пешком плетется Дон-Кихот.
Он знает, что в хрустальном доме
Царица Дон-Кихота ждет.
2 мая 1921

«Любви неодолима сила...»
Любви неодолима сила.
Она не ведает преград,
И даже то, что смерть скосила,
Любовный воскрешает взгляд.
Светло ликует Евридика,
И ад ее не полонит,
Когда багряная гвоздика
Ей близость друга возвестит,
И не замедлит на дороге,
И не оглянется Орфей,
Когда в стремительной тревоге
С земли нисходит он за ней.
Не верь тому, что возвестили
Преданья темной старины,
Что есть предел любовной силе,
Что ей ущербы суждены.
Хотя лукавая Психея
Запрету бога не вняла
И жаркой струйкою елея
Плечо Амуру обожгла,
Не улетает от Психеи
Крылатый бог во тьме ночей.
С невинной белизной лилеи
Навеки сочетался змей.
Любви неодолима сила.
Она не ведает преград.
Ее и смерть не победила,
Земной не устрашает ад.
Альдонса грубая сгорает,

Преображенная в любви,
И снова Дон-Кихот вещает:
«Живи, прекрасная, живи!»
И возникает Дульцинея,
Горя, как юная заря,
Невинной страстью пламенея,
Святой завет любви творя.
Не верь тому, что возвестили
Преданья, чуждые любви.
Слагай хвалы державной силе
И мощь любви благослови.
3 мая 1921

«О чем щебечут птицы...»
О чем щебечут птицы
Так звонко по весне?
Какие небылицы
Рассказывают мне?
Забавно, словно в сказке,
О чем звенят ручьи?
Чьи шепоты и ласки
Перепевают, чьи?
Ответа мне не надо.
Ответ я знаю сам.
Душа беспечно рада
Веселым голосам.
Под всякою личиной
Я узнавать привык
Любви, всегда единой,
Непостижимый лик.
3 мая 1921

«В моем безумии люби меня...»
В моем безумии люби меня.
Один нам путь, и жизнь одна и та же.
Мое безумство манны райской слаже.
Наш рдяный путь в метании огня,
Архангелом зажженного на страже.
В моем горении люби меня.
Только будь всегда простою,
Как слова моих стихов.
Будь мне алою зарею,
Вся обрызгана росой,
Как сплетеньем жемчугов.
В моем пылании люби меня,
Люби в безумстве, и в бессильи даже.
Всегда любовь нам верный путь укажет,
Пыланьем вечным рай наш осеня.
Отвергнут я, но ты люби меня.
Нам путь один, нам жизнь одна и та же.
Отворю я все дворцы,
И к твоим ногам я брошу
Все державы и венцы –
Утомительную ношу, –
Всё, что могут дать творцы.
4 мая 1921

«Бога милого, крылатого...»
Бога милого, крылатого
Осторожнее зови.
Бойся пламени заклятого
Сожигающей любви.
А сойдет путем негаданным,
В разгораньи ль ясных зорь
Или в томном дыме ладанном, –
Покоряйся и не спорь.
Прячет лик он под личинами,
Надевает шелк на бронь,

И крылами лебедиными
Кроет острых крыл огонь.
Не дивися, не выводывай,
Из каких пришел он стран,
И не всматривайся в бредовый,
Обольстительный туман.
Горе Эльзам, чутко внешнеющим
Про таинственный Грааль, –
В лодке с лебедем недремлющим
Лознгрин уморится вдаль.
Темной тайны не разгадывай,
Не срывай его личин.
Силой боговой иль адовой,
Всё равно, он – властелин.
Пронесет тебя над бездною,
Проведет сквозь топь болот,
Цепь стальную, дверь железную
Алой розой рассечет.
Упадет с ноги сандалия,
Скажет змею: «Не ужаль!»
Из цианистого калия
Сладкий сделает миндаль.
Если скажет: «Всё я сделаю», –
Не проси лишь об одном:
Зевс, представши пред Семелюю,
Опалил ее огнем.
Беспокровною Дианою
Любовался Актеон,
Но, оленем став, неожиданною
Гибелью был поражен.
Пред законами суровыми
Никуда не убежим.
Бог приходит под покровами,
Лик его непостижим.
6 мая 1921

Свирель
1 «Бойся, дочка, стрел Амура...»
«Бойся, дочка, стрел Амура.
Эти стрелы жал больней.
Он увидит, – ходит дура,
Метит прямо в сердце ей.
Умных девушек не тронет,
Далеко их обойдет,
Только глупых в сети гонит
И к гибели влечет».
Лиза к матери прижалась,
Слезы в три ручья лия,
И, краснея, ей призналась:
«Мама, мама, дура я!
Утром в роще повстречала
Я крылатого стрелка
И в испуге побежала
От него, как лань легка.
Позно он меня заместил,
И уж как он ни летел,
В сердце мне он не уметил
Ни одной из острых стрел,
И когда к моей ограде
Прибежала я, стена,
Он махнул крылом в досаде
И умчался от меня».
20 апреля 1921

2 «Небо рдеет...»
Небо рдеет.
Тихо веет
Теплый ветерок.

Близ опушки
Без пастушки
Милый пастушок.
Где ж подружками
Ах, пастушка
Близко, за леском,
Вдоль канавки
В мягкой травке
Бродит босиком,
И овечки
Возле речки
Дремлют на лужку.
Знаю, Лиза
Из каприза
Не идет к дружку.
Вот решился
И спустился
К быстрой речке он.
Ищет тени,
По колени
В струи погружен.
Еле дышит
Лиза, – слышит
Звучный лепет струй.
Друг подкрался,
И раздался
Нежный поцелуй.
Славить радость,
Ласки сладость,
Где найду слова?
До заката
Вся измята
Мягкая трава.
20 апреля 1921

3 «Ах, лягушки по дорожке...»
Ах, лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки.
Как пастушке с ними быть?
Как бежать под влажной мглою,
Чтобы голою ногою
На лягушку не ступить?
Хоть лягушки ей не жалко –
Ведь лягушка не фиалка, –
Но, услышав скользкий хруст
И упав неосторожно,
Расцарапать руки можно
О песок или о куст.
Сердце милую торопит,
И в мечтах боязни топит,
И вперед ее влечет.
Пусть лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки, –
Милый друг у речки ждет.
25 апреля 1921

4 «Соловей...»
Соловей
Средь ветвей
Для подружки трели мечет,
И ручей
Меж камней
Ворожит, журчит, лепечет.
Не до сна!
Ах! весна
И любовь так сладко ранят.
Тишина
И луна

Лизу в рощу к другу манят.

Мама спит, –
И спешит
Лиза выскочить в окошко,
И бежит,
И шуршит,
И шуршит песком дорожка.
У ручья
Соловья
Слушай, милому внимая.
«Жизнь моя!»
– «Я – твоя!»
О, любовь в начале мал!
26 апреля 1921

5 «Не знают дети...»

Не знают дети,
Зачем весна,
Какие сети
Плетет она.
И я не знала,
Зачем весна,
И я срывала
Цветы одна.
Но наступила
Моя весна,
И разбудила
Меня от сна.
О чем, какую, –
Скажи, весна, –
Душа тоскою
Упоена?
О чем мечтаю?
Скажи, весна.
В кого, не знаю,
Я влюблена.
Ручей струится, –
Тобой, весна,
Он веселится,
Согрет до дня.
Иду я в воды
К тебе, весна,
И речь природы
Мне вдруг ясна.
Люблю Филена, –
Узнай, весна!
Мои колена
Ласкай, волна!
27 апреля 1921

6 «Погляди на незабудки...»

Погляди на незабудки,
Милый друг, и не забудь
Нежной песни, звучной дудки,
Вздохов, нам теснивших грудь.
Не забудь, как безмятежно
Улыбался нам Апрель,
Как зарей запела нежно
Первый раз твоя свирель.
Не забудь о сказках новых,
Что нашептывал нам Май,
И от уст моих вишневых
Алых уст не отнимай,
И когда на дно оврага
Убежишь от зноя ты,
Где накопленная влага
Поит травы и цветы,
Там зашепчут незабудки:

«Не забудь ее любви!»
Ты тростник для новой дудки,
Подзывать меня, сорви.
27 апреля 1921

7 «Тирсис под сенью ив...»
Тирсис под сенью ив
Мечтает о Нанетте
И, голову склонив,
Выводит на мюзетте:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
И эхо меж кустов,
Внимая воплям горл,
Не изменяет слов,
Напевам томным вторя:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
И верный пес у ног
Чувствителен к напасти,
И вторит, сколько мог
Усвоить грубой пасти:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
Овечки собрались –
Ах, нежные сердечки! –
И вторить принялись,
Как могут петь овечки:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
Едва от грусти жив
Тирсис. Где ты, Нанетта?
Внимайте, кущи ив!
Играй, взывай, мюзетта:
«Любовью я, – тра, та, там, та, – томлюсь,
К могиле я, – тра, та, там, та, – клонюсь».
10 июня 1921

«Унесла мою душу...»
Унесла мою душу
На дно речное.
Волю твою нарушу –
Пойду за тобою.
Любила меня безмерно,
Всё отдала не считая.
Любви беспредельной верный
В жертвенном пламени тает.
Не спасешь меня смертью своею,
Не уйдешь от меня и за гробом.
Ты мне – камень на шею,
И канем мы оба.
28 ноября 1921

«Чадом жизни истомленный...»
Чадом жизни истомленный,
Тихо-тихо я пою,
Убаюкать песней сонной
Зыбку шаткую мою.
Спи, грозю опаленный,
Спи, от счастья спасенный,
Баю-баюшки-баю.
Вспомни верное кормило
Невозвратной госпожи,
Пожалей о том, что было,
Горько плача, потужи,
Всё, что звало и манию,
Всё, что было в жизни мило,
Туже в узел завяжи.

Вот полуночная вьюга
Запеваёт: «Вью, вью, вью», –
Вея зыбко и упруго
Зыбку легкую мою.
Вышла светлая подруга
Из пылающего круга.
Баю-баюшки-баю.
Кто устал, тому довольно
Щедрых пытками годов.
Кануть вольно иль неволью
В запредельность он готов.
Руки сжавши богомольно
На груди, где сердцу больно,
Слушай вещей, тихий зов.
«Истлевающие сети
Смертным хмелем перевью,
Покачаю в тайном свете
Зыбку жуткую твою.
Улыбаясь вечной Лете,
Спи, как спят невинно дети.
Баю-баюшкц-баю».
8 декабря 1921

«Не глядится никто в зеркала...»
Не глядится никто в зеркала.
Опустели хоромы, хозяйка ушла.
Запылилась желтая шаль.
Госпожа не взяла ее в темную даль.
Опечалился нежный фарфор.
Не любитесь им зачарованный взор.
На пастушку глядит пастушок.
Путь любимой далек, старый муж одинок.
Пред гадалкой стоит кавалер.
Страшен страннице путь через область химер.
Сиротеет на пальце кольцо.
Уходя, закрывала рукою лицо.
Всё на месте, как было при ней,
Только ночи темнее да дни холодней.
Всё на месте, но где же душа?
Лишь ее унесла чародейка, спеша.
10 декабря 1921

«Я дышу, с Тобою споря...»
Я дышу, с Тобою споря,
Ты задул мою свечу.
Умереть в экстазе горя
Не хочу я, не хочу.
Не в метаньях скорби знойной
Брошусь в гибельный поток, –
Я умру, когда спокойный
Для меня настанет срок.
Умерщвлю я все тревоги,
И житейский сорный хлам
На таинственном пороге
Я сожжению предаю.
Обозревши путь мой зорче,
Сяду в смертную ладью.
Пусть мучительные корчи
Изломают жизнь мою.
13 декабря 1921

Петроград. Улицы

«Не иссякли творческие силы...»
Не иссякли творческие силы,
И любовь моя сильнее страданья.
Златокрылые, как прежде милы
Птички легкие, мои мечтанья.

Щебетаньем звучным, вещим бредом
Ворожит мне Мойра-Афродита.
Слезных рос на розах сон мне ведом.
Пламенеет верная защита,
И она верней и слаще яда.
Запылай, кружися, лихорадка!
Пламенами полыхай, ограда,
Где любовь моя почиет сладко!
Драгоценную несую ей ношу.
Всесожженье тучное готово.
Я в костер любви безмерной брошу
Налитое соком жизни Слово,
21 декабря 1921

«Нет словам переговора...»
Нет словам переговора,
Нет словам недоговора.
Крепки, лепки навсегда,
Приговоры-заклинанья
Крепче крепкого страданья,
Лепче страха и стыда.
Ты измерь, и будет мерно,
Ты поверь, и будет верно,
И окрепнешь, и пойдешь
В путь истомный, в путь бесследный,
В путь от века заповедный.
Всё, что ищешь, там найдешь,
Слово крепко, слово свято,
Только знай, что нет возврата
С заповедного пути.
Коль пошел, не возвращайся,
С тем, что любо, распрощайся, –
До конца тебе идти.
Зяклинаньем обреченный,
Вещей деве обрученный,
Вдался слову ты в полон.
Не жалею о том, что было
В прежней жизни сердцу мило,
Что истаяло, как сон.
Ты просил себе сокровищ
У безжалостных чудовищ,
Заклинающих слова,
И в минуту роковую
Взяли плату дорогую,
Взяли всё, чем жизнь жива.
Не жалею о ласках милой.
Ты владеешь высшей силой,
Высшей властью облечен.
Что живым сердцам отрада,
Сердцу мертвому не надо.
Плачь не плачь, ты обречен.
19 января 1922

«День и ночь измучены бедою...»
День и ночь измучены бедою,
Горе оковало бытие.
Тихо плача, стала над водою.
Засмотрелся месяц на нее.
Опустился с неба, странно красен,
Говорит ей: «Милая моя!
Путь ночной без спутницы опасен.
Хочешь или нет, но ты – моя».
Ворожа над темною водою,
Он унес ее за облака.
День и ночь измучены бедою.
По свету шатается тоска.
30 января 1922

«Я вышел из потайной двери...»

Я вышел из потайной двери,
И нет возврата в милый рай.
Изнемогай, но в ясной вере,
Душа, томительно сгорай.
В кипенье темного потока,
Бегущего с горы крутой,
Рукою беспощадной Рока
Заброшен ключ мой золотой.
У первозданных стен Эдема
В пустыне безнадежных дней
Что мне осталось? Диадема
Из опаляющих огней
И мантия пророка, – тяжело
На плечи давит мне она, –
И скрытая в одежде фляжка
С вином, где дремлет тишина,
И что еще? воспоминанья
О днях любви, когда и я
Испытывал очарованья
И осиянность бытия.
И вот один у тайной двери,
Как пригвозженный раб стою,
Безумству моему и вере
Смятенный дух мой предаю.
19 февраля 1922

«Безумное светило бытия...»

Безумное светило бытия
Измучило, измаяло.
Растаяла Снегурочка моя,
Растаяла, растаяла.
Властительно она меня вела
Тропюю заповедною.
Бесследною дорогою ушла,
Бесследною, бесследною.
Я за Снегурочкой хочу идти,
Да ноги крепко связаны.
Заказаны отрадные пути,
Заказаны, заказаны.
Я жизни не хочу, – уйди, уйди
Ты, бабища проклятая.
Крылатая, меня освободи,
Крылатая, крылатая.
У запертых, закованных ворот
Душа томится пленная.
Блаженная в Эдем меня зовет,
Блаженная, блаженная.
Снегурочка, любимая моя,
Подруга, богом данная,
Желанная в просторах бытия,
Желанная, желанная,
5 марта 1922

«Как я с тобой ни спорил, боже...»

Как я с тобой ни спорил, боже,
Как на тебя ни восставал,
Ты в небе на змеиной коже
Моих грехов не начертал.
Что я тебе? Твой раб ничтожный,
Или твой сын, иль просто вещь, –
Но тот, кто жил во мне, тревожный,
Всегда горел, всегда был вещь.
И много ль я посеял зерен,
И много ль зарослей я сжег,
Но я и в бунте был покорен
Твоим веленьям, вечный бог.
Ты посетил меня, и горем

Всю душу мне ты сжег дотла, –
С тобой мы больше не заспорим,
Всё решено, вся жизнь прошла.
В оцепенении жестоком,
Как бурю разбитый челн,
Я уношусь большим потоком
По прихоти безмерных волн.
11 марта 1922

«Творца излюбленное чадо...»
Творца излюбленное чадо,
Храня безмерные мечты,
Под сводами земного ада
В отчаяньи металась ты.
Сожгла тебя трехмерных дымов
Мгновенно-зыбкая игра,
О шестикрылых серафимов
Лазурно-чистая сестра!
Ушла ты в области блаженных, –
К тебе, в безмерность бытия,
В чертог среди восьми вселенных
Приду и я, любовь моя.
23 марта 1922

«Как ни бейся, жизнь обманет...»
Как ни бейся, жизнь обманет,
Даже радость ядом станет.
Безмятежные мечты,
Как недолгие цветы,
Лепестки свои уронят
И надежды похоронят.
Холодна, тиха, ясна,
Не обманет смерть одна.
Эта жизнь – мельканье теней
В тесной сфере сновидений.
Как ни слушай, ни смотри,
Впереди и позади
Ничего. Влачи вериги
Сквозь раздробленные миги
Мимо темной тайны тел, –
Только в смерти станешь цел.
На стремительном откосе
Все земные нити-оси
В ось широкую соткет.
Несказанный поворот
Совершив, оставишь тело,
Чтобы плотское истлело,
И, в зарю облачена,
Встретит там тебя жена.
Все земные жены наши –
Лишь невесты. Дивной чаши
Недоступны им края.
Чародейного питья
Только там в восторге вящем
Сладость вечную обрящем
И таинственно слиты
Будем вместе, Я и Ты.
11 апреля 1922

«Полуисточенное смертью тело...»
Полуисточенное смертью тело, –
И это – ты, любимая моя.
Душа от ужаса оледенела,
Но все же, смерть, победа не твоя.
Да, наша плоть земная – жертва тленья,
Обезображенный и смрадный прах,
И вот, смотри, мы бьемся в исступленьи,
И тонет скорбь в пустынных небесах.

Все так, – земного не отдаст могила,
И самые тончайшие мечты,
Как сладкий дым из зыбкого кадила,
Растают, с воздухом земным слиты.
Но если здесь стремительною волей
Душа свершила пламенный полет,
Поникни, смерть! – среди иных раздолий
Она венец бессмертия найдет,
3 мая 1923

«Как мне ни горек мой напиток...»
Как мне ни горек мой напиток,
Его покорно я допью,
И беспощадной жизни свиток
Весь до предела разовью.
Все наши чаши не глубоки,
И не высоки их края.
Ты медлишь в страстной Камалоке
Близ нашей сферы бытия
И встретишь в пламенном чертоге
Меня, как здесь встречала Ты
Среди земной моей дороги,
Блаженным заревом мечты,
С такою ж радостною лаской
Неумирающей весны,
С такою ж радостною сказкой
О мудрых женах старины.
16 июня 1922

«Себя встречая в зеркалах...»
Себя встречая в зеркалах,
Стекло клянем докучное.
Как прочно скреплена в углах
Темница наша скучная!
Напрасно радостны враги,
Друзья напрасно маются.
Какой дорогой ни беги,
Пути пересекаются.
Замыкан суетней дорог,
Безумною и лживою,
Вот наконец в могиле лег
Под жгучею крапивою.
Земное всё отдать земле
Спешись в истоме тления.
Откройся, светлая Ойле,
Страна соединения!
20 июня 1922

Волга – Рыбинск. Вагон

«Много камней на дороге...»
Много камней на дороге.
Что же мне до них!
Кто споткнулся на пороге,
Тот навеки стих.
В горьком запахе полыни,
В плеске ручейка,
И в песках, и в липкой глине
Та же всё тоска.
Я несу ее, как ношу,
По моим путям.
Будет время, в яму брошу
Весь ненужный хлам.
29 июня 1922

Набатово

«Чем бледней лучи дневные...»

Чем бледней лучи дневные,
Чем туманнее окрестность,
Тем пленительней ночные
Неизбежность, неизвестность.
Пролетит ночная птица,
В мгlistом сумраке утонет.
Промелькнет вдали зарница,
Кто-то жалобно застонет.
Рокот прожурчит ручейный,
Сказ о тайнах вещей ночи.
Шелестит вуаль кисейный,
Темноте открывши очи.
Смотришь в дали равнодушно.
Где раздумье, где мятежность?
Я за ней иду послушно
В неизвестность, в неизбежность.
29 июня 1922

«В багряные ткани заката...»
В багряные ткани заката,
В туманно-лиловый вуаль
Опять обряжает утрата
Поющую слезно печаль.
В молчаньи, обвеянном снами,
В просторе пустынных полей
Свирелью поет за холмами
Тоска простодушных жалей,
И крылья тяжелые ветра
Шумят в лиловеющей мгле,
И снова поникла Деметра,
И, плача, приникла к земле.
Внимая летейскому стону,
В краю запредельном живу,
С Деметрой зову Персефону,
Мою Алетею зову.
29 июня 1922

«Войди в меня, побудь во мне...»
Войди в меня, побудь во мне,
Побудь со мною хоть недолго.
Мы помечтаем в тишине,
Смотри, как голубеет Волга.
Смотри, как узкий серп луны
Серебряные тучки режет,
Как прихоть блещущей волны
Пески желтеющие нежит.
Спокоен я, когда Ты здесь.
Уйдешь – и я в тоске, в тревоге,
Влекусь без сил, разметан весь,
Как взвеваянная пыль дороги.
И если сеть в душе мечты,
Порой цветущие стихами,
Мне их нашептываешь Ты
Своими легкими устами.
1 июля 1922

«Когда войдем мы ликовать...»
Когда войдем мы ликовать
В иную весь,
Тебя я буду ревновать
Не так, как здесь.
Не отпущу тебя одну, –
Даю обет, –
Ни в полевую тишину,
Ни в шумный свет.
Я обведу тебя чертой
Моей любви,
Моею волей и мечтой

Цвети, живи.
Всё, что любила ты, найдешь
Еще милей,
И от меня не отведешь
Своих очей.
2 июля 1922

Набатово

«Я сам закон игры уставил...»
Я сам закон игры уставил
И проиграл, но не хочу
Разбить оковы строгих правил.
Мой проигрыш я заплачу.
Но, может быть, платить нам печем.
Всё увеличивая счет,
Несчастливо мы карты мечем.
Придет последний банкомет.
И, приневоленный к азарту,
Всё, что осталось, подсчитай,
Поставь последний куш на карту,
О выигрыше помечтай,
И знай, что шулер беспощаден,
И что громаден будет счет,
И что огонь из черных впадин
Его глазниц смертельно жжет.
5 июля 1922

«Не Люблю я встреч...»
Не Люблю я встреч
На моем пути.
Только с ветром речь
Хорошо вести.
Путевой простор
Без людей хорош.
Каждый встречный взор –
Острый в сердце нож.
7 июля 1922

На пути в Кострому

«Слушай горькие укоры...»
Слушай горькие укоры
Милых пламенных подруг
И внимательные взоры
Обведи с тоской вокруг.
Всё такое ж, как и прежде,
Только ты уже не тот.
В сердце места нет надежде,
Побежденный Дон-Кихот.
Перед гробом Дульцинеи
Ты в безмолвии стоишь.
Что же все твои затеи,
И кого ты победишь?
Поражение не смутило
Дон-Кихотовой души,
Но, хотя б вернулась сила,
В битву снова не спеши.
С бою взятые трофеи
Ты положишь перед кем?
Над молчаньем Дульцинеи
Ты и сам угрюмо нем.
Украшать ее гробницу?
Имя Дамы прославлять?
Снова славную страницу
В книгу бытия вписать?
Для того ли Дульцинея
К Дон-Кихоту низошла

И, любовью пламенея,
Одиноко умерла?
7 июля 1922

На пути в Кострому

«Она придет ко мне, – я жду...»
Она придет ко мне, – я жду, –
И станет пред моей постелью.
Легко мне будет, как в бреду,
Как под внезапную метелью.
Она к устам моим прильнет,
И шепот я услышу нежный:
«Пойдем». И тихо поведет
К стране желанной, безмятежной.
За Нею я пойду, и мне
Вдруг весело и страшно станет,
Как в предзакатной тишине,
Когда мечта глаза туманит.
Неведомые здесь огни,
Цветы, неведомые людям, –
И мы томительные дни
В стране бессмертия забудем.
9 июля 1922

«Прошедшие оставили следы...»
Прошедшие оставили следы,
Но где же верный след и где случайный?
Мир, отраженный в зеркале воды,
Непостижимый Китеж, город тайный,
К тебе откроется внезапный путь,
Когда душа в отчаяньи, во мраке,
И уж ее не могут обмануть
Развенчанных надежд немые знаки.
И для меня настанет милый день,
И я, в отчаяньи последнем,
Переступив последнюю ступень,
Оставляю мир его случайным бредням.
9 июля 1922

«Я не хочу захоженных дорог...»
Я не хочу захоженных дорог –
Там стережет зевающая скука,
И без того труд жизни слишком строг,
И всё вокруг несносная доука.
Я не хочу нехоженных дорог –
Там стережет негаданное горе.
И без того безжалостен к нам Рок.
Изнемогаем в непосильном споре.
И вот я медлю на закате дня
Перед напрасно отпертой калиткой,
И иду, когда Ты поведешь меня,
Измученная пламенною пыткой.
Мой верный вождь, мой друг и госпожа,
Ты различать пути во тьме умела.
Хотя б со страхом, женственно дрожа,
Ты подвиг жизни совершала смело.
Припоминать ли мне, как в темный час
Ты погибала страшно и жестоко,
И я в неведеньи Тебя не спас,
Я, одаренный веденьем пророка?
Об этом думать можно лишь в бреду,
Чтоб умереть, не пережив мгновенья.
Не думаю, не вспоминаю, – жду
Последнего, отрадного явленья.
10 июля 1922

«Дон-Кихот путей не выбирает...»

Дон-Кихот путей не выбирает,
Росинант дорогу сам найдет.
Доблестного араг везде встречает,
С ним везде сразится Дон-Кихот.
Славный круг насмешек, заблуждений,
Злых обманов, скорбных неудач,
Превращений, битв и поражений
Пробежит славнейшая из княж.
Сквозь скрежещущий и ржавый грохот
Колесницы пламенного дня,
Сквозь проклятья, свист, глумленья, хохот,
Меч утратив, щит, копье, коня,
Добредет к ограде Дульцинеи
Дон-Кихот. Открыты ворота,
Розами усеяны аллеи,
Срезанными с каждого куста.
подавив непрошеные слезы,
Спросит Дон-Кихот пажа: «Скажи,
Для чего загублены все розы?»
– «Весть пришла в чертоги госпожи,
что стрелой отравленной злодея
Насмерть ранен верный Дон-Кихот.
Госпожа сказала: «Дульцинея
Дон-Кихота не переживет»,
И, оплаканная горы»о нами,
Госпожа вкусила вечный сон,
И сейчас над этими цветами
Будет гроб ее перенесен».
И пойдет за гробом бывший рыцарь.
Что ему глумленья и хула!
Дульцинея, светлая царица
Радостного рая, умерла!
11 июля 1922

«Менял разные личины...»
Менял разные личины,
Все принимая имена,
Всходя на горные вершины
И опускаясь в долины,
И проходя все времена,
На утомительных дорогах
И на покое у ручья,
В шатрах, в лачугах и в чертогах,
В лохмотьях нищенских и тогах
Я остаюсь всё тот же Я.
В неутомимости стремлений
И в озарениях мечты,
Среди забот и наслаждений,
И радостей, и утомлений,
Всегда передо мною Ты!
В грозном пламенном сверканьи,
И в разгорании огней,
И в ярком солнечном пыланьи,
И в звездном благостном мерцаньи
Я вижу свет Твоих очей.
Шумят ли волны в бурном споре,
Поет ли соловей ночной,
Звучит ли песня на просторе, –
Мне в звуках радости и горя
Повсюду внятен голос Твой.
Любимых уст Твоих дыханье
Всегда животворит меня,
И что мне горькое страданье,
И безнадежное скитанье,
И зной безрадостного дня!
Пройду я все пути дневные,
Храня заветное кольцо,
И там, где силы неземные

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Соединили нас впервые,
Увижу милое лицо.
18 июля 1922

«Всё дано мне в преизбытке...»
Всё дано мне в преизбытке –
Утомление труда,
Ожиданий злые пытки,
Голод, холод и беда,
Деготь ярых поношений,
Строгой славы горький мед,
Яд безумных искушений,
И отчаяния лед,
И – венец воспоминанья,
Кубок, выпитый до дна, –
Незабвенных уст лобзанья, –
Всё, лишь радость не дана.
19 июля 1922

Дорога из Костромы

«Сквозь туман этой жизни смятенной...»
Сквозь туман этой жизни смятенной
Уже виден мне светоч священный,
Только где он, еще не пойму,
И, как прежде, бессильно тоскую,
То ищу, то томительно жду я
Победившего вечную тьму.
Но когда же себя приневолю
Приподнять эту тяжкую долю
И расторгнуть обманы времен?
Приподнять бы ее хоть немного, –
Вот, близка предо мною дорога,
Только миг – и расторгнется сон.
5 февраля 1928

«Душа, отторгнувшись от тела...»
Душа, отторгнувшись от тела,
Как будешь ты в веках жива?
Как ты припомнишь вне предела
Все наши формы и слова?
Но ты жива, я знаю это,
И ты пройдешь сквозь дым веков
Во исполнение завета,
Еще живее без оков.
Здесь каждый шаг в цепях причины,
И к светлой цели нет пути,
Не остановишь миг единый,
И воля бьется взаперти.
Здесь, в этом нашем брэнном теле,
Законом мировой игры
Скрестились и отяготели
Все беспредельные миры.
Но даже этих подчинений
Всемирно неизбежный гнет
Во мне надежду восхождений
К безмерной жизни создает.
14 февраля 1923

«На опрокинутый кувшин...»
На опрокинутый кувшин
Глядел вернувшийся из рая.
В пустыне только миг один,
Л там века текли, сгорая.
Ушедшие от нас живут,
Расторгнувши оковы тлена, –
Мы беглою стезей минут
Скользим, не покидая плена.

Очарования времен
Расторгнуть вс еще не можем.
Наш дух в темницу заключен,
И медленно мы силы множим.
Давно ли темная Казань
Была приютом вдохновений
И колебал Эвклида грань
Наш Лобачевский, светлый гений!
Завеса вновь приподнята
Орлиным замыслом Эйнштейна,
Но все еще крепка плита
Четырехмерного бассейна.
Необратимы времена
Еще коснеющему телу,
И нам свобода не дана
К иному их стремить пределу.
Наш темный глаз печально слеп,
И только плоскость нам знакома.
Наш мир широкий – только склеп
В подвале творческого дома.
Но мы предчувствием живем.
Не лгут позывы и усилья.
Настанет срок, – и обретем
Несущие к свободе крылья.
19 февраля 1923

«Окруженный облаками...»
Окруженный облаками,
Как Зевес,
Только молний не хватает
И небес.
Что же делать! С табаками
Молний нет.
Жизнь, как дым табачный, тает,
Меркнет свет.
Вот и руки задрожали, –
Иль опять
Вспомнил ты, что невозможно
Вспоминать?
Сердце чьи-то пальцы сжали, –
Острый лед.
Осторожно, осторожно!
Горький мед.
14 апреля 1928

«Что вся громада эта может...»
Что вся громада эта может,
Такая плотная? Ничто.
Кто эту косность потревожит,
Какую силою? Никто.
Но вот смотри, – кружатся нитки
Со скоростью дневных лучей
И перепиливают слитки,
Которые свинца плотней.
Не надо силы непомерной,
Не надо груды вещества, –
Одной стремительностью верной
Всегда вселенная жива.
Всё, чем чарует достижение,
Движенью только суждено,
И чем стремительней движенье,
Тем победительней оно.
Что Голиафова громада?
Давид пращу свою кружит,
И вслед за камнем в бездну ада
Душа испуганно бежит.
Коснеют мышцы Геркулеса,
Но если б отрок взять успел

У задремавшего Зевеса
Одну из олимпийских стрел,
Он пролетел бы к антиподам
Через лоно матери земли
И под бразильским небосводом
Восстал бы в эллинской пыли.
Остановись – окаменеешь,
Но если душу манит высь,
Не забывай, что пламенеешь,
И вдаль безудержно стремишься.
И не иди на зов Далилы,
И не внимай ее речам.
Не надо тяжести и силы
Твоим окрыленным плечам.
Забудь, что есть изнеможенье,
На небо падай, как на дно, –
Чем устремительней движенье,
Тем победительней оно.
28 апреля 1923

«Ты посмотрела мне в глаза...»
Ты посмотрела мне в глаза
С каким-то вещим ожиданьем,
И синеокая гроза
В меня вонзилась лобзаньем.
В какой безмолвной тишине,
Какой таинственной силой
Рожден опять представший мне
Нездешний вестник огнекрылый?
Но упоен я, как вином,
Твоей улыбкою надмирной,
И вечно мне пылать огнем
Твоих очей, мой вождь эфирный.
И как бы охладеть я мог,
Так нескончаемо сжигаем,
Так грозно брошен на порог
Пред этим раскаленным раем.
6 мая 1923

«Не слышу слов, но мне понятна...»
Не слышу слов, но мне понятна
Твоя пророческая речь.
Свершившееся – невозвратно,
Здесь ничего не убережь.
Но кто достигнет до предела,
Здесь ничего не сохранив,
Увидит, что заря зардела,
Что день минувший вечно жив.
Душа, как птица, мчится мимо
Ночей и дней, вперед всегда,
Но пребывает невредимо
Времен нетленная чреда.
Напрасно бледная угроза
Вооружилась косой, –
Там расцветает та же роза
Под тою ж свежую росой.
9 мая 1923

«Безумствует жестокий рок...»
Безумствует жестокий рок,
Ничья вина не искупима.
Изнемогающий пророк!
Судьба к тебе неумолима.
На склоне утомленных дней
Последнюю познал ты сладость
Тебя сжигающих огней
Мучительную, злую радость.
Как плачет нежная весна,

В края суровые влекома!
Вся безнадежность так ясна!
Так вся безвыходность знакома!
Домашние и гости сна,
Вы обжились, и здесь вы дома,
И в шелестиных голосах
Все то же бормотанье рока,
И в этих бледных небесах
Мерцанье горького упрека.
9 мая 1928

«Вьются над кадилом огоньки...»
Вьются над кадилом огоньки,
И в кадиле тлеют угольки.
Запах ладана вдыхай опять.
В эту ночь тебе не надо спать.
Ты сними личину наконец
И терновый твой надень венец.
Я возьму тебя и подыму,
Закачаю в ладанном дыму,
Отгоню толпу земных досад
И спую тебе про божий сад.
31 мая 1923

«Ладан стелется туманный...»
Ладан стелется туманный
Над дремотною рекой.
Веет он благоуханной,
Бездыханною тоской,
Под наивной вешней липкой,
Под березкой молодой
Ладан вкрадчивый и липкий,
Синеглазый и седой,
И кадит неутомимо
В дымной ризе иерей,
Проходя неспешно мимо
Занавешенных дверей.
Уголь в пепле ладан плавит
в светлом таинстве ночей.
Кто-то, тихо плача, славит
Боль пронзающих Мечей.
31 Мая 1923

«Прежнее истлело...»
Прежнее истлело,
Новое живет.
Там, где плыло тело,
Лодка поплывет.
Кто-то слезы ронит.
Пусть тоскует, пусть!
Никого не тронет
Старческая грусть.
Снесена ограда,
И разрушен дом, –
Никому не надо
Вспоминать о том.
Плохо ль новоселье
Мертвому в гробу?
Хочется веселья
Каждому рабу.
Цепкую кручину
Прогони в кабак,
Надевай личину,
Надевай колпак.
Бубенцами звякай,
Бубном грохочи,
Шут, перед зевакой
Громче хохочи,

«Как ювелиры, собираем...»
Как ювелиры, собираем
Смарагд, карбункул и сапфир,
Цветными камнями играем
И строим каменный эфир.
Все камни более знакомы,
Чем птицы, травы и цветы.
О, если б позыв насекомых
Вливался в наши все мечты!
О, если бы , жужжа пчелою,
Перелетая с лип на рожь,
Почуять острою иглою
Пронзающую сердце дрожь!
О, если б многосложным глазом,
Который не дан еще нам,
Безмерный мир окинуть разом,
Ко всем прикинуть временам,
И сочетать причину с целью,
И это множество могил
Закреть всемирной колыбелью
Из вечности текущих сил!
7 июня 1923

«Ах, этот вечный изумруд...»
Ах, этот вечный изумруд
Всегда в стихах зеленых трав!
Зеркальный, вечно тихий пруд
В кольце лирических оправ!
И небо словно бирюза,
И вечное дыханье роз,
И эта вечная гроза
С докучной рифмою угроз!
Но если сердце пополам
Разрежет острый божий меч,
Вдруг оживает этот хлам,
Слагаясь в творческую речь,
И улыбаются уста
Шептанью вешнему берез,
И снова чаша не пуста,
Приемля ключ горючих слез.
Душа поет и говорит,
И жить и умереть готов,
И сказка вешняя горит
Над вечной мукой старых слов.
7 июня 1928

«Как было сладостно вино...»
Как было сладостно вино
Любви под мрачной сенью свода!
Разбив последнее звено,
Поймешь, как тяжела свобода.
Пустыня дней обнажена,
Мечта не заслоняет дали,
За Летой милая страна,
Где мы надеялись и ждали.
Бесстрастных сжатий ровный ряд,
Свершаясь мерно в сердце мертвом,
Как электрический заряд,
Кровь разгоняет по аортам.
Глаза, как точный аппарат,
Всё замечают так далёко,
Но радужных Эдемских врат
Смущенное не видит око.
11 июня 1923

«Подумай, – на праздник я выду...»

Подумай, – на праздник я выду,
Веселый я выду из дому,
Вдруг больно ударит обида,
Ударит по сердцу больному.
Пойду ли по улицам людным,
Но не был ли путь этот крестным
Путем, безнадежным и трудным,
В обещанном свете воскресном?
Забыть ли и в божьем чертоге
Томленья тоски и разлуки,
И лепет последний о боге,
И эти бессильные руки?
Жестокость нигде не забудем
Тоскующей девы Обиды.
Зачем же на праздники к людям
Из темного дома я выду?
И только б нагими стопами
Пройти по твоей багрянице,
Пьянея бессмертными снами,
К последней, заветной границе.
16 июня 1923

«Для безнадежности все дни равны...»
Для безнадежности все дни равны,
Они черней ночей и горше дыма,
И тягостно сознание вины,
И месть холодная неотвратима.
Беги за дальним отблеском надежд
Или неистово в оковах рвися, –
Разорван шелк блистательных одежд,
И в грязь потоптан многоценный бисер.
Но будь упрям. Железной просфорой
Питайся, в башмаках иди железных,
Восстанови вселенский ясный строй,
Восстанови чертог в пустыне звездной,
И не забудь губительной вины,
Сожги ее в надмирных кольцах дыма,
Да будут дни Эдемские ясны,
Да будет светел голос серафима.
18 июня 1923

Ночные стихи
Что томленье ночное?
Под золой уголек.
Дотлевают земное,
Вечный день недалек,
Но в томленье ночное
Кто-то душу увлек.
В эти мрачные воды
Загляделась луна...
Ни любви, ни свободы,
Ни блаженного сна...
В эти мрачные воды
Погрузилась она,
Золотая трепещет
Сеть лучей на волне
И томительно блещет,
Улыбаясь луне.
Тихо сердце трепещет,
Замирая в огне.
Лунный свет заплетая
В золотистую сеть,
Надо, медленно тая,
Над пучиной висеть,
Словно эта слитая
Из сияния сеть.
25 – 26 июня 1923

«Я созидал пленительные были...»
Я созидал пленительные были
В моей мечте,
Не те, что преданы тисненью были,
Совсем не те.
О тех я людям не промолвил слова,
Себе храня,
И двойника они узнали злого,
А не меня.
Быть может, людям здешним и не надо
Сны эти знать,
А мне какая горькая отрада –
Всегда молчать!
И знает бог, как тягостно молчанье,
Как больно мне
Томиться без конца в моем изгнании
В чужой стране.
11 июля 1923

«Алкогольная зыбкая вьюга...»
Алкогольная зыбкая вьюга
Зашатает порой в тишине.
Поздно ночью прохожий пьянчуга
Подошел иа Введенской ко мне.
«Вишь, до Гатчинской надо добраться, –
Он сказал мне с дрожанием век, –
Так не можете ль вы постараться
Мне помочь, молодой человек?»
Подивившись негаданной кличке,
Показал я ему, как пройти,
А потом, по давнишней привычке,
Попытался разгадку найти.
Впрочем, нечему здесь удивляться:
По ночам я люблю босиком
Час-другой кое-где прошататься,
Чтобы крепче спалось потом.
Плешь прикрыта поношенной кепкой,
Гладко выбрит, иду я босой,
И решил разуменьем некрепкий,
Что я, значит, парнишка простой.
Я ночью прогулкой доволен:
Видно, все еще я не ломлюсь.
Хорошо, что я в детстве не холен,
Что хоть пьяному юным кажусь.
11 октября 1923

«Ночью лунною и ясной...»
Ночью лунною и ясной
Приходи ко мне опять,
Чтоб со мною, друг прекрасный,
В дурачки сыграть,
Обыграешь, знаю,
Да какой же в этом страх?
Я и сам давно смекаю,
Что остался в дураках.
Тихо жизнь проходит мимо.
Разве мне она нужна?
Ты одна непобедима
И всегда ясна.
Мне побед не надо,
Да и как мне побеждать?
Мне теперь одна отрада –
В дурачки с тобой сыграть,
24 – 25 ноября 1928

«Мы поем, как зыряне поют...»
Мы поем, как зыряне поют:
»Бежит мой олень», –

Мы поем, как зыряне поют,
О том, что покажет нам день.
Расскажи мне, песня мол,
О том, чего нет.
Расскажи мне, песня моя,
Про божий таинственный свет.
В этой песне найду я приют
От тусклого дня.
В этой песне найду я приют
От бредов, что мучат меня,
И, мечту в душе затая,
Найду тайный след,
И, мечту в душе затая,
Забуду томительный бред.
19 августа 1925

«Пой по-своему, пичужка...»
Пой по-своему, пичужка,
И не бойся никого.
Жизнь – веселая игрушка
И не стоит ничего.
Что бояться? Зачарует
Змей, таящийся в лесу, –
Или запах твой взволнует
Кровожадную лису, –
С высоты ли ястреб комом
На тебя вдруг упадет, –
Из ружьишка ль с дряблым громом
Человечишка убьет, –
Что ж такое! Миг мученья
Тонет в бездне роковой,
Но не гаснет вдохновенье.
Пой же, маленькая, пой!
28 августа 1925

«Я не люблю строптивости твоей...»
Е. Данько

Я не люблю строптивости твоей.
Оставь ее для тех, кто смотрит долу.
Суровую прошел я в жизни школу
И отошел далеко от людей.
Противоборствуя земному гнету,
Легенду создал я и опочил.
Я одного хотел, Одну любил,
Одну таил в душе моей заботу.
Солгу ли я, но все же ты поверь,
Что крепче всякой здешней правды это
Мое самовластительство поэта,
Эдемскую увидевшего дверь.
Сомкну мои уста, простивши веку
Всю правду тусклую земных личин.
Я жизни не хочу, и я один,
Иное возвестил я человеку.
Страницы книг моих, как ряд амфор,
Простых для невнимательного взгляда,
Наполнены нектаром, слаще яда.
Нектар мой пьян, и мой стилет остер.
4 декабря 1925

«Камни плясали под песни Орфея...»
Е. Данько

Камни плясали под песни Орфея,
Но для чего же такой хоровод!
Каменной вьюги любить не умел,
Сердце иных плясунов призовет.
Близко приникнул к холодной и белой

Плоскости остро внимательный взор,
И расцветает под кистью умелой
Вьюгою красочных плясок фарфор.
В красках и формах содеяны чары
Этой упорной работой очей,
И улыбаются мудрые лары
Тайне заклятий и силе огней.
А чародейка заплакать готова:
Тайну заклятий скрывает узор,
И сотворившей отгадного слова
Выдать не хочет коварный фарфор.
23 декабря 1925

«Слышу песни плясовой...»
Слышу песни плясовой
Разудалый свист и вой.
Пьяный пляшет трепака
И поет у кабака:
«Темен был тяжелый путь,
Негде было отдохнуть.
Злоба черта стерегла
Из-за каждого угла.
Только все ж я хохотал,
В гулкий бубен грохотал,
Не боялся никого,
Не стыдился ничего.
Если очень труден путь,
Можешь в яме отдохнуть.
Можешь, только пожелай,
И в аду воздвигнуть рай».
«Чьи, старик, поешь слова?»
– «Эх, с мозгами голова!
Был когда-то я поэт,
А теперь поэта нет.
Пьяный, рваный, весь я тут.
Скоро в яму сволокут
И зарюют кое-как.
Дай полтинник на кабак!»
11 января 1926

«Сатана вошел во фраке...»
Сатана вошел во фраке,
В лакированных туфлях,
С золотым сияньем в лаке
От широких пряжек-блях.
Руку полную целуя
У хозяйки, в шелест лент
Кинул он, ее волнуя,
Очень тонкий комплимент.
Он смягчал свои сарказмы,
Укрощал он блеск очей,
Чтоб не сделались спазмы
У мамаш и дочерей,
Чтобы соль игры мятежной
Не совсем была остра,
Чтоб в груди у дамы нежной
Не открылась дыра,
Чтоб не пахло адской серой,
Ни один не встал бы рог,
Чтоб сегодня светской сферой
Ограничиться он мог.
Ведь недавно адский пламень
Из очей его сверкал
И насквозь массивный камень
Он слезою прожигал.
Нет, огня теперь не надо,
Не уронит и слезы
Светский выходец из ада

Для болтливой егозы.
Вот сидит пред ним Тамара, –
Как глупа и как смешна!
«Мне совсем она не пара!» –
Размышляет Сатана.
25 января 1926

«Привыкли говорить мы „дома“...»
Привыкли говорить мы «дома»,
Но вспомним разные дома,
Где жили мы. Как нам знакома
Вся эта злая кутерьма!
И города всегда мы ищем,
Переменяя города,
Подобны мы скитальцам нищим,
Везде блуждающим всегда.
Мы требуем от жизни места,
И получаем мы места
Скромней куриного насеста,
Всегда удел наш – нищета.
20 марта 1926

«Всё новое на старый лад...»
Всё новое на старый лад:
У современного поэты
В метафорический наряд
Речь, стихотворная одета.
Но мне другие не пример,
И мой устав – простой и строгий.
Мой стих – мальчишка-пионер,
Легко одетый, голоногий.
19 июля 1926

Детское Село

«На пламенных крыльях стремлений...»
На пламенных крыльях стремлений
Опять ты ко мне прилетел,
Полночный таинственный гений,
Земной озаривший удел.
Не знаю, какому Началу
Ты служишь, Добру или Злу,
Слагаешь ли гимны Ваалу
Иль кроткой Марии хвалу.
Со мной ты вовек не лукавил,
И речь твоя вечно проста,
И ты предо мною поставил
Непонятый образ Христа.
Всегда ты правдив, мой вожатый,
Но, тайну святую тая,
Не скажешь ты мне, кто Распятый,
Не скажешь ты мне, кто же я!
23 июля 1926

Детское Село

«Что дальше, всё чудесней...»
Что дальше, всё чудесней
Цветет наш мир земной
В лесу – лесною песней
И в поле – полевой.
Земля не оскудела,
Кропя росой прах,
И творческое дело
Свершается в веках,
И песня льется снова
На весь земной простор,
До неба голубого

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Восходит звучный хор.
23 июля 1926

Детское Село

«Эллиптической орбитой...»
Эллиптической орбитой
Мчится вёрткая земля
Всё дорогой неизбитой
Вечно и новые поля.
Солнце в фокусе сияет,
Но другой же фокус есть
Чем он землю соблазняет?
Что он здесь заставил цвести?
Сокровенное светило,
Ты незримо для очей,
И в просторах ты укрыло
Блеск неведомых лучей.
К солнцу голову подьмет
От земли гелиотроп
И тревожным слухом внемлет
Коней Феба тяжкий топ.
Но мечты к Иному правит
Вестник тайны, асфодель.
Сердцу верному он ставит
Средь миров иную цель.
28 августа 1926

«Слепит глаза Дракон жестокий...»
Слепит глаза Дракон жестокий,
Лиловая клубится тьма.
Весь этот мир, такой широкий, –
Одна обширная тюрьма.
Бесстрастный свод бытописаний,
Мечтаний радужный приют
И строй научных созерцаний
Всегда оковы нам куют.
Безвыходна тюрьма строений,
В ней всем начертаны пути,
И в области своих стремлений
Не удастся нам уйти.
Под пыльною тюрьмой одежды
Хиреет тело, стынет кровь,
И увядают все надежды, –
К покорству душу приготовь.
Под брэнную тюрьмою тела
Томится пленная душа.
Она в бессильи охладела,
Освободиться не спеша.
Но будет свергнут Змий жестокий,
Сожжется новым Солнцем тьма,
И будет этот мир широкий
Свободный дом, а не тюрьма.
8 сентября 1926

В альбом Зоргенфрея
Любовь сочетает навеки.
В пылани безмерной любви
Проплывши чрез смертные реки,
В раю безмятежном живи.
В лирическом светлом покое
Противши земные грехи,
Душа прозревает иное,
Слова сочетая в стихи.
Какая бы нас ни томила
Земная и злая печаль,
Но песен чудесная сила
Уносит в звенящую даль,

Где ждет госпожа Дульцинея
И дивную пряжу прядет,
Где, вечно пред ней пламенея,
Бессмертная роза цветет.
8 октября 1926

«Земли поколебав основы...»
Земли поколебав основы,
Восстал закованный Атлант.
Его деяния суровы,
Но прав разгневанный гигант,
Поработители! как ложен
Безумно-яростный ваш крик!
Атлант и в бунте осторожен,
Великодушен и велик.
Благое совершая дело,
Он защищает, а не мстит,
И землю он колеблет смело,
Но труд внимательно хранит.
9 октября 1926

«Огни далекие багровы...»
Огни далекие багровы.
Под сизой тучею суровы,
Тоскою веет небеса,
И лишь у западного края
Встает, янтарно догорая,
Зари осенней полоса.
Спиной горбатой в окна лезет
Ночная мгла, и мутно грезит
Об отдыхе и тишине,
И отблески зари усталой,
Пред ней попятившись, вялой
Походкой подошли к стене.
Ну что ж! непрошеную гостью
С ее тоскующею злостью
Не лучше ль попросту прогнать?
Задвинув завесы, не кстати ль
Вдруг повернуть мне выключатель
И день искусственный начать?
27 октября 1926

«Легкокрылою мечтою...»
Легкокрылою мечтою
Унесен ты от земли.
Посмотри, – перед тобою
Страны новые легли.
Вот бежит на сонный берег
Ветер, волны шевеля.
Дальше Африк и Америк
Эта новая земля.
Но не радужную грезу
Видят дремные глаза,
И не призрачную розу
Поит росная слеза.
Видишь, – там твоей невесте
Принесли уже фату.
Мир иной, но с нашим вместе
Заклучен в одну черту.
Но, конечно, в путь наш Млечный
Не вместится этот мир.
Близок нам он бесконечно,
Дальше он, чем Альтаир.
Мы туда путей не знаем,
Не умеем их найти,
Мы в пространствах различаем
Только три всего пути.
Вот длина лежит пред нами,

Ширина и высота.
Только этими путями
Нам вселенная дана.
Все пути иные стерты,
Мы запиханы в футляр,
Не умеем мы четвертый
Строить перпендикуляр.
9 ноября 1926

«Угол падения...»
Угол падения
Равен углу отражения...
В Сириус яркий взглядысь:
Чьи-то мечтания
В томной тоске ожидания
К этой звезде вознеслись.
Где-то в Америке
Иль на бушующем Тереке, –
Как бы я мог рассчитать? –
Ночью бессонною
Эту мечту отраженную
Кто-то посмеет принять.
Далью великою
Или недолею дикою
Разлучены навсегда...
Угол падения
Равен углу отражения...
Та же обоим звезда.
19 ноября 1926

«Сатанята в моей комнате живут...»
Сатанята в моей комнате живут.
Я тихонько призову их, – прибегут.
Хорошо, что у меня работ не просят,
А живут со мной всегда, меня не бросят.
Вкруг меня обсядут, ждут, чтоб рассказал,
Что я в жизни видел, что переживал.
Говорю им были дней, давно минувших,
Повесть долгую мечтаний обманувших;
А потом они начнут и свой рассказ,
Не стесняются ничуть своих проказ.
В людях столько зла, что часто сатаненок
Вдруг заплачет, как обиженный ребенок.
Не милы им люди так же, как и мне.
Им со мной побыть приятно в тишине.
Уж привыкли, знают – я их не обижу,
Улыбнусь, когда их рожицы увижу.
Почитаю им порой мои стихи
И услышу ахи, охи и хи-хи.
Скажут мне: «Таких стихов не надо людям,
А вот мы тебя охотно слушать будем».
Да и проза им занятна и мила:
Как на свете Лиза-барышня жила,
Как у нас очаровательны печали,
Как невесты мудрые Христа встречали,
Как пути нашли в Эммаус и в Дамаск,
Расточая море слез и море ласк.
21 ноября 1926

«В унылую мою обитель...»
В унылую мою обитель,
Вокруг которой бродит злость,
Вошел Эдемский светлый житель,
Мальчишка милый, дивный гость.
Босыми шлепая ногами
О мой натертый гладко пол,
Он торопливыми шагами
Ко мне с улыбкой подошел,

И в кресло тихо сел он, рядом
С моим столом, и посмотрел
В глаза мне прямо долгим взглядом,
Как бы струившим токи стрел.
«О бедный друг мой, как исхожен
Перед душой твоей порог!
Ты все еще неосторожен
И оградить себя не мог.
Впустил ты злость, тоску, тревогу,
И раздражение, и ложь.
С собою в дальнюю дорогу
Грехов ты много понесешь».
«Мой милый мальчик, мой вожатый,
Я вижу глаз твоих лучи,
Но тьма во мне, и, тьмой объятый,
Тебя прошу я: научи.
Скрывать я ничего не смею,
Тебя не смею обмануть.
Скажи мне вновь про Алетею
И укажи мне верный путь.
Веди меня, вожатый милый,
Я здесь всегда меня храни,
Из кельи темной и унылой
Гостей незваных изгони».
30 ноября 1926

«Покуковала, улетела...»
Покуковала, улетела,
И уж не слышится куку,
А вновь примись она за дело,
Так наводила бы тоску.
Но что же! слышу однозвучный,
Всегда один и тот же тук.
Ах, как приятен был бы скучный,
Но вс же милый сердцу звук!
Теперь живешь и не гадаешь:
Ну, сколько жить еще мне лет?
Ведь всё равно так верно знаешь,
Что настоящей жизни нет.
11 декабря 1926

«Ты жизни захотел, безумный...»
Ты жизни захотел, безумный!
Отвергнув сон небытия,
Ты ринулся к юдоли шумной.
Ну что ж! теперь вся жизнь – твоя.
Так не дивися переходам
От счастья к горю: вся она,
И день и ночь, и гол за годом,
Разнообразна и полна.
Ты захотел ее, и даром
Ты получил ее, – владей
Ее стремительным пожаром
И яростью ее огней.
Обжегся ты. Не все здесь мило,
Не вечно пить сладчайший сок, –
Так улетай же, легкокрылый
И легковесный мотылек.
21 декабря 1926

«Подыши еще немного...»
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин бога,
Странно зыблемый, как дым.
Что Творцу твои страданья?
Кратче мига – сотни лет.
Вот – одно воспоминанье,

Вот – и памяти уж нет.
Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаясь к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.
Бедный, слабый воин бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным.
30 июля 1927

Триолеты

«Земля докучная и злая...»
Земля докучная и злая,
Но все же мне родная мать!
Люблю тебя, о мать немая,
Земля докучная и злая!
Как сладко землю обнимать,
К ней приникая в чарах мая!
Земля докучная и злая,
Но все же мне родная мать!
5 марта 1913 Минск – Вильна

«Один в полях моих иду...»
Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.
Все первоначально ясно снова.
Один в полях моих иду
я, зажигающий звезду
В просторе неба голубого.
Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.
5 марта 1913 Минск – Вильна

«Лежу в траве на берегу...»
Лежу в траве на берегу
Ночной реки и слышу плески.
Пройдя поля и перелески,
Лежу в траве на берегу.
На отуманенном лугу
Зеленые мерцают блески.
Лежу в траве на берегу
Ночной реки и слышу плески.
5 марта 1913 Минск – Вильна

«Пройду над влагами болот...»
Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.
На скользком помосте дощатом
Пройду над влагами болот
и у затворенных ворот
С моим забытым встречусь братом.
Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.
6 марта 1913 Сновская – Низовка

«Какое горькое питье...»
Какое горькое питье!
Какая терпкая отравка!
Любовь обманчива, как славя.
Какое горькое питье!
Всё, всё томление мое
Ничтожно, тщетно и неправо.
Какое горькое питье!
Какая терпкая отравка!
6 марта 1913 Макошино. Вагон

«День только к вечеру хорош...»

День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.
Закону мудрому поверьте –
День только к вечеру хорош.
С утра уныние л ложь
И копошались черти.
День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.
7 марта 1918 Харьков

«Я верю, верю, верю, верю...»
Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.
От жизни ничего не жду,
Но все же верю, верю, верю,
Все в жизни верю измерю,
И смело в темный путь иду.
Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.
7 марта 1913 Харьков

«Увидишь мир многообразный...»
Увидишь мир многообразный
И многоцветный, – и умри.
В огнях и в зареве зари
Приветствуй мир многообразный,
Пройди чрез все его соблазны,
На всех кострах его гори,
Отвергни мир многообразный
И многоцветный – и умри.
7 марта 1918 Харьков

«Как ни грозит нам рок суровый...»
Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля
И всходы вновь дает земля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но всюду знаки жизни новой
И взлет свободный, без руля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля.
9 марта 1913 Нижнеднепровск – Екатеринослав

«Надо жить с людьми чужими...»
Надо жить с людьми чужими,
Только сам себе я свой,
И, доколе я живой,
Надо жить с людьми чужими,
Ах, не все ль равно с какими!
Уж таков мой рок земной, –
Надо жить с людьми чужими,
Только сам себе я свой.
10 марта 1918 Пятихатки – Королевка

«Какая радость – по дорогам...»
Какая радость – по дорогам
Стопами голыми идти
И сумку легкую нести!
Какая радость – по дорогам,
В смиреньи благостном и строгом,
Стихи певучие плести!
Какая радость – по дорогам
Стопами голыми идти!
10 марта 1918 Королевка – Александрия

«По копейке четыре горшечка...»
По копейке четыре горшечка
Я купил и в отель их несу,

Чтобы хрупкую спрятать красу.
По копейке четыре горшечка,
Знак идиллий, в которых овечка
Вместе с травкою щиплет росу.
По копейке четыре горшечка
Я купил и в отель их несу.
21 марта 1913 Полтава. Улицы

«Просыпаться утром рано...»
Просыпаться утром рано,
Слушать пенье петуха,
Позабывать, что жизнь лиха.
Пробудившись утром рано,
В час холодного тумана,
День промедлить без греха
И опять проснуться рано
Под оранье петуха.
31 марта 1913 Екатеринодар. Улицы

«Только будь всегда простою...»
Только будь всегда простою,
Как слова моих стихов.
Я тебя любить готов,
Только будь всегда простою,
Будь обрызгана росой,
Как сплетеньем жемчугов,
Будь же, будь всегда простою,
Как слова моих стихов!
11 апреля 1913 Евлах. Вагон

«Провинциалочка восторженная...»
Провинциалочка восторженная,
Как ты, голубушка, мила!
Ты нежной розой расцвела
В немой глуши, душа восторженная,
И жизнь, такая замороженная,
Тебе несносно тяжела.
Провинциалочка восторженная,
Как ты, голубушка, мила!
11 апреля 1913 Тифлис – Акстафа. Вагон

«Сердце дрогнуло от радости...»
Сердце дрогнуло от радости.
Снова север, снова дождь,
Снова нежен мох и тощ, –
И уныние до радости,
И томление до сладости,
И мечтанья тихих роц,
И дрожит душа от радости, –
Милый север! Милый дождь!
18 апреля 1913 Тосно – Петербург

«Вздыхает под ногами мох...»
Вздыхает под ногами мох,
Дрожат березки нежно, томно,
Закрылся лес туманом скромно,
И только лес, и только мох,
И песня – стон, и слово – вздох.
Земля – мираж, и небо темно.
О, милый лес! О, нежный мох!
Березки, трепетные томно!
15 апреля 1918 Тосно – Петербург

«Ты пришла ко мне с набором...»
Ты пришла ко мне с набором
Утомленно-сонных трав.
Сок их сладок и лукав.
Ты пришла ко мне с набором

Трав, с нашептом, с наговором,
С хитрой прелестью отрав.
Ты пришла ко мне с набором
Утомленно-сонных трав.
26 мая 1913 Тойла

«Ты гори, моя свеча...»
Ты гори, моя свеча,
Вся сгорай ты без остатка, –
я тебя гасить не стану.
Ты гори, моя свеча, –
Свет твой мил мне или нет,
Пусть кому-нибудь он светит.
Догорай, моя свеча,
Вся сгорай ты без остатка.
4 июня 1918 Тойла

«В иных веках, в иной отчизне...»
В иных веках, в иной отчизне,
О, если б столько людям я
Дал чародейного питья!
В иных веках, в иной отчизне
Моей трудолюбивой жизни
Дивился б строгий судия.
В иных веках, в иной отчизне
Как нежно славим был бы я!
5 июня 1918 Тойла

«Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая...»
Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая
и злая
Ты зачем ко мне пришла, и о чем твои слова?
Липнешь, стынешь, как смола, не жива и не мертва.
Нежилая, вся земная, низовая, луговая, что таишь ты,
нежить злая,
Изнывая, не пылая, расточая чары мая, темной ночью
жутко лая,
Рассыпаясь, как зола, в гнусных чарах волшебства?
Неживая, нежилая, путевая, пылевая, нежить темная
и злая,
Ты зачем ко мне пришла, и о чем твои слова?
10 июня 1918 Тойла

«Что может быть лучше дороги лесной...»
Что может быть лучше дороги лесной
В полуденной, нежно спасающей мгле!
Свой дух притаился здесь в каждом стволе.
Что может быть лучше дороги лесной,
Особенно в полдень румяной, весной,
Когда еще холод таится в земле!
Что может быть лучше дороги лесной
В спасающей, милой, полуденной мгле!
18 июня 1918 Тойла – иеве. Дорога

«Я возвращаюсь к человеку...»
Я возвращаюсь к человеку,
К его надеждам и делам.
Душа не рвется пополам, –
И весь вернусь я к человеку.
Как тот, кто бросил тело в реку
И душу отдает волнам,
Так возвращаюсь к человеку,
К его надеждам и делам.
11 июля 1918 иеве – Тойла. Дорога

«Но не затем к тебе вернуся...»
Но не затем к тебе вернуся,
Чтобы хвалить твой тусклый быт.

Я не над щелями корыт
К тебе, согодник мой, вернуся,
И не туда, где клювом гуся
Давно весь сор твой перерыт.
Я лишь затем к тебе вернуся,
Чтобы сжигать твой темный быт.
11 июля 1918 Иеве – Тойла. Дорога

«Рудо-желтый и багряный...»
Рудо-желтый и багряный,
Под моим окошком клен
Знойным летом утомлен.
Рудо-желтый и багряный,
Он ликует, солнцем пьяный,
Буйным вихрем охмелен.
Рудо-желтый и багряный,
Осень празднует мой клен.
6 сентября 1913 Тойла

«Будетлянка другу расписала щеку...»
Будетлянка другу расписала щеку,
Два луча лиловых и карминный лист,
И сияет счастьем кубо-футурист.
Будетлянка другу расписала щеку
И, морковь на шляпу положивши сбоку,
Повела на улицу послушать свист.
И глядят, дивясь, прохожие на щеку –
Два луча лиловых и карминный лист.
7 октября 1913 Жлобин – Гомель. Вагон

«Пусть будет все не так, как было...»
Пусть будет все не так, как было,
Пусть будет все, как я хочу.
Я дам по красному лучу
Всему, что прежде белым было.
Все яркоцветное мне мило,
Себе я веки золочу,
Чтоб было все не так, как было,
Чтоб было все, как я хочу.
7 октября 1918 Жлобин – Гомель. Вагон

«Либава, Либава, товарная душа...»
Либава, Либава, товарная душа!
Воздвигла ты стены пленительных вилл,
Но дух твой, Либава, товар задавил.
Либава, Либава, товарная душа!
Живешь ты тревожно, разбогатеть спеша,
Но кислый дух скуки гнездо в тебе свил.
Либава, Либава, товарная душа!
Зачем тебе стены пленительных вилл?
10 октября 1913 Кременчуг

«Каждый год я болел в декабре...»
Каждый год я болел в декабре,
Не умею я без солнца жить.
Я устал бессонно ворожить
И склоняюсь к смерти в декабре, –
Зрелый колос, в демонской игре
Дерзко брошенный среди межи.
Тьма меня погубит в декабре.
В декабре я перестану жить.
4 ноября 1913

«Моя далекая, но сердцу близкая...»
Моя далекая, но сердцу близкая,
Разлуку краткую прими легко, легко.
Всё то, что тягостно, мелькает коротко,
Поверь мне, милая, столь сердцу близкая.

Научен опытом, по свету рыская,
Я знаю – горькое от сердца далеко.
Моя далекая, но сердцу близкая,
Разлуку краткую прими легко, легко.
2 декабря 1913 Фастов – Кожанка. Вагон

«Ржавый дым мешает видеть...»
Ржавый дым мешает видеть
Поле, белое от снега,
Черный лес и серость неба.
Ржавый дым мешает видеть,
Что там – радость или гибель,
Пламя счастья или гнева.
Ржавый дым мешает видеть
Небо, лес и свежесть снега.
2 декабря 1918 Казатин – Глуховцы

«Снег на увядшей траве...»
Снег на увядшей траве
Ярко сверкающей тканью
Пел похвалы мирозданию,
Белый на рыжей траве.
Стих за стихом в голове,
Не покоряясь сознанию,
Встали – на мертвой траве
Ярко живущую тканью.
2 декабря 1918 Попельня – Бровки Вагон

«Пройдут все эти дни, вся жизнь совется наша...»
Пройдут все эти дни, вся жизнь совется наша,
Как мимолетный сон, как цепь мгновенных снов.
Останется едва немного вещей слов,
И только ими жизнь оправдана вся наша,
Отравами земли наполненная чаша,
Кой-как слепленная из радужных кусков.
Истлеют наши дни, вся жизнь совется наша,
Как ладан из кадил, как дым недолгих снов,
7 декабря 1918 Елисаветград. Улицы

«Каменные домики, в три окошка каждый...»
Каменные домики, в три окошка каждый,
Вы спокойно-радостны, что вам пожелать!
Ваших тихих пленников некуда послать.
В этих милых домиках, в три окошка каждый,
Разве есть томление с неизбывной жадью?
Все, что было пламенем, в вас теперь зола.
Тихи, тихи домики, в три окошка каждый,
Вам, спокойно-радостным, нечего желать.
7 декабря 1918 Елисаветград. Улицы

«Стихия Александра Блока...»
Стихия Александра Блока –
Метель, взвивающая снег.
Как жуток зыбкий санный бег
В стихии Александра Блока.
Несемся – близко иль далеко? –
Во власти цепенящих нег.
Стихия Александра Блока –
Метель, взвивающая снег.
28 декабря 1913 Петербург

«Мерцает запах розы Жакмино...»
Мерцает запах розы Жакмино,
Который любит Михаил Кузмин.
Огнем углей приветен мой камин.
Благоухает роза Жакмино.
В углах уютных тихо и темно.
На россыпь роз ковра пролит кармин.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Как томен запах розы Жакмино,
Который любит Михаил Кузмин!
28 декабря 1913 Петербург

«Розы Вячеслава Иванова...»
Розы Вячеслава Иванова –
Солнцем лобызаемые уста.
Алая радость святого куста –
Розы Вячеслава Иванова!
В них яркая кровь полдня рдяного,
Как смола благовонная, густа.
Розы Вячеслава Иванова –
Таинственно отверстые уста.
29 декабря 1913 Петербург

«Зальдивши тайный зной страстей, Валерий...»
Зальдивши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.
Он ал и страстен, нежен и жесток.
Во всем тебе подобен он, Валерий.
И каждый день одну из криптомерий
Небрежно ты роняешь на песок.
Сковавши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.
29 декабря 1913 Петербург

«Какая нежная интимность...»
Какая нежная интимность –
Туман, приникнувший к земле!
Чуть слышны плески на весле.
Какая нежная интимность!
Но чей призыв, и чья взаимность?
Кому хвала, земле иль мгле?
Какая нежная интимность –
Туман, приникнувший к земле!
5 марта 1913 г. Минск – Вильна.

«Любите, люди, землю, – землю...»
Любите, люди, землю, – землю
В зеленой тайне влажных трав.
Веленью тайному я внемлю:
– Любите, люди, землю, – землю
И сладость всех ее отрав! –
Земной и темный, все приемлю.
Любите, люди, землю – землю
В зеленой тайне влажных трав.
5 марта 1913 г. Минск – Вильна.

«Земной, желанный сердцу рай...»
Земной, желанный сердцу рай
К тоскующим приник равнинам.
В моей земле не умирай,
Земной, желанный сердцу рай!
Весь мир зажгу огнем единым,
И запылает мглистый край.
Земной, желанный сердцу рай
К тоскующим приник равнинам.
5 марта 1913 г. Минск – Вильна.

«Еще в полях белеет снег...»
Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной бегут,
И рифмы звонкие влекут.
Еще в полях белеет снег,
Пророчество небесных нег,
А очи Змея сладко жгут.
Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной бегут.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
6 марта 1913 г. Вильна – Харьков.

«Природа учится у нас...»
Природа учится у нас,
Мы у нее учиться рады.
Меж ней и нами нет преграды.
Природа учится у нас,
И каждый день, и каждый час
Полны зиждительной отрады.
Природа учится у насъ,
Мы у нее учиться рады.
9 марта 1913 г. Екатеринослав.

«Воздух, пестрый от дождя...»
Воздух, пестрый от дождя,
Снова мил и снова свеж.
Ножки детские потеш
Мелким брызганьем дождя.
Дождь, над рощею пройдя,
Тен укронную разнеж.
После вешнего дождя
Воздух снова мил и свеж.
3 мая 1913 г. Венден – Вольмар.

«Милая прохлада, – мгла среди полей...»
Милая прохлада, – мгла среди полей.
За оградой сада сладостный покой.
Что-ж еще нам надо в тишине такой!
Подышать ты радо, небо, мглой полей,
Но в мою прохладу молний не пролей,
Не наруш услады, – грезы над рекой.
Так мила прохлада мглы среди полей!
Так в ограде сада сладостен покой!
24 июня 1913 г. Тюрсель – Тойла.

«Тихо, тихо над прадедовским прудом...»
Тихо, тихо над прадедовским прудом.
Зарастай зеленой тиной, старый пруд!
Ни Наталка, ни Одарка не придут,
Не споют унывной песни над прудом.
Сестры милыя покинули свой дом,
И в холодном, темном городе живут.
Их мечты уже не вьются над прудом.
Зарастай же темной тиной, старый пруд.
8 октября 1913 г. Гомель, над Сожем.

«Печальный аромат болот...»
Печальный аромат болот
Пророчит радости иные,
Быть может, злые и больные.
Печальный аромат болот
Отраду травную прольет
В сердца усталые и злые.
Печальный аромат болот
Пророчит радости иные.
6 марта 1913 г. Новобелица – Зябровка.

«Пройду над влагами болот...»
Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.
На скользком помосте досчатом
Пройду над влагами болот,
И у затворенных ворот
С моим забытым встречусь братом.
Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.
6 марта 1913 г. Сновская – Низовка.

«Теплый ветер веет мне в лицо...»

Теплый ветер веет мне в лицо,
Солнце низко, вечер близко,
Томен день, как одалиска.
Ветер теплый веет мне в лицо.
Жизни странной плоское кольцо
Скоро сплущу в форме диска.
Теплый ветер веет мне в лицо,
Солнце низко, вечер близко.
10 марта 1913 г. Поможная.

«К безвестным, дивным достижениям...»

К безвестным, дивным достижениям
Стремлюсь я в дали, юно-смел.
К планетам чуждым я доспел,
Стремясь к безвестным достижениям.
Сверканьем, страстью и стремлением
Воспламеню я мой удаль.
К безвестным, дивным достижениям
Стремлюсь я в дали, юно-смел.
24 марта 1913 г. Мелитополь – Ташенак.

«Безумно злое упоенье...»

Безумно злое упоенье
Вокзальных тусклых, пыльных зал, –
Кто даль тебе его, вокзал,
Все это злое упоенье?
Кто в это дикое стремленье
Звонки гремучие вонзал?
Безумно злое упоенье
Вокзальных тусклых, пыльных зал.
5 марта 1913 г. Вильна.

«По узким улицам гремит...»

По узким улицам гремит
Разбито-гулкая коляска.
Какая трепетная ласка
По узким улицам гремит!
Куда летит, куда спешит
В пыли влекущаяся сказка?
По узким улицам гремит
Разбито-гулкая коляска.
5 марта 1913 г. Вильна.

«Люблю большие города...»

Люблю большие города
С неумолкающим их гулом
И с их пленительным разгулом.
Люблю большие города,
И пусть таится в них беда
С холодным револьверным дулом, –
Люблю большие города
С неумолкающим их гулом.
5 марта 1913 г. Вильна.

«Разнообразность городов...»

Разнообразность городов
Не достигает до предела.
У всех людей такое-ж тело.
Разнообразность городов
Все-ж не творит людей-орлов,
И все-ж мечты не захотела.
Разнообразность городов
Не достигает до предела.
9 марта 1913 г. Екатеринослав.

«Во внутреннем дворе отеля...»

Во внутреннем дворе отеля

Фонтан мечтательный журчал.
Печальный юноша мечтал
На внутреннем дворе отеля.
Амур с фонтана, метко целя,
Ему стрелой угрожал.
Во внутреннем дворе отеля
Фонтан мечтательный журчал.
12 марта 1913 г. Одесса. Лондонская гостинница.

«По ступеням древней башни поднимаюсь выше, выше...»
По ступеням древней башни поднимаюсь выше, выше,
Задыхаюсь на круженьи сзади ветхих амбразур,
Слышу шелест легких юбок торопливых, милых дур,
По источенным ступеням узкой щелью, выше, выше,
Лишь затем, чтоб на минуту стать на доски новой крыши,
Где над рыцарскою залой обвалился абажур, –
Вот зачем я, задыхаясь, поднимаюсь выше, выше,
Выше кровель, выше храмов, выше мертвых амбразур.
3 мая 1913 г. Венден.

«Эта странная труппа актеров и актрис...»
Эта странная труппа актеров и актрис
Ставит зачем-то пьесы одна другой хуже.
Смотреть на них досадно, и жалко их вчуже.
Взяли бы лучше в горничные этих актрис.
Ведь из клюквы никто не сделает барбарис,
И крокодилов никто не разведет в луже.
В этом городе дела актеров и актрис,
Хоть из кожи лез, пойдут все хуже и хуже.
1913 г.

«Отбросив на веки зеленые пятна от очков...»
Отбросив на веки зеленые пятна от очков,
Проходить горбатый, богатый, почтенный господин.
Калоши «Проводник» прилипают к скользкой глади льдин,
И горбатый господин не разобьет своих очков,
И не потрошит паденьем шаловливых дурачков,
Из которых за ним уже давно бегают один,
Залюбовавшись на зеленые пятна от очков,
Которыми очень гордится горбатый господин.
1913 г.

«Яркий факел погребальный...»
Яркий факел погребальный
Не задует снежный ветер.
Хорошо огню на свете,
Пусть он даже погребальный,
Пусть его напев рыдальный
На дороге вьюжной встретит.
Яркий факел погребальный
Не задует снежный ветер.
28 декабря 1913 г. Спб.

«В небо ясное гляжу...»
В небо ясное гляжу,
И душа моя взволнована,
Дивной тайной зачарована.
В небо ясное гляжу, –
Сам ли звезды вывожу,
Божья-ль тайна в них закована?
В небо ясное гляжу,
И душа моя взволнована.
6 марта 1913 г. Новобелица – Зябровка.

«Тонкий край свой месяц долу кажет...»
Тонкий край свой месяц долу кажет,
Серебристо-алый на востоке.
Неба сини все еще глубоки,

Но уж край свой месяц долу кажет,
И заря уж розы в полог вяжет,
Чтоб напомнить о суровом сроке.
Тонкий край свой месяц долу кажет,
Серебристо-алый на востоке.
21 марта 1913 г. Лещиновка – Полтава.

«Душой росы, не выпитой пространством...»
Душой росы, не выпитой пространством,
Дышал зеленый луг, улыбчив небесам.
Душа моя во тьме влеклася по лесам,
Упоена в безмерности пространством
И в изменяемости постоянством,
И я был весь, и снова был я в мире сам,
Когда душой, не выпитой пространством,
Зеленый луг дышал, улыбчив небесам.
14 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Купол церкви, крест и небо...»
Купол церкви, крест и небо,
И вокруг печаль полей, –
Что спокойней и светлей
Этой ясной жизни неба?
И скажи мне, друг мой, где бы
Возносилася святкой
К благодатным тайнам неба
Сказка легкая полей!
11 июля 1913 г. Нарва – Корф.

«По небесам идущий Бог...»
По небесам идущий Бог
Опять показывает раны
Своих пронзенных рук и ног.
По небесам идущий Бог
Опять в надземные туманы
Колени дивных ног облек.
По небесам идущий Бог
Опять показывает раны.
17 ноября 1913 г. Москва.

«Отдыхая в теплой ванне...»
Отдыхая в теплой ванне,
Кровь мою с водой смешать,
Вены на руках открыть,
И забыться в теплой ванне, –
Что же может быть желанней?
И о чем еще молить?
Отдыхая в теплой ванне,
Кровь мою с водой смешать.
7 марта 1913 г. Харьков.

«Какая смена настроений...»
Какая смена настроений!
Какая дьявольская смесь!
Пылаю там, и стыну здесь.
Какая смена настроений,
Успокоений и волнений!
Весь кубок пестрой жизни, весь!
Какая смена настроений!
Какая дьявольская смесь!
8 марта 1913 г. Харьков.

«Лукавый хохот гнусных баб...»
Лукавый хохот гнусных баб
Меня зарею ранней встретил.
Смеются: – Что же ты не светел? –
Лукавый хохот гнусных баб
Напомнил мне, что, снова раб,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
я непомерный путь наметил.
Лукавый хохот гнусных баб
Меня зарею ранней встретил.
11 марта 1913 г. Раздельная – Одесса.

«Сплетеньем роз венчайте милых жен...»
Сплетеньем роз венчайте милых жен,
Но деве терзайте чаще и больнее,
Чтоб дивы были строже и сильнее.
Сплетеньем роз венчайте милых жен, –
Трудами их союз наш освящен,
А дивы волн лукавей и вольнее.
Сплетеньем роз венчайте милых жен,
А дев терзайте чаще и больнее.
12 марта 1913 г. Одесса.

«Себе я покупаю смерть...»
Себе я покупаю смерть,
Как покупают апельсины.
Вон там, во глубине долины,
Моя уже таится смерть.
Желта, худа она, как жердь,
И вся из малярной глины, –
Покорно выбираю смерть,
Как выбирают апельсины.
10 апреля 1913 г. Дорога из Батума на Зеленый Мыс.

«О, безмерная усталость...»
О, безмерная усталость!
Пой на камнях, на дороге
О любви, о светлом Боге,
И зови, моя усталость,
На людей Господню жалость.
В несмолкающей тревоге
Пой, безмерная усталость,
И влекися по дороге.
26 мая 1913 г. Тойла.

«Ниву спелую волнуешь...»
Ниву спелую волнуешь,
Сердце темное тревожишь,
Но умчать с собой не можешь.
Ты недвижимое волнуешь,
Ты стремленье знаменуешь,
Но томленья только множишь.
Неподвижное волнуешь,
Утомленное тревожишь.
27 мая 1913 г. Тойла.

«Аллею уродливых берез...»
Аллею уродливых берез
Мы шли вблизи сурового забора,
Не заводя медлительного спора.
Аллею уродливых берез
Вдоль колеи, где влекся грузный воз,
Боясь чего-то, шли мы слишком скоро.
Аллею уродливых берез
Был скучен путь вдоль темного забора.
2 июня 1913 г.

«Мои томительные дни...»
Мои томительные дни
Омрачены жестокой бранью,
Моих сограждан щедрой данью.
Мои томительные дни –
В ночи медлительной огни
От ожиданий к увяданью.
Мои томительные дни

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Россия омрачила бранью.
5 июня 1913 г. Тойла.

«Солнце, которому больно...»
– Солнце, которому больно!
Что за нелепая ложь!
Где ты на небе найдешь
Солнце, которому больно? –
Солнце, смеяться довольно!
Если во мне ты поешь,
Разве же поешь ты безбольно?
Разве же боль эта – ложь?
5 июня 1913 г. Тойла.

«Ты сжег мою умильную красу...»
Ты сжег мою умильную красу,
Жестокий лик пылающего бога,
Но у меня цветов и красок много,
И новую, багряную красу
Я над листвою поблеклой вознесу,
Чтоб не тужила гулкая дорога,
И пусть мою умильную красу
Сожгло пыланье яростного бога.
7 окт. 1913 г. Вильна – Минск.

«Ночь настала рано...»
Ночь настала рано.
Рано, рано спать, –
Но кого-ж распать,
Чтоб наставший рано
Ирак живая рана
Стала колебаться
Ночь настала рано.
Рано, рано спать.
5 дек. 1913 г. Киев – Жуляны.

«Безгрешно всё, и всё смешно...»
Безгрешно всё, и всё смешно,
И только я безумно грешен.
Мой темный жребий роком взвешен.
Безгрешно всё, и всё смешно.
Вам, люди, всё разрешено,
И каждый праведно утешен.
Засмейтесь люди, – всё смешно,
И даже я невинно грешен.
6 марта 1913 г. Макошино – Бондаревка.

«Что же ты знаешь об этом...»
Что же ты знаешь об этом,
Бедное сердце мое?
К смерти-ли это питье, –
Что же ты знаешь об этом?
Верь невозможным обетам.
Чье же хотение, чье?
Что же мы знаем об этом,
Бедное сердце мое?
24 марта 1913 г. Юрицыно – Рыково.

«Где-то есть тропа мечтательная...»
Где-то есть тропа мечтательная.
Правда в ней, а в жизни ложь.
Только этим и живешь,
Что светла тропа мечтательная.
Только где же указательная
К ней рука? – не разберешь.
Где-то есть тропа мечтательная, –
Как найти ее сквозь ложь?
31 марта 1913 г. Екатеринодар. Улицы.

«Благослови свиные хари...»
Благослови свиные хари,
Шипенье змеей, укусы блох, –
Добру и Злу создатель – Бог.
Благослови все эти хари,
Прости уродство всякой твари,
И не тужи, что сам ты плох.
Пускай тебя обстанут хари
В шипеньи змей, в укусах блох.
10 июня 1913 г. Тойла.

«Если ты чего-нибудь захочешь...»
Если ты чего-нибудь захочешь,
То с душой, желанья полной, тело
Вместе брось в задуманное дело.
Если ты чего-нибудь захочешь,
То не жди, когда свой нож наточишь,
И не жди, чтобы пора приспела.
Нет, уж если ты чего захочешь,
То с душою на конь брось и тело.
14 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Безумно осмеянной жизни...»
Безумно осмеянной жизни
Свивается-ль, рвется ли нить, –
Что можешь, что смеешь хранить
В безумно-растоптанной жизни!
Лишь власти не дай укоризне
Страдающий лик отемнить,
Свивается-ль, рвется ли нить
Безумно-осмеянной жизни.
14 июня 1913 г. Тойла.

«Все мы, отвергнутые раем...»
Все мы, отвергнутые раем
Или отвергнувшие рай,
Переживаем хмельный май
В согласии с забытым раем.
Все то, чего уже не знаем,
Мы вспоминаем невзначай,
Мы все, отвергнутые раем
Или отвергнувшие рай.
18 авг. 1913 г. Тойла.

«Моей свинцовой нищеты...»
Моей свинцовой нищеты
Не устыжуся я нимало,
Хотя бы глупым называла
За неотвязность нищеты
Меня гораздо чаще ты.
Пускай судьба меня сковала,
Моей свинцовой нищеты
Не устыжуся я нимало.
31 авг, 1913 г. Тойла.

«Звенела кованная медь...»
Звенела кованная медь,
Мой щит, холодное презренье,
И на щит девиз: Терпенье.
Звенела кованная медь,
И зазвенит она и впредь
В ответ на всякое гоненье.
Звени же, кованная медь,
Мой щит, холодное презренье.
1 сент. 1913 г. Тойла.

«Прижаться к милому плечу...»

Прижаться к милому плечу,
И замереть в истоме сладкой.
Поцеловать его украдкой,
Прижавшись к милому плечу.
Шепнуть лукавое: – Хочу! –
И что ж останется загадкой?
Прижаться к милому плечу,
И замереть в истоме сладкой.
6 марта 1913 г. Вагон. Низовка – Мена.

«Я к ногам любимой брошу...»
Я к ногам любимой брошу
Все державы и венцы,
Отворю ей все дворцы.
Я к ногам любимой брошу
Соблазнительную ношу, –
Всё, что могут дать творцы.
Я к ногам любимой брошу
Все державы и венцы.
8 апреля 1913 г. Батум.

«Ты только для меня. Таинственно отмечен...»
Ты только для меня. Таинственно отмечен
Блистающий наш путь, и ярк наш удел.
Кто скажет, что венец поэта потускнел?
В веках тебе удел торжественный намечен, –
Здесь верный наш союз несокрушимо вечен.
Он выше суетных, земных, всегдашних дел.
Ты только для меня. Торжественно намечен
В веках наш яркий путь, и светел наш удел.
12 июня 1913 г. Тойла.

«Сила песни звонкой сотрясает тело птички...»
Сила песни звонкой сотрясает тело птички,
Всё, от шейки вздутой и до кончика хвоста.
В выраженьи страсти птичка радостно проста.
Сила звонкой песни сотрясает тело птички,
Потому что песня – чарованье переклички,
В трепетаньи звуков воплощенная мечта.
Сила нежной страсти сотрясает тело птички,
Всё, от вздутой шеи и до кончика хвоста.
14 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Птичка – только канарейка, домик – только клетка...»
Птичка – только канарейка, домик – только клетка,
Но учиться людям надо так любить и петь,
В трепетаньи вольной песни так всегда гореть.
Птичка – крошка канарейка, бедный домик – клетка
Роковой предел стремлений – только чья-то сетка,
Но любви, любви безмерной что капкан и сеть!
Божья птичка – канарейка, птичий домик – клетка,
Здесь учиться людям надо, как любить и петь.
14 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Рая не знаем, сгорая...»
Рая не знаем, сгорая.
Радость – не наша игра.
Радужны дол и гора,
Рая ж не знаем, сгорая.
Раяли птицы, играя, –
Разве не птичья пора!
Рая не знаем, сгорая.
Радость – не наша игра.
13 июля 1913. Иеве – Тойла. Дорога.

«День золотистой пылью...»
День золотистой пылью
Глаза туманит мне.

Мир зыблется во сне,
Явь заслоняя пылью,
И к сладкому бессилью
Клонясь, и к тишине.
День золотистой пылью
Глаза отводить мне.
5 июля 1913. Тойла.

«Не надо долгого веселья...»
Не надо долгого веселья,
Лишь забавляющего лень.
Пусть размышлений строгих тень
Перемежает нам веселья.
Тревожный праздник новоселья
Пусть нам дарует каждый день.
Отвергнем долгие веселья,
Лишь забавляющие лень.
19 июля 1913. Тойла.

«С вами я, и это – праздник, потому что я – поэт...»
С вами я, и это – праздник, потому что я – поэт.
Жизнь поэта – людям праздник, несказанно-сладкий дар.
Смерть поэта – людям горе, разрушительный пожар.
Что же нет цветов привета, если к вам идет поэт?
Разве в песнях вам не виден разлитой пред вами
свет?
Или ваша дань поэту – только скучный гонорар?
Перед вами открывает душу верную поэт.
В песнях, в былях и в легендах – несказанно-сладкий
дар.
2 августа 1913. Тойла.

«Вот так придешь и станешь на камнях над рекою...»
Вот так придешь и станешь на камнях над рекою,
Глядишь, как удит рыбу эстонское дитя,
Как воды льются, льются, журча и шелестя.
Пласты лиловой глины нависли над рекою,
А сердце, – сердце снова упоено тоскою,
И бьется в берег жизни, тоской своей шутя.
Стоишь, стоишь безмолвно над быстрою рекою,
Где тихо струи плещет эстонское дитя.
7 августа 1913. Тойла.

«Откачнись, тоска моя, чудовище...»
Откачнись, тоска моя, чудовище,
Не вались опять ко мне на грудь,
Хоть недолго вдалеке побудь.
Что ты хочешь, тяжкое чудовище?
Отдал я тебе мое сокровище,
Коротаю дни я как-нибудь.
Откачнись, косматое чудовище,
Не вались опять ко мне на грудь.
9 августа 1913. Тойла.

«Дошутился, доигрался, докатился до сугроба...»
Дошутился, доигрался, докатился до сугроба,
Так в сугробе успокойся, и уж больше не шути.
Из сугроба в мир широкий все заказаны пути.
Доигрался, дошутился, докатился до сугроба,
Так ни слава, и ни зависть, и ни ревность, и ни злоба
Не помогут из сугроба в мир широкий уползти.
Дошутился, доигрался, докатился до сугроба,
Так в сугробе ляг спокойно, и уж больше не шути.
7 сент. 1913 г. Спб.

«У меня сто тысяч теней...»
У меня сто тысяч теней.
С ними дни я коротал,

И менять их не устал.
Вереницу легких теней
Я гирляндами цветений
Всё по новому сплетал.
У меня сто тысяч теней,
С ними дни я коротал.
11 сент. 1913 г. Спб.

«Прекрасный Днепр, хохлацкая река...»
Прекрасный Днепр, хохлацкая река,
В себе ты взвесил много ила.
В тебе былая дремлет сила,
Широкий Днепр, хохлацкая река.
Был прежних дней от яви далека,
Былая песнь звучит уныло.
Прекрасный Днепр, хохлацкая река,
Несешь ты слишком много ила.
10 марта 1913 г. Вагон. Екатеринослав – Запорожье.

«Зеленая вода гнилого моря...»
Зеленая вода гнилого моря,
Как отразится в ней высокая звезда?
Такая тусклая и дряхлая вода,
Зеленая вода гнилого моря,
С мечтою красоты всегда упрямо споря,
Она не вспыхнет блеском жизни никогда.
Зеленая вода гнилого моря,
Как отразится в ней высокая звезда?
24 марта 1913 г. Вагон. Сальково – Джимбулук.

«В полдень мертвенно-зеленый...»
В полдень мертвенно-зеленый
Цвет воды без глубины,
Как же ты в лучах луны
Свистишь, мертвенно зеленый?
Кто придет к тебе, влюбленный,
В час лукавой тишины,
О безумный, о зеленый
Цвет воды без глубины?
24 марта 1913 г. Вагон. Джимбулук – Чонгар.

«Лиловый очерк снежных гор...»
Лиловый очерк снежных гор
В тумане тонет на закате.
Душа тоскует об утрате.
Лиловый очерк снежных гор
Замкнул пленительный простор
Стеной в мечтательной палате.
Лиловый очерк снежных гор
В тумане тонет на закате.
8 апреля 1913 г. Вагон. Ланчхуты – Джуматы.

«Еще арба влечется здесь волами...»
Еще арба влечется здесь волами,
Еще в пыли и в лужах долгий путь,
Еще окрест томительная жуть,
А в небе над арбами и волами,
И над папахами, и над ослими
Спешить Икар надкрылья развернуть,
И пусть арба, влекомая волами,
Проходит медленный и трудный путь.
11 апреля 1913 г. Вагон. Долляр – Шамхор.

«Веет ветер мне навстречу...»
Веет ветер мне навстречу,
Вещий, вечный чародей.
Он быстроте лошадей
Веет, светлый, мне навстречу.

Что ж ему противоречу
Тусклой жизнью площадей?
Веет ветер мне навстречу,
Вековечный чародей.
2 июня 1913 г. Тойла – Иеве.

«На него еще можно смотреть...»
На него еще можно смотреть,
На дорогу не бросило теней.
Поднялось чуть повыше растений,
И дает на себя посмотреть,
Как неяркая желтая медь.
В облаках, в кудесах раздвоений,
На него еще можно смотреть,
От себя не отбросивши теней.
3 июня 1913 г. Орро – Тойла.

«Ну, что ж, вздымай свою вершину...»
Ну, что ж, вздымай свою вершину,
Гордись пред нами, камень гор, –
я твой читаю приговор:
Дожди, омывшие вершину,
Творят на ней песок и глину,
Потом смывают их, как сор.
Так воздвигай свою вершину,
Гордись, невечный камень гор.
5 июня 1913 г. Орро.

«Огонек в лесной избушке...»
Огонек в лесной избушке
За деревьями мелькнул.
Задымился росный луг.
Огонек поник в тумане.
Огороженная мглою,
За холмом стоять луна.
Огонек в лесной избушке
За туманами потух.
11 июля 1913. Иеве – Тойла. Дорога.

«Долина пьет полночный холод...»
Долина пьет полночный холод.
То с каплей меда райских сот,
То с горькой пустотой высот,
Долина пьет полночный холод.
Долга печаль, и скучен голод,
Тоска обыденных красот.
Долина пьет полночный холод
Тоской синеющих высот.
13 июля 1913. Иеве. Дорога.

«Земли смарагдовые блюда...»
Земли смарагдовые блюда
И неба голубые чаши,
Раскройте обаянья ваши.
Земли смарагдовые блюда,
Творите вновь за чудом чудо,
Являйте мир светлый и краше, –
Земли смарагдовые блюда
И неба голубые чаши.
30 июля 1913. Тойла.

«Лежали груды мха на берегу морском...»
Лежали груды мха на берегу морском,
Обрезки рыжих кос напоминая цветом.
Белели гребни волн, и радостным приветом
Гудел их шумный хор в веселии морском.
Легко рассыпанным береговым песком
Еще мы раз прошли, обрадованы светом,

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Вдыхая соль волны в дыхании морском,
Любуясь этих мхов забавно рыжим цветом.
7 окт. 1913 г. Вагон. Вильна – Минск.

«Увидеть города и веси...»
Увидеть города и веси,
Полей простор и неба блеск,
Услышать волн могучий плеск,
Заметить, как несходны веси,
Как разны тени в каждом лесе,
Как непохожи конь и меск, –
Какая радость – эти веси,
Весь этот говор, шум и блеск!
7 окт. 1913 г. Вагон. Вильна – Минск.

«Дачный домик заколочен...»
Дачный домик заколочен,
Тропки снегом поросли,
Все отчетливо вдали.
Жаль, что домик заколочен, –
Лед на тихой речке прочен,
Покататься бы могли,
Да уж домик заколочен,
Тропки снегом поросли.
2 дек. 1913 г. Вагон. Бровки – Чернорудка.

«Всё зеленее и светлее...»
Всё зеленее и светлее,
Всё ближе счастье и тепло.
К чему же ненависть и зло!
Всё зеленее и светлее,
И откровенней, и нежнее
Через вагонное стекло,
Всё зеленее и светлее,
Всё ближе счастье и тепло.
10 марта 1913 г. Вагоне. Новоукраинка – Помошная.

«Всё чаще девушки босые...»
Всё чаще девушки босые
Возносятк простодушный смех,
Отвергнув обувь, душный грех.
Всё чаще девушки босые
Идут, Альдонсы полевые,
Уроки милые для всех.
Всё чаще девушки босые
Возносят простодушный смех.
10 марта 1913 г. Новоукраинка – Помошная.

«Не увлекайтесь созерцаньем...»
Не увлекайтесь созерцаньем
Луж голубых и белых хат,
Что мимо вас назад скользят.
Не увлекайтесь созерцаньем,
И не любуйтеся мельканьем
Кустов, колодцев и ребят.
Не увлекайтесь созерцаньем
Луж голубых и белых хат.
20 марта 1913 г. Вагон. Бирзула – Балта.

«Займитесь чтением в вагоне...»
Займитесь чтением в вагоне,
Чтоб не дразнил вас внешний блеск,
Чтоб не манили гул и плеск.
Займитесь чтением в вагоне,
Иль куйте в дремном перезвоне
За арабеском арабеск.
Займитесь чтением в вагоне,
Чтоб не дразнил вас внешний блеск.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
20 марта 1913 г. Вагон. Бирзула – Балта.

«Дивлюсь всему тому, что вижу...»
Дивлюсь всему тому, что вижу,
Уродство-ль это, красота-ль.
За далью раскрываю даль,
Дивлюсь всему тому, что вижу,
И землю вокруг себя я движу,
Как движу радость и печаль.
Дивлюсь всему тому, что вижу,
Уродство-ль это, красота-ль.
21 марта 1913 г. Полтава. Улицы.

«Вон там, за этою грядюю...»
Вон там, за этою грядюю,
Должно быть, очень мило жить,
Венки свивать и ворожить.
За невысокою грядюю,
Над тихо движимой водою,
И очи бы навек смежить.
Вон там, за этою грядюю,
Должно быть, очень мило жить.
24 марта 1913 г. Вагон. Тащенак.

«Как же огня не любить...»
Как же огня не любить!
Радостно вьется и страстно.
Было уродливо, стало прекрасно.
Как же огня не любить!
Раз только душу с пыланием слить, –
Жизнь прожита не напрасно.
Как же огня не любить!
Радостно, нежно и страстно!
8 апреля 1913 г. Вагон. Саджевахо – Нигойты.

«Томилось небо так светло...»
Томилось небо так светло,
Легко, легко, легко темнея.
Звезда зажглась, дрожа и мрея.
Томилось небо так светло,
Звезда мерцала так тепло,
Как над улыбкой вод лилея.
Томилось небо так светло,
Легко, легко, легко темнея.
18 марта 1913 года. Одесса. Вечер на улицах.

«Иду по улицам чужим...»
Иду по улицам чужим,
Любуясь небом слишком синим,
И к вечеряющим пустыням
По этим улицам чужим
Я душу возношу, как дым, –
Но стынет дым, и все мы стынем.
Иду по улицам чужим,
Любуясь небом слишком синим.
18 марта 1913 г. Одесса. Вечер на улицах.

«Иду по улицам чужим...»
Вот ухожу я от небес,
Как бы спасаясь от погони,
В лавчонку, где спрошу мацони.
Так, ухожу я от небес
Подъ светлый каменный навес,
Скрываясь в рукотворном лоне.
Да, ухожу я от небес,
Как бы спасаясь от погони.
18 марта 1913 г. Одесса. Вечер на улицах.

«Вечерний мир тебя не успокоил...»
Вечерний мир тебя не успокоил,
Расчетливо-мятущаяся весь,
Людских истом волнуемая смесь.
Вечерний мир тебя не успокоил,
Он только шумы толп твоих утроил
И раздражил ликующую спесь.
Вечерний мир тебя не успокоил,
Расчетливо-мятущаяся весь.
18 марта 1913 г. Одесса. Вечер на улицах.

«Итальянец в красном жилете...»
Итальянец в красном жилете
Для нас Sole mio пропел.
За окном закат пламенел,
Когда певец в красном жилете
Пел нам в уютном кабинете,
И жилетом своим алел.
Ах, как сладко в красном жилете
Певец Sole mio нам пел!
2 июня 1913 г.

«Тихий свет отбросив вверх, на потолок...»
Тихий свет отбросив вверх, на потолок,
Желтыми воронками зажглася люстра.
Разговор запаужен, но льется быстро.
Лишь один мечтатель смотрит в потолок,
Бороды седой вперед поставив клок.
В комнате духами пахнет слишком пестро.
Желтый свет бросает вверх, на потолок,
На цепях раздвинутых повиснув, люстра.
23 окт. 1913 г.

«Матово-нагие плечи...»
Матово-нагие плечи
У девицы кремных лент
Пахнут, точно пепермент.
На ее нагие плечи
Сыплет ласковые речи
Удивительный студент.
Девственно-нагие плечи
Оттолкнули плены лент.
23 окт. 1913 г. Спб.

«Глядит высокая луна...»
Глядит высокая луна
На легкий бег автомобилей.
Как много пережитых былей
Видала бледная луна,
И все-ж попрежнему ясна,
И торжеству людских усилий
Вновь не завидует луна,
Смеясь на бег автомобилей.
30 дек. 1913 г. Спб.

«Дрожат круги на потолке...»
Дрожат круги на потолке.
Писец нотариуса кисел.
Над вечной пляской слов и чисел
Дрожать круги на потолке.
О, если-б от него зависел
Удел кататься по реке!
Все та же дрожь на потолке,
И поневоле бедный кисел.
21 марта 1913 г. Полтава.

«Над плесом маленькой реки...»
Над плесом маленькой реки

Стоить колдунья молодая,
Глядит, кого-то поджидая
На плоском берегу реки.
Глаза горят, как угольки,
И шепчет про себя, гадая
Над плесом маленькой реки,
Колдунья знойно-молодая.
24 марта 1913 г. Вагон. Большой Утмой – Сокологорное.

«Утонул я в горной речке...»
Утонул я в горной речке,
Захлебнулся мутною водой,
Захлестнулся жаркою рудой.
Утонул я в горной речке,
Над которою овечки
Резво щиплют вереск молодой.
Утонул я в горной речке,
Захлебнулся мутною водой.
7 апреля 1913 г. Вагон. Дзеруды.

«Молодой босой красавец...»
Молодой босой красавец
Песню утреннюю пел.
Солнце встретить он успел.
Молодой босой красавец,
Жизнелюбец, солнцеславец,
Смуглой радостью алел.
Молодой босой красавец
Песню утреннюю пел.
8 апреля 1913 г. Вагон. Рион.

«Бесконечный мальчик, босоножка вечный...»
Бесконечный мальчик, босоножка вечный
Запада, востока, севера и юга!
И в краях далеких я встречаю друга
Не в тебе ли, мальчик, босоножка вечный,
Радости сердечной, шалости беспечной,
Неустанных смехов солнечная вьюга?
Бесконечный мальчик, босоножка вечный
Севера, востока, запада и юга!
8 апреля 1913 г. Вагон. Ланчхуты – Джуматы.

«Прачка с длинною косою...»
Прачка с длинною косою,
Хочешь быть царицей мира
И венчаться в блеске пира?
Прачка с длинною косою,
С бриллиантовой росой
Хороша-ль тебе порфира?
Прачка с длинною косою,
Хочешь быть царицей мира?
8 апреля 1913 г. Вагон. Батум.

«Поэт, привыкший к нищете...»
Поэт, привыкший к нищете,
Не расточитель и не скряга,
Он для себя не ищет блага.
Привыкший к горькой нищете,
Он верен сладостной мечте,
Везде чужой, всегда бродяга,
Поэт, привыкший к нищете,
Не расточитель и не скряга.
3 мая 1913 г. Венден.

«Люди вежливы и кротки...»
Люди вежливы и кротки,
Но у всех рассудок туп,
В голове не мозг, а суп.

Да, и вежливы, и кротки,
Но найдите в околотке
Одного хоть, кто не глуп.
Что же в том, что люди кротки,
Если весь народ здесь туп!
«Спозаранку две служанки...»
Спозаранку две служанки
Шли цветочки собирать
И веночки завивать.
На полянку две служанки
Принесли четыре банки
Незабудок накопать.
Спозаранку две служанки
Ходят цветики сбирать.
18 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Я ничего не знаю, какая радость есть...»
Я ничего не знаю, какая радость есть.
Я тихо умираю, одна среди людей.
Моя дорога к раю – по остриям гвоздей.
Я ничего не знаю, какая радость есть.
Я только ожидаю, придет ли с неба весть,
Я только созерцаю небесных лебедей.
Я ничего не знаю, какая радость есть.
Я тихо умираю, одна среди людей.
25 июня 1913 г. Тойла.

«Цветными шелками по беглому шелку я вышила милый...»
Цветными шелками по беглому шелку я вышила милый и
сложный узор
Карминных, шарлаховых, вишнево-алых, пунцовых, зла –
тистых и палевых роз.
Что может быть краше, что слаще волнует, в смарагдо –
вой зелени брошенных роз!
По беглому шелку цветными шелками я вышила сложный и
милый узор.
Пусть милый, далекий, меня позабывший, хоть раз погля –
дел бы на этот узор.
О скорби моей и о слезах пролитых ему рассказали – б
сплетения роз.
Цветными по беглому шелку шелками я вышила милый и
хитрый узор
Пунцовых, шарлаховых, вишнево-алых, карминных, зла –
тистых и кремовых роз.
13 сент. 1913 г. Спб.

«Твоя душа – немножко проститутка...»
Твоя душа – немножко проститутка.
Ее друзья – убийца и палач,
И сутенер, погромщик и силач,
И сводня старая, и проститутка.
Когда ты плачешь, это – только шутка,
Когда смеешься, смех твой словно плач,
Но ты невинная, как проститутка,
И дивно-роковая, как палач.
11 окт. 1913 г. Вагон. Орел – Тула.

«Кто же кровь живую льет...»
Кто же кровь живую льет?
Кто же кровь из тела точит?
Кто в крови лохмотья мочить?
Кто же кровь живую льет?
Кто же кровь из тела пьет
И, упившийся, хохочет?
Кто же кровь живую льет?
Кто же кровь из тела точить?
11 окт. 1913 г. Вагон. Тула – Серпухов.

«Ни человека, ни зверя...»
Ни человека, ни зверя
До горизонтной черты, –
Я, и со мною лишь ты.
Ни человека, ни зверя!
Вечно-изменчивой веря,
Силой нетленной мечты
Буду губителем зверя
Я до последней черты.
24 марта 1913 г. Ново-Алексеевка – Сальково.

«По неизведанным путям...»
По неизведанным путям
Ходить не ты ль меня учила?
Не ты ль мечты мои стремил
К еще не пройденным путям?
Ты чародейный фимиам
Богам таящимся курила.
По неизведанным путям
Ходить меня ты научила.
11 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Я верен слову твоему...»
Я верен слову твоему,
И всё я тот же, как и прежде.
Я и в несправадной одежде
Всё верен слову твоему.
Гляжу в безрадостную тьму
В неумирающей надежде,
И верю слову, твоему
И в этот день, как верил прежде.
11 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Святыи имен твоих не знаю...»
Святыи имен твоих не знаю,
Земные ж все названья – ложь,
Но ты пути ко мне найдешь.
Хотя имен твоих не знаю,
Тебя с надеждой призываю,
И верю я, что ты придешь.
Пусть я имен твоих не знаю, –
Не все-ль слова на свете – ложь!
11 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Ночь, тишина и покой. Что же со мной? Кто же со мной...»
Ночь, тишина и покой. Что же со мной? Кто же со мной?
Где ты, далекий мой друг? Изредка бросишь мне бедный
цветок,
И улыбаясь уйдешь, нежно-застенчив иль нежно-жесток.
В дремной истоме ночной кто же со мной? Что же со мной?
Как мне мой сон разгадать, чудный и трудный, безумно –
земной?
Как перебросить мне мост через поток на желанный
восток?
Ночь, тишина и покой, вы безответны, но снова со мной,
А предо мной на столе брошенный другом увядший цветок.
27 июня 1913. Тойла.

«Ласкою утра светла...»
Ласкою утра светла,
Ты не умедлишь в пустыне,
Ты не уснешь, не остынешь.
Ласкою утра светла,
Ладан росы собрала
Ты несказанной святыне.
Ласкою утра светла,
Ты не умедлишь в пустыне.
13 июля 1913. Иеве – Тойла. Дорога.

«Ландыши, ландыши, бедные цветы...»
Ландыши, ландыши, бедные цветы!
Благоухаете, связанные мне.
Душу сжигаете в радостном огне.
Ландыши, ландыши, милые цветы!
Благословенные, белые мечты!
Сказано светлое вами в тишине.
Ландыши, ландыши, сладкие цветы!
Благоухаете, связанные мне.
8 апреля 1913 г. Вагон. Супса – Нотаюба.

«Цвети, безумная агава...»
Цвети, безумная агава,
Цветеньем празнуй свой конец.
Цветочный пышный твой венец
Вещает смерть тебе, агава.
Твоя любовь тебе отравя,
Твой сахар – жесткий леденец.
Цвети, безумная агава,
Цветеньем празднуй свой конец.
10 апреля 1913 г. Около Батума. Зеленый Мыс.

«Слова так странно не рифмуют...»
Слова так странно не рифмуют, –
Елена, роза, ландыш, ты.
Обыкновенной красоты
Слова хотят и не рифмуют,
Когда тревожат и волнуют
Слова привета и мечты
Слова так странно не рифмуют, –
Елена, ландыш, роза, ты.
11 апреля 1913 г. Вагон.

«Приветом роз наполнено купе...»
Приветом роз наполнено купе,
Где мы вдвоем, где розам две купели.
Так радостно, что розы уцелели
И в тесноте дорожного купе.
Так иногда в стремительной толпе
Есть голоса пленительной свирели.
Шептаньем роз упоено купе,
И мы вдвоем, и розам две купели.
11 апреля 1913 г. Вагон. Сангачан – Эйбат.

«Обдувайся, одуванчик...»
Обдувайся, одуванчик,
Ты, фиалочка, фиоль,
Боль гони ты, гоноболь,
Развевайся, одуванчик,
Ландышь дай росе стаканчик,
Мак, рассыпья, обезволь.
Разлетайся, одуванчик,
Ты, фиалочка, фиоль.
2 июня 1913 г.

«Венок из роз и гиацинтов...»
Венок из роз и гиацинтов
Мне сплел великодушный маг,
Чтоб светел был мой путь и благ.
В венок из роз и гиацинтов
Цветы болот и лабиринтов
Вплести пытался хитрый враг.
Венок из роз и гиацинтов
Оберегает мудрый маг.
12 июня 1913 г. Тойла.

«Незабудки вдоль канавки...»

Незабудки вдоль канавки
Возле дома лесника.
Загоревшая слегка,
К незабудкам у канавки
Уронила в зелень травки
Пальцы узкая рука, –
К незабудкам вдоль канавки
Перед хатой лесника.
18 июня 1913 г. Тойла – Ееве. Дорога.

«Перванш и сольферино...»
Перванш и сольферино
В одежде и в цветках,
В воде и в облаках.
Перванш и сольферино, –
Вершина и долина,
Всё в этих двух тонах.
Перванш и сольферино
В улыбках и в цветках.
15 июля 1913. Тойла.

«Как на куртине узкой маки...»
Как на куртине узкой маки,
Заря пылает. Сад расцвел
Дыханьем сладким матиол.
Прохлады росной жаждут маки,
А за оградой сада злаки
Мечтают о лобзаньях пчел.
Заря пылает. Дремлют маки.
Сад матиолами расцвел.
19 июля 1913. Тойла.

«Я был в лесу, и сеял маки...»
Я был в лесу, и сеял маки
В ночном саду моей сестры.
Чьи очи вещи и остры?
Кто хочет видть эти маки,
Путеводительные знаки
В ущелья дремные горы?
Я был в лесу, я сеял маки
В ночном саду моей сестры.
25 мая 1913 г. Спб.

«Пурпуреа на закате расцвела...»
Пурпуреа на закате расцвела,
Цвет багряный и надменный, лишь на час,
В час, как Демон молвит небу ярый сказ.
Пурпуреа на закате расцвела,
Прижимаясь к тонкой пыли у стекла.
Яркий призрак, горний отблеск, ты для нас.
Нам ты в радость, пурпуреа, расцвела,
Будь нам в радость, пурпуреа, хоть на час.
27 мая 1913 г. Тойла.

«Лес и в наши дни, как прежде...»
Лес и в наши дни, как прежде,
Тайны вещи хранить.
Та же песня в глубине
Летом солнечным поется.
Леший кружит и обходит
Там и нынче, как и встарь.
Лес не все, что знает, скажет,
Тайну вещую храня.
11 июля 1913 г. Иеве – Тойла. Дорога.

«Та святая красота...»
Та святая красота
Нам являлась по равнинам,

Нам смеялась по долинам.
Та святая красота,
Тайнозвучная мечта,
Нам казалась путь к вершинам.
Та святая красота
Нам являлась по равнинам.
13 июля 1913. Тойла – Иеве. Дорога.

«Я иду, печаль тая...»
Я иду, печаль тая.
Я пою, рассвет вещая.
Ясень в песнях облик мая.
Я иду, печаль тая.
Я устал, но светел я,
Яркий праздник призывая.
Я иду, печаль тая.
Я пою, рассвет вещая.
13 июля 1913. Тойла – Иеве. Дорога.

«О ясных днях мечты блаженно строя...»
О ясных днях мечты блаженно строя
И яркоцветность славя бытия,
И явь приму, мечты в нее лия.
О ясных днях мечтанья нежно строя,
О, ясная! мне пой о днях покоя,
И я приду к тебе, венки вая,
О ясных днях мечты блаженно строя,
И яркоцветность славя бытия.
13 июля 1913. Тойла – Иеве. Дорога.

«Луна взошла, и дол вздохнул...»
Луна взошла, и дол вздохнул
Молитвой рос в шатре тяжелом.
Моя любовь в краю веселом.
Луна взошла, и дол вздохнул.
Лугам приснится грозный гул,
Хорам – луна над тихим долом.
Луна взошла, и дол вздохнул
Молитвой рос в шатре тяжелом.
14 июля 1913. Тойла.

«Господь прославит небо, и небо – благодать Божью, но...»
Господь прославит небо, и небо – благодать Божью, но
чем же ты живешь?
Смотри, леса, и травы, и звери в темном лесе, все знают
свой предел,
И кто в широком мире, как ты, как ты, ничтожный,
бежит от Божьих стрел?
Господь ликует в небе, все небо – Божья слава, но
чем же ты живешь?
Отвергнул ты источник, и к устью не стремишься, и всё,
что скажешь – ложь.
Ты даже сам с собою в часы ночных раздумий бес –
силен и не смел.
Всё небо – Божья слава, весь мир – свидетель Бога, но
чем же ты живешь?
Учись у Божьих птичек, узнай свою свободу, стремленье
и предел.
10 июня 1913 г. Тойла. Дорога.

«В очарованьи здешних мест...»
В очарованьи здешних мест
Какой же день не встанет ясен?
И разве путь мой не прекрасен
в очарованьи здешних мест?
Преображаю все окрест,
И знаю, – подвиг не напрасен.
В очарованьи здешних мест

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
Какой же день не будет ясен!
12 июня 1913 г. Тойла.

«Рождает сердце в песнях и радость и печаль...»
Рождает сердце в песнях и радость и печаль.
Земля, рождай мне больше весельем пьяных роз,
Чтоб чаши их обрызгать росой горьких слез.
Рождает сердце в песнях и радость и печаль.
Я рад тому, что будет, и прошлого мне жаль,
Но встречу песней верной и грозы и мороз.
Рождает сердце в песнях и радость и печаль.
Земля, рождай мне больше весельем пьяных роз!
14 июня 1913 г. Тойла – Иеве. Дорога.

«Давно создать умел я перлы...»
Давно создать умел я перлы,
Сжигая тусклой жизни бред.
В обычности пустынных сред
Без счета рассыпал я перлы,
Смарагды, яхонты и шерлы.
Пора настала, – снова пред
Собой рассыплю лалы, перлы,
Сжигая тусклой жизни бред.
11 июля 1913. Иеве – Тойла. Дорога.

«Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая...»
Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая
и злая,
Ты зачем ко мне пришла, и о чем твои слова?
Липнешь, стынешь, как смола, не жива и не мертва.
Нежилая, вся земная, низовая, луговая, что таишь
ты, нежить злая,
Изнывая, не пылая, расточая чары мая, темной ночью жутко
лая,
Разсыпаясь, как зола, в гнусных чарах волшебства?
Неживая, нежилая, путевая, пылевая, нежить темная и злая,
Ты зачем ко мне пришла, и о чем твои слова?
10 июня 1913 г. Тойла.

«Две лесные старушки и лесной старичок...»
Две лесные старушки и лесной старичок
Поболтать полюбили с проходящими там,
Где дорога без пыли залегла по лесам.
Две лесные старушки и лесной старичок
На холме у опушки развели огонек,
И к костру пригласили легкомысленных дам.
Две лесные старушки и лесной старичок
Щекотать полюбили заблудившихся там.
21 июня 1913 г. Тойла.

«Защекочут до смеха, защекочут до дрожи...»
Защекочут до смеха, защекочут до дрожи,
Защекочут до корчи, защекочут до смерти.
Старичку и старушке вы не верьте, не верьте.
Бойтесь нежной щекотки и пленительной дрожи,
Закрестите с молитвой неумытая рожи, –
Это – злые, лесные, подколенные черти.
Защекочут до смеха, защекочут до дрожи,
Защекочут до корчи, защекочут до смерти.
21 июня 1913 г. Тойла.

«В пути, многократно измеренном...»
В пути, многократно измеренном
И пройденном множество раз,
Есть некий таинственный лаз.
В пути, многократно измеренном,
Пройдешь под задуманным деревом,
И видишь таящийся глаз.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
В пути, многократно измеренном,
Встречаешь чужое не раз.
5 июля 1913. Тойла.

«Гулял под зонтиком прекрасный кавалер...»
Гулял под зонтиком прекрасный кавалер,
И черт ему предстал в злато-лиловом зное.
Подставил кресло черт складное, расписное.
На кресло черта сел прекрасный кавалер,
И порт его умчал в кольцо своих пещер,
Где пламя липкое и тление сквозное.
Так с зонтиком погиб прекрасный кавалер,
Гулявший по полям в злато-лиловом зное.
19 июля 1913. Тойла.

«Дарованный тебе, Георгий...»
Дарованный тебе, Георгий,
Ночной, таинственной тайгой,
Цветок, для прелести другой,
Ты не забыл его, Георгий?
Но в холоде эфирных оргий
С тобой сопутник твой благой,
Цветок ночей, тебе, Георгий,
Во мгле взлелеянный тайгой.
29 дек. 1913 г. Спб.

«Будетлянка другу расписала щеку...»
Будетлянка другу расписала щеку,
Два луча лиловых и карминный лист,
И сияет счастьем кубо-футурист.
Будетлянка другу расписала щеку,
И, морковь на шляпу положивши сбоку,
Повела на улицу послушать свист,
И глядят дивясь прохожие на щеку, –
Два луча лиловых и карминный лист.
7 окт. 1913 г. Вагон. Жлобин – Гомель.

«На щеке прекрасной будетлянки...»
На щеке прекрасной будетлянки
Ярки два лиловых пятна,
И на лбу зеленая луна,
А в руках прекрасной будетлянки
Три слегка раскрашенных поганки,
Цель бумажной стрелки шалуна.
На щеке прекрасной будетлянки
Рдеют два лиловых пятна.
7 окт. 1913 г. Вагон. Жлобин – Гомель.

«Позолотила ноготки...»
Позолотила ноготки
Своей подруге Маргарите.
Вы, проходящие, смотрите
На золотые ноготки,
И от завистливой тоски
В оцепенении замрите,
Иль золотите ноготки,
Как будетлянка Маргарите.
7 окт. 1913 г. Вагон. Жлобин – Гомель.

«Кто увидит искру? Виден только след...»
Кто увидит искру? Виден только след.
Как ее напишешь? Начерти черту.
Пусть она разрежет лунную мечту,
Пусть горит кроваво, точно рана, след.
В этом зыбком мире острых точек нет.
Я из лент горящих ткань мою плету.
Я не вижу искры, вижу только след,
Огненную в черном, быстрюю черту.

Полное собрание стихотворений. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
7 окт. 1913 г. Вагон. Жлобин – Гомель.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!